ДМИТРИЙ ВАЛУЕВ

НАЧАЛА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.

ДМИТРИЙ ВАЛУЕВ

НАЧАЛА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010

Валуев Д. А. Начала славянофильства. / Сост., предисл. и комм. Ю. В. Климакова. Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 368 с.

В книге впервые после середины XIX века публикуются труды выдающегося русского историка и мыслителя-славянофила Дмитрия Александровича Валуева (1820–1845), внесшего большой вклад в научно-историческое обоснование славянофильского учения.

Вера и духовные убеждения людей, утверждал Валуев, разделяют человечество на великие исторические массы, соединяют государства и народы в одну общую судьбу. Православная вера и народная традиция – высшее условие и предел всей жизни и возможного развития не только самого общества и человека в нем, но и человека во всей полноте, и как члена семьи, куда не досягает внешний закон, и, наконец, как духовного существа, принадлежащего своему нравственному миру. Валуев показывает коренные различия России и Запада. Если почти все государства западного мира рождались в результате действия внешнего фактора – завоевания, то российское государство возникло в результате развития внутренних духовных основ русского православного народа.

Россия, считал Валуев, еще не пережила и не узнала в самой себе десятой доли тех духовных и вещественных богатств, которые заключены в ее духе или рассеяны на ее огромном пространстве. Вместо поклонения всему западному и презрения ко всему русскому правящий слой должен, прагматично используя западный опыт, сделать основной упор на развитие собственных сил и могущества России, которые станут фактором возвышения всего человечества.

ISBN 978-5-902725-44-2

© Институт русской цивилизации, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дмитрий Александрович Валуев родился в 1820 году в Москве. Его мать, Александра Михайловна, урожденная Языкова, сестра поэта Н. М. Языкова и жены А. С. Хомякова, скончалась, когда мальчику не было и трех лет. По воспоминаниям, она отличалась необыкновенной красотой, передавшейся и ее сыну. До 11-летнего возраста Валуев рос и воспитывался в доме отца своего – морского офицера Александра Дмитриевича Валуева. Детей в семье было четверо. С ранних лет Дмитрий выделялся особенной любовью к чтению. В 1832 году отец привозит его в Москву, где помещает в первоклассный пансион профессора М. Г. Павлова. Василий Алексеевич Панов, человек очень близкий Валуеву, впоследствии будет вспоминать: «Он явился туда тихим и робким мальчиком. Кто бы тогда вгляделся в прекрасные черты и цвет его лица, в красоту его больших голубых глаз, и увидал бы в то же время необыкновенную застенчивость, даже неловкость всех его движений, особенно выказывавшуюся всякий раз, как его заставляли участвовать в играх, тот угадал бы уже тогда, что для внутренней жизни, не для радостей мирских и внешних ему суждено было развиться. Он привез с собою сундучок, наполненный книгами, частию уже прочитанными им прежде. В первое время это было его единственное сокровище, единственное утешение в его одиночестве, ибо долго чувствовал он себя одиноким в кругу своих товарищей»*. Он увлекался

* Панов В. А. Биография Д. А. Валуева // Русский архив. 1899. № 9. С. 130–139.

чтением французской литературы, за полтора-два года перечитав почти всё, что было в ней нового. Не удовлетворившись уже более французским языком, он стал совершенствовать себя в немецком, английском и итальянском языках…

Пробыв около трех лет в пансионе, в 1835 году Дмитрий Валуев по желанию своих родственников в 1835 году поселился в доме профессора С. П. Шевырева, известного русского поэта и критика, имя которого с уважением произносили и Пушкин, и Гоголь. Под руководством профессора Дмитрий в том же году поступает на историко-филологическое отделение философского факультета Московского университета, где сближается с Ю. Ф. Самариным. Годы учебы Валуева в Московском университете совпали со «строгановским временем» – замечательной страницей в истории этого учебного заведения. Уже будучи студентом, Валуев переезжает к своему родственнику А. С. Хомякову, а затем – в дом Авдотьи Петровны Елагиной – хозяйки знаменитого литературно-философского салона, в котором зародилась и развивалась идеология славянофильства. Юноша крепко сдружился с ее сыновьями: И. В. Киреевским, П. В. Киреевским, и особенно – с В. А. Елагиным, сделавшись почти что членом этого семейства. Часто бывает Валуев в Москве и в доме своего дяди, дипломата и литератора Дмитрия Николаевича Свербеева, вместе со своей женой Екатериной Александровной организовавшего другой хорошо известный литературно-философский салон.

Блестящие московские литературные салоны тех лет! Неповторимая духовная атмосфера царившая тогда в них. Сюда приходили А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. Мицкевич, Н. М. Языков, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, С. Т., И. С. и К. С. Аксаковы, И. С. Тургенев, М. П. Погодин, А. И. Тургенев, Т. Н. Грановский, П. Я. Чаадаев, В. Ф. Одоевский, С. П. Шевырев, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, К. Д. Кавелин и др. Уже много лет спустя русский мыслитель и общественный деятель Константин Дмитриевич Кавелин напишет: «В литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская

мысль, подготовлялись к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения… Московские салоны и кружки того времени служили выражением господствовавших в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов. Это известно всем и каждому. Менее известны, но не менее важны были значение и роль этих кружков и салонов в другом отношении, – именно как школ для начинающих молодых людей; здесь они воспитывались и приготовлялись к последующей литературной и научной деятельности. Вводимые в замечательно образованные семейства добротой и радушием хозяев юноши, только что сошедшие со студенческой скамейки, получали доступ в лучшее общество, где им было хорошо и свободно, благодаря удивительной простоте и непринужденности, царившей в доме и на вечерах. Здесь они встречались и знакомились со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие…»*. В годы студенчества, как и прежде, Валуев много читает – Гомера, Виргилия, Овидия, Канта, Б. Нибура, Ф. Бэкона и др. Но помимо чтения он упорно занимается изучением древних языков и кропотливыми историческими исследованиями. «Здесь вполне уже проявились его трудолюбие и сила воли. Он распределял свое время не по часам, а по минутам. Всякое упущение он после вознаграждал в минуты отдыха и в часы, определенные для сна. Тогда уже видна была в нем строгость к самому себе, верность в хранении своего слова, в исполнении задач, самому себе заданных; только с помощью этих качеств души мог он впоследствии в немногие юношеские годы прожить так много жизни внутренней, общеполезной, совершить так много благих дел и предприятий», – напишет впоследствии В. А. Панов**. В университете Валуева первым по достоинству оценит профессор римской словесности Дмитрий Львович Крюков. Сво-

* Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 320, 325.

** Панов В. А. Указ. соч. С. 131.

им учителем Валуев будет считать историка М. П. Погодина. В 1841 году он оканчивает университет со степенью кандидата. И в этом же году лишается отца.

Завершив учебу, Дмитрий Александрович Валуев целиком занялся собиранием, изучением и опубликованием неизвестных ранее документов русской истории. Он искал древние рукописи и другие исторические материалы всюду: в архивах правительственных и дворянских учреждений, в семейных архивах, у купцов, подьячих, лиц духовного звания. Летом 1842 года он много работает в Симбирске, Нижнем Новгороде, других городах. Более всего исторических источников найдено в самом Симбирске, в Алатыре и Курмыше. С июля 1843 года по январь 1844 года путешествуя по славянским землям, Германии и Англии, Валуев интенсивно работает в зарубежных архивах и библиотеках, найдя там немало ценнейших сведений по истории и литературе южных и западных славян. В немецких университетах он слушает лекции знаменитых философов. Из Праги вывозит много редких книг и рукописей, касающихся истории Чехии. Научные интересы этого совсем еще молодого человека были чрезвычайно широки! История русского государства, Византия, страны Востока, германский и славянский вопросы, борьба православия и католицизма и др. «Трудно исчислить все труды, им самим и другими по его побуждению предпринятые. О многих еще нельзя говорить, ибо тайну их он сам хранил свято до их будущего исполнения», – писал Панов*. А жить молодому ученому оставалось уже меньше двух лет. Как отмечает историк Н. П. Барсуков, «главным несчастьем Валуева было его слабое здоровье»**. Еще на последнем курсе университета он стал болеть, а осенью 1842 года занемог серьезно, простудившись. Его старший товарищ, Алексей Степанович Хомяков, лечил друга гомеопатическими средствами, долго принимая болезнь за обыкновенную лихорадку. Лишь вы-

* Панов В. А. Указ. соч. С. 133.

** Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 7. Спб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. С. 427.

званный по просьбе Н. М. Языкова известный московский врач Ф. И. Иноземцев в конце концов диагностирует у Валуева чахотку (туберкулез). Дмитрий Александрович словно торопился успеть осуществить все задуманное. Задачей своей жизни он положил «способствовать проявлению талантов видимых, но бездействующих в людях». «Всякому дано явление духа на пользу» – был его девиз.

Еще в 1842 году, воодушевившись идеями сестры Е. П. Елагиной, известной детской писательницы Анны Петровны Зонтаг, Дмитрий Александрович задумывает издавать специальный журнал. Анна Петровна считала, что детям нужна полезная литература-наставница, которая разовьет в них нравственное и религиозное чувство, возбудит любознательность, удовлетворит воображение, сообщит общеполезные сведения. Так в 1843 году свет увидел журнал «Библиотека для воспитания» под редакцией Валуева. Журнал был задуман как продолжатель новиковского «Детского чтения для сердца и разума» (1785–1789). Помощником Валуева в этом деле стал профессор Московского университета П. Г. Редкин. Журнал получился очень интересным и содержательным. Валуев разделил его на два основных отдела: один для детского чтения, другой для теоретических статей о детском воспитании. В «Библиотеке для воспитания» печатались художественные произведения русских писателей и переводы зарубежной художественной литературы, произведения русского народного творчества, античные мифы, статьи и очерки, посвященные вопросам воспитания, художественной литературе и искусству, истории России и зарубежных стран. Из номера в номер увеличивалось количество публикуемых, адаптированных для детей материалов, посвященных славянской теме. Валуеву удается привлечь к сотрудничеству с изданием лучшие научные и литературные силы. В создании журнала согласились участвовать М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Т. Н. Грановский, П. М. Перевлесский, О. М. Бодянский, Н. М. Языков, А. П. Зонтаг, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Е. П. Елагина, В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Павлов, И. М. Снегирев, В. А. Панов

и др. В редакционно-издательской работе ярко проявились великолепные организаторские способности Валуева. «Едва раскрывал он глаза, как уже начинал распределять свои занятия. Все столы во всех трех или четырех его комнатах постепенно занимались людьми, которые ему помогали в черной работе по его изданиям. Кто принимался за переписывание, кто за выписки, за сличение копий каких-нибудь столбцов с подлинниками; другие переводили что-нибудь под его надзором. Между тем писец ожидал уже его диктовки. У него всегда было что-нибудь для диктовки в то время, когда сам он не мог еще сесть за свой письменный стол. Потом являлись корректуры из типографии, приходили наборщики, переплетчики, граверы, бумагопродавцы, книгопродавцы и пр. и пр. Приходили и друзья его и сотрудники, и не раз встречали у него какого-нибудь старца с бородою, пришедшего к нему для духовной беседы»*. Литератор Д. Н. Свербеев, дядя Валуева, потом вспоминал: «Юный ревнитель народного просвещения заставлял работать и всех ему близких, начиная от своего великого учителя Хомякова, которому он строго определил послеобеденное время от 7 до 9 часов вечера писать “Семирамиду”, т.е. его исторические мечтания. Мне собственно срочного времени к занятию не определялось, зато под его усидчивым надзором работали охотно две старшие мои девочки, разбирая и переписывая для него столбцы. Работал для него и товарищ его Панов и чуть ли не Иван и Петр Киреевские. Ежедневно он обходил заподряженных им мастеровых, наблюдая за работами, почему и прозван был мною часовщиком, поверяющим по домам всякого рода часы»**. «Это человек, одаренный необыкновенною деятельностью и предприимчивостью в деле литературы», – писал в 1844 году Самарин князю Д. А. Оболенскому***. Вместе с братьями Языковыми Валуев записывает в Симбирской губернии народные песни и, частично переделав, переводит для детей «Рождественскую

* Панов В. А. Указ. соч. С. 135–136.

** Из записок Д. Н. Свербеева // Русский архив. 1899, № 9. С. 141.

*** Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 12. Письма. 1840–1853. М., 1911. С. 71.

песнь в прозе» Ч. Диккенса*, в 1844 году выпускает сборник стихов Хомякова**, занимается переводами трудов немецкого историка-монархиста Леопольда фон Ранке и чешского историка и политического деятеля Франтишека Палацкого. Собирался он издавать и произведения А. П. Зонтаг.

Вместе с Петром Михайловичем, Александром Михайловичем и Николаем Михайловичем Языковыми и Хомяковым Валуев приступил к подготовке и изданию знаменитого «Синбирского сборника»***, ставшего ценным вкладом в историческую науку. Эта книга впервые опубликованных исторических материалов о допетровской Руси. В ходе ее составления Дмитрий Александрович постоянно обращается за помощью и советом к Погодину. «Посылаю Вам начало Предисловия, которое вы хотели посмотреть. Дайте одобрение, если можно, к понедельнику. Я велю прислать за ним. К святой мне надо непременно все окончить – на будущей неделе опять явлюсь к вам. Если можно, сделайте одолжение – пришлите статью "О местничестве" из "Вестника Европы" – мне она необходима, чтобы окончить Предисловие и представить его вам на рассмотрение», – пишет он Михаилу Петровичу в одном из писем того времени****. «Посылаю вам почти оконченную корректуру первого предисловия Синб. сб. – ожидаю ваших замечаний. С остальным явлюсь на днях», – читаем мы в другом письме*****. В следующем письменном послании Погодину Валуев просит: «Сделайте одолжение, пришлите мне с моим посыльным ваши 2 статьи о старейшинстве князей. Мне сказывали, что они у вас есть особой брошюрой, очень бы обязали – и скоро возвращу. Я теперь пристально работаю над местничеством и всеми его следами, – и пора бы уже приняться за писанье, да останавливаюсь за вашими статьями, которые необходимо прежде

* «Светлое Христово Воскресенье» в русском переводе (М., 1844).

** См.: Хомяков А. С. КД (24) стихотворений. М.: Типография А. Семена, 1844.

*** Синбирск – старинное название Симбирска.

**** ОР РГБ. Ф. № 231. Раздел II. Картон № 6. Ед. хр. № 27. Л. 6.

***** ОР РГБ. Ф. № 231. Раздел II. Картон № 6. Ед. хр. № 27. Л. 9

прочесть»*. «Синбирский сборник» (т. 1) вышел в 1845 году в Москве, в типографии Августа Семена. Издатели – Валуев, Хомяков и братья Языковы – посвятили его «незабвенной памяти российского историографа синбирского уроженца Николая Михайловича Карамзина». «Синбирский сборник» содержал «Разрядную книгу» (записи распоряжений русского правительства 1559–1605 годов), родословную роспись рода Кикиных и приложенные к ней документы, а также «Малороссийские дела. Отписки за 1673–1674 год Киевского воеводы к. Ю. П. Трубецкого с товарищи к царю Алексею Михайловичу». «Разрядной книге» предпослано написанное Валуевым обширное «Введение». Валуев опубликовал его только после благословения Погодина. Об этом свидетельствуют такие его строки из письма к старшему товарищу: «Препровождаю вам при сем первую половину моего труда над **местничеством**, который составляет продолжение Предисловия к Синб. сборн. Так как вы и прежде никогда не отказывали мне в вашем совете и внимании, то надеюсь, что и теперь не откажете мне в нем – и тем более, что в этом деле вы единственный *судья* (сколько мне, по крайней мере, известно, на всем пространстве Русского царства), перед которым можно положить свои документы и свидетельства»**.

Местничество – особый порядок распределения служебных должностей между высшими родами по наследству – совершенно своеобразное и сложное явление в русской истории. К моменту выхода сборника этот вопрос был еще плохо изучен в исторической литературе. Говоря о валуевской статье, журнал «Отечественные записки» вполне справедливо отметил: «Кто сколько-нибудь занимался древней русской историей, тому известно, что местничество представляет в ней такое явление, к которому прямо или косвенно примыкают почти все прочие. Вместе с ним разрушено и упразднено было начало жизни и быта Древней Руси, из которого оно развилось, и которого было последним, если можно так выразиться, юридическим представителем. Это придает местничеству чрезвычайно

* ОР РГБ. Ф. № 231. Раздел II. Картон № 6. Ед. хр. № 27. Л. 12

** ОР РГБ. Ф. № 231. Раздел II. Картон № 6. Ед. хр. № 27. Л. 17

важное значение. Между тем оно-то именно и было очень мало разработано»*. При всех своих частных недостатках, отмеченных тогда в печати, валуевское «Введение» к «Разрядной книге» – крупный вклад в разработку отечественной исторической науки. В октябрьской книжке «Отечественных записок» за 1845 год, вновь возвращаясь к обсуждению валуевского «Введения», говоря уже о выходе его в виде отдельного издания, рецензент журнала особо подчеркивал: «Наша историческая литература должна многого ожидать от г. Валуева, который с любовию и терпением посвящает ей свои досуги. В такой темный и запутанный вопрос, каков вопрос о местничестве, он пролил своим добросовестным, умным изысканием совершенно новый свет. Но этим исследованием еще не исчерпывается весь предмет. Автор обещает издать со временем другую часть своего обширного труда, за который всякий образованный человек поблагодарит его от всего сердца»**.

В 1845 году Валуев подготовил и издал еще один капитальный труд: «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» (М.: Типография А. Семена). Сюда вошли как его работы, так и труды Хомякова, Кавелина, С. М. Соловьева, Грановского, И. М. Снегирева и др. Этот сборник войдет в историю русской общественной мысли под названием «валуевского». Написанное к нему Валуевым «Предисловие» – важнейший этап в формировании славянофильской идеологии. «Это предисловие есть как бы программа не только всей последующей деятельности нашей так называемой славянофильской школы, но и почти всего истинно крупного и замечательного, явившегося в русской литературе и науке за последние десятилетия по историческому изучению России, остального славянства, Восточной Церкви, Византии и даже романо-германского Запада», – напишет академик В. И. Ламанский***. Валуев обосно-

* Отечественные записки. 1845, № 7. С. 11.

** Там же. № 10. С. 44–45.

*** Ламанский В. И., Пыпин А. Н. История русской этнографии // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 228–229.

вывает здесь идею особого духовно-исторического пути России на основе еще не познанных «духовных и вещественных богатств». «Уже время подумать и о том, чтобы нам самим и из себя вырабатывать внутренние начала своей нравственной и умственной жизни, приняв на себя и всю ответственность в ней, умея дать в ней отчет себе и другим, – и связать ее со своим народным прошедшим и будущим, а не довольствоваться, – в пустоте своей внутренней жизни, – одними убеждениями, взятыми напрокат вместе с последней модой из Парижа или системой из Германии, – посылками без вывода или выводами без данных, из силлогизма, прожитого или переживаемого другим миром»*. Дело Петра I Валуев рассматривает как необходимый государственный подвиг, так как задачей России было узнать Запад, уроки его вековой опытности, богатые плоды его долгой, трудовой жизни. «Такая наука была ей необходима. Оставаясь в тесной исключительности своего быта, государство не могло развить своих вещественных сил, и даже для духовных сил России едва ли была возможность когда-либо придти к своей полной и сознательной жизни иначе, как через знакомство с Западом и его умственным достоянием. Но для того, чтобы Россия могла понять этот Запад было также необходимо, чтобы она, хотя на время, перенесла в себя некоторые его явления и формы»**. Пересаживая в себя западные общественные и умственные формы, Россия дурно воспользовалась плодами и виновата она сама, ибо хотя и научилась многому, но все иностранное заимствовала без разбору. Русская литература и искусство перенимали и переводили на русский лад все западное – и хорошее и дурное. В. А. Жуковский – «последний и даровитейший представитель» литературы Петровской эпохи. А. С. Пушкин в последние годы своей жизни и Н. В. Гоголь принадлежат уже русской жизни и народной мысли. Петровская эпоха, по мнению Валуева, завершилась в 1820-х годах. Россия обратила свои силы на себя

* Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. Т. 1. М., 1845. С. 5.

** Там же. С. 1.

и на своих забытых единоверцев. Теперь она встала во главе тех народов, которые недавно даже не хотели знать про ее существование. России теперь предстоит новый подвиг. Говоря о задачах исторической науки Валуев подчеркивает: «Для мира романо-германского и германо-протестантского наука живая и полная возможна уже потому, что она ровно обнимает и знает весь свой мир и что от нее не утаился ни один единоверный или единоплеменный уголок земного шара, в который бы она не внесла своего светильника. А мы что знаем, не говоря уже о единоверцах, но даже о единоплеменниках? И то нам рассказали из милости немцы, французы и англичане. Наконец в самой истории Запада есть сотни явлений, для которых наука русская и православная должна найти совершенно иное разрешение, чем какое доселе находили для них люди западные, необходимо заключенные в свою тесную сферу, из которой выйти они не могут, не отказавшись от самих себя… И так бесспорно, что многое уже сделано для русской истории, хотя большее еще останется сделать; но зато на другом, более широком, ей родном поприще, доселе не сделано почти ничего. До тех же пор, пока русская наука не усвоит себе всего родного русскому миру, невозможно для нее живое и полное знание самой России, как знает себя мир романо-германский»*. В сборнике Валуевым напечатаны также статьи «Города немецкие и славянские» и «Христианство в Абиссинии».

Как и «Синбирский сборник», «Сборник исторических и статистических сведений о России…» вызвал оживленные отклики в периодической печати тех лет. «Явлением, составляющим эпоху в исторической русской литературе», назовет это издание В. Г. Белинский**. Уже современная отечественная исследовательница славянофильства Т. Ф. Пирожкова вполне справедливо подчеркивает: «Сборник Валуева был в числе немногих русских периодических изданий (“Московский на-

* Сборник... С. 17–18.

** В. Б. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Современник. 1847. Т. I. С. 48.

блюдатель", "Библиотека для воспитания", "Москвитянин"), которые поднимали славянскую тему»*.

Летом 1845 года тяжелая болезнь Дмитрия Александровича Валуева приобретает уже угрожающий характер. Врачи упорно лечили его, но безуспешно. Видимо, Валуев еще надеялся выздороветь. Об этом могут, например, свидетельствовать такие строки из его письма к В. А. Панову: «Сам я порядочен. Иноземцев у меня почти каждый день, голова свежее, по вечерам жару нет, но все еще сух. род пароксизмов»**. Чтобы спасти Валуева, было решено отправить его на юг Франции. В сентябре был уже оформлен заграничный паспорт, но до ноября Дмитрий Александрович не мог выехать из-за лихорадочного состояния. Наконец 3 ноября он выезжает из Москвы. 8-го он прибыл в Новгород, но далее ехать не мог из-за сильной слабости, остановился в гостинице. Еще за три дня до кончины он диктовал к одному из друзей письмо, в котором писал, что доволен своим пребыванием в Новгороде. Однако 20 ноября причастился Св. Таин, а в ночь с 22 на 23 почувствовал приближение смерти. 23 ноября 1845 года, в пять часов, Валуев, три раза спокойно перекрестившись, скончался. Тело его было перевезено в Москву и предано земле в Даниловом монастыре рядом с могилой филолога-слависта Ю. И. Венелина. В дневнике И. М. Снегирева за 29 декабря 1845 года оставлена запись: «Я ездил в Данилов м. Заупокойную обедню служил соборне архимандрит Платон, а надгробное слово говорил протоиерей Сергей Григор. Терновский. Тело Валуева после панихиды положили близ Венелина. Тут я виделся с Шевыревым, Погодиным, Морошкиным, Мельгуновым и пр.»***.

В настоящий сборник включены все основные опубликованные произведения Валуева, создававшиеся на протяжении его короткой творческой жизни, и отдельные письма, помогаю-

* Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 51–52.

** РГАЛИ. Ф. № 10. Опись № 2. Ед. хр. 42. Л. 1.

*** Дневник Ивана Михайловича Снегирева. Т. I. 1822–1852. Пред. А. А. Титова. М.: Университетская типография, 1904. С. 369.

щие понять его духовный мир, литературное окружение и этапы научной работы. В основу распределения произведений в сборнике положен предметно-тематический принцип. Письма же расположены в хронологически-персональном характере. Отдельным разделом даны воспоминания современников о Валуеве. В комментариях в конце сборника указываются первая публикация работы, источник текста, в необходимых случаях – обстоятельства создания и другие сведения.

Тексты за исключением ряда цитат печатаются в современной орфографии.

Ю. Климаков

РАЗДЕЛ I

МАНИФЕСТ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Предисловие к «Сборнику исторических и статистических сведений о России...»

Первым двадцатилетием настоящего века Россия окончила со славою свой государственный подвиг, начатый Петром Великим.

Не завоевывая, лишь защищаясь и нередко защищая угнетенного или молящего о защите*, она незаметно стала во главе тех самых народов, которые еще недавно не хотели знать про ее существование. Ее государственный подвиг на этом поприще кончен. Направлению, принятому государством, последовало, разумеется, все направление жизни и деятельности общества, литературы, – искусства. Задача России была узнать Запад, уроки его вековой опытности, богатые плоды его долгой трудовой жизни.

Такая наука была ей необходима. Оставаясь в тесной исключительности своего быта, государство не могло развить своих вещественных сил, и даже для духовных сил России

* Таково участие России в войне Семилетней, сперва в защиту Австрии, а потом Пруссии, Итальянский поход Суворова и в тоже время высадка русского корпуса в Голландию на помощь англичанам и участие России в войне против Наполеона до 1812 г.

едва ли была возможность когда-либо придти к своей полной и сознательной жизни иначе, как через знакомство с Западом и его умственным достоянием. Но для того, чтобы Россия могла понять этот Запад, – было также необходимо, чтобы она хотя на время перенесла в себя некоторые его явления и формы.

Еще с половины XVI века начала Россия знакомиться с Западом и усваивать себе многие плоды его просвещения. Петр Великий лишь сомкнул крутым поворотом своей воли в жизнь одного поколения то, что иначе совершилось бы в течение одного или двух веков, – вероятно, постепеннее, с меньшими утратами и жертвами, но дало бы иную, может быть, менее блестящую историю России.

Как мы с Петром Великим приняли в себя достояние западного мира, так и этот западный, или германский, мир принял в себя когда-то наследие древнего человечества. Но условия нашего положения при таком займе были гораздо благоприятнее для нас и нашего будущего. Мы получили западное просвещение не как переданное нам наследство от другого почившего мира, но как плод и опыт другой, более изведавшей и блестящей жизни, которая нам предложила свои уроки. Воспользоваться этими уроками и опытами, познакомиться с этим вновь для нас открывшимся, более просвещенным* миром было для России, бесспорно, необходимостью; но воспользоваться тем или другим опытом, усвоить себе то или другое явление из его жизни предоставлено было нашему выбору.

Не так счастлив был германец. Наследства завоеваний покупаются своей дорогой ценой, кроме той крови, которой

* Мы понимаем здесь просвещение в том общем, неопределенном значении, которое обыкновенно дают ему. Если же понимать под просвещением не одни вещественные улучшения в быту человека, усовершенствования науки, художеств и видимое благоустройство общества, а то совокупное умственное и нравственное движение, которое должно соединить народы в единство братолюбивой жизни и осуществлять в обществе чистую мысль христианства, во сколько она осуществима в человеке, – то во всяком случае еще останется под сомнением, кого с большей справедливостью можно назвать просвещенной – Россию ли XV и XVI веков или ей современную католическую и протестантскую Европу?

они стоили; они приносят с собой народам-завоевателям* свои долги нравственные, если и не денежные, как то бывает с наследствами в частном быту людей. Для германца, пришедшего на римскую почву, свободного выбора не было и быть не могло. Бессознательно и поневоле впитал он в себя все дурное и хорошее полуязыческого римского мира и доселе, после четырнадцати столетий, еще не может расплатиться со всеми своими долгами**.

Россия была счастливее: Запад ничего не мог произвольно навязать ей ни дурного, ни хорошего. Он мог передавать нам только то, что мы сами выбирали, ибо свободный выбор оставался всегда за нами. Если же в чем мы дурно воспользовались им, то мы одни и виноваты.

Учителю же и просветителю нашему мы обязаны многим, и не можем не быть благодарны ему за все, что он за нас выработал, пережил и прострадал, и что досталось нам даром, без труда, без пота и крови, – за добро и зло, истину и ложь, которые он вынес из своего долгого трудового века. На Западе впервые были подняты и пробуждены все вопросы науки и жизни к их мировой деятельности и во всем живом многообразии их развивавшей и ими развиваемой личности; у западного человека достало мужества, чтобы не остановиться ни перед одним вопросом и не испугаться ни одной крайности умственного или нравственного мира. И потому обвинять ли его в этих крайностях? Они были лишь неизбежными спутниками его духовной отваги и страстной деятельности. Своими опытами жизни и даже своими заблуждениями он не менее принес в общее достояние человечества и служил ему, чем сколько

* Вспомним при этом, что Россия и Норвегия – единственные два государства в Европе, которые не были основаны завоеванием.

** История религиозных убеждений есть вместе итог всей истории Запада; а между тем вся жизнь и развитие латинского общества и латинского церковного государства, которым обнимались и создавались все общественные отношения средневековой жизни, условлены предшествующими данными языческого римского и германского мира. Прямым и необходимым плодом католицизма был протестантизм со всеми его крайними современными выводами, а дальнейшего исхода на том же пути пока не представляется для человека беспристрастно и со стороны смотрящего на историю Запада.

служили христианству, высшему и конечному единству всего человеческого, другие народы и земли своим страдательным и робким бездействием, которое, может быть, одно делало возможным в недозревшем духовно человеке сохранение в чистоте его духовного завета. Но и те, и другие народы одинаково необходимы в общей экономии человечества. Произнести же приговор миру латинскому могут разве будущее и будущие поколения самого Запада, но не мы, которым суждено воспользоваться всеми плодами его жизни и уроками его опытов, ибо суд наш если и беспристрастный, едва ли может избегнуть обвинений в пристрастии и даже неблагодарности.

Мы многому научились у Запада, но не следует забывать и того, что уроки учителя тогда только достигают своего назначения, когда они пробудят в ученике его собственные силы, и он сумеет основать на них свою самостоятельную жизнь и сознательное мышление; иначе же вся его наука – бесплодная трата сил и времени или бесполезная, если не вредная забава.

В меру тому богатству, которое мы приняли, и тот подвиг, который предстоит нам. Но мы должны помнить, что такое даровое богатство, ничем не купленное, разве утратами из своей внутренней жизни, – непрочно, что это просвещение, хотя и привитое к нам, не могло перейти в кровь и сок самой жизни и передать ей своего прошедшего, своих верований и надежд, в которых вся его сила и живое могущество. Оно привито к нам, но пока остается в нас каким-то междоумком, чем-то совершенно чуждым и внешним всему нашему остальному существованию, каким-то тепличным растением, оторванным от своего корня и родимой почвы и потому лишенным всех своих живых соков и по видимому не обещающим никакого живого плода.

Таково действительно наше нравственное отношение к Западу, – и наше просвещение, если и должно было перейти через него, то не должно и не может на нем остановиться. Но где же исход к лучшему или, по крайней мере, более зрелому, – и что нам укажет дорогу? Разве не так же раболепно мы выжидаем указки нашего учителя для своей каждой мысли и

каждого шага в науке, литературе или искусстве? И не в этом ли Запад, – первообраз всего высшего и разумного, что только может когда-либо воспитать умственное и общественное развитие человечества? И разве не так же простодушно убеждены мы*, что других путей для мысли, науки или жизни более нет и быть не может и не должно, и что нам, заодно с последующими поколениями Запада, остается и возможно только продолжать или оканчивать ими начатое? Но окончить свое дело и привести свое просвещение к его последним общественным и умственным итогам может только сам Запад, довершая назначенный ему круг жизни. Мы же, разделенные с ним всем нашим прошедшим и всем, что есть в нас своего и живого, продолжать его дела не можем; да и Запад в помощниках и продолжателях себя не нуждается, и мы, непризванные и непрошенные делатели в деле чужом, – в нем только лишние!

Давно уже за нас решила в этом просвещенная Европа и доселе повторяет в своих пасквилях и даже похвалах, которыми удостаивает Россию; но вольно нам не слушаться ее в таком нам близком вопросе, когда мы послушные ученики ее во всем нам постороннем.

Пора бы, казалось, нам убедиться и в том, что многое из того, что Запад, по-видимому, уже выработал за нас и нам передал готовым и оконченным, нам еще придется начинать сызнова, но пользуясь, разумеется, всем богатым запасом его науки, его уроков и опытов**. Уже время подумать и о том, чтобы нам самим и из себя вырабатывать внутренние начала своей нравственной и умственной жизни, приняв на себя и всю ответственность в ней, умея дать в ней отчет себе и другим, – и связать ее со своим народным прошедшим и будущим, а не довольствоваться, – в пустоте своей внутренней жизни, – одними убеждениями, взятыми напрокат вместе с последней модой

* Мы разумеем все так называемые образованные классы России, которые доселе воспитываются, родятся и умирают в этом или близком к этому, если и не сознанном, веровании.

** Нам – так же, как и всякому другому народу, который бы поставлен был в то же отношение к другому, более просвещенному миру.

из Парижа или системой из Германии, – посылками без вывода или выводами без данных, из силлогизма, прожитого или переживаемого другим миром.

Таковы, кажется, бесспорные и разумные требования от нас того нравственного отношения к Западу, в которое поставила нас прихотливая судьба. Рано или поздно эти требования осуществятся. Мы не можем не отвечать им и не можем не признать их; если только наперед не откажем себе и русской науке, русской жизни, мысли и слову во всякой живой и небесплодном будущности. Если же не предвидим для себя в будущем ничего, кроме тщетной задачи связать себя со всей полнотой западной жизни, не имеем другой надежды, кроме повышения из учеников его в его подмастерья или работники, – то заранее обрекаем себя на всегдашнюю посредственность* и умственное несовершеннолетие перед Западом, который сам же первый осудит и презрительно осмеет все наши непрошеные жертвы и подвиги и тощие плоды напрасно растраченной жизни.

И потому мы должны сознавать в себе и видеть в том просвещении, которое приняли от Запада, не вывод из чужой жизни, которой дальнейший силлогизм для нас невозможен и неуловим, а науку, опыт и материал для нашего будущего, которое еще наше и нас призывает на самостоятельное участие в мировом деле человечества, в новых, может быть, образах мысли и жизни, и новых, еще не тронутых и свежих силах. Ибо Россия, бесспорно, еще не пережила и не узнала в самой себе десятой доли тех духовных и вещественных богатств, которые заключены в ее духе или рассеяны на ее неизмеримом пространстве.

С одной стороны, такое отношение России к просвещенному Западу, разумеется, может для многих быть предметом бесплодного отчаяния в себе и России, причиной их нравственного бессилия или предлогом для их нравственного усыпления; но с другой стороны, самые невыгоды такого положения

* Само собой разумеется, что все это может относиться только к области литературы, науки, искусства. В области же государства, прямо подлежащей государственной власти, никто и никогда не сомневался, кажется, чтобы Россия с тех самых пор, когда вошла в систему государств Европы, уже не занимала в кругу их одно из первых мест.

представляются как большое преимущество перед Западом. Россия не только имела свой свободный выбор в том, что принимала от его духовных и вещественных богатств, но могла и снова отрицать от себя те явления, которые впоследствии находила себе противоречащими. Свобода, или свободный выбор, так же мало исключает безошибочность в добре и зле, как и слепая необходимость, и сверх того, – при всяком займе от других поколений той всегдашней истины*, которую они из себя выработали, необходимо переносится вместе то случайное и частное, что нераздельно с их жизнью. Но когда оно принимается свободным и сознательным выбором государства, а не слепой необходимостью, как прямая прививка к жизни, тогда есть возможность для этой жизни отрицать со временем это случайное и частное.

Для Германии и народов романских, которые заняли римскую почву и наследовали древнее просвещение, это отрицание осталось доселе невозможным, несмотря на столько протекших веков, столько перебродивших народных стихий и столько прожитого ими в величии и славе; но оно возможно и предвидится для России, когда она придет к своей более сознательной жизни в мысли, науке и литературе. Тогда все, что есть случайного и частного в том западном просвещении, которое она приняла в себя, само собой отложится от ее духовной и умственной жизни, как чуждое и не принадлежащее ей, оставит за собой один очищенный материал на развитие ее собственных свежих сил для будущего человечества.

* Кроме, разумеется, самой науки, открытий в науках положительных и *частных* истин в других науках, не должно забывать и другое, хотя отрицательное, но не менее драгоценное богатство, передаваемое каждым поколением своему преемнику – тех уроков и опытов, которые выработаны его заблуждениями. Всякая новая ложь и новое заблуждение, развивающие новые отрицания той или другой истины, приносят ей ту великую услугу, что делают ее проявления зрелее и воспитывают ее к большей полноте этих проявлений, предупреждая тем новые возможные возражения или противодействия ей настоящих и будущих противников. Тогда только может та или другая истина найти в человеке свое полное проявление и незыблемо утвердиться в общем сознании, когда исчерпан весь круг противоположных ей возможных заблуждений.

Полтора века употребила Россия на то, чтобы узнать этот Запад, учиться у его просвещения и пересаживать в себя его общественные и умственные явления и формы. Туда направлены были все силы государства, все сочувствия общества. Жизнь, литература, искусство наперерыв и без разбора перенимали или переводили на русский лад все западное или нерусское, дурное и хорошее, что только ни попадалось нам под руку, и доселе еще по невольной привычке иностранное название уже наперед говорит в нас в пользу самой вещи*. Изредка

* Когда у нас толкуют об общем превосходстве всякого немецкого мастерового перед мастеровым русским, о том, что всякий немец уже сам по себе заслуживает большего доверия, то забывают обыкновенно, что вина в этом случае общая, как со стороны потребителей, так и класса производящего, и что надо, чтобы обе стороны подали друг другу руку, для того чтобы изменилось некое отношение. Не менее необходимо, чтобы потребитель отстал от своих предрассудков, как и то, чтобы русские купцы и мастеровые заслужили себе большее доверие. Так, например: жиду тем труднее быть честным, что если и случится ему быть таким, никто не верит ему, потому только что он жид. Но справедливо замечали почти все писатели о жидах, даже и противные им, что в этом характере жидов столько же виноваты сами жиды, – и виноваты, разумеется, первые, – сколько и то христианское общество, которое всюду или отвергало их, или, допуская в себя, обрекало на все унижения человеческого достоинства и поставляло как пария вне всех человеческих законов. Одна Россия, имевшая перед собой гибельный пример Польши, никогда не терпела в себе жидовского населения, и в этом случае поступала, разумеется, с гораздо большим человеколюбием, чем государства Средних веков, их допускавшие в себя. Надеемся, что никто не примет это за сравнение, мы указываем только на явление параллельное. Так и русскому мастеровому тем труднее быть хорошим мастеровым, что никто не верит доброте его изделия, потому только, что его изделие русское. И поэтому он поневоле часто принужден идти в батраки к немцу или выдавать свою работу за иностранную. Заметим сверх того, что в этом случав класс потребителей был первый виновником такого отношения и необходимо вызвал его своим исключительным поклонением всему иностранному и презрением без разбора ко всему русскому, презрением, которое бесспорно господствовало во всей России до самого недавнего времени и от которого недавно только стали мы отвыкать. Впрочем, класс потребителей был еще не столько виноват перед классом производящих своим пристрастием ко всему иностранному, сколько тем, что, изменив внезапно все свои обычаи и привычки жизни и вырвав работника из его привычной колеи, он необходимо должен был лишить его на долгое время всякой возможности соперничать со всяким иностранцем. Поэтому классу потребителей, казалось, следовало бы первому исправить свою вину и тем вызвать и класс производящих на исправление в себе тех недостатков, которые мешают доселе восстановлению должного отношения между обоими.

появлявшееся на русской почве художественное произведение, художественный или литературный талант следовали, разумеется, за общим течением. Таковы каменные громады елисаветина времени, такова, за малыми исключениями, вся наша литература XVIII века, – таков, наконец, Жуковский, последний и даровитейший представитель этой эпохи в литературе.

Разумеется, что науке западной остается еще много дела у нас, она далеко не так обобщена, не так изучаема, как того требовать и ожидать можно. Но мы, по крайней мере, достигли одного утешительного и плодовитого результата, – что в нас пробуждены одинаковое сочувствие и любовь ко всем явлениям этой науки и ко всем явлениям человечества, и вместе с тем доселе уберегли себя от всякой исключительности*. И потому если не в массах, то, по крайней мере, в десятках лиц наука стоит хотя и не на той степени буквенной учености, которой требует немец, то на всей высоте ученых вопросов и их понимания. Сочувствие же это с умственными вопросами других народов осталось доселе недоступно Франции и Англии, не говоря уже о какой-нибудь отжившей Италии, или еще не дожившей до науки Испании. Франция и Англия доселе остаются во всей тесной ограниченности своего исторического и ученого прошедшего, и не только не могут понимать умственных работ и умственного движения Германии, но даже воспользоваться (в той степени, как следовало бы ожидать) филологическими и историческими трудами немцев**.

* Убережем ли себя и на будущее время, что сомнительно? Но вероятно, что с этой стороны больше потеряем, чем выиграем, чем большим развитием в нас народного начала.

** Со справедливостью такого обвинения нельзя не согласиться, когда до сих пор ни одна школа немецкой философии не нашла в обеих землях ни одного последователя, – не только дельного противника, и даже Кузен, первая современная философская знаменитость Франции, теперь уже потерял в самой Франции всякий философский авторитет, а Дюгальд Стюарт ни *аза* не понял в Канте. Между тем в обеих землях публичность дошла уже до того, что каждый спешит на общую выставку со всяким полувзглядом или полумыслию, которая представляет в себе хоть тень чего-то нового и, кажется, нельзя отказать Франции и Англии в ученом и умственном движении. Впрочем, с другой стороны, Германия так же мало может избежать обвинения в совершенном равнодушии к религиозным вопросам

Впрочем, и Германия, несмотря на всю многообъемлемость и отрешенность ее умственной и ученой жизни, не может доселе вполне освободиться от известной исключительности, которую налагает на нее общее прошедшее и тесное родство со всем западным миром. Но зато положение русского (которым, разумеется, он еще не умел воспользоваться) перед всяким историческим вопросом, может быть, самое выгодное, какое есть в просвещенном мире; ибо он может рассматривать всякое общественное явление или народную личность Запада, как нечто ему совершенно внешнее, – как естествоиспытатель рассматривает явления вещественной природы.

Нечего нас обвинять, что мы до сих пор ничего или почти ничего не прибавили к науке западной; доселе мы не могли и даже, может быть, не должны были ей ничего принести от себя, ибо мы были еще только учениками ее и не выходили из ее умственной опеки. Мы могли бы только прибавить к массе

Англии и в непонимании их. Но это равнодушие объясняется тем, что немец в своей рациональной гордости не хочет даже снизойти до их исторического значения. Вообще для Германии закрыты все религиозные вопросы в их значении как исторической науки, ибо для немца-протестанта существуют только две точки отправления – индифферентная или рациональная, из которых та и другая одинакова лишены всякой исторической основы и прилагают к историческим явлениям Церкви мерило совершенно чуждое и непреложное к ее явлениям. Сверх того, Германия, связанная воспоминаниями католическими, до сих пор не может и не хочет ничего знать обо всем внекатолическом мире. Положение католика так же мало выгодно, как и положение протестанта при всяком историческом занятии, которое касается в объеме несколько широком вопросов религиозных, а между тем борьба религиозных верований – окончательный итог всей истории Запада. Католик принужден на каждом шагу оправдывать то, что не находит в себе никакого оправдания, или прилагать к историческим явлениям готовый суд Церкви, который она уже произнесла над каждым из них, словом или делом, ибо не было на Западе ни одного великого общественного явления, в котором бы не участвовала сама Церковь. Не разорванный, как протестант, с исторической основой, он не может, однако же, воспользоваться выгодой своего положения, ибо находится с ней или в постоянном раздоре, – и тогда выбирает среднюю дорогу взаимных уступок и соглашений между двумя противоречиями, или, рабски повинуясь всем требованиям своего положения, может прибавить новые фолианты к огромным и почтенным трудам бенедиктинцев, иезуитов и др., – важным как материал, – но ничего не прибавить к самой науке.

материалов, которые ежегодно накапливает Германия для будущей науки, или несколько ученых имен к несметному числу ее почтенных тружеников, постоянно занятых раскладыванием в старых рамках, но на новый лад всяких различных цитат и многоученых авторитетов*.

Пока еще не наставало свое сознательное мышление, не просыпались иные силы и требования и мысль своя, живая и самобытная, не нуждающаяся более в рамках учителя и тетрадках для памяти, – не лучше ли было со смирением продолжать свое учение, набираться дальнейших уроков чужого опыта и плодов чужого труда? Мы так и делали. Когда же свежие силы новопришедшего в историю народа и все глубокие тайники его внутреннего, еще не сознанного духа, скрытая мысль и поэзия его быта и недаром прожитого им прошедшего раз отзовутся в его мыслящих представлениях, знакомых с просвещением прочего мира, тогда всякий добросовестный труд в области науки принесет ей в дань не букву и не мертвый набор ответов, а свое живое слово и свежую силу, которая даст ей новое движение и оплодотворит ее почву, где она оскудела.

С пробуждением такой жизни, более зрелой и самобытной**, в мысли и науке нечего, однако ж, бояться за западное направление и за западную науку. Столбовой дороге, пробитой Петром, не зарасти травой, и делу его не заглохнуть, – в деятелях и ревнителях на прежнем поприще недостатка не будет. Западное просвещение не может не увлекать нас и не быть для нас более чем соблазнительным. Давать себе ответ и удовлетворение на все потребности души и мысли в готовых результатах чужой жизни, ничего не требуя от себя и обходясь без своего труда и внутренней работы над собой, так соблаз-

* Мы говорим, разумеется, не о людях, каковы Нибур, Гриммы, Шлоссер, Лео, Риттер и др., но преимущественно о последнем десятилетии и о массе ежегодной немецкой ученой производительности; нельзя не удивляться ее обилию и огромности предпринимаемых трудов, – и в то же время их относительной бесплодности и скудости живых и новых результатов для науки.

** Мы не говорим, чтобы она уже пробудилась, но только указываем на необходимость этого пробуждения и на некоторые признаки такой более самобытной уже начинающейся жизни.

нительно для нашей русской ленивой природы, что тяжело и трудно ей проснуться для иных требований и даже мудрено требовать от нее такого усилия над собой.

Если же обратимся к Западу и забудем на время Россию, – нет того вопроса, которого бы он не разрешил нам, нет той потребности души, на которую бы не ответил, – и даже в тех вопросах, на которые еще сам не нашел для себя ответа. Ибо что бы мы ни делали, какие бы ни были наши подвиги похвального самозабвения, все же мы останемся в его деле не более, как *дилетантами*! А потому для тех из нас, которые обрекли себя на жалкую роль такого дилетантства, ни потребности западной жизни не могут быть так искренни и глубоки, ни вопросы ее так неумолимо строги, как для тех, для коих эти требования, – вся их обнимающая жизнь и живой плод всего их народного и общественного прошедшего. Ибо напрасно думают, что может быть перенесен с одной почвы на другую весь внутренний мир человека. Перекосятся одни формулы его и наглядные выводы, но уже лишенные всех задатков внутренней жизни. Так созрелый плод, который, по-видимому, уже окончил свою растительность, падает семенем на родную почву и вырастает в новое дерево, и тот же плод, перевезенный на заморский рынок*, служит только прихоти немногих и дорогим аристократическим лакомством.

Немудрено, впрочем, если западный мир часто убивает в нас нашу собственную самодеятельность, повергая в незаконную дремоту все лучшие созидающие силы души и невольно заслоняя перед нами тот внутренний мир мысли, образов и убеждений, который неразделен с духовной лич-

* Римлянин наследовал, по-видимому, все плоды греческой жизни, но ему остались незнакомы высокие требования греческой души. Так и западный человек еще выжидает новой спеющей жатвы и не обретал успокоенья в своих исканиях истины, между тем как для близорукого взгляда дилетантства всему уже есть удовлетворение, на всякий вопрос готов ответ, нет и не предвидится более новых путей, ни новых требований для науки и жизни – и просвещенному человечеству остается только распространить в других, еще оставшихся в прежнем варварстве сынов его те же неоцененные блага, не спрашивая даже у варваров, хотят ли они этих благ или нет и признают ли они *благом* то, что им дают в замену их отцовского достояния.

ностью каждого народа. Едва сознанный или только угадываемый робкой наукой, бедный художеством слова, нищий дарами искусства, он не может не исчезать и не теряться перед яркими красками, в которые облечен мир западный; он остался доселе чужд всему, что бы облекло его в ту красоту образов, дало его явлениям ту осязательность, перед которыми только и может преклоняться большинство; и потому мудрено ли, если для этого большинства он не может не исчезать перед обаянием, которое развивает вокруг себя мир западный, – перед могуществом его воспоминаний, из которых каждое уже облечено в красноречивую рамку романа или драмы, величием и гордостью его громкого многовекового прошедшего, всем блеском и соблазном его настоящей кипучей и волнующейся жизни... И так прекрасны все наши первые молодые мечты о нем, так он гордо увенчан пред ними всеми красотами поэзии, природы и искусства – и так бедна и скудна перед ним наша жизнь и даже наше прошедшее, слишком строгое и однообразное, чтобы быть увлекательным, и слишком простое, чтобы быть доступным для многих, что наше увлечение понятно и извинительно даже там, где оно переходит, по-видимому, за должные границы.

Ибо чего просит прежде всего большинство людей, называющих себя просвещенными и приобретших право презирать и учить своих непросвещенных братьев, как не громких слов и имен, блеска и мишуры жизни, наполняющих ту пустоту существования, которая составляет неотъемлемую принадлежность просвещенного большинства; и чего требует оно от самой жизни, как не наслаждения всем умственным, нравственным и вещественным комфортом, который изготовляется для него услужливым просвещением? Но, к сожалению, нередко и лучшие умы, – чего они ищут в этой науке, искусстве и самом просвещении, которому служат? Часто, если и бессознательно, они ищут того же комфорта, усыпления мысли и сил души в ограниченности той или другой системы или рутины, – удовлетворения всем новым изысканным требованиям просвещенного существования и его нравственного сибаритства…

И, наконец, не было ли такое развитие всестороннего комфорта, удовлетворяющего всем потребностям человека, основной задачей всего западного просвещения и всей жизни западного человечества*? Таковы, по крайней мере, его собственные, если и не совсем осознанные выводы и новые стремления жизни, которые уже не видят иной задачи для человечества, кроме обобщения того же комфорта.

Таков этот западный мир, перенесенный во всем его нравственном могуществе в беззащитную перед ним и простую природу русского человека и теперь уже присущий всей нашей внутренней жизни и нераздельный со всем нашим внешним существованием, с детства уже говорящий нам в образах, понятиях и науках, в которых мы от колыбели воспитаны и в которые уже невольно облекается каждая наша мысль и чувство.

И потому нечего нам бояться за наше западное просвещение и нечего пугать себя возвратом так называемого допетровского варварства. Отречься вполне от Запада, значило бы нам отречься от самих себя. Отрекаться от него, как от внешних форм и оболочек жизни, не стоит того, если само время не заставит отречься; отрекаться, как от науки и опыта жизни, мы не должны, если бы и могли, и не можем, если бы и захотели, ибо вдесятеро легче выучиться вновь самой трудной науке, чем забыть или намеренно разучиться тому, что раз выучено. К тому же толчок, данный России, слишком силен и дан слишком сильной, могучей рукой, чтобы она (если и не в той исключительности) не продолжала еще долго идти по той же дороге, и чтобы европейский слой ее скоро забыл свою благодетельницу Европу.

* Так, католицизм, дающий готовое разрешение на все потребности христианской души и совести в живом представителе духовной истины на земле, и протестантизм, дающий право каждой личности на саморазрешение всех требований своей совести и духовного убеждения, – не суть ли это, в известном смысле, только два видоизменения одной общей религии нравственной бестревожности (комфорта)? Ту же задачу, не разрешенную в области веры, берет на себя систематизм в науке, формализм в обществе, мода в гостиной и т.д.

Но вместе с тем с первым двадцатилетием XIX века для государства русского настала, как мы сказали, новая эпоха. Довершив свой подвиг на Западе, успокоив и умирив взволнованную Европу, оно обратило свои силы на самого себя и на своих забытых единоверцев.

Классические воспоминания призывали Европу на вопль издыхающей Эллады под варварством турка, – и Наварин спас Грецию. Но другие, святейшие узы связывали с Грецией Россию, и гром русских пушек под стенами Царьграда даровал окончательную свободу единоверной Греции. Россия не захотела воспользоваться своими завоеваниями, но плодом ее торжества была свободная Греция, новое, единоверное государство, и трое других единоверных княжеств, а такой многообещающий плод стоил всяких завоеваний.

С падением Царьграда Россия оставалась в продолжение трех столетий единственным православным государством на всем пространстве земного шара. В наш век и в его последнее двадцатилетие она увидала себя внезапно окруженной четырьмя другими православными государствами, которых историческая жизнь, так же, как и ее*, еще впереди. Факт этот еще не довольно замечен и оценен доселе, но он готовит совершенно иную историю для будущих столетий. В то же время Россия подняла оружие в защиту недавнего царства, повергшего свой венец и скипетр перед единоверной Россией, чтобы спасти себя от разбойничьих ватаг мусульманских и своих красавиц – от поставщиков султанского сераля. Границы Закавказья были раздвинуты и ограждены; армяне, принадлежащие к восточному исповеданию, соединены в одну область, которая служит вместе средоточием их духовной паствы,** и доселе Россия не перестает ополчаться против диких твердынь Кавказа в защиту от хищничества горцев своих

* По крайней мере, сравнительно со всеми другими государствами Европы. Сербия, и даже Валахия и Молдавия, едва ли менее заслуживают названия государств, чем какое-нибудь Виртембергское или Ганноверское королевство, и едва ли не более весят в системе государств европейских.

** Мы, разумеется, понимаем одно оседлое население армян, ибо армяне так же, как жиды в Европе, развеяны по всему Востоку.

прикавказских владений. Наконец, в то же время совершается возвращение в церковь Унии. Мирная проповедь разносит учение Христово в тундры Крайнего Севера, дотоле не знакомые с благословением христианства, и с помощью России заводятся православные школы на востоке.

Не менее многозначительны были в то же время внутренние действия России. Право есть высшее условие и цель всей жизни и стремлений общества. Здоровое развитие права, может быть, первое условие общественного благоденствия, и потому на него должно было устремиться прежде всего все внимание государства. «Свод законов» и «Полное собрание» были первым великим делом на новом поприще.

Второе условие и основа всей гражданской жизни государства после самого права есть, бесспорно, поземельная собственность, и вторым делом государства была забота о точном определении ее и приведении в порядок; таково полюбовное чересполосное размежевание, которого значение тем более важно в государственной жизни России, что закон предоставил в этом случае дело частное частному домашнему разбирательству, оставляя за собою одну охрану и оберегание выгод и прав каждого. Таково было общее отношение гражданского закона и судебного распорядка к жизни в Древнем Риме, пока в нем была еще сильна внутренняя жизнь права, и таково оно было более или менее в древней России.

Таже просвещенная заботливость правительства открыла для науки государственные архивы, собирает из архивов и библиотек других государств все относящееся до России, печатает источники нашей истории, собирает разбросанные по лицу всей империи памятники нашего древнего быта и нашей древней общественности. Оно же знакомит Россию с ее единоплеменниками: славянские кафедры основаны во всех университетах, и молодые люди посылаются на счет правительства в славянские земли для изучения славянских языков. Издано «Вооружение русских войск» – издание, которого доселе не оценена вся важность. Эта книга впервые облекла для нас в образы и лица нашу забытую старину, мы узнали, по крайней

мере, в чем ходили наши предки, какой вид имели наши древние города и села, и то уже много для первого начала. Теперь только начинает быть возможным для поэта роман или драма из нашей древней жизни, живописцу – картина, ваятелю – статуя. Для того чтобы художественное созерцание могло быть живое и полное, должны быть даны художнику живые образы и краски, в которые бы могли облечься его мечты и ясновидения, мысль художника должна заранее свыкнуться с этими образами, их полюбить и в них вдуматься. Но для того, чтобы могло существовать между нами такое художество, отзывающееся на все родные звуки русской души, которое бы воскресило перед нами бледные тени нашего прошедшего и вызвало к жизни все, что доселе для нас мертво и немо, – надо, чтобы с детства мысль наша и представление о нашем прошедшем облекались в определенные и живые образы русской жизни, а не в какие-нибудь римские тоги и рыцарские мантии или туманные представления своей недозрелой фантазии. Поэтому книга эта оказала великую услугу России тем, что она сделала общим достоянием доступное до нее только немногим в том или другом государственном хранилище. Ею сделано уже много, но такое начало обещает еще более.

Если бы Средние века не оставили по себе столько живых следов и гордых памятников прошедшего, которые на каждом шагу воскрешают его для западного человека, едва ли бы был возможен роман Вальтер Скотта или «Фауст» Гёте. Мы не были так счастливы, как Запад, от нашего прошедшего уцелели одни немногие остатки, разбросанные по всему безграничному пространству России. В том, разумеется, столько же виноваты мы, сколько отцы наши и деды, но более всего виновато то неуважение и невнимание к своей исторической жизни, которое вообще заметно везде, где жизнь народная еще преобладает над жизнью государственной. Но теперь, когда мы дожили до иных требований и начали понимать цену того, что утрачено, – восполнить по возможности преступную утрату, собрать, воскресить, хотя на бумаге, все еще для нас уцелевшее и сделать его общедоступным каждому, – такова святая

на нас лежащая обязанность перед будущими поколениями и перед нашим прошедшим, которое с каждым днем все далее уходит от нас и безвозвратно теряется. До тех же пор, пока это не сделано, и если мы не поспешим этим делом, нам никогда не узнать нашего прошедшего в его живой полноте, – так, как Запад знает свои Средние века, – и не только в его поэтической и художественной истине, но даже в его общественном значении. По странному закону всего органического, мысль человеческая так нераздельна со всей ее внешней обстановкой, что пока не даны живые образы для всех явлений нашего древнего быта, она невольно наполняет эти пробелы заученными и более знакомыми ей образами древней или средневековой жизни, – а вместе с образами иного мира незаметно вкрадываются понятия, сочувствия и внутреннее мерило исторических явлений, – чуждые явлениям нашей жизни.

Впрочем, наше прошедшее и не могло столько оставить по себе, сколько средневековый Запад, потому что ему чуждо было разнообразие западной жизни. Оно было простое и было связано в общее и живое единство одних условий жизни, обычаев и общественных верований (не только чуждое тому *общему уровню*, который проводится над всеми явлениями жизни новейшей образованностью, – но и не совместимое с ним), а поэтому и вся внешняя обстановка жизни и даже внутренний семейный быт мало чем разнились, начиная от боярских палат и до крестьянской избы. А такая общая простота жизни делает и воссоздание это гораздо легче и проще, чем обыкновенно думают.

Наконец, наша церковная и светская архитектура перестала искать своих образцов в одном языческом и христианском Риме; она вспомнила, что была Византия и еще есть остатки от древней России, и русский, давно забытый язык уже не совершенный изгнанник из высших слоев общества, как то бывало прежде.

Направление, принятое государством, новые народные силы, им пробужденные, не могли не найти отовсюду сочувствия и отголоска. Влияние это отразилось не только на про-

свещенном общества России, которое начало уже сбрасывать с себя западную исключительность и оковы французских и немецких идей и приходить к более зрелому и самостоятельному мышлению, но оно уже проявляется в литературе, искусстве и т.д. Пушкин в последние годы своей жизни уже забывает свои байроновские мечты и образы и поет русскую жизнь на русский лад; и в каждом новом стихе его и новой строчке его прозы уже высказывался новый великий поэт, которого недоставало России и которого судьба не захотела дать ей, отняв у нее Пушкина в самом начале его нового поэтического возраста. Наконец явился Гоголь, первый русский художник, принадлежащий всем творчеством своего таланта русской жизни и народной мысли и ничего не переводивший из пришлых чувств и пришлых идей на русский лад и русские нравы; и самое искусство в русском художнике начинает показывать требования самостоятельности и своего живого развития, о котором прежде и не думало.

Наука, может быть, всех менее последовала этому движению (мы разумеем не школьную науку, а ту науку, которая двигает мысль и знание человеческое), и даже самая близкая к жизни наука историческая. До сих пор едва ли она знает всю важность своей задачи, едва подумала о том, чтобы пишущую, читающую романы и играющую в карты Россию познакомить с Россией, которая на нее трудится и работает и доселе остается почти той же, какой застал ее Петр Великий, – во всех преданиях и условиях прошедшего, уже давно забытого и утраченного с другой половиной. Едва ли что сделано доселе этой наукой, чтобы воскресить это прошедшее в его живых образах и требованиях*, и еще менее сделано ею, чтобы познакомить Россию со всем, что есть ей родного по вере и крови в других государствах и краях земного шара, – а

* Если Карамзин и воскресил нам наше прошедшее во внешних образах государственной жизни, то бесспорно, однако ж, что он не воскресил и не мог воскресить его в живых требованиях современной науки, и во многом даже отодвинул силой своего художественного таланта, – не говорим знание, но *понимание* нашего прошедшего, даже перед Щербатовым, не говоря уже о Болтине или Татищеве.

без такого знания ей никогда не узнать и себя во всей полноте и должной отчетливости.

Для мира романо-католического и германо-протестантского наука живая и полная возможна уже потому, что она равно обнимает и знает весь свой мир и что от нее не утаился ни один единоверный или единоплеменный уголок земного шара, в который бы она не внесла своего светильника. А мы что знаем, не говоря уже о единоверцах, но даже о единоплеменниках? И то нам рассказали из милости немцы, французы и англичане. Наконец, в самой истории Запада есть сотни явлений, для которых наука русская и православная должна найти совершенно иное разрешение, чем какое доселе находили для них люди западные, необходимо заключенные в свою тесную сферу, из которой выйти они не могут, не отказавшись от самих *себя.*

Такова задача, которая, по нашему мнению, предстоит в наше время для русской исторической науки.

Что касается до самой России, то, не говоря уже о бессмертном труде Карамзина, материалов для исторической науки ее прошедшего уже собрано множество, много совершенно частных трудов, много сделано для внешней обработки событий; но доселе не многие взглянули на внутренний смысл их, не много тронуто живых струн в истории этого прошедшего. Обвинять в этом, впрочем, некого, – разгадка внутренних вопросов жизни всегда приходит после, когда уже уяснена внешняя оболочка событий. Прошедшее, как и настоящее, бывает распутано и приведено в порядок в заглавиях вещей, прежде чем бывают поняты самые вещи. Первый труд так же необходим и важен, как второй, ибо без него последний невозможен. Сверх того, мы можем пока только указывать на последний, как на необходимое требование науки, которому она рано или поздно ответит, – и терпеливо ожидать от времени исполнения этих требований.

Итак, бесспорно, что многое уже сделано для русской истории, хотя большее еще остается сделать, но зато на другом, более широком, ей родном поприще доселе не сделано почти ничего. До тех же пор, пока русская наука не усвоит себе всего

родного русскому миру, невозможно для нее живое и полное знание самой России, как знает себя мир романо-германский.

А потому, считая первым и ближайшим требованием современной исторической науки у нас дополнить сначала первую, так сказать, материальную задачу ее, прежде чем подвигаться далее, мы намерены прежде всего знакомить по возможности с современным состоянием и историей всех земель и племен единоверных и единоплеменных России. Знакомство же такое познакомит нередко и Россию с ней самой, и мы поймем в самих себе многое, что доселе было для нас загадкой или о чем доселе и не думали.

Теперь постараемся определить, что должно войти в наше издание, держась с возможной точностью данного заглавия: «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных* и единоплеменных».

Если мы поставили *единоверных* прежде *единоплеменных* и намерены обратить наше особенное внимание на первых, то это не потому только, что Россия с ними наименее знакома, но и потому, что прежде и выше всего мы полагаем связь веры; хотя на простой взгляд, так же как и в обычном быту людей и даже в ежедневном политическом ходе государств, одноплеменность, по-видимому, сильнее связывает людей и общества и имеет большее значение в жизни. Но если обнять историю человечества в ее более широких размерах, вглядеться пристальнее в его прошедшее и вдуматься в его будущее, мы увидим, что одна вера и духовные убеждения людей разделяют человечество на великие исторические массы – или соединяют государства и народы в одну общую судьбу.

Как право есть высшее условие всей гражданской жизни человека в обществе, так вера и народное исповедание есть

* Мне сказали *единоверных*, а не *православных*; и потому относим также сюда все христианские племена и земли, принадлежащие *вообще* к восточному исповеданию, и которые бесспорно отделены от общего вселенского единства одним *непросвещением* своим. Расколы западные не могут быть иначе рассматриваемы, как в связи с западной Церковью, так и отдельные восточные исповедания во всех основах духовного убеждения и задатках исторической судьбы нераздельны с восточной Церковью.

высшее условие и конечный предел всей жизни и возможного развития не только своего общества и человека в нем, но и человека во всей его полноте и как члена семьи, куда не досягает внешний закон, и, наконец, как духовного существа, принадлежащего своему нравственному миру, куда не досягает никакая вещественная сила. Если, наконец, взглянем на настоящее, мы увидим, что босняк мусульманин, говорящий тем же славянским языком, как и все его славянские братья, зовет себя турком и больше ненавидит славянина, чем самый турок, и для славянина и вместе католика по убеждениям менее доступен истинный взгляд на славянский мир, чем для всякого добросовестного и знающего немца.

Говоря о единоплеменном и единоверном России, не следует также забывать, что под Россией мы можем разуметь только славянское племя и восточное православное исповедание, перед которым исчезают все другие народности и исповедания, входящие в ее состав. Перед лицом государства все они пользуются одними правами и одной защитой, но перед исторической наукой они не могут иметь одинаковых прав на ее внимание и невольно вспоминается старинная русская пословица: все вхожи в дом чада и домочадцы, но не все чада. Ибо если одинаково понимать под Россией все мелкие земли, племена и веры к ней принадлежащие, татарина и бурята, мусульманина и буддиста, то в *единоверное* и *единоплеменное* ей пришлось бы нам поневоле включить все веры и все поколения земного шара; на неизмеримом пространстве России, вероятно, нашлись бы более или менее близкие представители каждого из них; но не они, – не бурят, не мусульманин, – дают ей характер и определение, не они воспитали и создали государство. И потому всякий подданный государства принадлежит России, – но Россия принадлежит только православному и русскому, ибо ему одному принадлежат и с ним одним нераздельна ее история, ее прошедшее и будущее. Под православным же и русским, разумеется, должно понимать всякого русского и вместе православного – Великой ли, Малой или Белой России.

Продолжая определять наше заглавие, мы должны также заметить, что принимаем слово *исторический* в его самом широком смысле и понимаем историю как науку, которая одинаково следит за всей внутренней и внешней жизнью общества и обнимает ее во всех ее высших самостоятельных проявлениях (как история права, народного хозяйства, художества, литературы, языка и т.д.) и что, наконец, под статистикой мы понимаем не сбор современных, случайно встретившихся фактов, а науку живую, которая должна неотступно следить за историей во всех многосторонних образах человеческого существования и служить ей математической проверкой. И потому, нимало не ограничивая статистику одним настоящим, мы полагаем статистические факты далекого прошедшего не менее драгоценными для науки, как и все самые любопытные современные сведения, ибо первые служат поверкой для жизни, уже совершившей свой круг и стоящей перед судом науки, а последние еще принадлежат к данным для неуловимого будущего и к самой жизни, на которую наука еще не получила своего права.

Итак, давая историческое значение статистике, науке современного по преимуществу, мы указываем вместе с тем и на общее направление издания, ибо вообще намерены знакомить особенно с исторической стороной всех многоразличных явлений религиозной и народной жизни в единоверном и соплеменном нам мире. Раскрывать и вызывать к жизни и в свете общечеловеческого ведения живые начала прошедшего, которые воспитают будущее науки и жизни, – таково дело науки; современное же и все вызываемое его требованиями еще не подлежат ее области.

Определив наш* взгляд на историю и наши от нее требования, цель издания и его объем, мы укажем теперь на вторую побочную цель, которую имели также в виду.

* Такой взгляд во многом, может быть, вовсе не разделяем многими из участников в издании, как в том можно убедиться из многих статей, помещенных в 1-м томе, – а потому не должно быть смешиваемо одно с другим. Всякий взгляд и всякое представление фактов могут быть более или менее ошибочны, но факты остаются те же, как бы не было односторонне их представление (если только оно добросовестно), и самое заблуждение

Кроме немногих больших трудов, все, что почти доселе сделано в нашей исторической науке, рассеяно в множестве периодических изданий и вместе с ними исчезает в общем потоке всего современного. В других землях есть публичные библиотеки, где всегда можно найти всякий номер старого журнала, и самые журналы гораздо специальнее, есть указатели и пр. У нас всего этого еще нет и потому отыскать статью, помещенную в старых годах какого-нибудь периодического издания, дело почти невозможное; а между тем нигде, может быть, не рассеяно столько частных сведений и чисто ученых разысканий рядом с модами, повестями и пр., как в наших журналах. Противодействовать этому недостатку, собирая по возможности исторические труды в одно каждому доступное издание, и тем сохранять для науки то, что иначе могло бы затеряться для нее среди журнального хлама, такова наша другая цель*.

если не прямо, то противодействием, которое оно вызвало или вызовет, одинаково вырабатывает то истинное воззрение или ту истину, которая должна окончательно утвердиться в науке и сделаться ее *общим местом*. Ошибаться можем и мы, более или менее, так же, как и другие; всякое воззрение вырабатывается окончательно только временем и только временем освобождается от всего личного и случайного. Но только наука и добросовестное изучение ее во всех ее многосторонних направлениях и во всей односторонности каждого из них может окончательно разоблачить вопросы от всего их случайного и навсегда утвердить на незыблемой почве. Для такой же последней задачи и цели всякой науки и всякого знания одинаково служит и всякое заблуждение, и даже нередко более, чем недозрелая, недодуманная или недосказанная истина.

* Желающих помещать свои труды в предлагаемом собрании редакция просит относиться в контору типографии Семена.

РАЗДЕЛ II

СЛОЖНЫЙ ВОПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Исследование о местничестве

Кроме бесспорной важности разрядных книг для поверки мелких фактов исторических, годов, чисел, имен собственных и указаний на наше военное устройство, они представляют один из главных источников для всех розысканий о местничестве. Издавая материалы, мы не думали обрабатывать в подробности самые памятники – итак, здесь мы ограничимся:

1) Сличением нашей разрядной с разрядами в «Древней вифлиофике», указанием всех напечатанных доселе разрядов или отрывков из разрядных, всех материалов для местничества, древних служеб и пр., и на то немногое, что сделано для их обработки.

2) Несколькими общими замечаниями о составе и значении разрядных, об устройстве наших войск и пограничных стражей.

3) Указанием на значение в отношениях к местничеству каждого из трех царствований (25 лет Иоанна, все царствование Феодора Иоанновича и 6 лет Бориса Годунова), обнимае-

мых нашей разрядной и разбором* важнейших грамот и споров, в нее вошедших.

Представляя исчисление всех напечатанных памятников, статей и книг, которые находятся в прямой связи с разрядами и служат необходимым пособием для их подробной обработки, мы начнем с самих разрядов, потом укажем на дела по местничеству, на родословные, поколенные росписи и пр., и наконец, на все доселе сделанные разыскания о наших древних родах вообще, древних службах, чинах и пр. Разумеется, мы не можем и притязать на полноту; вероятно, многое нами опущено; но пока у нас нет никакой библиографии по нашей истории и ее разным отраслям, мы думаем, что собрать хотя неполные сведения об исторической литературе по той или другой части ее, – дело небесполезное, по крайней мере, положит начало для лучшего и более полного. Если бы при издании исторических памятников** вообще следовали у нас этому правилу, то давно бы уже незаметно составилась довольно полная историческая библиография, а это – дело немаловажное при занятии историей, для которой столько собрано и напечатано, но которая еще так мало разработана, как наша.

Первые разряды (под этим названием) были напечатаны Новиковым в его «Древней вифлиофике» (т. XIII, стр. 247–455 и т. XIV, стр. 200–496). Они идут от 1556 до 1574 и от 1576–1786, следовательно, обнимают ту же эпоху, к которой относятся и наши разряды; начинаются тремя годами ранее и оканчиваются 16-ю годами прежде.

Но разрядная книга Новикова не представляет далеко той важности. В ней недостает тех 16 лет, которые наиболее богаты

* Такой разбор необходимо повлек за собой несколько подробное разыскание о местничестве, ибо без этого не мог быть уяснен, хотя с которой отчетливостью, ни один спор и ни одна грамота. Надо было или удержаться от всяких объяснений, но тогда издание этой разрядной едва ли что прибавило бы к другим разрядным, уже изданным более полувека, но доселе не обратившим на себя никакого внимания наших ученых, – или, не ограничиваясь одними общими местами, решиться проложить дорогу в неисследованную доселе область.

** Разумеется, что это может относиться только к памятникам более частным, как, например, разрядные и т.п.

случаями о местничества; в ней мало грамот о местнических делах и пр. Сверх того, в ней встречаются пропуски, перепутаны года и т.д. Впрочем, у издателей «Древней вифлиофики» целый год часто исчезал при переводе старого года, начинавшегося с сентября, на наш новый, январский год.

Не имев намерения делать сличенного издания обоих, мы постараемся заменить его, указав на параллельные места, на пропуски и разногласия в той и другой книге.

В XIII томе 1550 год у Новикова гораздо полнее и представляет сходство только в немногих местах (стр. 285).

1560 и 1561 годов нет.

1563 и 1564 годы у Новикова также полнее, и некоторые места сходны (см. стр. 342).

1565 год (в нашей разрядной страницы 8, 9, 10, 11 и до половины 12) за небольшими разногласиями тот же, что и в новиковской с 357 до 370 страницы. Потом у Новикова перерыв, и далее, со страницы 370 по 376, снова одно и то же в обоих.

1566 и 1568 годы у Новикова не значатся, но разряды есть и отнесены к предыдущему и последующему году.

Разряды 1569 года местами сходны.

1570 год заключает у Новикова военные дела (Григория Хомякова и др.) и вести, которых в нашей разрядной нет.

1571 год снова не значится.

Далее сряду 1572, 1573, 1574 годы местами сходны с нашими и оканчиваются в этом томе половиной старого, сентябрьского 1575 года, который значится под 1574.

Случаев о местничестве, которых нет в нашей разрядной, весьма немного, а именно:

1556 год. Спор Воротынского с Ахлебиным и Шуйского с Бельским.

1559 год. Спор Сабурова с Плещеевым (стр. 297), Карпова с Умным Колычевым (стр. 303), Голицына с Курлятевым (стр. 307), Щенятева с Палицыным (стр. 319).

1562 год. Спор князя Дмитрия Хилкова с Сабуровым.

1564 год. Спор Воротынского с князем Пронским и грамота (стр. 355).

Разряды 1576–1586 годов, напечатанные в XIV томе «Древней вифлиофики», представляют также существенные различия с нашими, а именно:

Весь 1575 год, кроме начала, с немногими частными различиями находится также в разрядах Новикова (стр. 292–311).

1576 год. Начало почти одинаково. На 58 и 59 страницах нашего разряда все сказанное о росписи воевод по украинским городам, по полкам на берегу и начало похода в Лифляндию в «Древней вифлиофике» пропущено; затем, исключая росписи воевод по полкам в Лифляндском походе (стр. 59), весь конец 1576 года и начало 1577 года совершенно не сходны (см. новые разряды, стр. 325–334), равно как и разряды в походе литовских и немецких людей к г. Линоварду (см. стр. 335–340 у Новикова и конец 62 и начало 63 стр. у нас). Потом обе разрядные книги почти одинаковы (стр. 340–347 у Новикова и 63–65 у нас); но конец 1577, весь 1579, 1580, 1581 и, кроме начала 1582, все остальные годы, исключая два-три места, не представляют почти никакого сходства

Такое же различие между новиковскими и нашими разрядами 1576–1586 годов относительно случаев местничества. Вообще в этой части новиковских разрядов если их и больше, зато некоторых, самых важных, а главное, разбора их нет вовсе.

Следующие случаи местничества не находятся в новиковских разрядах:

1577 год. Ивана Волынского с Иваном Сабуровым.

1579 год. Князя Василья Андреевича Сицкого с Васильем Феодоровичем Годуновым.

1580 год. Владимира Васильевича Головина с Романом Дмитриевичем Бутурлиным.

Андрея Ефимьевича Салтыкова с Иоанном Васильевичем Годуновым.

Князя Дмитрия Дрыган Михайловича Приимкова с князем Иваном Самсоновичем Турениным.

1581 год. Дмитрия Ивановича Вельяминова с Дмитрием Ивановичем Елизаровым.

Князя Федора Михайловича Троекурова с Дмитрием Ивановичем Годуновым.

1582 год. Иоанна Васильевича Годунова с князем Иваном Константиновичем Курлетевым.

Панкратия Яковлевича Салтыкова с Иоанном Васильевичем Годуновым.

Михайлы Михайловича Салтыкова, Ефима Варфоломеевича Бутурлина и князя Михайлы Ноздреватого с князем Иваном Васильевичем Сицким.

Михайлы Внукова с Михайлом Безниным.

Ивана Пушкина с Михайлом Безниным.

Михайлы Безнина с Васильем Зузиным.

1583 год. Князя Ивана Андреевича Ноготкова с князем Иваном Михайловичем Воротынским.

Князя Федора Михайловича Троекурова с князем Петром Ивановичем Татевым.

Данилы Григорьевича Сабурова с князем Иваном Андреевичем Ноготковым.

1584 год. Деменши Ивановича Черемисинова с Михайлом Андреевичем Безниным.

Федора Михайловича Ласкирева с Степаном Васильевичем Годуновым.

Фомы Бутурлина с Федором Михайловичем Ласкиревым.

Князя Ивана Борятинского с Михайлом Андреевичем Безниным.

Юрия Петрова Левонтьева с Романом Васильевичем.

Ивана Ивановича Сабурова с Яковом Андреевичем Салтыковым.

Ивана Андреевича Ноготкова с князем Андреем Петровичем Куракиным.

1585 год. Князя Бориса Петровича Татева с князем Андреем Андреевичем Телятевским.

Федора Васильевича Лошакова-Колычева с Романом Васильевичем Алферьевым.

1586 год. Елизарья Ивановича Сабурова с князем Шиш Константиновичем Пронским.

Князя Меркула Александровича Щербатова с Михайлом Андреевичем Безниным.

Никиты Ивановича Очина с князем Федором Андреевичем Ноготковым.

Никиты Ивановича Очина с князем Петром Ивановичем Буйносовым.

Князя Петра Ивановича Буйносова с князем Михайлом Никитичем Одоевским.

Всего тридцать дел.

В новиковских разрядах с 1576 по 1586 годы случаев местничества, не упомянутых в нашем разряде, несравненно более: всего шестьдесят четыре.

Сверх того, хотя и не под тем названием, мы имеем полные разряды от 1632 до 1655 года в «Повседневных записках царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича» напечатанных при И. М. Университете (1769, ч. II). Сколько нам известно, никто еще печатно не относил их к числу разрядных; и действительно, на первый, поверхностный взгляд они представляются чем-то совершенно иным от новиковских разрядов единственного мерила и образца, на котором основывались доселе все суждения об этом предмете. Новиковские разряды заняты почти исключительно военными походами, «Повседневные записки» же состоят почти так же исключительно из одного распорядка службы придворной. Но при этом надобно вспомнить, что конец царствования Иоанна Грозного был весь занят войнами, и даже мирное царствование Феодора Иоанновича было не раз нарушаемо военными приготовлениями и даже походами на неприятеля. Время же с 1632 до 1653 года почти все мирное. Сверх того, рассматривая другие разрядные того времени и постепенное развитие местничества, мы находим, что самый состав разрядных уже изменился к тому времени и в них вошло гораздо более распорядка службы придворной. Наконец, в части II на странице 196 после приведенного Указа сказано: *и сей свой Государев указ велел записать в разрядную книгу.* Таков вывод априори. По справке же в Архиве министерства иностранных дел оказывается, что это «Повсед-

невные записки» напечатаны из разрядных портфелей Миллера (XIV, за исключением первых двух годов, 1630 и 1631, XV и начала XVI веков). Причина почему, издавая этот отрывок из своего большого труда над разрядными*, он назвал их «Повседневными записками» (когда они далеко не повседневные), легко объясняется заглавным листом 1769 года, еще слишком близкого к тому времени, когда местничество, а с ним и разряды, на Соборе всея земли объявлены были богоненавистными и пр. Вспомним при этом, что еще в 1719 году Петр Великий запрещал местничаться в коллегиях (Полн. собр. зак., т. V, стр. 713). После этого очень понятно, почему Миллер не только перекрестил свои разряды в «Записки», но даже не осмелился поместить против обыкновения всех ученых изданий того времени предисловия или предуведомления о том, что за книга, им изданная, откуда заимствована и т.д. – опущение еще более непонятное в многоученом добросовестном немце.

Кроме того, много выписок из разрядных** встречается в наших историках и летописцах, преимущественно же у Карамзина:

Выписки из «Бекетовской разрядной», отнесенной им к 1476 году, – т. VI, стр. 139, 201, 299, 492 и 628.

---

* Огромный труд Миллера, или, вероятно, только составленный под его надзором, остался, как видно из многих мест, не оконченным. Задача его, казалось, состояла в следующем: взяв одну разрядную за основание, он выписывал погодно из всех других разрядов все, что в них находилось против нее лишнего, и потому почти у каждого года оставлены им белые страницы в надежде на дальнейшие дополнения (см. первые портфели). Сверх того, встречаются повторения, ссылки на другие разрядные и, наконец, явные грубые описки переписчиков: так, напр, 1503 (7017) год почти слово в слово (но с немногими пропусками) сходен с тем же годом архивной разрядной № 3 (стр. 128), но вместо *король Жигмонт* (40 лист) у Миллера *же вечтъ* (прт. II, 21 л.); *Федку Святошу* – у Миллера *сташя; и послал мастеров Фрязь*, а у Миллера *в Рязань* (что явно противоречит смыслу). Так и в «Повседневные записки» вошли повторения, которых в разрядах нигде не встречаем – так на страницах 204 и 205 дело с Репниным. Вообще видно, что Миллер успел только приготовить материалы для своего труда, но ни обработать окончательно, ни даже (как кажется) просмотреть его, преимущественно же в древнейших разрядах.

** Разумеется, что мы не указываем на выписки в новиковской разрядной.

Выписки из архивной разрядной (рукописи, находящейся в Архиве министерства иностранных дел под № 3) – т. VI, стр. 422, 462, 483, 488, 489, 507, 541; в т. VII, стр. 13, 31, 33, 34, 36, 90, 98 и 253.

Начиная с IX тома Карамзин не обозначает более той или другой разрядной, а ссылается просто на разряды или разряды такого-то года: т. IX, стр. 66, 365, 386, 387, и 388, 412, 426 и 429, 460, 462, 465, 470, 490, 491, 509, 525, 527, 529, 547, 550, 554, 583; т. X, стр. 98, 111, 133, 141, 183, 186, 262, 269, 276, 359; т. XI, стр. 15, 17, 18, 19, 36, 68, 146, 207, 265, 277, 284, 285, 342, 368; т. XII, стр. 198, 229, 500 и 501.

У Щербатова в т. VIII разряд похода 1568 года; также на стр. 145, 347, 348, 349, 350 – выписки из разрядов о службах бояр; т. IX, стр. 48 и 82 – выписки из разрядов; т. XI, стр. 115 – разр. похода 1587 года, со стр. 190 до 214 – службы бояр, выписанные из разрядов; т. XII, стр. 27 и 88; т. XIII, стр. 113 – разрядная 1600 года, на стр. 128 – 1601 года и на странице 230 – 1604 года; т. XIV, стр. 194 и 198 – службы боярские.

Арцыбышева «Повествование о России», т. III, кн. V – выписки из разр. пр. 260, 262 – книги VI, LXXIII, LXXV, и LXXVI.

В летописцах встречаются преимущественно разряды похода казанского, впрочем, также и некоторые другие: «Казанский лет.» (Спб., 1792), глава LVI – разр. воевод под Казанью.

«Русск. лет.» (Спб., 1792), т. III, стр. 79 и 217; т. V, стр. 229 – «Летопись о мятежах», стр. 277, 332 и 355; в ней же разр. при венчании на царство Михаила Феодоровича и при свадьбах Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича.

«Летописец с 1206 г.» (Москва, 1784), стр. 339 – разр. под Казанью.

«Царственная книга» – также разр. под Казанью, стр. 250 и 263; «Никон. лет.», т. VII, стр. 5, и о воеводском разрядстве под Казанью, стр. 115, 150, 159, 172 и 314.

Сверх того, встречаются разряды, или, по крайней мере, указания, какие лица в том или другом случае занимали какие

места и пр. при свадьбах, посольских обрядах и встречах, погребениях, венчаниях на царство и пр.

Свадьбы были собраны преимущественно Новиковым в «Древ. вифл.», т. XIII начиная от князя Василия Даниловича Холмского до второй свадьбы царя Алексея Михайловича. В некоторых из них, как, например, в третьей свадьбе царя Иоанна Васильевича Грозного, стоит отдельно разряд свадьбе.

«Описание тринадцати старинных свадеб Великих Российских Князей и Государей», издал Матвей Комаров (М., 1785).

«Описание первой свадьбы Ц. Ал. Мих. 1648 г.», соч. И. Терново-Орловского (М., 1797).

«Описание в лицах бракосочетания в 1626 г. Г. Ц. и В. К. Мих. Феод.», издал Платон Бекетов (М., 1810).

Также в «Труд. Вол. рос. собр.», т. II, стр. 293 – разряд свадьбы В. К. Василия Иоанновича; стр. 102 – разряд свадьбы князя Ивана Дмитриевича Бельского; т. V – роспись из разр. архива о кончине Иоанна Алексеевича и рождении Петра Великого, стр. 99.

В «Древ. вифл.», части XIV, № 1 и 2 – отпуск и поездка великой княгини Елены Иоанн., 1495 г.; № 3 и 4 – записки о приезде и бытности грузинских царевичей; № 5 – преставление великого князя Алексея Алексеевича; № 7 – чин погребения царевны Татьяны Михайловны, 1706.

В «Собр. госуд. гр. и договор.», т. II, стр. 163, № 77 – статья, выписанная из разрядной книги о сыне стрелецкого головы Богдана Отрепьева Гришке; стр. 289, № 138 – отрывок брачного обряда при Лжедимитриевой свадьбе с Мариною, 1606 год; т. III, стр. 70, № 16 – чин венчания на всероссийское царство государя и царя и великого князя Михаила Феодоровича; стр. 538, № 184 – описание въезда в Москву государя и царя Алексея Михайловича по возвращении его из польского похода; т. IV, стр. 650, № 221 – выписка о кончине государя и царя Иоанна Алексеевича и церемониал погребения его в Архангельском соборе, 1696 г.

Туманского «Записки о Петре Великом», т. V, стр. 127 – разряд при рождении Петра Великого; стр. 168 до 181 – разряды при кончине царя Алексея Михайловича.

В «Описании разрядного архива» Иванова – описание церковных церемоний от стр. 307 до 337.

«Акты исторические», т. II, стр. 307, № 259, 1609 г. августа 28 – росписи смоленских дворян и детей боярских по городу, воротам и башням для осадного времени и боевых снарядов, и к ним пушкарей и стрельцов; т. III, стр. 332, № 182, 1635 г. января 4 – список посольского обряда при приеме в Москве литовских послов.

Важным дополнением к разрядам служат «Выписки из разрядной архивы» в той же «Древней вифлиофике», т. XVI, стр. 327–419. Они заключают в себе выписки разборных, записных и переписных книг 1612, 1632, 1653, 1676–1700 годов, росписи, указы о службе и разборах, разные статьи из разряда (1687–1688), выписки о счетных делах и пр. (1526).

Наконец о самом разряде см.: «Описание Государств. разр. архива, составленное И. И. Ивановым» (М., 1842). В этом сочинении изложены круг деятельности и объем занятий разрядного приказа, какие производились в нем дела, хранились и велись бумаги и списки, какие заседали чины и т.д. Все это занимает 22, 45 и 92 стр., т.е. от начала до документов и приложений.

В тесной связи с разрядами находится все относящееся до местничества; в особенности же служат им необходимым дополнением и пояснением дела о местничестве. Первое довольно полное дело о местничестве было помещено в «Сборнике» П. А. Муханова (М., 1836) на стр. 150, № 93 – дело стольника князя Дмитрия Михайл. Пожарского с стольником князем Борисом Михайловичем Лыковым 1603 года. Но в первый раз значительное число таких дел было напечатано П. И. Ивановым в «Рус. ист. сбор. Общества ист. и древ. российск.» (т. II, М., 1838, и т. V, 1842). Из счетных дел, напечатанных во II томе, все первые девять относятся к тому времени, которое обнимает наша разрядная.

Из них дело Долгорукого с Гвоздевым упоминается в нашей разрядной под тем же годом, стр. 139 (искал своего отечества князь Григорий Долгорукий на князе Гвоздеве; разница лишь та, что в разр. оно значится под 21 мая, а дело под 13). Также дело апреля 7 1602 года Пильемова с Лыковым значится в разрядной под тем же годом и месяцем, но 5 числа: *у руки Государя бил челом Пильемов на Федора и Ивана Лыкова а Царь велел судить В. И. Шуйскому да дьяку Сапуну Аврамову*, – и действительно, как видно из дела, судили Шуйский и дьяк Аврамов. Из дел, напечатанных в V томе, только дела 3 и 4 относятся ко времени, обнимаемому нашей разрядной, но ни то ни другое в ней не помянуты.

Сверх того, 8 дел по местничеству (но неполных) находится в «Описании разр. архива» Л. И. Иванова, от стр. 337 до 359. Тут же находится и дело К. Козловского 7191 (1683) года, самое позднее изо всех, которые, сколько известно, дошли до нас (напечатанное прежде в «Москвитянине», 1813, № 2, и в «Ист. сборн.», т. V).

«Полное собрание законов» (Спб., 1830).

Том I

1619 года февр. 27, стр. 163, № 3 – «О наказании за отречение от должности по расчетам местничества».

1649 года июня, стр. 169, № 12 – «Об основаниях исков местничества и о судебном рассмотрении оных».

1650 года апр. 1, стр. 225, № 28 – «О расчетах местничества и о наказании за несправедливое притязание преимущества пред другими». Апр. 10, стр. 225, № 29 – «О наказании княз. Ив. и Алексия Лыковых за несправедливое местничество против кн. Буйносова-Ростовского». Мая 15, стр. 236, № 38 – «О заключении в тюрьму бояр. В. Головина за несправедливое местничество противу бояр. кн. Б. Репнина». Мая, стр. 237, № 38 – «О заключении в тюрьму стрелецк. голов Евст. и Ив. Зыбиных за несправедливое местничество против окол. Богд. Хитрова». Июля 29, стр. 242, № 41 – «О несправедливом местничестве Ромодановского против бояр. Ив. Салтыкова».

1651 года марта 30, стр. 252, № 60 – «О взыскании штрафа с кн. В. Ромодановского за несправедливое местничество противу В. Бутурлина». Марта 30, стр. 253, № 61 – «О наказании за непринятие пожалованного чина».

1652 года февраля 9, стр. 263, № 74 – «О наказании кн. Д. Мышецкого за несправедливое местничество противу окольничего Михаила Плещеева». № 75 – «О наказании заключением в тюрьму за несправедливое местничество противу бояр кн. Юр. и брата его кн. Дм. Долгоруких». Марта 25, стр. 265, № 77 – «О расчетах местничества и о рассмотрении оных лицами, старшими в роде».

1653 года марта 31, стр. 287, № 95 – «О взыскании денежного штрафа за несправедливое местничество».

1655 года июня 3, стр. 363, № 156 – «О учинении свияжских мурз и татар голове Мих. Наумову наказания кнутом за непослушание и невежливые слова и о ссылке его в Сибирь». Декабря 21, стр. 371, № 169 – «О бытии во всех государствах российским послам и посланникам между собою без мест».

Том II

1678 года нояб. 5, стр. 181, № 738 – «О состоянии боярам и воеводам в походе против турок по росписи, не наблюдая местничества».

1679 года нояб. 2, стр. 218, № 775 – «Именный с патриаршим и боярск. приговором. О ненаблюдении расчетов местничества по нарядам в крестные ходы» (см. Собр. госуд. гр. и дог., т. IV).

1680 года нояб. 3, стр. 281, № 840 – «О намерении султана начать войну, о высылке служивых людей в Москву».

1682 года генваря 12, стр. 368, № 905 – «Соборное деяние об уничтожении местничества».

Том V

1719 июня 4, стр. 713, № 3384 – «О пресечении местничества и о порядке старшинства коллежских членов».

Один из важнейших печатных материалов для местничества находим мы также в «Москвитянине», 1843, № 1, стр. 233 – «Память Генадия Бутурлина».

Далее более или менее относящиеся к местничеству или как отрывки из местнических дел находим мы следующие грамоты:

«Собр. госуд. грам. и догов.», т. II, № 38, стр. 46 – «Приговор Гос. Ц. Иоанна Васильевича, в каком порядке на Государевой службе воеводам по полкам считаться в старшинстве; а князьям и дворянам и детям боярским быть на службе под начальством у меньших без предосуждения впредь в счете отечеству их» (1550) (то же при судебн. дополн. «Древ. вифл.», ч. I, стр. 200; Максимов. «Памятн. рус. закон.», т. I; «Ист. акты», т. I, № 154; арх. разр. № 2, стр. 105; № 5, стр. 156; № 48, стр. 241); № 41, стр. 52 – «Невместная грамота Гос. Ц. Иоанна Васильевича воеводе Замятне Ивановичу Сабурову».

Том III, № 18, стр. 90 – «Выписка из разрядной книги о выдаче головою по повелению Гос. Ц. Михаила Феодоровича бояр. к. Дим. Мих. Пожарского бояр. Бор. Мих. Салтыкову за необъявление пожалованного ему Салтыкову боярства» (1613); № 36, стр. 156, 1617 г. окт. 18 – «Наказ, данный Госуд. Ц. Михаилом Феодоровичем бояр. и воев. кн. Дм. Мих. Пожарскому о бытии ему обще с воеводой княз. Афан. Гагариным на Госуд. службе в Калуге»; № 55, стр. 222, 1621 г. мая 30 – «Указ Ц. Михаила Федор. и патриарха Филарета о том, чтоб дворяном, посылаемым в звании послов, посланников и гонцов, местами не считаться».

Том IV, № 115, стр. 371 – «Указ Ц. Феодора Алексеевича, объявленный разным чинам на постельном крыльце, о том, чтобы отнюдь не считаться отечеством и не ставить в укоризну и оскорбление назначения в крестные ходы для препровождения св. икон под опасением за неповиновение строжайшего наказания от Государя» (1679 г. ноября 2 дня); № 116, стр. 372 – «Докладная записка, поданная Госуд. Ц. Феодору Алексеевичу о наместничествах, коими по старшинству при посольствах и переговорах прежде пользовались и могут впредь пользоваться бояре, окольничие, думные люди, стольники и дворяне» (1680, в марте); № 130, стр. 396 – «Соборное деяние об уничтожении Государем Царем Феодо-

ром Алексеевичем местничества» (1682 г. генваря 12) (то же в Древ. вифл., т. XVII, стр. 422–455; Полн. собр. зак., т. II, № 905); № 161, стр. 478 – «Указ, объявленный московским чинам и годовым дворянам о немедленном представлении родословных росписей в разряд» (1683 г. окт. 28 дня); № 168, стр. 490 – «Указ г. Ц. ближнему бояр. кн. Вас. Вас. Голицыну о взыскании бесчестья с тех, которые напишут без *вича* жену думного дворянина»; № 183 – «Докладная выписка о внесении имени стряпчего с ключом Семена Полтева в боярскую книгу под думными дворянами с *вичем*» (1687 г. мая 8); № 212, стр. 633 – «Докладная выписка о том, чтобы имена дьяков в разрядных боярских книгах и городовых списках впредь писать с отечествами» (1692 г. марта 1).

В «Актах археогр. эксп.» находится следующее указание (т. I, стр. 335, № 289 – 1575–1584. Опись царского архива): ящик 145, а в нем «дела судные о местах князя Юрия Голицына с кн. Юрием Темкиным и пр.»; ящик 215; ящик 217 – «Дела судные о местах».

Писано о местничестве доселе весьма немного: В «Вест. Европы», 1815, ч. 81, стр. 184 – статья Ф. М. Карецкого, в коей изложены с ясностью общие понятия и факты о местничестве. «Русск. сборн.», т. II, стр. 1–15 – статья П. И. Иванова, указывающая преимущественно на исторический ход местничества; в т. III, стр. 269 и 371 – две статьи М. П. Погодина, в которых особенно указано на основные положения местнических споров и на историческое значение местничества, и того же автора в «Жур. М. Н. П.» – «О старшинстве между князьями Древней Руси» (статья I, 1841, № 2; статья II, 1814, № 6), в коей разобраны по данным местничества старшинство и наследство князей в удельное время. В «Москв.», 1844, № 6 и 7, в ответе на рецензию «Замеч. об осаде Троиц. Лавры», стр. 284–306, кроме нескольких любопытных выписок из разр. и верных замечаний на самое местничество, основательно разобрано дело о выдаче Пожарского головою Салтыкову.

Мы могли бы также указать на все важнейшие места, в которых помянуто о местничестве и историях России, в раз-

ных сочинениях по истории русской и пр., но все это так не отчетливо, что не заслуживает никакого особенного внимания*.

С уничтожением местничества место разрядных заступили родословные. Еще царь Феодор Иванович велел составить алфавитную роспись дворянских родов, подавших свои родословные в разряд. Эта роспись напечатана в конце «Известий о дворянах российских» Миллера (Спб., 1790, стр. 372, 494), а самые родословные напечатаны под названием «Родословная книга князей и дворян российских и въезжих всех родов» (Москва, 1787, 2 части).

«Сокращенное описание служб благородных российских дворян, расположенных по родам их, служащее продолжением краткому Опыту исторического известия о рос. дворянстве, в 1804 году напечатанному, собрал М. Спиридов» (2 части, М., 1810).

«Росс. родосл. сборник», изданный Долгоруким (4 книжки, Спб., 1840 и 1841); им же издано «Сказание о роде князей Долгоруких» (Спб., 1840).

В «Древ. вифл.» помещены несколько родословных: в т. IX – кн. Щербатовых, Репниных, Сонцевых, кн. Мосальских, кн. Одоевских, кн. Шаховских; в т. XI – разные бумаги, относящиеся к роду Левшиных, князей Волконских; и в т. XVII – кн. Голицыных; в нем же родословная Куракиных.

«Роспись дворян Воейковых. Соч. и издал игумен Ювеналий Воейков» (М., 1789); его же «Родословие» (Москва, 1792).

Того же Ю. Воейкова следующие родословия: Кропотовых и Дуровых (М., 1792); Чичериных (М., 1797); Сабуровых (М., 1797); Лопухиных (М., 1796); Коробановых (М., 1795); Макаровых (М., 1795); Козаковых (М., 1792); роспись князей Вад-

* Изо всех общих и частных историй России, кажется, наиболее внимания на местничество обращено *было* в «Ист. Смутного времени» Д. Бутурлина (Спб., 1833, т. I, стр. 16 до 21), но предположение автора о значении местничества не подкреплено никакими историческими данными и противоречит большей части тех, которые нам известны. В «Ист. рус. народа» (напр., см. т. VI, стр. 275, прилож. VIII) касательно исчисления споров о местах есть только выписка из «Нов. разряд.» без указания источника.

больских (М., 1792); родослов. кн. Голицыных (Спб.); кн. Куракиных (Спб.) (см. Сопикова IV, 310)*.

«Краткое описание о происшествии знаменитого рода Юрьевых-Романовых» Ю. Воейкова (М., 1798).

Устрялова «Род имен. людей Строгановых» (Спб., 1842).

«Историческое сказание о выезде, военных подвигах и родословии Левшиных» (М., 1812).

В «Севером архиве», 1824, окт., № 19 – записка о выезде в Россию правнуков князя Андрея Михайловича Курбского.

«Родосл. Арсеньевых, Дивовых, Нащокиных и др.» Бороздина (Спб., 1843).

«Родосл. кн. российских» Сумарокова (Спб.).

В «Записках касательно российской истории», ч. V, – «Родословник князей великих и удельных рода Рюрикова» (Спб., 1793).

«Зерцало российских государей» (Спб., 1794) Т. Мальгина, изд. 3, стр. 611–631 – «О древних российских княжеских родах» (во 2-м изд. 1791 г. нет).

«Краткое историческое повествование о начале родов князей российских, происходящих от великого князя Рюрика» (М., 1785).

«Опыт труд. Вол. рос. собрания» – «Послужной список старинных бояр»: с 1462 до 1676 – ч. I, стр. 216; с 1462 по 1508 – ч. II, стр. 268; ч. III, стр. 341; ч. IV, стр. 302 и ч. V, стр. 275. Сверх того, статьи о дворянских родах в «Энциклоп. лексиконе».

Наконец исчислим, что писано о чинах и службах в России:

В тех же «Трудах Вол. рос. собр.», ч. III, стр. 43 – «О древних чинах в России и должности каждого». Также Щербатова

* Источником и поверкой для родословных могут также служить *синодики*, сохранившиеся доселе во многих наших церквах и монастырях. Иногда вписывались синодики целыми родами, таковы, например, некоторые в Успенском соборе, в Новоспасском монастыре и в др. См., между прочим, И. М. Снегирева «Памят. моск. древности», в описании Успен. собора; есть тоже любопытные синодики в Даниловой пустыни, в 60 верстах от Москвы по Тульской дороге.

«Письмо кн. Щербатова в оправдание на охуление его Истории от г. М. Болтина» (М., 1789) и на него «Ответ Болтина кн. Щербатову» (Спб., 1789) от стр. 106 до 143 заключает в себе много весьма умного и дельного об образовании нашего дворянства, о чиноначалии и пр.; также «Примечания на ответ г. М. Болтина, соч. кн. Щербатова» (М., 1792).

«О старинных степенях чинов в России, в которых благородные службу производили и как были из одной в другую жалованы; также о чинах и о их должностях» (М., 1784).

«Известие о дворянах росс.» Миллера (Спб., 1790).

«Краткий опыт исторического известия о российском дворянстве, соч. Д. м. С. т. п. в. р. е.» (М., 1804).

П. И. Иванова «Обозрение поместных прав и обязанностей» (М., 1836), глава X, стр. 105 до 128 – «Древнее дворянство и чины придворной и военной службы».

В «Опыте о древностях русских» Успенского (Харьков, 1818) части 2-й все первое отделение, от стр. 147 до 376, и на стр. 707 прибавление о бывших прежде в Малороссии присутственных местах и чинах.

Особенно же замечательна «Речь об Уложении» проф. Морошкина (М., 1840).

В «Древ. вифл.» следующие статьи: т. XX, стр. 131 до 277 – «Историческое известие о старинных чинах в России», и от стр. 1 до 131 и со стр. 421 до 443. – «Послужный список бояр, дворецких, окольничих и др. с 1406 до 1676», и там же, стр. 271 до 421 – «О московских и других. старинных приказах».

«Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест российск. государ.» Т. Мальгина (Спб., 1803).

В «Жур. Мин. нар. пр.» Неволина «Об образовании управления в России от Иоанна III до Петра Великого», 1844, первые три номера.

В «Энцик. лекс.» статья о дворянстве.

В «Библ. для чтен.», 1835 – Устрялова «Ратное дело до Петра В.».

Приступая к самим замечаниям на разрядную, скажем еще несколько слов о важности разрядных вообще и объеме их содержания. Разрядные книги, если бы они и все были изданы, от начала единодержавия до уничтожения местничества царем Феодором Алексеевичем, не открыли бы, вероятно, ни одного важного события, до сих пор не известного в нашей истории, но объяснили бы нам многое. Введены они были в разрядных приказах преимущественно для того, чтобы определять в роды родов чиноначалие военной и отчасти придворной и гражданской службы, и потомственного по службе старейшинства военных, придворных и гражданских сановников, а потому в эти разряды от начала и до конца постоянно вписывались все походы, все приезды иностранных послов, все назначения военных начальников на места пограничной стражи, и какие места занимали во всех этих случаях какие именно лица; а иногда записывались придворные церемонии, царские столы, производства придворных чиновников и т.д. Следовательно, разряды для истории могут часто служить поверкой годов, чисел и княжеских, боярских и дворянских родословий, – обширным повременным и потомственным послужным списком всех чинов, важным для истории объяснением военного и часто гражданского и придворного чиноначалия и самой службы, и, наконец, любопытным исчислением существовавших тогда городов и указанием тех мест, на которых были пограничные стражи для защиты государства от восточных, южных и западных его соседей. Далее, в тех же разрядах представляется в полном объеме весь великий вопрос о местничества; ибо в промежутке длинных именных росписей в них помещались также многие споры, просьбы и жалобы о местах, судебные о них разборы и царские решения. Издать общий свод всех доселе уцелевших разрядных с подробным комментарием на все в них встречающиеся местнические случаи и объяснить таким образом весь ход и развитие нашего местничества есть дело многотрудное; но, может быть, первой важности и необходимости для внутренней истории России, – и только тогда, когда удовлетворительно разрешится этот вопрос, получит наука

право делать свои дальнейшие разыскания над древним внутренним бытом государства.

Приступаем к частным замечаниям. Мы не ручаемся за безошибочность наших выводов, не выдаем их за плод подробного изучения предмета, – представляем одни результаты внимательного рассмотрения самой разрядной. Подробное изучение других памятников, может быть, привело бы к другим выводам, но пока еще сделано так мало, и мы думаем, что самая ошибка (если только добросовестная) может быть небесполезна, ибо может навести на истину.

Военное устройство. Оно давно известно. Наша военная сила на время похода разделялась следующим образом: 1) большой полк; 2) правая рука; 3) левая рука; 4) передовой полк; 5) сторожевой полк*. Сверх того, 6) ертоул, легкий конный отряд для разъездов; 7) наряд (артиллерия); 8) обозы**.

Такое распределение военное делалось или в самое военное время, или при отправлении войска на ближайшее сторожевое место, которое всего чаще назначалось по сю сторону Оки, когда по язычным вестям ожидали с юга нашествия крымских татар. К этому главному ополчению присоединялись из других отдаленных пограничных мест городовые воеводы, которые управляли городом, или просто так называемые *сводные воеводы*, назначаемые к тому обыкновенным выражением: «С воеводой большого полка быть в сходе таким-то, а когда придут, то быть им одному с правой, а другому с левой руки» и т.п. Иногда же, смотря по важности ожидаемого набега, назначались на сии места особенные начальники. В Ливонскую войну царь Иоанн Васильевич давал начальство над всеми этими полками казанским царям Симеону и Шигалею и другим азиатским царевичам, принявшим подданство; но все они, начальствуя войском чаще только по имени, считались, однако, старее действительных воевод и имели особенного при себе пристава. С этих-то пор начинают вступать в ряды на-

* См. «Приговор Ив. Вас.» (1550).

** В разр. (напр. стр. 115) – порядок следующий: большой полк, правая рука, передовой полк, левая рука, сторожевой полк, обоз, наряд.

шего древнего боярства все эти азиатские безземельные цари и царевичи, разом ставшие в распорядке местничества выше всех древних боярских и княжеских родов*. Когда в походе находился сам царь, то военный двор его составляли: дворовый воевода, оружейничие, окольничие, рынды при оружейном царском доспехе и со своими *поддатнями*; последние бывали и у сыновей Грозного, Иоанна и Феодора. Почетное начальство в каждом отдельном полку принадлежало, во-первых, брату царя, потом сыну его Ивану, а за ним тем же царю казанскому и другим подданным царевичам, как то: Бенбулату, Камбуле, Ибаку и пр. Под ними, наконец, начальствовали первые воеводы из бояр и т.д.

Кроме разрядов походных, бывали еще разряды годовые, или годовое распределение воевод по крепостям и пограничным городам, так в разр.: *а по годовым были воеводы* (стр. 33), *того ж году разряд* (стр. 28). Иногда встречается: *а из меньшого разряду, из передового полку* (стр. 124) или *из Тульского и др. городов разряду*.

Пограничная стража была *отдаленная* и *ближайшая*. Это всего заметнее при самом назначении мест сторожевого войска против набегов крымских татар. Дальние отряды под начальством городовых наместников или воевод ставились в *украинных городах*, или, как иногда называлось, от *польские Украйны* в Орле, во Мценске, в Новосиле, в Данкове, в Ряжском, Шацке, в Пронске, на Рязани, на Солове, на Полове (ныне селения по Тульскому тракту в Орел), на Дедилов, в Михайлове, в Зарайске, в Туле, в Тарусе и Алексине. В этой же росписи помещались и войска в городах ближайших к собственно польской Украине; таковы были: Брянск, Путивль, Стародуб, Почеп, Чернигов, Новгород Северский и др. По получении вестей в Москве из украинных городов о приближении татар отправлялось войско на берег Оки. Воевода большого полку и вместе

* См. «Собр. госуд. грам.», т. III, № 184; «Труд. Вол. рос. общ.», т. V, стр. 99. Еще при рождении Петра Великого первые в росписи касимовские и сибирские царевичи – см. Штраленберг, «Дворц. зап.» (Стокгольм, 1730), ч. II, стр. 221, поход 1654 г.

главный начальник всего войска становился постоянно в Серпухове*, передовой полк – в Калуге, воевода правой руки – на Мышеге** или в Тарусе и в Алексине; воеводы левой руки – на Кашире, сторожевой полк – на Коломне. При главном воеводе находился всегда дьяк с разрядом для справок и разрешения на месте всех представлявшихся между военачальниками случаев и споров о местничестве, кроме других лежавших на нем обязанностей. При артиллерии или у *наряда* и у обоза были особые воеводы и головы.

Сторожевое войско от литовской и немецкой Украины становилось в городах Можайске, Верее, Вязьме, в Ржеве и в Заволочье***, в Смоленске, в Торопце, в Великих Луках, в Полоцке, в Юрьеве Дивонском, в Ругодиве (Нарве), Ивангороде и других к северу, как, например, в Пернове, Орешке и прочих городах, покоренных в Ливонскую войну царем Иоанном IV.

Третьей пограничной стражей были низовые города, в которых наблюдали за Казанью и Луговою Черемисой. Отряды сии под начальством городовых воевод размещались в Казани, в Астрахани, в Свияжске, в Чебоксарах, в Новом Кокшайске, в Тетюшах, в Лаптеве, на Олатыре, на Курмыше, в Арзамасе, в Нижнем Новгороде и др.****.

Относительно местничества мы рассмотрим каждое царствование отдельно, и в хронологическом порядке постараемся

---

* Сравни «Акт. ист.», т. II, стр. 426, № 356. Большой полк ставится в Серпухове, правой руки полк – в Калуге, левой руки полк – на Кашире, передовой полк – на Коломне, сторожевой полк – в Алексине.

** Карамз., т. VII, пр. 294: *В. К. (В. И.) отдал Мстиславскому городки Шемякины в отчину, Ярославец, Кременец, волость Мышегу да Коширу в поместье.*

*** См. Карамз., т. IX, стр. 204: *Заволочье, пригород Полоцка*; и в т. VIII, пр. 49: *В Ржевском уезде на озере Заволочье город Заволочье.*

**** Замечательно в филологическом отношении, что пред некоторыми городами употребляется *на*, перед другими – *в*. *На* встречается гораздо реже и, вероятно, должно объясниться местностью города или его происхождением. Так, если город имел свое название от реки, *на* которой стоял, ибо доселе говорится *на Волге*, *на Оке* и т.д., а потому говорилось и *на Лопасне* (Лопасня на реке Лопасне) и т.д.; или город образовался из стану и т.п., ибо говорится *на стану* и т.д.

разобрать и по возможности объяснить* по тем данным, которые нам доставило изучение разрядных и других источников, все более или менее замечательные случаи.

От 1559 до кончины Грозного, по 84 год, в продолжении 25 лет представляется в нашей разрядной не более 50 случаев, в которых были споры или челобитья по местничеству. В арх. разр. под № 3 в эти 25 лет находим их до 90**. Но это число можно по всей справедливости убавить, по крайней мере, одной третью, считая за один случай те из них, когда 6, а иногда 8 и более челобитчиков ищут друг на друга вследствие одного

* Так, например, разобрать местнические счеты возможно было только там, где все имена и степени приводимых в споре лиц совпали в точности с их родословиями в «Род. кн.», и по ней могли быть отысканы и поверены их отношения. Вообще такой комментарий на ту или другую разрядную *или* даже на одно из больших дел, напечатанных в «Сборнике», – первое, с чего следовало начать, чтобы приступить к разгадке и объяснению местничества, строгой, самозаключенной в себе системы отношений, от которой утрачены нами даже все предания. Местничество должно перейти через тот же процесс, которым прошла наука римского права в эпоху екзегетиков. Всякая же попытка прямого изложения его общих начал и основных положений прежде, чем оно не перешло через такую разработку, не сведены вместе и не объяснены все его исключительно ему принадлежащие понятия и выражения и не разобраны отдельные и частные отношения, – должна необходимо завести в нескончаемый ряд произвольных предположений, и одна ошибка – необходимо повлечь за собой десяток других.

** Против нашей разрядной в ней находятся 5 случаев за 1560, 1561 и 1562 годы, под которыми в нашей не значится ни одного. С 1565 по 1580 год 29 случаев одни и те же. Далее арх. разр. № 3 совершенно разнится от нашей, и последние два года заключают почти столько же челобитий, сколько все первые 28: 1582 – 90, а 1583 – 19. В арх. разр. № 5 (стр. 131) мы находим тоже около 90 случаев, от 90 до 95, и в той же соответственности с годами царствования. В этом числе нет многих, которые находятся в № 3 и в нашей разр., – и наоборот, находятся там такие, которых нет в № 3 и в нашей. Из числа последних не находим 3 от 1559 до 1565, и 6 до 1579, за 1579-й же год – 10, и 15 – за остальные. Впрочем, некоторые одни и те же случаи могли быть приняты нами за разные по различию или сбивчивости в именах собственных или по ошибке. Но мы не считали, однако ж, необходимым такое если и не вполне отчетливое сличение нескольких разрядных, чтобы убедиться, что выводы наши об отношении числа местнических споров к тому или другому царствованию или к разным годам одного и того же царствования, а следовательно, и о развитии самого местничества, – не случайные выводы из одной нашей разрядной, а положительно оправдываются современными памятниками.

несправедливого назначения, или когда по поводу одного челобитья бьют челом на то же лицо или друг на друга два или три других (так, напр., арх. разр. № 3, стр. 308, п. 51 и др.). Следовательно, настоящих случаев или споров по местничеству, не считая последние два года грозного царствования, было не более 30 или 35 во все первые нами разбираемые 20 лет, и приходилось не более 3 случаев на 2 года.

Все они происходили преимущественно между военными чинами. Во все это время представляются весьма немногие примеры споров у придворных чинов или на придворных церемониях и за столом царским (Годун. с Сиц. на седьмой свадьбе ц. Ив. В., стр. 42; см. арх. разр. № 5, л. 653, и Древ. вифл., т. XIII, стр. 116 – три челобитья). Решались эти споры грозным царем большей частью скоро, и благоразумно, и, к удивлению, милостиво; оканчивались обыкновенно тем, что челобитчика ставили ниже того, на кого он жаловался (так, например, поставлен был выше Сицкого Борис Годунов в разр. 1571 г., стр. 27); часто же прекращалось тем, что местничавшимся лицам не давали между собой счету (1575 г., стр. 5; 1583 г., стр. 83; 1585 г., стр. 86); иногда для избежания споров перемещали воевод с одной пограничной стражи на другую, отдаленную (по тогдашнему выражению *разводили*). Всего же чаще встречается следующее решение: *Служить без мест, а как служба минет, тогда и счет будет дан* (1583 г., стр. 83; 1586 г., стр. 92). Для решения споров назначаемы были один или два боярина, при них дьяк (на стр. 126 и 127 – дьяк разбойной избы (?)), «да записывал подьячий». Но иногда сам Грозный, охотник до исторических розысканий и критики вообще, брал на себя труд разбирать челобитчиков и сам выводил их поколенные росписи, вычислял службы их предков и давние многосторонние отношения этой службы к другим родам и лицам, судил и рядил, но всегда более или менее соображаясь с обычным правом и ссылаясь на его положения (такова, между прочим, грамота на стр. 41); иногда отставлял от дела случаи, представленные челобитчиками, и сам придумывал новое замысловатое отношение, по которому и приказывал решать (см. Сб., т. II, д. I).

Следовательно, при Грозном споры о местах были не так часты и прекращались без больших хлопот и невыгод для службы. Целые годы, как кажется, проходили без споров, – так, например, 1562 и 1563 или 1564*, – а в первые 6 лет войны Ливонской (с 1558) в нашей разрядной не записано ни одного, а в новиковской и архивной № 3 – только 6 (в арх. разр. № 5–131 тремя больше, всего 9, из коих 2 лишние случая находятся также и в арх. разр. № 48–847, оканчивающейся 1556 г.); так и до самого 1572 года не приходится более одного случая на год. Но начиная с 1572, года уничтожения опричнины, число их удваивается и возрастает с каждым годом почти в геометрической пропорции, – что легко объясняется тем, что опричнина необходимо должна была спутать все отношения. Теперь приступаем к объяснению самих случаев в их хронологическом порядке.

Стр. 23, 1569 г.: *Из опричнины под Изборском бояр. Очин-Плещеев и окольн. Умный-Колычов бьют челом в отечестве, но велено быть без мест.*

Стр. 24: *Ц. и В. К. велел окольничему Василью Умному ехать в Александровскую слободу и написать роспись, и по той новой росписи из опричнины в Калуге были воеводы по полкам.*

Здесь мы находим положительное свидетельство, что опричнина не исключала местнического распорядка, как то можно было бы априори заключить из значения самой опричнины. Сверх того, мы находим, что опричные бояре и воево-

* По сличении всех пяти рукописей: арх. разр. № 3–123, № 5–131 и № 48–847, нашей и Новикова оказывается, что если не в одной, то в другой на каждый из этих годов приходится хотя по одному случаю. Но так как одни и те же случаи не раз означены под разными годами, то можно по справедливости заключить, что хотя один из этих годов, вероятно, прошел вовсе без споров; также мы можем положительно сказать, что во многих годах малолетства Иоаннова (так, напр., с 1530 по 1536 г.) не показано ни одного спора ни в одной из 8 сличенных нами арх. разрядных № 5–131, № 13–812, № 4–158, № 3–123, № 24–178, № 48–847, № 2–28, а с 1493 по 1530 – только 7. Начиная же с 1536 года если не в одной, то в другой из этих 8 разр. приходится если не 3 или 4 (наибольшее число до 1556 г.), то, по крайней мере, хотя один случай на каждый год.

ды одинаково считались между собою отечеством и бивали челом государю в местах. Так, в арх. разр. № 5 под 1569 годом, лист 446: *Да из опричнины же по росписи бояре и воеводы З. И. Очин-Плещеев да окол. В. И. Умной-Колычев. И Очин бил в отечестве о счете на околнич. на В. и Умнова-Колычева, и Ц. и В. К. грамоту невместную Очину пожаловал дал*. Остается же нерешенным один только любопытный и необходимо представляющейся вопрос: считались ли местами опричники с земщниками, и какое между ними было служебное отношение? Мы находим, что не только были особые опричные и земские полки (а потому и *роспись* воеводам из *опричнины* может относиться только к одним опричным полкам), но что даже опричные полки бывали соединяемы с земскими, и тогда воеводы земские бывали в одном полку с опричными: большого полку опричный воевода с земским воеводой большого полка и т.д. Так в «Древ. вифл.» (т. XIII, стр. 400, под 1570 г.): *А где случится воеводе кн. И. П. Шуйскому с товарищи сойтися под людьми с о п р и ч н и н н ы м и воеводами, и сшедшися быти по полком, большому полку в бол. п., передовому полку в пер. п., сторожевому полку в стор. п., а люди с ними по их спискам*. Той же опричниной и земщиной должно быть объяснено следующее место в той же «Древ. вифл.» (стр. 354 под 1564 г.): *А как сойдутся с вяземскими и со ржевскими воеводами холмские бояре и воеводы, и тогда быти бояром и воеводам, кн. И. Ф. Мстиславскому с товарищи, по росписи по полком с бояр. с кн. И. Д. Бельским. Большому полку в бол. п., правой руке в прав, р., передовому п. в перед., сторожевому п. в сторож., левой руке в лев., и быти у Государева дела бояром и воеводам без мест* (это место относится к половине 1564 г., и следовательно, ко времени учреждения опричнины или весьма незадолго до ее определенного образования). В таком случае не могло не явиться новое местническое отношение воевод земских к опричным, которое если не было наперед установлено грозным царем, должно было необходимо привести к новым спорам и образовать целый ряд новых спорных отношений. Но опричнина продолжалась так недолго и осталась в нашей

летописи тем же почти, чем была эпоха терроризма в истории Франции, и потому не могли в такое время определиться никакие отношения, получить своей законной или обычной силы. Вероятно же, что кроме страха самой опричнины возможность новых споров и новых спорных отношений была устраняема определениями Грозного: *быть без мест*, как мы то и видим в двух приведенных нами местах. Других же положительных данных известные нам источники не представляют покуда, но мы находим сверх того в деле VI «Историч. сбор.» (т. II) следующие любопытные указания об общем отношении опричнины к местничеству: на стр. 113 кн. Елецкий отстраняет от дела случай, представленный кн. Вяземским, говоря, что *то деялось в опричнине*, а на странице 16: *а хотя и будет, таков разряд и был, а та была Государева воля в опричнине, а в том Государь волен.* Распорядок же местничества (как мы увидим ниже – разбор стр. 106) не принимал в рассуждение ни опалу царскую, ни временное унижение чести волей государя, когда она нарушала его обычное право, а потому можно было бы справедливо заключить из этих слов, что этот распорядок считал также незаконным пред своим судом *все, что делалось* в опричнине.

Стр. 25, 1570 г.: *А которым воеводам в котором городе быть не вместно, и тем воеводам быть для Государева дела без мест.*

То есть если какой-нибудь воевода будет назначен в такой город, который не довольно честен для того места, которое он занимает в распорядке местничества, то... Здесь видны следы древнего отношения наших городов, города к пригороду и т.д. (см. Нестора по Кенигсб. сп. – отношения Ростова к Владимиру; также в «Род. кн.», т. I, стр. 74: *Всеволод посадил большого сына на Ростов, а после себя давал в. книж. Владимирское, а он хотел Володимира к Ростову* и пр. и пр.), вследствие коего они составляли между собою такую же лествицу чести, как и лествица родовая или служебная (если и не столько определенную) и которая соответствовала в эпоху удельную взаимной части удельных князей между собой, а в позднейшее

время была применяема, но еще с меньшей определенностью, к новому распорядку чести служебной. Так, еще в 1628 году один воевода не хотел быть ниже другого, потому что первый назначен в Переславль-Залесский, а второй в Михайлово (Ист. сб., т. II, д. XIII). Так, еще в 1648 году (см. Дворц. зап., т. II, стр. 78) Владимирский судный приказ в Москве считался честнее Московского судного приказа – почтенный остаток древнего отношения пригорода Москвы к Владимиру, которое уцелело среди всего величия Московского царства, ибо тот распорядок древней чести, который создавал эти отношения, уже потерял в себе всякое живое начало. Так и в деле VIII воевода, назначенный в Монастыревской, считает себя униженным честью перед тем, который назначен в Чернигов, потому де, что *Монастыревской – пригород Чернигову.* Наконец, разные части городов не только Москвы (см. Сб., т. II, д. VIII, стр. 164; д. X, стр. 323), но и других городов (так Новгорода торговая сторона честнее Софийской – см. дело IV) считались честью между собой. И даже в Юрьеве, только что завоеванном в Ливонскую войну, бóльшая честь Аможских ворот на Московскую дорогу перед Рижскими воротами, которые ведут в Чухну, доставила кн. Долгорукому *случай* выиграть дело у Приимкова и стать выше его местом, несмотря на то, что дед и родители кн. Приимковых были честнее Долгоруких.

На странице 40 под 1573 годом в грамоте Федору Троекурову: *Дядя твой кн. Иван равен кн. Костентину Курлетеву, а ты потому равен третьему сыну князь Костентинову Курлетева*. Следовательно, больше одним местом четвертого сына Ивана Курлетева, на которого он бил челом (см. Р. кн., стр. 213), или, переводя другими словами на тот же язык местничества: ты относишься к своему дяде, или столькими же местами ниже его, сколько третий сын меньше своего отца, т.е. пятью местами, ибо *всякий сын от отца четвертое место* (Сб., т. II, стр. 365 и 384), *Сицкий меньше отца своего семью месты, потому что пятый сын*. Но развертывая «Родословн.» (стр. 117), мы находим, что Федор Троекуров по тому же расчету меньше своего дяди Ивана семью месты, ибо дядя его Иван был первый сын,

а отец его четвертый, следовательно, меньше его тремя месты; он же у отца второй сын и, следовательно, меньше отца четырьмя месты, почему Федор Троекуров меньше третьего сына Курлетева двумя месты и, следовательно, четвертого сына Ивана одним местом. Потому мы видим, что первое назначение Ф. Троекурова ниже Ив. Курлетева было совершенно правильное, а грамота, как должно полагать, дана была незаконно. В подтверждение же этого предположения мы находим в самой разр. следующую приписку: *А та ему грамота дана по дружбе, дружачи дьяка Андрея Щелкалова Ивану Шереметеву, что он князь Федор Ивану шурин*. Приписка эта ясно показывает, что грамота считалась самим разрядом незаконной и, вероятно, была в нем сделана впоследствии, чтобы дать возможность будущему челобитчику оспорить ее действительность. Для местничества в эту эпоху еще продолжало быть высшим законом его обычное право, и оно нередко прямо оспаривало письменные акты и царские грамоты потому только, что они противоречили ему; так, например, при Годунове подлинная невместная грамота, данная Грозным, была обвинена воровской, несмотря на скрепы и дьячью подпись, и дьяк Щелкалов, вызванный решить подлинность ее, отвечал справедливо или нет: *что такой не довелось дати, а поднес который подьячий во многих делах и подписал де он за неведы*. Следовательно, самая подлинность акта мерилась его законностью. Но вывод царской грамоты, что Троекуров родом равен третьему сыну Курлятева, не мог быть сделан безо всякого основания, основанием же ему мы находим следующее. Из «Род. кн.» мы видим, что двое других дядей Ф. Троекурова умерли бездетны, а если их исключить из роду, как не оставивших по себе потомства, то действительно Ф. Троекуров меньше своего дяди пятью месты. Таков был, вероятно, неправильный расчет царской грамоты или, может быть, правильность того или другого счета принадлежала к спорным вопросам в самом местничестве.

На странице 42 челобитная Ив. Вас. Шереметева на кн. Юрья Курлятева и кн. Андр. Хованского. Первый довод, или *случай*, Шереметева следующий: кн. *Александр Кашин был*

меньши отца моего Василья... а кн. Костентину Курлетеву был дядя. Но в грамоте своей царь Ив. Васильевич отвечает следующим: *Шереметев сказывает что А. Кашин Константину* (отцу Юрья. – *Д. В.*) *дядя пятый… А по нашему счету кн. Александр Кашин кн. Костентину семой дядя; а по нашему уложенью первого брата сын четвертому давно* (вместо *давно* следует *дяде* – как и по смыслу, так и потому, что мы находим *дяде* в списке той же грамоты в III портфеле Миллера под 1574 г. и в арх. разр. № 5. – *Д. В.*) *в версту*. И действительно, по родословному счету, приведенному в грамоте (стр. 43) и совершенно согласному с «Род. кн.» (стр. 212) и ее пополняющему, А. Кашин приходится Конст. Курлятеву *седьмым дядей*, ибо общий родоначальник их Иван Оболенский Константину прапрадед, а Кашину только прадед, следовательно, последний одной степенью выше, – по счету же местническому назывались одинаково братьями все находившиеся в одной степени от общего родоначальника; племянниками – те, которые степенью ниже, и т.д., как бы далеко не разошлись между собою линии и хотя между ними не могло уже быть никакого счету родства, считая даже по «Кормчей книге». Сверх того, Константин происходил от первого сына Ивана Оболенского, а отец его и дед были также первые сыновья; Кашин же происходил от пятого сына князя Ивана (почему, вероятно, Шереметев и счел его пятым дядей Константина), но Кашин был у отца второй сын, и сам отец его тоже второй, и потому еще двумя местами ниже, и, следовательно, *седьмой*, ибо пятым дядей мог быть только старший сын старшего брата его отца, Ивана Лыкова, а шестым дядей был его старший брат Ив. Глухой. Но сам Константин у своего отца второй, и потому следовало бы одно место вычесть и ему быть только *шестым племянником*, однако ж ни Шереметев не воспользовался этим, ни царская грамота не поставила этого в счет. Объясняется же оно тем же, что мы утверждали в разборе предшествующей грамоты – в «Род. кн.» замечено, что старший брат Константина Михаил бездетен.

Замечательны при этом темнота и неопределенность, существовавшие в местнических делах для самих тяжущихся.

Так во многих делах мы находим что челобитчики, сами того не зная, приводят случаи, которые обращаются им же в невыгоду – так и Шереметев основывается на Кашине, который по отношению, где-нибудь им же высказанному (но, вероятно, не выведенному, что и подразумевает грамота), приходится пятым дядей, между тем как Шереметев не мог не знать такого обычного закона и основного положения местничества, какое приводит грамота и которое не могло быть каким-нибудь новым *уложением* царским (на которые местничавшиеся часто не обращали никакого внимания, хотя и сказано: *по нашему уложению* (см. предш. грам. и ниже)). Впрочем, это объясняется, может быть, тем, что *дядя* все-таки сохранял известный почет, особливо же при отдаленных счетах.

Здесь мы находим также, отчего для нас запутываются до такой степени все отношения по местничеству. Мы видим, как от одного родоначальника Оболенского образуется в четыре поколения четыре новые различные фамилии (так, напр., в деле 1 (Сб., т. II) прозвище *Булгаков и Голицын* постоянно заменяются одно другим). Причина, почему часто спешили принять новое название (кроме того, что то было в обычае) и начать от себя новое колено рода, т.е. через несколько поколений новый род, была, кажется, следующая: каждый меньший в роде спешил для себя и своего потомства отделиться от своих старших, чтобы в распорядке местничества не быть *утягиваему* от других этими старшими и общей лествицей, и особливо если удалось ему стать высоко в разряде и опередить в нем своих других высших родичей, – тогда своим новым именем он как бы спешил упрочить свой разрыв с родом и привести в забвение свое прежнее низкое родовое отношение. Так даже и между высшими в роде, если кто достиг первых мест по службе в разряде, то имел одинаково всю выгоду оторвать свое потомство от счета предшествующею лествицей. Ибо вообще, так как каждый *родственник* мог унизить честь всего рода (см. ниже разбор стр. 137) своей низкой службой или службой с низшим (от которой не умел отстоять себя или доказать свою высшую, иногда спорную или неясную честь, что становилось

тем труднее, чем далее расходился счет), то каждый достигший высшей чести, какой только мог домогаться *в свою меру*, и уравнявшийся в этой разрядной чести со своими прочими родичами или опередивший их, имел всю выгоду сделать этот *род* как можно теснее для своего потомства. Всякое же унижение родственника если и не приводило к унижению чести всего рода, то к челобитьям и утягиваниям от других при первом удобном случае. А дать повод к таким утягиваниям наши предки боялись не менее как и положительной утраты самой чести, для чего и подавались беспрестанно протесты, – или челобитья и отводные, памяти для записки в разряд (см. Сб., т. III, стр. 385), которые государь приказывал записать, когда находил правильными (так на стр. 94 записано челобитье Салтыкова), или, напротив, отказывал в записке челобитной, и тогда самая челобитная не принималась или возвращалась назад по ее рассмотрению (так на стр. 128 отказано было Тюфякину). А потому наши предки были всегда настороже за себя и других и *быть знатком в своей версте* (см. Сб., т. II, стр. 288) много значило, чтоб удержать свое место или подвинуться вперед. Но это постоянное оберегание своей чести было, разумеется, тем труднее, чем больше было таких, от кого оберегаться, т.е. чем больше был род и чем больше со временем все эти роды разрастались и отношения между собой путались.

Впрочем, все такие колена, принявшие особые прозвища, еще продолжали считаться *одним родом* и считаться между собой лествицей, пока *не разошлись далеко* (см. дело Пожарского), но это *далеко*, кажется, не имело никакой определенной границы и зависело от той выгоды или невыгоды, которую это продолжение счета лествицей давало тому или другому. Заключая из слов Пожарского (Сб., т. II, стр. 310) – *в своем родстве Стародубских и Ряполовских, ничужого роду* (см. также Сб., т. II, д. I и II, стр. 58 – *отставку чужими роды*) – чужим родом назывались только те, которые вовсе не принадлежали к одному корню; но не назывались ли также чужим родом те, которые так далеко разошлись, что уже не считались долее лествицей? То есть не повторялось ли с дальнейшим развет-

влением боярских и княжеских родов то, что мы видим в роде Рюриковичей? На это отвечать положительно трудно. Ольговичи бесспорно считались чужеродцами с Мономаховичами в удельную эпоху, так же как в позднейшее время разные княжеские роды, происшедшие из разных главных уделов, считали себя друг к другу чужеродными, хотя и было сознаваемо всеми одно общее происхождение от Владимира Св. С другой же стороны, мы находим, например, что Вяземские в 1630 году (см. Сб., т. V, д. III, стр. 67, 83 и др.) еще считались *одними* с Жижемскими и Кропоткиными, хотя общим родоначальником их был Ростислав Мст., внук Мономаха, умерший в 1167 году (Жижемские же даже отъезжали в Литву и только при Василии Ив. выехали снова в Москву). И спустя почти пять веков после этого общего родоначальника Вяземский еще утягивал своего противника общим *меньшинством* перед ним по лествице Жижемских, основываясь, вероятно, на том только, что Жижемские пошли от меньшего сына Ростислава. При этом следует, однако ж, заметить, что Ростислав был основателем отдельного и самостоятельного роду кн. Смоленских с их разветвлениями; Пожарские же, напротив, происшедшие от Юрия Долгорукого, не считались вовсе одними с Вяземскими, – хотя в действительности они были с ними также *однородцы*, и общий родоначальник Владимир Мономах стоял только двумя степенями дальше.

Другой довод Шереметева был следующим: *А со кн. Костентином Курл. равен кн. Иван Лугвица-Прозоровской, а брат меньшой кн. Иванов кн. Ф. Прозоровский бывал со кн. Иван. Троекуровым, а кн. Иван в своем роду меньше к чужому кн. Мих. Курбского. Отец же Шереметева был в большом полку в третьих, а Курбский в левой в третьих.* Счет здесь был следующий: Курлятеву равен Ив. Прозоровский, меньшой же следующий (см. Род. кн.) брат Прозоровского Федор по тому самому меньше одним местом И. Курлятева, но был с Троекуровым и, следовательно, по крайней мере, одним местом его меньше и, следовательно, Троекуров, по крайней мере, равен как Ив. Прозоровскому, так и Конст. Курлятеву; Троекуров же

меньше Курбского, а Курбский меньше отца Шереметева и, следовательно, К. Курлятев, отец Юрья, меньше его отца. Но царь Ив. Васильевич на это отвечает в своей грамоте, что тот разряд смутил Овчина, и потом на конце выводит, что, напротив того, отец Шереметева меньше Константина Курлятева.

Здесь мы обратим внимание сверх того на два замечательных выражения: Шереметев пишет, что с К. Курлятевым *равен* И. Прозоровский, грамота же переводит эти слова, как вещь саму собой разумеющуюся, так: *Роспись, что прислал Шереметев, что развели кн. Ивана Прозоровского...* Так и в деле Пожарского (стр. 326) мы находим: *кн. П. Пожарский отставлен для кн. Мих. Гвоздева по его княж Петрову челобитью, ино по тому челобитью и по отставке кн. П. Пожарский учинился ровен кн. Мих. Гвоздеву в отечестве*. По самому значению местничества двое ровных между собой никогда не могли находиться вместе на одной и той же службе, ибо один из двух был в таком случае необходимо унижен перед другим. В избежание же этого их тогда *разводили*, т.е. одного из двух отставляли или переводили в другие города и на другие службы.

Другое замечательное выражение: *А кн. Ив. Троекуров в своем роду меньше к чужому М. Курбского*. В той же грамоте мы находим: *А кн. Ю. Глухой меньше в своем роду кн. Серебряного*. Курбский же также *свой род* с Троекуровыми, как и Глухой с Серебряными; для чего же стоит после этого в первом случае это неопределенное – *к чужому роду*, и к *чужому* вообще (а не к какому-нибудь известному чужому роду)? В делах по местничеству и в разрядных мы находим также несколько таких выражений: так в арх. разр. № 812–813 (стр. 308): *А Михайла Воронцов, да Мих. Юрьев, да Мих. Тучков сказывают в отечестве болши Юрья Шеина, Василей Шеин к чужому роду Дмитрею Воронцову в версту сказывают, а Иван Шеин к чюждому роду сказывают Фетке Воронцову в версту*. В арх. разр № 5–131 (лист 762): к *чужому роду брата не меньше*. В «Сб.» (т. II, стр. 252): *Дядя мой окол. Семен Фед. Сабуров в родстве у нас мал к чужому роду, а мне Юрью*

Гр. Пилемову в версту; на странице 359: кн. *Андр. Хилков в своем роду меньший дяди своего кн. Татева к чужому роду 3 месты*. Выписав родословную (см. Род. кн., т. II, стр. 79) и приложив к ней обыкновенный счет местничества, выходит, что действительно Хилков меньше Татева тремя местами, из чего мы можем, по крайней мере, заключить, что при этом *к чужому роду* не было никакого особенного счету. Наконец в самой разрядной (стр. 86 под 1584 г.) мы находим следующее: Ноготков бьет челом на Куракина, а Куракин в ответ просит, чтобы спросили Ноготкова: каков он в родстве своем с Ив. Курлятевым, кто из них *больше к чужому роду*, – на что Ноготков отвечает, что они ровны; тогда Куракин доказывает разрядами что Ив. Курлятев бывал его меньше. Куракин с Ноготковым чужеродцы, – Ноготков же с Курлятевым одного рода, и потому здесь, когда *чужеродному* Куракину Ноготков отвечает, что он в *своем родстве* с Курлятевым таков-то *к чужому роду*, это выражение и смысл его сами по себе кажутся ясны и не требуют другого объяснения; но для точного и полного уразумения его значения мы должны сперва уяснить себе, хотя несколько, отношения *своеродцев и чужеродцев* к разрядам и различие *счетов* в том и другом случае (см. подробное раскрытие родовых отношений в разборе стр. 119).

Споры и счеты могли происходить между родственниками, т.е. принадлежащими к роду в его тесном смысле, как, например, Ромодановского с его племянником (см. Дворц. зап., т. II, стр. 154), но это бывало редко, ибо встречалось к тому и меньше случаев, да и самые споры такие чаще решались, по всем вероятностям, полюбовно и семейным, домашним разбирательством (так и в приведенном нами примере государь велит решить спор между дядей и племянником *их старым родителям*). Или эти споры и счеты бывали между однородными, т.е. между такими, которые происходили от одного родоначальника, но уже не были в кровном родстве между собой, и тогда счет между ними был *лествицей*, или *разрядами*, или тем и другим, как кому было выгодно, и смотря по тому, как далеко друг от друга *разошлись* (см. дело Пожарского), и что

было причиной спора. Если спор этот возник вследствие одних неясных и спорных родовых отношений, как то могло нередко встречаться при отдаленных и разветвленных родовых счетах (но, вероятно, в таком случае спор этот был также отдаваем на суд *старых родителей* и не переходил в область суда гражданского), тогда, как само собой очевидно, не могло быть другого счета, как одной лествицей. Или этот спор произошел вследствие нарушения родовых отношений отношениями разрядными (как иначе почти никогда и не бывало и как мы находим во всех дошедших до нас своеродных спорах, ибо только такие споры и могли войти в разряды), – тогда счет, разумеется, необходимо был и лествицей и разрядом, ибо самое назначение суда в таком случае могло быть не иное, как то, чтобы уравновесить эти два противоречивших между собою отношения или дать победу одному из них перед другим. Сверх того, – заключая из самопоследовательности самих местнических начал, – такой спор и счет, вероятно, не должен был выходить из пределов самого (т.е. *своего*) рода в его широком смысле; и спорившие, как *однородцы*, не должны были считаться своими отношениями к чужеродцам (разве когда разошлись так далеко, что и свой род уже считался за чужой), чему мы и находим следующее свидетельство в деле Шуйского с Голицыным (или Булгаковым) (Сб., т. II, **д. II, стр. 58) – однородцев между со**бой: *Бояре считали, кто каковы Шуйские и Булгаковы были по р а з р я д а м, и кто к кому каков близок по родству кн. И. П. в Шуйских и кн. Д. Ю. в Булгаковых**, *и Ц. Ив. Васильевич, вы-*

* Или, наоборот, на странице 27 того же дела: *Кто х кому* (т.е. из высших или низших. – *Д. В.*) *по родству к тем воеводам* (т.е. И. Шуйскому и Д. Булгакову. – *Д. В.*) *каков близок? считали.* Здесь сказано то же, но в более общем смысле и не с той определительностью; и потому первое место исключается вторым на странице 58: *Хто ково больше или меньше или в версту по разрядом* (т.е. И. Шуйский Д. Булгакова. – *Д. В.*) *и кто к ним каков по родству.* Значение же его следующее: бояре, сыскав, кто бывали высшие по разрядом в Шуйских (или и *низших*, если только были в роду такие, которые своей низкой службой могли понизить честь высших) и кто в Булгаковых, – считали, как относились по лествице к этим *разрядным высшим* И. Шуйский в своем роду и В. Булгаков в своем; или если не относить слова *кто х кому по родству хто каков* найдется *по разрядам* и понимать каждое отдельно, то бояре сочли сперва, каковы были по разрядам Булгаковы и

слушав счет и суд бояр, указал дело вершить по тем случаям, как был на Пскове кн. П. Шуйский с кн. Ю. Булгаковым, а иные случаи, что тягались кн. В. с И. Шуйским чужими роды, от счету бояре отставили.

Всего же чаще и почти исключительно представляются одни споры и дела между чужеродцами. Чужеродцы же, как само собой разумеется, не могли иметь между собой другого прямого счета, как разрядом или службой, но каждый из них приводил свое отношение к своему единородцу, которым мог себя возвысить пред противником, – или отыскивал в своем противнике отношение к единородцам, которым бы мог его унизить перед собой. В таком случае все единородные являлись для каждого из споривших как один род и одна единица в противоположность к *чужому роду*, и потому очень естественно в таком случае выражение, что такой-то относится в своем *родстве*, т.е. в своей лествице, к такому-то *так-то*, как среднее звено, для того чтобы вывести через *это среднее отношение* его отношение к чужому роду, т.е. к известному *чужеродцу* (к которому его прямого отношения по службе и разряду не было, и потому этот X, неизвестное отношение их друг к другу, могло быть не иначе отыскиваемо, как через средние отношения к своеродным). Обычный же язык местничества, разумеется, опускал все эти вводные слова и предложения и сами собой разумевшиеся ему *досказы* и говорил

каковы Шуйские, каждые как целый род (род понятый в его совокупности, как одна единица – см. Сб., т. II, стр. 171, 180 и ниже), и как относились друг к другу во взаимной лествице родов, – и потом считали, как И. Шуйский относится как единица к своему роду (*и к общему родоначальнику*, ибо Шуйские с Булгаковыми были одного роду, и особливо – если еще не могли считаться между собой далеко разошедшимися), и таков ли же, или больше, или меньше, чем каков В. Булгаков, как такая же единица, ко всему своему роду. Но чтобы вывести это отношение, вероятно, считали только между наличными членами рода: какое между ними высшее или низшее место занимал Шуйский между своих и Булгаков между своих же; а тем самым отыскивалось отношение каждого и ко всему роду, ибо взаимное отношение всех последних членов рода определялось отношением каждого из них ко всем предыдущим степеням, ибо каждый был мал или велик в лествице, смотря по тому, был ли он первый, второй или третий и т.д. сын у отца, и отец его, дед и т.д. были ли также первые, или вторые, или третьи и т.д. сыновья.

просто: что такой-то относится к такому-то так-то, *к чужому роду.* Проверив же и разобрав все случаи, где употреблено *к чужому роду*, мы действительно находим, что это выражение встречается только в спорах чужеродцев, среди которых взаимные отношения своеродных приводятся как одни посредствующие звенья.

То же самое подтверждает и объясняет далее приведенное нами: *что дядя мой окол. С. Сабуров в родстве у нас мал к чужому роду* – ответ Пильемова, когда его утягивали этим дядей, т.е. он слишком мал у нас в родстве, в общей нашей лествице, для того, чтобы можно было *меня* им *утягивать*, или (может быть) даже кого бы то ни было из нашего рода (если только он занимал в общей лествице этого рода самое последнее место). Утягивать же друг друга споривше могли, как само собой разумеется, только высшими, или по крайней мере, равными в родстве (т.е. в лествице) каждой противной стороны, – унижая их пред собой разрядом по другим отношениям. До низшего же в родстве противника (которому *низшему* до этого противника не доставало несколькими местами) другой стороне не было, разумеется, никакого дела, и потому был вообще *мал* в родстве своем *к чужому роду* всякий стоявший низко в общей родовой лествице, – ибо до него не мог вовсе касаться (*доставать* – см. Сб., т. II, стр. 266: *до нашего роду недостало*) всякий спор с чужеродными его высших родичей, – хотя бы сам он в споре с этими высшими родичами и мог даже утянуть их впоследствии своей разрядной высотой, став выше их по разряду.

Но прибавим здесь, что если такой малый в роду раз и утянул своей разрядной высотой своих больших и, следовательно, не только нарушил взаимное, родовое отношение, став в разряде не в меру себе, но и привел это нарушение, так сказать, к общественному сознанию, утвердив свое новое отношение судебным решением, то тем самым он навсегда отрывал себя от рода и уничтожал свои предыдущие родовые отношения, ибо прежний счет родовыми отношениями заменялся новым счетом, отношениями разрядными. И по тому самому бывшие

однородцы становились в таком случае друг к другу в общественном значении как бы *чужеродцами*, – как для себя, так и для всех прочих родов, которым приходилось в спорах по местничеству приводить их взаимные отношения как среднее звено для своего счета; и не могло быть более ни счета, ни выражения *к чужому роду* в таком случае. Но между первым нарушением отношений родовых и окончательным утверждением новых отношений разрядных, которое с тем вместе и утверждало окончательное разъединение бывших единородцев, проходило обыкновенно известное время в борьбе между честью родовой и разрядной, пока не одержит победы (как то наичаще бывало) честь разрядная и не скрепит новое отношение или не отстоит своих первых прав честь родовая. В это переходное время нерешенных и неустановившихся отношений только и могли однородцы иметь между собой два различных счета и два друг другу противоречащих отношения, – одно разрядное, а другое родовое (при этом само собой очевидно, что пока еще не были нарушены родовые отношения, в таких средних счетах однородных *к чужому роду* могли быть приводимы одни родовые отношения, ибо других отношений между ними еще не было и быть не могло; отношения же разрядные тех из них, которые были в разряде, могли лишь в строгости отвечать их отношениям родовым), но пока новые разрядные отношения не были окончательно утверждены и не заменили собой отношений родовых, могли быть приводимы как средние звенья *к чужому роду* одни родовые отношения, как одни и наперед определенно данные. Ибо если бы споривше позволяли себе приводить в свой счет и посторонние *спорные* отношения, то всякий спор такой перешел бы в нескончаемое дело, в котором перепутались бы и перекрестились все отношения и которое потребовало бы для своего окончания предварительного разрешения нескольких других спорных отношений. Так и здесь мы видим, что был мал *к чужому роду* Сабуров, хотя он и был по разряду окольничим. Но не могли же все остальные Сабуровы быть в то же время боярами (единственный высший чин перед окольничеством); если же между ними были и окольни-

чие, не говоря уже о низших чинах, и этот малый в роду был также окольничим, и, следовательно, сравнялся с ними, то тем самым он уже нарушил свое родовое отношение к ним, и, однако ж, как мы видим, дело приведено было в *родовое*, а не разрядное отношение.

Итак, выражение *к чужому роду* было однозначительно исключительному счету по *лествице*, как среднему звену, в противоположность прямому счету *между чужими родами* одним разрядом и счету единородных, – когда самый спор происходил между этими единородными и тогда мог быть и лествицей, и разрядом.

Наконец, об отношении Шереметева к Хованскому Ив. Васильевич отвечает: *А кн. А. Кашин князю Константину де каков будет от Хованских, мне не весно, потому что были в уделе*. Замечательно при этом, что Хованские для Курлятева и Кашина, однородцев, были чужой род. Но выражение *от Хованских*, вероятно, не значит здесь ничего другого, как известное отношение по службе и разряду, в котором Хованские служили одним из средних звеньев, – как, например, Троекуров или Прозоровский в последнем из приведенных нами счетов. Спор не был решен самим Грозным, вероятно, вследствие этой неизвестности, но он писал к боярам: *А прежь сего есмя к вам роспись послал и вы б по росписи розсудили, как воеводам быть...* Впрочем, и в другом месте он также говорит: *А того не ведаю, Никита ли больше или Иван*.

Мы не знаем, какое дано было решение, но, вероятно, невыгодное, ибо род не унялся и, на странице 47. Фед. Шереметев снова бьет челом на Ивана Курлятева, но велено быть без мест.

На странице 51 под 1573 годом следует целый ряд челобитий: Шереметев бьет челом на Никиту Романовича, потом на Шеина, Никита Романов на Морозова, а Татев на Морозова, Романова и Шереметева и т.д. – видно, что одно неправильное назначение высшего начальника расстраивало всю служебную лествицу и заставляло всех находившихся в той росписи бить друг на друга челом, ибо никто уже не находился на сво-

ем должном месте. Царь велел, однако ж, *всем быть безместно, а когда служба минетца, тогда и счет будет дан*.

Из самих же челобитий замечательно только одно: *А кн. Д. Елецкой бил челом на Мих. Карпова, что ему быть в головах у наряду с Мих. невместно*. Здесь мы видим, что головы местничались между собой, как видно и из других мест (см. Сб., т. II, стр. 161, 164 и 204), а между тем на странице 174 мы находим, что *головам в полках мест не бывало*. Этих *полковых голов*, которые бывали в походах у каждого города – у тулян, у каширян и т.д. (см. Дворц. зап., т. II, стр. 20), надобно, разумеется, отличать от *объезжих* голов в Москве (для бережения от пожара), которые были гораздо почетнее (см. Сб., т. II, дело Пожарск., стр. 350). Замечательно также, что рядом с князьями и другими первыми родами встречается в полковых головах и *крестьянин* Блудов вместе с Головиным, Волхонским и другими (см. стр. 13). Но, впрочем, *крестьянин* могло оставаться уже как одно прозвище. Происхождение же этого прозвища, может быть, объясняется тем, что род Блудовых принадлежит к числу весьма немногих древних дворянских родов России, которые ведут себя не от выходцев из соседних земель или пришельцев со всех концов мира, вступавших в дружины княжеские, а впоследствии к великокняжескому или царскому *двору*, и по тому самому прямо становившихся *дворянами*; дворянство же еще не означало в то время ни сословия, ни представителей известных прав, но только известный род жизни в обществе. Стоит только заглянуть в «Бархатную книгу», чтобы убедиться, что таков почти весь состав и таково происхождение всего нашего древнего допетровского дворянства, и что нет почти того государства в Европе и той области в Азии, которые не имели бы в нем своих бесспорных представителей, кроме, может быть, одного Китая и Индии (мы не говорим уже о новейшем дворянстве с Петра, в рядах коего бесспорно найдутся такие же представители со всех остальных краев света, которые еще не успели принести своей дани в многонародный состав дворянства допетровского). Выписываем в доказательство из

«Бархатной книги» любопытное отношение выезжих дворянских родов к коренным русским. За исключением из общего счета 164 княжеских родов Рюриковичей (тоже пришельцев) и 96 родов, неизвестно откуда пришедших, оказывается, что на 36 родов непришлых приходится 551 въехавших в Россию со всех концов света: в том числе из Франции, Италии, Англии, Цесарии, Венгрии и пр. – 65; из Пруссии – 65; из Польши и Литвы, считая и Гедеминовичей, – 215; из немцев и варяг – 56; из греков, сербов и пр. – 17; из разных татарских орд, сарацин, Кафы, Персии, Грузии – 143. Следовательно, отношение как 1 к 15. Положим, что «Бархатная книга» не полна, представляет неверности и пр., но не может, однако, вывод, ею даваемый, многим разниться от отношения действительного. А несмотря на то, что «Бархатная книга» напечатана в 1787 году, едва ли было доселе обращено должное внимание на такое происхождение и образование русского дворянства, чтобы объяснить многое не только в истории России, но даже в характере и физиономии *русского*, как составилось об ней общее – ложное или справедливое – понятие: так, например, относительно его космополитизма, легкой восприимчивости и пр. и пр. Так и самое преобразование Петра, которому подлежали собственно одни высшие классы, т.е. дворянство, совершилось, может быть, без большого труда и препятствий и без большого труда выделило это дворянство из прочей России, – может быть, потому только, что дворянство это не было ветвью от общего корня, а только приростком к дереву, правда, уже связанным с целым в общей и нераздельной жизни нескольких веков. Впрочем, с другой стороны, не было нисколько невозможностью в общественной жизни тогдашней России, чтобы и действительный *крестьянин* был *головой* и с окончанием своей службы даже возвратился в свое крестьянство; так же, как, например, было возможно завещание Михаила Нагова, по коему он завещает поместье свое своему *кабальному* (см. в «Москвитянине» за 1844). Но такие явления принадлежат еще к вопросам, на которые наука может пока только указывать, но не разрешать их.

На странице 58 под 1576 годом: *А кн. Григор. Куракин писал к Госуд. на племянника своего на кн. Ив. Куракина, что велено ему быть в сторожевом полку, а кн. Иван в правой руке; и велел бы ему Госуд. дать на кн. Ивана невместную грамоту, и писано от Госуд. ко кн. Григорию, что ему в сторожевом полку быть пригоже.*

Решение было совершенно справедливо, ибо Григорий был пятый сын у отца, а Иван – первый сын второго из пяти братьев, следовательно, отношение оставалось то же, какое и в известном положении: первый сын четвертому дяде в версту. В «Дворц. зап.» (т. II, стр. 154) (то же в Полн. собр. зак., т. I, стр. 265) мы находим также следующее: кн. *Гр. Ромодановский бил челом на племянника Юр. Ромодановского, что ему с ним быть невмесно, потому что де мне он в роду в р о в е н с т в е, а кн. Юр. Ромодановский бил челом Госуд. на дядю своего на кн. Григорья Ромодановского, хотя де он кн. Григорий мне п о р о д с т в у дядя, а можно де ему со мною быть по тому, что у отца своего осьмой сын, а я у отца своего первый сын, а дед де мой кн. Ив. Петрович отцу его кн. Григорию Петр. большой брат; и Гос. указал Ю. Ромодановскому смотреть в кривой стол по прежнему, – а после де велю вас счесть старым родителям вашим, но Гр. Ромодановский не послушал и был посажен в тюрьму.* И действительно, следуя обыкновенному счету местничества, но считая и двух старших братьев Юрьева отца, которые умерли бездетными (а как мы видели, к спорным вопросам местничества принадлежало: считать или нет тех, которые умирали бездетными)? Григорий Гр. был вправе считать себя в ровенстве Юрию, потому что четвертый сын Григория Петровича, второго брата, был равен Юрьеву отцу, третьему сыну первого брата; восьмой же сын четвертое место от четвертого сына, как первый сын – четвертое место от отца; Юрий же, не считая двух старших братьев своего отца, мог, разумеется, считать себя выше Григория. Для большей ясности приводим самую родословную (Род. кн., т. II, стр. 76): *У Петра 2 сына, Иван и Григорий; у Ивана третий Иван, у Григория восьмой Григорий, у Ивана*

Юрий (этим же счетом исправляется ошибка «Род. кн.», которая поставила Ив. П. меньшим братом Гр. П.).

На странице 61 под 1577 годом Ив. Волынской посылал бить челом государю на Ив. Сабурова, в грамоте царской после распоряжений военных на конце сказано: *А что еси писал к нам Иван на Ивана Сабурова и ты месничаешься безлепно не отцом, но дедом, и тебе бы так по нашему наказу быть ныне пригоже, и грамоты невместной на Ивана Сабурова нам тебе не давать*. В делах по местничеству нередко встречается, что считаются дальнейшими мимо своих ближайших, но такой счет почитался незаконным, потому что он выгоден был только в том случае, когда эти ближайшие истеряли свою честь перед своими дальнейшими *родителями.* Так, наоборот, мы встречаем также, что бьют челом на деда, иногда уже умершего, обходя внука, с которым идет самое дело, потому что внук этот возвысился не в меру перед своим дедом; так в деле IX (Сб., т. II, стр. 223) Лыков говорит про Пильемова: *Бьет челом на деда моего а тем меня бесчестит*; а в деле IV Приимков утягивал Долгорукого его родством, – которое действительно было, как кажется, ниже родства Приимковых, но Долгорукий отстраняет весь такой счет, повторяя одно: *Я сам хочу быть тебя больше потому, что п о л т р е т ь я года был я в Юрьеве у больших ворот, а ты не бил челом, бывши у менших*; и действительно, как мы видим из дела VII (стр. 124), Долгорукий был оправлен. Общим правилом местничества, хотя и терпевшим много исключений, было, что последнее и ближайшее отношение покрывало собой все предыдущие, – см. «Сб.» (т. V, стр. 55): *А искони во всех родех, кто перед кем напослед потеряет, тот тому и виноват.*

Под 1570 годом на страницах 66 и 67 снова ряд челобитий одного воеводы на другого во время похода, и *писано было от царя, чтобы списки взяли и были по росписи, но воеводы опять замшились и к Кеси не пошли, и Царь, кручинясь, прислал к ним с Москвы посольского дьяка Андрея Щелкалова, а из слободы* (вероятно, из Александровской, т.е. опричнины. – *Д. В.*) *послал дворянина Салтыкова и велел им*

иттить к Кеси промышлять своим делом мимо воевод. Но окончательным следствием всего этого замешательства было, что войско было разбито, наряд взят, *а иные воеводы тогда с дела побежали, а товарищей своих бояр и воевод выдали*, – разумеется, что вследствие того же, *что быть им вместе на службе не приходилось*. Здесь мы видим яркий пример того вреда, который приносило местничество, особливо в деле военном, где часто от пустого спора бояр могла зависеть вся участь сражения или даже целого похода. Здесь же мы находим один из немногих примеров, что Грозный объявил *свою опалу* за местничество: *А ко князю Мих. Хворостинину писано с опалой.* Но странно, что в то же время Грозный не объявил своей опалы за прямое нарушение своего указа Фед. Сицкому, когда тот, будучи в большом полку в других, бил челом на первых воевод передового и сторожевого полков, а только велел быть по росписи и отвечал, что тем местам между собой дела нет (см. Указ Ив. Вас. в Судебн., стр. 68, и Госуд. гр., № 38). Впрочем, такое невнимание к указам царским, когда они поставляли что-нибудь противное обычаю местничества, мы встречаем нередко (см. ниже и разбор стр. 93).

На странице 67 под 1577 годом: *Госуд. велел стоять у своего стола с кравчим Б. Ф. Годуновым Ив. Васил. Сицкому, и кн. Ив. сказал, что то ему невместно и бил челом на большего брата Борисова, а Б. Ф. Годунов бил челом на отца Иванова*. В *делах* такие случаи встречаются нередко: челобитчик, считая того, с кем местничается, бесспорно ниже себя многими местами, бьет челом прямо на высшего родича своего противника, которого полагает последним к себе, т.е. только одним местом низшим себя. Иногда же, напротив, ответчик, считая слишком низким для себя самому бить челом и уверенный в своей высоте перед противником (*многими месты*), посылает вместо себя бить челом или отвечать за себя своего младшего родича; так на странице 84 под 1584 годом: *Бил челом Ф. Ласкирев на Степ. Годунова, но в Степанове место бил челом шестой брат его меньшой, и Ласкирев был обвинен пятью месты перед Андреем*, – и, следовательно, десятью перед Сте-

паном, так и Сицкий был обвинен, и Бор. Феод. учинен его многими месты больше, и дана ему в том за царской печатью грамота (см. ее же Карамз., т. IX, прим. 490).

По одним разрядным можно уже проследить, как постепенно возвышались Годуновы над другими родами, покровительствуемые грозным царем. Ни на кого не встречается столько челобитий, сколько на Годуновых, но они, однако ж, везде были оправлены. На странице 27 Бор. Фед. бил челом на Фед. Вас. Сицкого, но царь велел в разряд записать, что поход Борису и кн. Федору невместно для кн. Фед. Сицкого. Это *для* указывает, что сам царь еще полагал тогда Федора Сицкого выше (см. ниже об местниках) Бориса Феодоровича, – прошло 9 лет и царская грамота обвинила перед Борисом Ивана Сицкого, старшего брата Федору. На странице 70 Салтыков обвинен перед Иваном Годуновым (то же в № 5, л. 604); на 75 странице Троекурову не дано счету для Дм. Годунова (то же в № 5, л. 642); Иван Годунов учинен одним местом больше П. Салтыкова (то же в № 5, л. 656). Сверх того, на седьмой свадьбе ц. Ив. Вас. *Борис Феод. был у Царицы в дружках в первых, а Панкр. Салтыков у Царя во вторых и бил челом на Годунова, но обвинен* и там же: *М. Салтыков бил челом на Як. Годунова, и суд был*, – но решения не видать (см. Древ. вифл., т. XIII, стр. 116, и арх. разр. № 5). Очень сомнительно, чтобы такое возвышение Годуновых могло совершаться без нарушения обычных законов местничества; по крайней мере, самое то, что Бор. Фед. был поставлен выше Сицкого *многими* месты, но без определения *сколькими*, уже показывает, что самый расчет царской грамоты и те отношения, которые могли дать такой вывод, были не довольно ясны и определенны.

На странице 70 под 1579 годом грамота: *чтобы с Плещеевым Бутурлина да Салтыкова не смыкали, а как будут на Москве, счет дадим*, т.е. чтобы не давали им по росписи таких мест, которые могли бы между собой считаться, а если и случится им быть на таких местах, чтоб были (покамест) невместно, т.е. между собой не считались этой службой, потому

что их отношения между собой спорные, для чего и дастся им суд на Москве.

На странице 81 под 1582 годом Внуков был обвинен перед М. Безниным и *с а д и л с я Безнин выше Внукова*.

Ничем не было так вызываемо местничество ко всей строгости своих распределений и требований, как ежедневной, постоянно представлявшейся необходимостью (как в быту семейном, так при дворе или на службе) нескольким лицам *сидеть* вместе *по местам*, – так, например, за столом или в приказной избе и т.д. (Сб., т. V, д. VII): *Гагарин приезжал и садился не по своему месту в Приказной избе*). Все *места* за столом или на лавке были необходимо целой единицей, одно почетнее другого, тогда как стоять или ходить в месте легко можно было и *безместно*; и даже в придворных церемониях, в крестных ходах и т.д. нельзя предполагать той резкой, представлявшейся *нумерической единицей* определенности взаимных отношений почета, – ибо нельзя представлять себе эти церемонии и пр. как фрунтовую службу, шаг в шаг и ряд в ряд, которая одна могла бы допустить такую определенность чести в месте каждого. Сверх того, например, правая сторона могла быть в известной степени честнее или бесчестнее левой, но, однако, ж не целым *местом*, не целой единицей; примеры же такой дробности или неопределенности отношений мы находим даже в местах службы военной, – так на странице 138: *Передовой полк кабы почестнее сторожевого.* Вспомним при этом, что самое *местничество* имеет свой корень от *места. Местом* же назывался в старину всякий город, так же как доселе зовется всякая служба, и наконец, всякое место за столом, на лавке и пр. – и только в этих-то трех значениях *места* находило местничество свои точные, определенные единицы, образуя из этих *мест* (во всех трех значениях его) нумерические (друг другу соответствующие) лествицы, в коих каждое звено, или *место*, являлось для своего предшествующего и последующего нумерической вычитаемой или прилагаемой единицей. И потому очень естественно, что когда суд и разбирательство местнических споров перешли из непосред-

ственного родового и семейного круга в область государства и сделались одной из принадлежностей его судебной власти, то вместе с тем одной из обязанностей этого суда при всяком несколько сложном и объемистом отношении было определить с точностью *место* каждого, *кому за кем сидеть*, ибо *такое сидение* по местам было самым обыкновенным ежедневным обстоятельством, которым вызываемо было местничество в жизнь и действительность; а потому и самое местничество принимало его как бы за норму всех своих прочих служебных и других отношений. Так и в памяти Геннадия Бутурлина весь счет основан на том, что такой-то *сидел* под таким-то и т.д.; и даже *сидеть* выше или ниже употреблено как прямо однозначительное тому, что такой-то занял высшее или низшее место, так: *Морозов не дал ему места и сидел выше*. Так и в «Сб.» (т. II, д. I и II, стр. 59), – после решения самого дела следует роспись тому, как доведется кому с кем по *тому щету сидети* (стр. 34: *а сести было*...). Это одно из немногих дел, которого сохранилось полное решенье, иначе же мы, вероятно, нашли бы и при других делах такие же росписи.

Того же году М. Безнин бил челом на Вас. Зузина и, *берегучи Василья, бояре оправили его тем, что дядя его был на Галиче наместником больше наместника боярина Тучкова, и ему Василью дана правая грамота на Головина*, – это значит, что по отношению, для нас потерянному, на котором основались бояре, правая грамота, данная на лицо совершенно постороннее ответчику и, вероятно, вовсе непричастное самому спору, поставила Вас. Зюзина выше Безнина. (Здесь тоже замечательно, что сочтена местничеством, – что встречается весьма редко, – гражданская служба: наместник с наместником; но мы находим (см. напр. Сб., т. II, стр. 21) в памяти Голицына, что с отцом его на государевом жалованье Шуйский был в меньших товарищах, – на государево *жалование* было однозначительно наместничеству (см. Суд., т. IV, стр. 24)). Может статься, что тут была и уловка бояр, которые не хотели или не могли прямо обвинить Безнина перед Зузиным, но Безнин от той обвинки хотел постричься, и царь дал ему правую грамоту на Василия.

Под 1583 годом на странице 83 Троекуров искал отечества на Татеве, но царь его обвинил и учинил его *местником* сыну Татева Борису.

На следующей странице под 1584 годом Черемисинов бил челом на Безнина, но царь обоих отставил и учинил их *местниками*, т.е. *ровными*, что доказывается уже и тем, что царь их *отставил*, ибо отставка или развод *вследствие челобитий* (иначе же записывалось в разряд, что отставка именно не по челобитью, см. стр. 133) по отечеству означало, как мы уже видели выше, признание взаимного равенства челобитчиков. Так и в «Сб.» (т. V, стр. 214) великий князь Василий Иоаннович, вследствие челобития Салтыкова на Челяднина сыскав отечество Салтыкова, его пожаловал с Челядниным, *развел и* учинил их *местники*; и в разрядах смоленских написаны они местники. Но еще яснее удостоверяет нас в том же следующее место: *А Волынской учинен местником Колычеву, а был он с ним в Иване городе и дана ему на Колычева невместная грамота, и потому Волынской ровен Колычеву* (Сб., т. V, стр. 119). Но кроме этого общего значения равенства, под выражением *местника* должно предполагать еще какое-нибудь частное, особое значение, ибо оно встречается редко, и почти всегда с указанием, что царь *учинил* местником, тогда как указаний на простое равенство такого-то с таким-то, что *ровен, в версту, глаз в глаз*, мы находим по несколько почти в каждом деле, особливо же при счетах другими родами, как средними звеньями.

В последнем приведенном нами месте мы видим, что вместо развода или отставки вследствие этого учинения местниками дана была невместная грамота, так и в «Сб.» (т. II, стр. 219): *Дед мой О. Ю. Сабуров местник был Ф. Д. Воронцову, потому что отец деда моего местник был отцу Федорову Д. Воронцову, а дети их детям местники были, потому что лета 7053* (1545 г. – *Д. В.*) *в большом полку Ф. Д. Воронцов, а в передовом дед мой О. Ю. Сабуров, и та служба О. Ю. Сабурову невместна для Ф. Воронцова, и Сабурову дана грамота невместная*. Из этих мест, указывающих на однозначительность учинения местником с получением невместной грамоты, можно

было бы с первого взгляда заключить, что *местники* означало *невместников*, т.е. таких, которые через это самое могли, несмотря на свое равенство, продолжать службу вместе, без порухи своей чести (что не значило бы, однако ж, что всякая невместная грамота, данная на другого, делала их между собой местниками, ибо невместные грамоты давались одинаково и низшим с высшими для того только, чтобы отсрочить их спор без вреда самой службе (см. стр. 83 и др.). Отставка же и развод ничего не доказывали бы против, ибо невместные грамоты давались иногда и при отставке для предыдущей службы, чтобы не сочтена была в поруху чести, так же как они давались и для продолжающейся или будущей службы. Поводом же к такой отставке или разводу при невместной грамоте могло быть нередко и то, что при малом значении царского вмешательства в обычный закон местничества самые невместные грамоты, вероятно, не всегда считались достаточной охраной от порухи чести при службе с низшим или ровным, – и потому, несмотря на невместную грамоту, челобитчики иногда разводились или получали отставку. Так в «Сб.» (т. V, стр. 138 и 79): *Полев бил челом на Томакова, и Томаков отставлен и дана ему невместная грамота*. И следовательно, и самые *местники,* принимаемые в смысле *невместников*, могли быть в некоторых случаях *разводимы.*

Но такому значению слова *местник* прямо противоречит следующее место: кн. *О. Ростовской был батьку месник, сидели оба на Новугороде, и отец мой на Ростовского бил челом и с Новагорода съехал, а Ростовской о том не бил челом* (Сб., т. II, стр. 22), – ибо если мы и находим, что при невместной грамоте брали отставку и не продолжали ее значения на последующую службу, то мы, однако ж, нигде не находим, чтобы, несмотря на невместную грамоту, били друг на друга челом, – а напротив того, нередко встречаем, что били челом о получении такой невместной грамоты (так на стр. 38 Сабуров). Челобитье же *местническое* – прямое противоречие понятию о *невместности* и с ним несовместимо, и потому очевидно, что если *местники* могли бить друг на друга челом, то не означали *невместников.* К тому же и приведенные нами выше два места, указывающие на

невместность местников, могут быть объяснены гораздо проще. В первом случае оба местника находились вместе на одной той же службе в Ивангороде, а по тому самому им и следовала невместная грамота, что они были между собой местники, т.е. ровные. Во втором же случае Сабуров, показав, что дед его был местник Воротынскому, ибо отец деда его был местник отцу Воротынского (равенство же, так же как и большее или меньшее взаимное отношение отцов между собой, разумеется, переходило также и на сыновей, – и наоборот, учинение местниками или равными сыновей делало также местниками и отцов. «Сб.» (т. V, стр. 191, см. ниже) указывает сверх того, что это равенство их было уже признано и самим служебным распорядком, ибо была дана им невместная грамота.

Какое же могло быть после этого это частное особое значение слова «местник»?

Кроме приведенных нами мест и указанного нами ниже (Сб., т. V, стр. 141), во всем, что доселе напечатано и могло послужить нам в источники для местничества, мы находим еще только следующие 5 мест о местниках – в «Сб.» (т. II, стр. 17): *А Хабар был м е с т н и к Ив. Морозову*; то же на странице 248: *А по тому суду дядю моево бояр. Васил. Борис. Сабурова Царь у ч и н и л м е с н и к о м Васил. Мих. Воронцову*; «Сб.» (т. V, стр. 102): *Меньшой Волынский учинен м е с н и к о м г. Ф. Колычеву, и меньшому Вол. на Колыч. дана невместная грамота*; «Дворц. зап.» под 1649 годом: *И окол. кн. Петр Федор. Волконской бил челом Госуд., что де мне кн. Ивану Андреевичу Хилкову окольничество сказать можно, и не м е с т н и к ему.* Наконец Карамзин (т. IV, пр. 324): *Болярин Акинф Гаврилович, не захотев быть в меньших с Родионом, пришедшим из Киева, которому Калита дал надо всеми большинство, отбежал в Тверь с детьми и внуками, а в 1337 году в войне с Тверью Родион, убив его, привез его голову В. князю, сказав, се твоего изменника, а моего м е с т н и к а голова.*

Рассмотрев и сличив родословия всех этих *местников*, мы находим, что все они без исключения были друг другу чужеродцы, тогда как из всех случаев, где встречаются выраже-

ния простого равенства, как, например, в версту и др. (которые могли быть употребляемы одинаково и о местниках), мы находим только два, которые относятся к чужеродцам, – на странице 111 «Сб.» (т. II): *По розряду Воронцов был равен Вяземскому*; и на странице 41: *Царь учинил Пронского с Шумским ровна* (но здесь слово *учинил* уже указывает, что местник подразумевается, см. ниже). Во всех же прочих случаях мы находим, что *равны* дядя с племянником (стр. 130, 252 и 277), братья (стр. 215 и 315); также на странице 305; на странице 28 – два разных случая, также страница 60 и пр.; Тюфякин же с Щербатовым (стр. 102) и Татев с Пожарским (стр. 278) – однородцы, как то оказывается по родословной; также в «Сб.» (т. V, стр. 58).

Сверх того мы видим, что местниками почти всегда *учинял* сам царь, а иногда даже говорится, что этим *пожаловал* одного из учиненных в местники как милостью. Но это объясняется именно тем, что *местниками* могли быть только *чужеродцы*. Вообще отношения между чужеродными никогда не могли быть так ясны и определительны, как отношения между своеродцами, а тем более такое отношение совершенного равенства и отвлеченного тождества двух лиц в местническом распорядке целого государства. Прямое отношение такого равенства по службе или разряду было невозможно по самому понятию местничества, – могло же оно быть только выводимо, и не иначе, как через сложение или вычитание других средних отношений или как среднее пропорциональное из разных отношений противоречащих. И потому такое равенство должно было являться настоящим камнем преткновения в спорах крючкотворного местничания наших предков и должно было необходимо вызвать вмешательство в этом случае внешней, посторонней власти в распорядок местничества. И действительно, мы находим, что это равенство является единственным отношением местничества, о котором положительно говорится, что в нем *волен* государь; так в «Сб.» (т. II, стр. 115 и 118): *Буде учинит Государь М. Темкина в версту И. Елецкому и в том Государь волен*; также на странице 115: *А буде учинит Бутурлина Елецкому, в том волен*.

Требовалось ли такое же учинение или подтверждение в местники царем, когда это отношение равенства было совершенно ясно и неоспоримо, и могли ли и называться местниками ровные без учинения царского, – это решить трудно и, вероятно, самая жизнь не представляла той строгой определительности, которую мы часто напрасно от нее требуем, избалованные логической строгостью римского права или нашим собственным систематизмом. И потому тем менее можно требовать, чтобы все свидетельства одинаково и положительно высказывали общий вывод, довольно того, если они нигде не противоречат ему. Такой же неопределенностью самих местнических отношений объясняется следующее место (Сб., т. V, стр. 191): *Суд был третьего сына М. Пушкина с третьим сыном О. Плещеева, и суд невершон, и потому Осип Плещеев Мик. Пушкину месник стал* (и потому О. Плещ. М. Пушкину ровен; то же в Сб., т. V, стр. 72), т.е. при невершеннном споре равенство принималось как среднее отношение между двумя неясными или еще не определенными судом отношениями. На странице же 267 «Сб.» (т. II) мы находим, что *де тот суд не вершен для равенства*. Это выражение, разумеется, не могло иметь никакого общего значения и, вероятно, не значило и в этом случае ничего другого, как то, что суд не был вершен вследствие запутанности неясных или близких к равенству отношений и что этот суд еще должен быть перенесен к царю, чтобы он учинил ровными или местниками. Впрочем, мы не находим также других подтверждений, чтобы нерешенный спор делал местниками споривших.

На странице 83: *Царь пожаловал Ив. Колычева, велел дать грамоту невместную на кн. Фед. Шестунова и кн. Ивана Ситцкова*, и на той же странице вследствие челобитья Сабурова о суде и невместности быть ему на службе с Ноготковым, дана ему невместная грамота. Челобитье, так же как и самая грамота, прописаны в самой разрядной, и мы в ней находим следующее: *И ты б на нашей службе был без места как наша служба минетца и счет дадим*. Итак, значение невместной грамоты было, как мы уже и видели, что такая-

то служба известных лиц (прошедшая, продолжающаяся или будущая) считается не имеющей мест или счету в местническом распорядке*. Они давались (уже находившимся на службе или только назначенным на нее) ровным или таким, которых спорные или неясные отношения могли быть нарушены этой службой или назначением, и которым суд не мог быть дан тотчас, без расстройства самой службы. Несмотря, однако ж, на такое *как бы* равенство получавших невместную грамоту, тот, который имел больше вероятностей в пользу своей высшей чести, мог, однако, считать себя более или менее обиженным, и наоборот, – должен был считать себя в выигрыше тот, в пользу которого этих вероятностей было меньше; а потому и записывалось в разрядной, что государь пожаловал такого-то невместною грамотой и дал ее на таких-то, или что невместная грамота дана *для такого-то*, и это *для* означало всегда того из двух *невместников*, который предполагался выше своего товарища, пока суд не решит между ними. Сверх того невместные грамоты давались только тогда, когда была признаваема некоторая справедливость челобитья, – в противном же случае, несмотря на именные просьбы челобитчиков, чтобы им дана была невместная грамота (так на стр. 58 и 62), царь отказывал в ней и приказывал быть по-прежнему. Иногда же, хотя в челобитной и не поминается именно о невместной грамоте, царь отвечал: *А грамоты невместной тебе на такого-то не давати* (стр. 62). Невместные грамоты мы встречаем еще на страницах 23, 75 и на 79 две**. Кроме того, иногда попадается выражение, что таким-то на такой-то службе *быть невместно* (стр. 27, 51 и 71); иногда же: *та служба без мест* (стр. 22, 32, 47, 48); на странице же 51 царь отвечает на целый ряд челобитий: *На той службе быть без мест*. Нельзя положительно утверждать, чтобы при

* А потому мы видим, что значение грамоты невместной было совершенно иное и даже противоположное грамоте *разводной* (Сб., т. II, стр. 8), хотя те и другие могли даваться вследствие одной и той же причины, т.е. равенств назначенных на службу или во избежание и отсрочку спора.

** В арх. разр. № 5 мы находим невместные грамоты на листах: 628 – Бутурлину, 634 – Колычеву, 641 – Вельяминову, 658 – Салтыкову, 659 – Головкину, 666 – Ноготкову, 670 – Колычеву.

этих выражениях не подразумевалась само собой и невместная грамота, но мы должны помнить, что простая записка в разряд могла быть всегда равносильна самой невместной грамоте; сверх того, выражение *быть без мест* могло иногда относиться к целой службе (так на стр. 51), так же, как иногда впоследствии целый поход или обед у царя (см. стр. 120 и походы при Ал. Мих.) объявлялся безместным, – тогда как невместная грамота относилась всегда только к известным лицам.

Вообще это объявление службы невместной было самым прямым и верным исходом из тех препятствий и невыгод, которые местничество могло представлять для государственной службы. Так и в самом ярком примере такого вреда от местничества (особливо в ратном деле), на который мы указали на странице 67, когда воеводы несколько раз *замишились*, побежали и были разбиты, царь приказывал *быть по росписи*, а не *без мест*. Грозный хорошо знал это и чаще всех своих преемников прибегал к такому средству, – так что на 35 или 40 местнических случаев в последнее 25-летие грозного царствования мы находим до 15 решений, что такая-то служба без мест или невместна, и в том числе такое же решение на странице 51 в ответ на целый ряд местнических случаев, а на странице 25 объявлено без мест служебное отношение по городам, – и потому по справедливости можно полагать, что половина всех споров решалась такой невместностью службы. Сверх того, Грозный иногда прямо отзывал от службы одного из споривших, т.е *разводил* (так на стр. 66), или присылал в обмен другого воеводу (см. стр. 58).

Этим, вероятно, и объясняется мягкость грозного царствования к спорам по местничеству; и мы почти не видим опал или наказаний за такие споры в сравнении с последующими царствованиями. На страницах 67 и 11 мы находим только, что было *писано с опалой*, на 70 помянуты две выдачи головой, да на странице 83 мы находим, что *Царь в Новгород прислал дворянина, а велел за то Салтыкова лаять, что бил челом не по делу, и велел на нем доправить за прогоны 30 рублей*. Но сверх того в арх. разр. № 5 мы находим на листе 558 под 1579 годом:

И Ц. и В. кн. Романа пожаловал велел Василья Кузмина бити батоги за Романова безчестья в Болхове перед разрядной избой; а на листе 608 под 1580 годом: *И оборонь Государь пожаловал велел дати Фоме и Роману учинити, велел кн. Дмитрия вкинуть в тюрму на неделю, да доправити на князе Дмитрее Фомино бесчестье против Фомина жалованья 150 рублев, а Роману Бутурлину велел же оборонь учинити, велел кн Дм. послати в Великий Нов Город на подводах*; на странице 644 под 1581 годом: *Дан Роману Бутурлину оборонь на кн. Ив. Туренина и Туренин посажен на 3 дни в тюрьму.*

Царствование Феодора Иоанновича

Разобрав дела и случаи по местничеству, представлявшиеся нам в последнее 25-летие царя Иоанна Васильевича и опираясь на данные, которые оно нам доставило, мы можем теперь рассмотреть следующее царствование Феодора Иоанновича в отношении к самому развитию местничества. С этой стороны его царствование особенно замечательно. Мы видели уже, что грозное царствование умело, однако ж (в большей части случаев), милостиво разрешать затруднения, которые представляло ему местничество и уважать его обычный закон; в кроткое же правление благочестивого Феодора мы видим, напротив, небывалую строгость и даже произвол правительства в делах и спорах по местничеству. Так, на странице 103 Гвоздев за свое (вероятно, несправедливое) челобитье *без суда* бит батоги и выдан головой Одоевскому; на странице 113 князь Борятинской был обвинен перед Долгоруким и послан в Сибирь и пр.

Правда, что местничество должно было с каждым новым десятилетием представлять все более затруднения для правящей власти и мешать всему ходу исполнительной деятельности государства, – а вместе с укреплением и развитием этого государства должен был, с другой стороны, необходимо терять от своей прежней живой силы родовой служебный распорядок. Когда же опричнина раз нарушила и разорвала прежний орга-

низм и единство этого родового государственного распорядка (уничтожение же ее не могло, разумеется, возвратить его к его прежней нормальной жизни, – организм, раз нарушенный, не сплачивается снова), споры и челобитья по местничеству, как мы уже видели, почти учетверились. Сверх того, по мере того, как разрастались и множились ряды и расширялся объем государственной службы, вместе с тем расширялся и круг самого местничества, множились и путались все его отношения. Но всего этого еще недостаточно, чтобы объяснить всю строгость таких мер при царе кротком и незлобивом, каков был Феодор. Но вспомним, что под именем Феодора правил и распоряжал государством Годунов. Государственный ум Годунова не мог не понять, что родовой распорядок уже не отвечал более на новые, постоянно возрастающие требования государственной жизни, он предвидел его близкую кончину и победу государства и не мог не желать ее. Сверх того, он не мог не чувствовать себя *из пришлых* перед той высотой, на которой стоял в государстве, и не чувствовать незаконность им занимаемого *места* в распорядке родовой чести, – тем более что местничество не переставало напоминать ему про эту незаконность рядом челобитий на него и род его, от которых защитила Годуновых лишь неизменная милость грозного царя к Борису Феодоровичу. С вступлением на престал Феодора Иоанновича никто не смел более бить челом на шурина царского и бесспорного правителя государством и даже на его сродников. Напротив того, мы видим, что Феодор Иоаннович вершает и, разумеется, в пользу Годуновых, споры, не вершенные самим Иоанном. Так в нов. разр. «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 106; то же в арх. разр. № 5, л. 634 под 1585 г.): *Бояр. Ив. В. Годунов бил челом на Фому Бутурлина о невершенном суде с 1581 года, и бояре приговорили Ив. В. Годунова Фомы Бутурлина шестью месты больше, а сын Ив. В. Год., Иван, Фомы Бутурлина по суду и по разряду и по счету пятью месты больши* (следовательно, одним местом меньше отца? – по «Род. кн.» он был у отца один сын?..). Но еще в 1591 году государь принужден был сам заступиться за Годунова и писать с опалой боярину Феодору Ивановичу Мстиславскому

за то, что *в грамоте от Царя писано к нему Мстиславскому, да к конюшему Б. Ф. Годунову, а он против Государевой грамоты писал одно свое имя;* а вслед за тем, вероятно, чтобы не давать более повода к препятствиям и замешательствам по службе, государь принужден был сам отозвать из похода всех Годуновых – Бориса, Степана и Ивана (см. стр. 118). Сверх того, хотя прямых челобитий на Годуновых и не было больше и, вероятно, не смели даже *утягивать* Годуновыми в других спорах, но всякое дело, в котором счет доходил до родов, равных с ними или их высших, должно было напоминать всему служебному распорядку и самому Годунову о незаконной им занимаемой высоте, – так что Годунов для поддержания и утверждения своей собственной чести должен был стараться заглушать всякие такие дела и споры по местничеству. В объяснение этого см. в «Сб.» (т. V, стр. 317) – Прозоровские бьют челом государю о суде: *А случаев де у них много, да перед бояры положить их не мочно, потому что и до многих бояр в случаях дойдет*, – так доходили они и до Годуновых. Итак, мы видим, что все вызывало Годунова на крутые насильственные меры против местничества. Но эти крутые меры, неуважение обычного закона и произвольные назначения на службу вызвали такое же произвольное противодействие. Мы находим частое прямое неповиновение распоряжениям правительства, так на странице 107 трое *не брали списков, а детей боярских в приезде не пишут*, хотя на службу и поехали; князь же Буйносов и на службу не поехал (хотя царь и велел ему сказать, чтоб *он ехал на службу без мест*, *а суда вершить неколи*); *на службу не поехал* (стр. 129); также *списков не взяли* (стр. 124 и 131); а на странице 130 Захар Ляпунов, брат знаменитого Прокофья, с службы сбежал, не хотя быть станичным головой.

В царствование Иоанна Васильевича, как мы видели, все такие затруднения и назначения по службе, которые встречали сопротивление в воеводах или возбуждали в них неудовольствия и неохоту к службе, были почти всегда разрешаемы безместностью и даже, как мы видели, почти в половине всех встречавшихся случаев. Во все же царствование Феодора,

при учетверившемся числе споров и челобитий (до 118 на 15-летнее царствование по нашей разр. и до 132 по разр. № 3 и по разр. № 5) решений о том, что служба невместна или невместных грамот мы находим собственно не более пяти (на странице 88 хотя и сказано, что Колычеву дана невместная грамота, но вслед за тем прибавлено: *о том писано в сей книге не подлинно, грамоты не дано*, – в подлиннике, той же рукой); на странице 92 троим дана или невместная грамота, или сказано быть *без мест,* но вследствие одного и того же случая и взаимных челобитий; на странице 96 две невместные и на странице 111 под 1590 годом: *Царь пожаловал невместной грамотой Волынского*, но вслед за тем на следующее челобитье царь велел отказать и велел *невместных грамот не давать*, и действительно, в последние 8 лет царствования мы ни разу не встречаем ни невместной грамоты, ни чтобы служба была без мест (кроме как в том же году (стр. 112)) дана была невместная грамота после сложения опалы с Алферьева, и раз велено сидеть за столом царским без мест (стр. 120), но зато заключений в тюрьму и других наказаний за челобитья по местничеству мы находим по одной нашей разрядной в эти 15 лет до 15: страница 103 – ссылка в Сибирь; страница 102: *без суда бить ботоги и выдан головою* (то же у Карамз., т. X, пр. 456); страница 109 – без суда выдан головой; страница 100 – выдан головою; страница 112: *по Государеве опале с Москвы сослан*, но после опала сложена и дана невместная грамота; на странице 99 один посажен в тюрьму *татиную*, другой – в *нарошную*; на странице 107 трое, не взявшие списков, посажены в тюрьму; на странице 128 посажен в тюрьму и на той же странице: *Буйносовы посланы за приставом на службу* (т.е. насильно. – *Д. В.*), *и один из них выдан головой*; страница 130: *за то, что П. Шерем. у руки не был и на службу не поехал, велено его приставу вывесть скована в телеге за посад*, и на той же странице грамота, *чтобы Ляпунова привесть с его поместья сковав, пред всеми людьми бить батоги и бив посадить в тюрьму и доправив все прогоны, прислать к Москве назад на службу, с которой он сбежал*; и на странице 131 посажены двое в тюрьму.

В то же время мы видим, сверх того, вместе с расширением объема службы расширялся и круг самого местничества, – и в нем заметно стремление захватывать и сводить вместе все более новых отношений. На странице 91: *в Торопец послан воевода Сабуров, и в Торопце же наместник и воевода Пронской*; *и Сабуров бил челом на Пронского, но Царь велел первому свое дело ратное ведать, а другому свое дело наместничье* (то же в арх. разр. № 5, стр. 705). Мы находим также многие споры придворных (почти не встречаемые прежде: в последнее 25-летие царствования Иоанна Васильевича только один случай в нашей разр.)* и челобитья по службам, как, например, рындов (стр. 107, 132 и 110), или при церемониях, за столом царским и в придворных чинах, – так на странице 102: *Приимков бил челом на Одоевского в том, что Од. смотрел большой стол, а он кривой;* на странице 103: *на Угреше в монастыре Царь пожаловал звал есть к себе Трубецкова да Куракина, но Куракин, не хотя сидеть ниже Трубецкова, не был, а бил челом на Трубецкова*; на странице 128 – челобитье посланного со столом к цесарскому послу, и на странице 100: *Царь велел за стол сесть постельничему с путем да стряпчему с ключом, и стряпчий Старово бил челом на постелничаго Безобразова, что де мне Осударь для того ниже Безобразова сидеть невместно, хотя он меня твоей милостью честнее п у т е м.* Здесь особенно замечателен этот прямой спор между честью родовой и честью государевой, т.е. что Безобразов ниже Старова по родовым отношениям, хотя и выше его своим постельничеством. Впрочем, это место объяснено может быть и иначе (если отнести *для того* к *путем*) – тем, что постельничество было выше стряпчества *своим путем*[**], но

* Для всех этих выводов и числовых отношений мы держались одной нашей разрядной. Несколько фактов более или менее к тому или другому отношению из двух или трех других разрядных ничего не прибавили бы точности вывода. Для возможно полного и строгого вывода необходим свод всех разрядных, для вывода же приблизительного вполне достаточно и одной.

** Постельничество *с путем* не связано ли с древними общеславянскими обычаями при свадьбах? Так, в Черногории до сих пор все отправляющие должность при свадьбе со стороны жениха называются *отпути.* См. Вука «Черногорье».

и стряпчество *своим ключом было* почти так же честно, т.е. что если эти должности и не были совершенно равны между собой, то зато и не была одна выше другой целым местом; ключ же и путь были между ними как бы дроби.

Но самое это расширение местничества и особливо внесение его споров в область службы придворной, расширяя и раздробляя его круг действия, тем самым ослабляло его силу и унижало его важность и значение государственное. Перенесенное в область службы придворной в то самое время, когда государство противодействовало ему всем своим внутренним стремлением в области службы государственной, оно тем самым приготовляло себе легкий переход к постепенному вымиранию и близкой насильственной смерти. При Романовых все походы бывали уже почти без мест (см. Древ. вифл., т. XVII, стр. 432) и по росписи, а споры и челобитья продолжались при царских столах и придворных церемониях, и из-за высшего места на лавке за столом царским бояре жертвовали жизнью и всем имуществом, во имя той же, но уже бессильной родовой чести (см. дело Козловского), как прежде отстаивали под страхом той же царской опалы – и почти всегда успешно – свои места в предводительстве войском, управлении государством и т.д. А потому местничество и завещало по себе потомству одну память какого-то нелепого и смешного предрассудка, не дождавшись даже своего Сервантеса. На Западе параллельным явлением местничеству было рыцарство; как одно было естественным произведением быта родового, так второе – дружины, но и Дон Кихот не мог оставить рыцарству одну его смешную сторону и не заставил забыть потомство его другое, когда-то великое и святое значение; но надо помнить для этого, что рыцарство жило в таких народах, которые умели ценить и уважать свое прошедшее.

На странице 88 челобитье Б. Сабурова на И. Ноготкова: *И я, хотя служить отцу твоему и тебе, списки взял и у дела был, и вам Государем служил, да посылал бити челом отцу твоему на И. Ноготкова*. Замечательно здесь, как ясно видно из этих слов, что Ноготков полагает себе как бы в достоинство, перед

царем, что был на службе, хотя и считал ее *невместной* для себя. Далее он продолжает, что ц. Ив. Вас. его пожаловал, прислал ему грамоту невместную на Ноготкова, теперь же просит, чтобы суд и счет был ему дан, чтобы в конец не загинул. Из этого мы ясно видим чисто временное значение невместной грамоты, тогда как учинение местником было отношение постоянное и даже, как мы видели, переходило на детей.

На странице 89: *Б. Татев искал отечества на А. Телятевском, но был обвинен и учинен тремя местами ниже А. Телятевского.* Татевы и Телятевские друг другу чужеродцы, первые от стародубских князей, а вторые от тверских, и потому проследить их счета, не имея других данных, кроме родословной, нельзя.

На странице 90: кн. *М. Щербатой бил челом на кн. В. Засекина, что тот на Рязани в других, а он у Николы Зарайского в других же*, – таков смысл царской грамоты; бил же челом Щербатой, как очевидно, потому, что Зарайский был менее честен, чем Рязань, столица прежнего княжения, а потому и первый воевода на Рязани был, разумеется, честнее. Случай этот служит лишь новым свидетельством того, что мы уже прежде сказали о взаимном старшинстве древних городов между собой и соответствии ему старшинства мест.

На странице 91: *Ф. Колычев бил челом на Р. Алферьева, что он был его меньше по росписи в прошлом году*, – и следовательно, здесь бил челом на свою прошлую службу, на которой, однако же, был и даже годовал на Ладоге. Вообще принять на себя службу и место, не соответствующее своей чести, еще можно было без порухи этой чести, но в таком случае следовало тотчас же или, по крайней мере, вслед за окончанием этой службы бить челом, т.е. протестовать на нее. Все же назначения на службу простирались обыкновенно только на один год, и потому годовать Колычев еще мог на службе, которую считал не довольно честной для себя, но оставаться долее на ней, не бив челом, без прямой порухи своей чести он, разумеется, не мог.

Колычев был оправлен, и царь послал их снова в Ладогу и в наказе велел написать Колычева, а Алферьева после. Но

при этом в разрядной замечено, что *тем судом промышлял боярин Ив. Шуйский*, чем указывалось, что суд и наказ были даны незаконно. Вслед же за тем мы видим, что грамота и наказ даны были, наоборот, по-прежнему Алферьеву. Это один из частых примеров, где мы видим, что местнический распорядок умел обходить, а иногда прямо исправлять и переделывать неправильное царское решение, противоречившее его обычному праву.

Здесь замечательно также, что вместе дан наказ Алферьеву в Ладогу и послана о тех же лицах грамота боярам в Новгород, – доказательство, что древние столицы наших княжений еще продолжали заведовать своими древними пригородами, и Москва распоряжалась чрез них младшими городами.

На странице 94: *И Михайло Салтыков на отпуске бил челом в отечестве на Микиту Очина Плещеева, что Микита в других в большом полку, а он в передовом полку, да Михайло ж Кривой бил челом на кн. Василья Мусу Туренина, что кн. Василей Муса первой в левой руке; да Михайло ж Кривой бил челом на кн. Василья Хилкова, что кн. Василей Хилков в правой руке другой*. М. Салтыков, другой воевода в передовом полку, бил челом на другого воеводу большего полка, на первого левой к второго правой, и, следовательно, второй воевода передового полка считал себя меньше второго большого, первого левой руки и второго правой, – таков вывод который дает этот случай. Здесь представляются нам несколько отрывочных *отношений* из общего круга взаимных отношений воеводских мест между собой, и потому дело науки в этом случае восстановить по тем отрывочным данным, которые представляют это и подобные этому места в *делах* и разрядных, весь круг этих отношений. Прямых положительных данных, сколькими местами какой воевода больше другого, мы имеем весьма не много, но так как порядок самих полков не подлежит никакому сомнению, ибо повторяется один и тот же на каждой странице разрядов (большой полк, правая рука, передовой и сторожевой, признаваемые почти везде как законом, так и обычаем за равные, и левая рука) и все такие отношения в местничестве следуют

одно из другого с математической строгостью численной пропорции, – то по нескольким данным отношениям легко восстановить и весь круг отношений и общий счет мест между собой, который мы и представляем в прилагаемой таблице*. Мы ограничиваемся одними первыми и вторыми воеводами, потому что третьи встречаются редко и только как исключения, впрочем, также легко распространить эту таблицу и на третьих и включить их в тот же ряд отношений.

Первые воеводы				*Вторые воеводы*			
Бол. пол.	Прв. рк.	Пер. и стор.	Лев. рк.	Бол. пол.	Прв. рк.	Пер. и стор.	Лев. рк.
0	–1	–2	–3	–4	–5	–6	–7
1	0	–1	–2	–3	–4	–5	–6
2	1	0	–1	–2	–3	–4	–5
3	2	1	0	–1	–2	–3	–4
4	3	2	1	0	–1	–2	–3
5	4	3	2	1	0	–1	–2
6	5	4	3	2	1	0	–1
7	6	5	4	3	2	1	0

Нуль обозначает то место, от которого начинается счет, – цифры направо от нуля (стоящего под тем полком, о котором идет речь), обозначенные знаком минуса, показывают, сколькими местами какой воевода меньше того, от коего начинается счет и, следовательно, обозначенного знаком нуля; и наоборот, цифры налево от нуля таким же образом показывают, сколькими местами какой воевода больше. Так, например, первый воевода левой руки второго большого полка больше одним местом, правой второго – двумя местами,

* Этой таблицей мы обязаны разбору дела Пожарского одним из бывших г-д студентов Мос. университета и сообщенному нам М. П. Погодиным. Мы исправили только некоторые ошибки и передаем в более ясной форме.

передового и сторожевого вторых – тремя местами, а левой второго – четырьмя местами, – что и говорит слово в слово Лыков (Сб., т. II, стр. 299).

Когда счет идет одним первым воеводам между собой или одним вторым, то уже ясно из самого порядка полков, кто кого больше или меньше и сколькими местами. Самая простота счета в этом случае не позволяла никакого разногласия в таких челобитных и счетах между одними первыми воеводами или одними вторыми с тем порядком отношений, на который мы указали. Так, в разрядной на странице 98 и 105 передовой второй бил челом на большого второго; на странице 131 левой второй на сторожевого второго; также в «Сб.» (т. II, стр. 103) и «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 414) передовой больше левого; на странице 415 прав. руки, передового и сторожевого полку вторые больше левого второго; на странице 435 правой второй больше передового и сторожевого вторых; в «Сб.» (т. II, стр. 31) правый больше сторожевого одним местом, а сторожевой левой руки одним местом, – и следовательно, правый больше левого двумя местами, как мы и видим из нашей таблицы; на странице 34 передовой первый одним местом больше левой первого; на странице 98 второй большого полку больше правой второго, а правой второй больше сторожевого второго и пр.; и наконец, в «Сб.» (т. II, стр. 333) именное показание, что второй правой руки больше передовых и сторожевых одним местом, а второго левой – двумя местами.

Мы встречаем реже челобитья между вторыми воеводами и первыми (причем перекрещивались отношения всякого первого воеводы в младшем полку со всяким вторым, но в старшем полку и наоборот), ибо самый счет в таком случае был отдаленнее и не имел более той наглядности, а по тому самому и находил более противодействия в законодательстве. Но, несмотря на царские приговоры, мы нередко встречаем, однако ж, такие челобитья и счеты, прямо противоречившие им и вместе с тем в точности совпадающие со счетом нашей таблицы. Так, на странице 97 правого второй бил на левой первого; в «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 435) правый второй бил челом на

левого первого; то же в Сб. (т. V, стр. 79) – передовой первый сочтен больше второго большого; в арх. разр. № 5 (л. 210) сторожевой второй бил челом на левой первого (см. также л. 183 и пр.). И наконец, вполне совпадает с той же таблицей (и это согласие не может быть случайное) самое подробное именное свидетельство о том, сколькими местами какой воевода больше другого (Сб., т. II, стр. 299), потому что *в левой руке первый воевода в большом полку второго воеводы больши местом, а правой руки второго воеводы больше двумя месты, а передовова и сторожевова полку вторых воевод больши тремя месты, а левыя руки другова воеводы больши четырьмя месты*. Лыков приводит на суд такое доказательство своего счета, как положительное и общеизвестное отношение воевод между собой, – хотя и прямо противоречащее приговорам царским, из чего мы вправе заключить, что обычный порядок и счет отношений продолжал сохранять свою обычную силу во всей строгости математической пропорции, несмотря на все усилия законодательства, как увидим ниже, разорвать его. А потому мы и принимаем за положительную норму отношений, правившую всем военным распорядком того времени, числовую пропорцию, выведенную нами из данных, которые представлял обычай, – а не постановления законодательства, ибо они являлись в жизни как одни исключения и бессильное противодействие внутренней крепости обычая.

Но не могли, однако ж, везде и всегда совпадать с общей таблицей отношений, которую мы представили, все частные случаи челобития от воевод и счетов воеводских мест между собой. Кроме противодействия указов царских, которым обычай то повиновался, то не обращал на них никакого внимания, самое войско не всегда было посылаемо на пять полков, но иногда и на три, и наконец, в этих счетах, как и при всех таких счетах местами, необходима была известная неопределенность выражений, которая могла производить разницу в счете на одно и на два места.

Войско или ополчение, как мы уже сказали, не всегда состояло из 5 полков, а бывало нередко посылаемо и на 3 полка и

состояло в таком случае из большого полка, передового и сторожевого, которые, как отсюда видно, составляли необходимое разделение всякого военного ополчения того времени, – левая же рука и правая были, так сказать, лишь полки придаточные, могшие быть и не быть в ополчении. Так в «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 489 под 1586 г.) поход на 3 полка, то же в «Сб.» (т. II, стр. 395 под 1628 г.; т. V, стр. 77) и пр. и пр. В таком случае, как само собой очевидно, вся пропорция отношений изменялась, ибо из таблицы должны были быть опущены два ряда цифр, отвечающие правой и левой руке. Для такого деления войска на 3 полка легко составить такую же таблицу отношений в пропорцию трех вместо пяти, и она в точности совпадет с именным свидетельством на странице 363 «Сб.» (т. II), в коем мы и находим, что государь велел тогда идти на 3 полка, что *первый сторожевой больше второго большого одним местом, а передового и сторожевого вторых двумя местами*; то же самое мы находим на странице 340 (т. II), но без указания, было ли войско в этом случае на 5 полков или на 3; могло быть и последнее. В противном же случае Лыков, приводивший это отношение в доказательство своего счета, следовал здесь царским приговорам, которые поставляя, что *передовому и сторожевому полку до правой и левой руки дела нет и что они меж себя без мест*, хотели лишь подвести счет воевод в том и другом случае к одному знаменателю, принимая правую и левую руку за одни придаточные, и потому, исключая из общего счета, установить *один счет на три полка,* а за правой и левой рукой как придаточными оставить только отдельный счет между собой и с большим полком. А потому согласно с царскими приговорами и при разделении войска на 5 полков должна была оставаться та же основная пропорция отношений на 3 полка. Тем же приговором 1550 года объясняется и следующее место «Сб.» (т. II, стр. 34): *а левый первый больше правой второго одним местом*, ибо то же мы находим в том же приговоре 1550 года, но высказанным подробнее и яснее в томе V (стр. 124): *а по твоему Государеву указу да и прежних Государей, который воевода будет в большом полку в других,*

и до того воеводы правой руки и передового и сторожевого полку и левой руки большим воеводам дела нет. Опустив же второго большого полка, стоящего между левым первым и правым вторым, окажется действительно, что левый первый больше правой второго одним местом, а не двумя, как мы то находим в таблице. Другие же случаи, не подходящие также под ту же пропорцию отношений, объясняются неопределенностью местнического языка, на которую мы уже указали выше. Во всяком счете местами от одного лица к другому, когда говорилось, что такой-то столькими-то местами больше или меньше такого-то, могли быть сочтены между ними одни средние разделяющие их звенья, – те же два лица, или *места*, коих высказывалось взаимное отношение, – тот, кем начинался счет, и тот, кем он оканчивался, – не были включены в счет, как единицы мест, – или сосчитываемы были сверх средних звеньев, и обе крайние единицы счета, – тот, от кого он начинался и кем он оканчивался. Тот и другой счет, или выражения отношений, по-видимому, одинаково правильны, хотя оба такие счета представляются в языке местничества как одни исключения или неточности выражений, исправляемых и приводимых к одному знаменателю наглядностью самого факта или действительного отношения. Обыкновенное же и утвержденное обычаем выражение отношения или обыкновенный счет между двумя лицами был следующим: когда говорилось, что такой-то столькими-то местами меньше другого, то считались средние разделяющие звенья и последнее место, коим оканчивался счет и коего отыскивалось отношение к другому; так, например, второй левый был тремя местами меньше второго большого; сочтены же были как средние звенья правая рука, и сторожевой и передовой как одно звено, и потом сам левый второй. Всего же яснее эта неточность выражений высказывалась в следующем: *сын от отца четвертое место* (Сб., т. II, стр. 365); в приложениях же этого правила повторяется не раз, что отец больше сына четырьмя месты (см. Сб., т. II, стр. 364, 361 и 362), – когда, действительно, сын был меньше отца только тремя месты, хотя и был от него четвертое место. Так и в

других случаях могло быть всегда смешиваемо, что такой-то столькими-то местами меньше другого, или от него такое-то место, когда между тем и другим выражением должна была быть всегда разница одной единицей*. Но такая неточность в выражении исправлялась немедленно при всяком сложении нескольких отношений или счетов. Так в «Сб.» (т. II, стр. 349): *Лыков больше Колычева пятью месты, а сына Колычева восьмью месты*, и следовательно, сын был действительно меньше отца, как мы сказали, тремя месты, хотя и могло быть сказано об отдельном отношении сына к отцу, что он его меньше четырьмя местами. Объясняется же это тем, что если бы при сложении счетов считалось и то звено, которым одно отношение оканчивалось, и то, которым новое отношение начиналось, то необходимо сосчитываемо было одно и то же звено два раза, как в следующем примере:

A	B	C	D	
	4	4	4	12

Если B меньше A четырьмя местами, а C меньше B четырьмя местами, а D меньше C четырьмя местами, или одни от другого четвертое место, то выходит, сложив все три отношения, что D меньше A двенадцатью местами – когда всегонавсего было только десять мест, считая тут и A и D, – или D меньше A *девятью* местами, считая только одного последнего D, как того требовал обыкновенный счет местами, и как мы то видели на всех счетах воевод между собой. Сверх того, об отдельном отношении A к B могло быть так же правильно сказано по своему понятию, что A больше B только двумя местами, т.е. одними межлежащими двумя средними местами; но при сложении или вычитании нескольких отношений, выраженных таким образом, оказалось бы, что при каждом соедине-

* Так и доселе обычный язык сохранил ту же неопределенность в этом случае: например, если за столом 4 места сряду, то может быть сказано одинаково, что первое отстоит от последнего на 4 места или на 3, или что последнее место от первого – третье или четвертое.

нии двух отношений мы пропускаем единицу, и в приведенном нами примере при сложении такого счета вышло бы, что А больше D шестью местами вместо девяти*. При каждом отношении, взятом отдельно, наглядность самого факта или отношения приводила к одному понятию первое, второе и третье выражение, хотя они и прямо противоречили друг другу; но при всяком вычитании или сложении нескольких отношений становилась очевидна правильность одного среднего выражения, считающего лишь средние звенья и последнюю единицу счета, а потому оно одно и было принято и, так сказать, узаконено обычаем... Обычный же язык местничества, в котором это одно последнее выражение счета являлось как общее и потому как одно узаконенное и правильное, отвечал в этом сущности самих отношений; ибо при таком среднем выражении отношений не приходилось ни прибавлять, ни убавлять единицей при всяком сложении или вычитании двух отношений. Два же другие, отклоняющиеся в ту и другую сторону выражения, представляются как одни исключения и частности личного произвольного слова, – и не всегда, может быть, добросовестного, а намеренно запутывающего счет или оттягивающего одно или два места у недогадливого противника.

Такой неточностью или разнообразием выражений одних и тех же отношений объясняются следующие места в арх. разр. № 5 (лист 578): сторожевой первый сочтен двумя местами больше левой первого. По обыкновенному счету выходило бы, что он больше первым местом левого, как непосредственно за ним следующего; очевидно, что здесь сочтен был, кроме левого, и сам сторожевой, и что *двумя месты* употреблено здесь вместо второе место, но самая наглядность отношения делала в этом случае выражение *двумя месты* вполне однозначительным в понятии выражению *одним местом*. Так, на листе 595 в том же счете воевод и тем же Бутурлиным сочтен сторожевой первый

* Это замечание особенно важно для поверки и разборов всех счетов в делах по местничеству, и потому не надо забывать, что сложение или вычитание нескольких положительно показанных отдельных отношений часто не дадут, однако ж, общего искомого настоящего отношения.

четырьмя местами больше правой второго. По нашей таблице выходит, что он больше тремя местами, но мы начинаем от нуля, – если же вместо нуля начинать с единицы, полагая за единицу и того, от кого начинался счет, как делал Бутурлин, то выйдет действительно, что сторожевой первый больше правой второго четырьмя местами. В одном только месте Бутурлин изменяет такому счислению, полагая большого второго двумя местами больше передового второго – см. лист 607, но на том же самом листе и при счете того же разряда (и так же на л. 595 и 578) он считал большого второго пятью местами больше левого второго. В этом случае еще недостаточно предложенного нами общего объяснения, ибо если счесть и самого второго большого полка, полагая его за единицу, то все таки выйдет, что большой полк больше левого четырьмя местами а не пятью. Но при этом следует вспомнить, что хотя мы и поставили в таблице передовой и сторожевой полк как одно звено, но в обычном понятии передовой полк бывал, однако ж, нередко считаем больше сторожевого, и потому, если внести в нашу таблицу отношений сторожевой полк как отдельное звено между передовым и левым, то вся пропорция отношений первых и вторых воевод, взятых вместе, увеличится двумя единицами, а по счету Бутурлина, разумеется, выйдет в таком случае, что большой полк больше левой руки пятью местами.

Мы поставили, однако ж, в общей пропорции нормальных отношений воевод между собой передовой и сторожевой полки как одно звено, ибо обычай примирялся в этом случае более, чем во всех других, с противодействием ему правительственной власти, и не только приговоры царские и ответы разрядного царского суда, но и самый обычный счет полагал их большей частью за ровни (так, например, в «Сб.» (т. II, стр. 27) правая рука показана больше передового одним местом, а на страницах 29 и 30 та же правая рука больше сторожевого полка одним местом; а в арх. разр. № 5 (л. 578), когда один из споривших хотел счесть Курбского больше Бутурлина, потому что один был в сторожевом полку, а другой – в передовом, то противная сторона отвечала, что *век свой*

в передовом полку и в сторожевом и мал и велик живет, а полки вросписи пишут передовой и сторожевой ровны, и пр. и пр.) и за одно звено и место, и даже тогда, когда по другим отношениям полков тот же обычный счет прямо противоречил тем же царским приговорам, чтобы левая и правая не считались с передовым и сторожевым, и большого вторым и пр. Таковы приведенные нами выше как вполне совпадающие с принятой нами таблицей отношений свидетельства (Сб., т. II, стр. 31 и 34, стр. 333, 299 и 363 и др).

Вообще следует здесь заметить, что обычай гораздо легче покорялся учинению известных отношений равными или произвольному изменению тех или других отношений, чем усилиям правительственной власти сделать те или другие отношения между собой безместными, т.е. не имеющими между собой никакого счета и никакого дела друг до друга; ибо местничество должно было невольно сознавать, что первое было лишь видоизменением в составе его отношений, которому оно могло покориться безо всякой порухи и ущерба своей внутренней жизни; последнее же, т.е. всякое временное объявление известной *службы безместной* и тем более всякая попытка законодательной власти учинить навсегда известные места, и следовательно, известные, постоянно существующие для местничества отношения *безместными* и потому не существующими более друг для друга как отношения, – было прямым посягательством на самое его существование и разрывало всю систему его общего распорядка, сильную и крепкую одним своим единством, сводившим в одну общую лествицу отношений все единицы (как лица физические, так и *места*, – так сказать, лица нравственные), подлежащие государственному служебному распорядку. Так и в отношениях более частных и случайных учинение равными лиц физических (в противоположность такому же учинению *мест*, лиц нравственных, – так, например, сторожевого и передового полка) не встретило ни одного протеста, не только прямого неповиновения. При обьявлении же известной службы *безместной*, и нередко несмотря на многократное повторение, – воеводы продолжали считаться

между собой местами. А потому и здесь, говоря о передовом и сторожевом полках, не должно забывать, что они приговорены были между собой равными, а не *безместными,* не имеющими друг до друга дела, как, например, те же оба полка до правой и левой руки и т.д. хотя мы и встречаем, например, в «Сб.» (т. II, стр. 51 под 1582 г.): *передовой и сторожевой живут б е з м е с т, о чем было бить челом*; в т. II (стр. 391): *Плещеев посажен в тюрьму за то, что бил челом на Татевых, нарушивая Государев прежний указ, что передовому полку с сторожевым полком мест нет, хотя б он с Татевым отечеством был и в равенстве; и ему было мимо уложенья бити челом не довелось в чем мест нет.* В арх. же разр. № 5 (л. 578) в приведенном нами выше месте *сторожевому до передового н е в м е с т н о, а век свой в передовом полку и в сторожевом и мал и велик живет, а полки те ровны*, из чего, казалось, следовало бы, что невместность и равенство полков одно и то же. Но в нашей разрядной на странице 97 (то же в арх. разр. № 5) мы находим: *По Государеву приговору передовой и сторожевой полк равны, и Сабурову* (челобитчику, бывшему в сторожевом полку. – *Д. В.*) *невместно быть ровну с Шереметевым, и для того бил челом Сабуров на третьего большого брата Шереметева*; значит, Сабуров считал себя двумя местами больше самого Шереметева, а потому и полагал невместным для себя быть с ним в ровенстве, и челобитье его было принято и *записано*, и следовательно признано законным. Здесь Сабуров бил челом вследствие того именно, что передовой и сторожевой равны, но очевидно, что он не имел бы права на такое челобитье и не сослался бы на равенство передового и сторожевого, если бы *равны* было однозначительно слову *невместны* (замечательно, однако ж, при этом, что Сабуров был в сторожевом, т.е. низшем полку; вероятно же, что если бы он был в передовом полку и только одним местом больше Шереметева, то не бил бы челом, уравновесив свое большинство местом перед Шереметевым по другим отношениям, – обычным большинством передового полка перед сторожевым). Но после этого каким же образом соединить это свидетельство

с тем, что *тем полкам мест нет*, и особливо, что *век свой в передовом и сторожевом и мал и велик живут*?

Вообще трудно провести ясную разделяющую черту в области местничества между равенством (не родовым, а *учиненным*) и невместностью в их фактических приложениях; хотя в понятии они и не имеют, по-видимому, ничего прямо общего, но в юридических последствиях каждого они постоянно совпадают в одно, а потому и часто смешиваются в жизни, как мы то видели и в разборе слова *местник*, нередко совпадающего с понятием о *невместности*. Нельзя даже предполагать, чтобы места сторожевого и передового полков как равные были всегда замещаемы равными по другим отношениям, ибо учиненные местниками (которые на этой одной службе и могли бы продолжать службу вместе и не нуждаться в разводе) встречаются редко и как одни исключения. Не могли также передовой и сторожевой полки быть всегда замещаемы однородцами, равными в родстве, ибо и таких *равных* встречается не довольно много, чтобы могли быть наполняемы ими все места передового и сторожевого полков, и достаточно самого беглого взгляда на росписи полкам в разрядных, чтобы убедиться, что этого не было. И потому, чтобы объяснить возможность обычного равенства воевод передового и сторожевого полков при невозможности передовому и сторожевому полкам быть всегда замещаемыми равными, необходимо предполагать, что, вероятно, бывали вместе на службе в передовом и сторожевом полках большей частью такие, коих взаимные отношения были так отдаленны и неясны, что ни тот, ни другой ничего положительно не *теряли* своим временным равенством с другим* (см. ниже разбор стр. 119), тем более что это равенство передового

* Сверх того, вероятно, что еще не ясное и не успевшее определиться большинство одного перед другим уравновешивалось обычным большинством передового полка перед сторожевым, так что, вероятно, бывал посылаем в передовой полк тот, в пользу коего было больше вероятностей, что его предыдущие отношения выгоднее отношений его сослуживца. Отношение находившегося в сторожевом полку к находившемуся в передовом было то же, какое мы показали при объяснении невместной грамоты, когда она давалась одному *для* другого *вероятно высшего* (см. о местниках).

и сторожевого полков никогда не получало достаточной юридической крепости для того, чтобы споривше ссылались на него как на положительный факт равенства, потому могший положительно унизить того высшего, который раз находился с низшим в таком ровенстве до этого низшего. Такого счета в равенстве сторожевым и передовым полками (т.е. чтобы один из местничавшихся когда-либо доказывал свое равенство с другим тем, что были вместе в передовом и сторожевом полках), как мы находим на каждой странице местнических дел в местах с другими полками, мы решительно не находим ни одного примера. Этим же объясняется и то, что бывал мал и велик в передовом и сторожевом полках, хотя полки эти и были равны. А по тому самому, это равенство и имело почти одинаковое значение с невместностью, ибо совпадало с нею во всех своих приложениях.

Так же как передовой и сторожевой полки замещались такими, коих взаимные отношения еще не были довольно ясны и определены, так и служба бывала объявляема невместной для таких же еще не утвердившихся отношений, и как та, так и другая служба, несмотря на бытие вместе, не оставляла за собой никаких юридических последствий в области местничества. Так, наконец, и равенство это, как прямое противоречие всей внутренней основе местничества, как подводящее под один уровень то, что для местничества существовало только как *отношение*, и нарушающее его нормальное движение, состоявшее в подведении под известные числовые пропорции и лествицы всех служебных отношений, – было уже прямым переходом к совершенному исключению известных отношений из общего местнического счета, т.е. *к безместности*, ибо при равенстве не было собственно и счета местами. Счет местами предполагает не равенство *их*, а известное численное отношение; так и в «Сб.» (т. II, стр. 391) говорится о равенстве передового и сторожевого полков, что *в том мест нет*, и, напротив, общее равенство отношений было бы однозначительно с общей безместностью. Так и самое местничество невольно выражало на своем языке эту близость двух понятий. В приведенном нами ниже

указе 1550 года сказано, что левая рука передового и сторожевого полков *не меньше* второго в большом, чтобы выразить, что они между собой *без мест*, что мы и находим в другой редакции того же указа. *Не меньше* же есть только отрицательное выражение для того же равенства, так что равенство представляется лишь положительным выражением и внесением в круг самого местничества и его счета *невместности*, как положительно исключающей счет местами и, следовательно, как прямо отрицающий самое местничество. Равенство же, так же как и безместность, – понятия, не принадлежащие самому местничеству, а произведения противодействия местничеству правительственной власти. Противодействие же и непокорность уставам положительного законодательства обычных понятий, поставлявших передовой полк выше сторожевого, выразилось особенно замечательно в следующем случае нашей разр. на странице 138: *Татев бил челом на Басманова и говорил: по вашему Царскому уложению передовой полк да сторожевой полк равны, а передовой полк кабы почестнее, а П. Басманов тебе Госуд. не служивал; а я, холоп твой, служу тебе не поперво, мне Петра быть безчеснея невмесно.* Замечательно также на странице 98 (то же в арх. разр. № 5, л. 717) выражение царем или царским приговором равенства передового и сторожевого полков: *Салтыков в сторожевом второй бил челом на Туренина, второго в передовом: и я холоп твой Туренина службой постарее. И Царь приговорил: придут на Украйну крымские люди наперед на сторожевой полк, и пойти наперед сторожевому полку, да большому полку, да передовому после. А буде придут крымские люди на передовой полк, ино итти наперед передовому полку, да большому полку, да сторожевому полку итти после.* В этом ответе царя указывалось как бы с насмешкой на нелепость требований старшинства между передовым и сторожевым, когда случайность неприятельского нападения могла всегда обратить сторожевой полк в передовой или передовой в сторожевой, и особливо в такой войне, как война с татарами и в степях, разделявших в то время Россию от Крыма. Замечательно также при этом, что это два единственных, может быть,

примера, где в доказательство своего большинства перед другим приводится такое неопределенное *я службой постарее*; но это объясняется тем, что самое старшинство передового полка перед сторожевым не представлялось более старшинством одного перед другим определенной единицей, но каким-то неопределенным почетом – не общей *единицей,* мерилом всех местнических отношений, а какой-то неопределенной дробью ее, как мы на то указали в разборе страницы 80. Мы находим также указания на большинство передового перед сторожевым в «Сб.» (т. II, стр. 399), – челобитье сторожевого на передового, но было отказано, *что мест нет*; на странице 384 в деле под 1625 годом передовой третий *сочтен* одним местом больше сторожевого третьего, – доказательство, как был еще крепок обычай, или, может быть, приговоры царские тем менее касались взаимного счета товарищей между собой, чем далее эти товарищи отстояли от первого ряда воевод, т.е. были третий, четвертый и т.д. (см. ниже).

Неповиновение обычая уставам положительного законодательства выразилось еще более в противодействии этого обычая стремлениям законодательства разорвать общую пропорцию воеводских мест и ввести одни отдельные счеты. Мы уже указали, почему законодательство должно было встретить в этом случае наиболее противодействия, и действительно, если, несмотря на равенство сторожевого и передового полков, и встречаются челобитья последнего на первый (а мы уже видели, что не было такой придирки, которой бы не пользовались наши предки, чтобы утягивать друг друга), то кроме одного счета Бутурлина мы везде находим, что сами споривше и, следовательно, обе противные стороны считали сторожевой и передовой полки за одну единицу, и, следовательно, равенство этих двух полков вошло, как признанное местничеством понятие, в самое движение и обычную жизнь его и там даже, где в то же время и те же самые счеты прямо противоречили другой половине тех же приговоров, что передовому и сторожевому и до правого и левого и большого второго дела между собой нет. Мы уже видели выше многие примеры таких счетов и че-

лобитий между воеводами, прямо нарушавшими этот указ и на которые даже царский разрядный суд не отвечал, что они противозаконны*, тогда как мы не находим ни одного челобитья сторожевого полка на передовой без того, чтобы царь или бояре не ответили, что *то челобитье против Царского приговору*, и вместе с тем не встречаем ни одного случая (кроме приведенного нами места в «Сб.» (т. II, стр. 32) и которое может быть объяснено также указанной нами неопределенностью в выражении одних и тех же отношений), где бы воеводы были сочтены между собой местами по тем отдельным отношениям, которые поставляемы были царскими приговорами, – хотя эти счеты и были приводимы на царском суде, и при разбирательстве этим судом самих счетов и спорных отношений местничества. Отсюда мы можем справедливо заключить, что сама правительственная власть вполне уступала в этом случае обычаю и признавала правильность таких счетов в спорах и *делах* – довольствуясь тем, что не позволяла возникать новым спорам и челобитьям вследствие отношений, которые она объявила безместными.

Не прежде Романовых, когда местничество стало уже терять всю свою прежнюю крепость обычая, встречаем мы примеры, что противная сторона ссылалась на положения этих приговоров в ответ на противоречащие им челобитья; так, в «Сб.» (т. V, стр. 124 под 1631 г.) Вельяминов отвечает на довод противника, что *по Госуд. указу да и прежних Государей до второго большого полку всем другим большим воеводам дела нет*, а в томе II (стр. 389 под 1627 г.) мы находим, что Шаховской бил челом, *что он второй в большом на Туле, и прежь сего, которые их братья бывали на Туле в товарищех, и тем Госу-*

* Царский суд обыкновенно оставлял такие челобитья нерешенными и откладывал *пока служба минетца*. С прекращением же службы исчезала и сама причина для спора, ибо всякое записанное в разряд челобитье имело значенье протеста, а потому не могла более и эта служба принести собой никакой *порухи*; а по этому самому мы так редко и встречаем возобновление челобитий и *вершений* судов, по-видимому, только отложенных до тех пор, *когда служба минетца*, ибо в большей части случаев челобитчики довольствовались одним протестом, и самые челобитья были большей частью только формой такого протеста.

дарское жалованье было, что им передового и сторожевого полку до первых воевод в местах по прежнему уложению дела нет, и Госуд. бы ево пожаловал, велел челобитье его записать. Эта просьба *записать* такое челобитье уже показывает, что и в это время, когда указ 1550 года был возобновлен и исполнялся с большей строгостью, чем когда-либо прежде, приговоры законодательной власти не считались, однако ж, достаточным ограждением от порухи чести другими воеводами, хотя и признанными *за невместные* этими приговорами; так и указание на Тулу показывает, что постановления эти не имели общего действия даже в кругу распоряжений правительства. Но вместе с тем такие случаи свидетельствуют, что уже начали вымирать в это время те предания старины и та святость обычных понятий, которые дотоле не позволяли спорившим ссылаться на уставы царские, противоречившие этим понятиям и обычаю, даже тогда, когда они прямо говорили в пользу и выгоду той или другой споривщей и друг друга утягивавшей стороны. До самого же времени Романовых мы находим ссылки на это постановление приговоров в одних ответах царя или разряда, на челобитья, противоречившие этим приговорам; так в арх. разр. № 5 (л. 694) и «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 470): *большого второй бил челом на передового и сторожевого первых*, но царь отвечал: *То бредит воеводство ему первое, а до передового и сторожевого дела нет, а до Тюфякина какое дело, он в Туле, а ты в Мещере*; см. также разр. № 5 (л. 189, 291 и 292): на челобитье сторожевого третьего на левого второго и правого третьего отвечено, *что сторож. и перед. до правыя дела нет.* «Древ. вифл.» (т. XIII, стр. 265) и арх. разр № 5 (л. 320): *левой второй бил челом на сторож. и передового вторых, но отвечено, что дурует, те полки давно приговорено посылать без мест*, и там же второй правой бил челом на передового первого и большого второго, но ответ был: *какое дело правому до передового*, а с большим вторым дан счет.

Заметим здесь вообще на эти два последние приведенные нами случая, что первый из них представляет единственный пример применения указа к счету вторых воевод между собой,

из чего можно заключить, как мы уже и выше заметили, что указ терял свою обычную силу и значение по мере того, как он относился к счету низшего ряда воевод, т.е. второго, третьего и т.д. Вероятно, сверх того, что так как счет каждого низшего ряда воевод не мог иметь той важности для правительственной власти, как счет высших рядов, то она и не обращала на такие счеты одинакового внимания, хотя в указе и сказано вообще, *что до правой и левой и большого полка передовому и сторожевому дела нет*. Обычай же, может быть, вовсе не относил этого указа к счету вторых воевод, ибо если мы и находим пример ссылки на него, то эта ссылка сделана была судом правительства, и только спустя 8 лет после издания указа, когда он еще был, вероятно, во всей своей силе; ссылок же противной стороны на указ, чтобы отстранить от себя челобитье или счет такого рода, мы не находим вовсе. Что же касается до последнего случая, до отношения большого второго к прочим вторым, то здесь мы находим вторичное свидетельство тому, что суд принимал законность их счета между собой даже тогда, когда в то же время ссылался на указ, и основываясь на нем, отказывал в других челобитьях, – и даже при Романовых признавалась самим судом законность такого счета, – так челобитье второго сторожевого на второго большого см. в «Сб.» (т. II, стр. 389. 391 и 396).

И потому мы можем положительно утвердить теперь, что если вообще постановление приговора 1550 года не относилось так же строго ко вторым воеводам, как оно относилось к первым, и более уступало в последнем случае обычаю, – то до счета второго большого с другими вторыми это постановление, вероятно, не только не касалось вовсе в своих приложениях, но и самый указ не имел в виду этого счета, – что подтверждает и положительное свидетельство в «Сб.» (т. V, стр. 124), *что до второго большого одним первым воеводам дела нет*. К тому же того требовало и самое значение приговора, который имел целью привести общий счет воевод к двум отдельным счетам на три полка: большого с правой и левой рукой и большого с передовым и сторожевым. Большинство же большого пол-

ка перед каждой отдельной парой полков было неоспоримо, и утвердить такое неоспоримое большинство всего большого полка и возвысить его значение необходимо должно было быть одной из главных целей всего противодействия правительства местничеству. Того требовало само ратное дело и частые неудачи наших походов, коих причиной нередко бывало малое повиновение общему вождю войска; к тому же и самое постановление, чтобы первым воеводам в прочих полках не считаться со вторым большого, давало общее старшинство всему большому полку над всем прочим ополчением; объявление же без мест второго большого с остальными вторыми, коих он неоспоримо был больше, было бы унижением его (ибо всякая безместность необходимо унижала одного из двух членов обычного отношения) и прямым противоречием первому постановлению о безместности его с первыми воеводами, и всей цели законодательства в этом случае.

Не менее высказывают эту борьбу и взаимное противодействие обычая и закона самые списки или варианты, встречаемые в разных разрядных, указа 1550 года, который, вероятно, был дан вследствие недействительности общего приговора, сделанного за год перед тем при походе в Казань (см. арх. разр. № 5, л. 224) о бытии всем без мест: *для земского дела все ходили б без мест, и счет Госуд. даст, когда дело окончит.* В арх. разр. № 48 (стр. 246) мы находим указ 1550 года в следующей форме: *В болшом полку быти болшему воеводе, а передовому полку и правыя руки и левыя руки воеводам и сторожевого полку первым воеводам быти менши большого полку первого воеводы, а хто будет другой в болшом полку воевода и до того болшого полку другово воеводы правыя руки болшему воеводе дела и счету нет, быти им безмест. А которые воеводы будут в правой руке и передовому полку да сторожевому полку воеводам первым быти правыя руки не менши* (в арх. раз № 5, л. 233 – *меньши. – Д. В.*) *а левыя руки воеводам быти не менши передового полку и сторожевого полку первых воевод* (начиная от скобки последних слов в № 5 нет. – *Д. В.*). *А быти левыя руки воеводам* (в № 5: *а левыя руки*

воеводам быти м е н ш и правыя руки первого воеводы, а другому воеводе в левой руке бытии менши другому ж воеводе правыя руки) *меньше правыя руки первого воеводы, а другому воеводе в левой руке быти менши другово ж воеводы правыя*. Мы не беремся решать здесь, была ли это предварительная редакция, составленная в разряде, того же указа, который вошел в «Судебник», ибо оба значатся под 1550 годом, или что другое, но заметим вообще, что обе формы указа не противоречат друг другу, а только пополняют и более или менее резко высказывают те же определения. Замечательно, однако ж, что во всех трех имевшихся у нас списках сказано, что только «одной правой большому до второго большого дела и счета нет», но это может быть один недосказ, а не есть еще противоречие. Относительно передового и сторожевого полков в этом варианте, так же как и в указе «Судебника», уже принимается как наперед данное, что они между собой равны, – доказательство, что они были приговорены равными еще до этого указа. Отдельные же счеты полков определены в разрядной форме указа яснее, ибо определительно сказано, что правые первый и второй больше каждый своих противней левых первого и второго. Касательно же невместности передового и сторожевого с правой и с левой особенно замечательно уже выше нами указанное выражение *не меньше* – что *сторожевой и передовой н е м е н ь ш е правого* (высшего по обычаю. – *Д. В.*), *а левая рука не меньше передового и сторожевого*, хотя, казалось, проще было бы сказать, что передовой и сторожевой не меньше правой и левой. Но в этом, так же как и в самом слове *не меньше*, выражается какая-то робость законодательства, не позволявшая ему подвести под одно общее определение два различных отношения (хотя в сущности смысл определения оставался тот же), ни употребить определенного выражения, резко противоречащего обычному понятию. *Не меньше* было только отрицательным и менее определенным выражением того же равенства или, наконец, невместности, как мы то уже и видели выше. Впрочем, *не меньше* мы находим только в одной рукописи под № 48, но эта рукопись бесспорно принадлежит к древнейшим имеющимся

разрядным (начала XVII, если не XVI века, и писана полууставом). К тому же в пользу этого чтения говорит и то, что если принять чтение *меньши* вместо *не менши*, которое мы находим в рукописи № 5 (новейшей и писанной скорописью) и в еще более новой под № 28, то весь этот вариант указа прямо противоречит тому же указу в «Судебнике» и предыдущим приговорам, – и только подтверждает прежнее обычное отношение, в чем, разумеется, не было никакой нужды со стороны законодательства. В позднейших же списках, вероятно с умыслом, заменяемо было *не менши* словом *меньши*, чтобы дать самому указу смысл тех самых обычных отношений, которые он ниспровергал. То была, вероятно, уловка того времени, вызванная еще живым духом местничества, которое, как мы видели, успевало делать недействительными все усилия правительства разорвать его обычные уставы и, вероятно, имело своих представителей и в самом разрядном приказе, готовых на все уловки тогдашней казуистики, чтобы отстоять святыню древнего обычая против разрушающих его нововведений. Уликой же против ошибки или умышленной описки в разрядной № 5 служит следующее место в ней же самой, на листе 291: *грамота послана по приговору, что передового и сторожевого полка левой руки не меньше воеводы*.

Хотя нам и неизвестны другие общие постановления законодательства касательно распорядка полков, кроме приведенного нами указа 1550 года в его двух формах, но мы ссылались, однако ж, вообще на *приговоры царские*, ибо нельзя придавать особенной важности указу 1550 года и не видеть в нем лишь повторения или общего возобновления предшествующих частных постановлений или частных царских приговоров. Так, мы видели, что обе редакции указа принимают равенство передового и сторожевого полков, как наперед уже данное; так и относительно сторожевого и правой руки мы находим в арх. разр. № 5 (л. 189 под 1544 г.), следовательно, за 6 лет до указа: *Ц. велел отписать в ответ на челобитье первого сторожевого на правого первого, и второго сторожевого на первого левой, что сторожевому до правой и левой руки дела*

нет, то полки опричные. В той же разр. под 1522 годом (л. 93) мы находим, *что та служба невместна, потому что один в левой большой, а другой в большом полку другой*, и далее тут же: *Бутурлину та служба невместна для Курбского, потому что Курб. в правой второй*. Мы видели, однако ж, что в разрядной редакции *указа* правый положительно больше левого, но вместе с тем такое решение вполне согласуется с редакцией указа в «Судебнике»: *кто с кем в одном полку послан, тот того и меньше*. Впрочем, это место может быть объяснено иначе тем, что не было указанием о невместности полков, а приговором о *невместности службы*, потому именно, что эти полки считались между собой, – и это последнее толкование вероятнее. Наконец, под 1500 годом мы находим случай, выписанный Карамзиным (т. VI, стр. 489) и находящийся также в арх. разр. № 5 (л. 21), № 13 (стр. 219), № 3 (стр. 30), № 4 (стр. 67), № 2–128 (стр. 17), № 28 (стр. 38): *Юрьи Захарьич писал к великому князю, что ему в сторожевом полку быти не мочно, то мне стеречи князя Данила, и князь великий ему приказал, гораздоль так чинишь, говоришь в сторожевом полку быти тебе не пригож стеречь княж данилова полку, ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела, а каковы воеводы в болшом полку, таковы чинят и в сторожевом полку, ино не сором тебе в сторожевом полку быти.*

Впрочем, можно не без основания предполагать, что самые отношения полков, особливо отдаленные, и общая пропорция мест всех пяти полков, окончательно утвердились в первую половину XVI века, т.е. между 1500 и 1550 годами, в промежуток времени между указом и положительным свидетельством или частным приговором царским о невместности полков. Пока Москва была еще окружена хотя и подчиненными ей, но еще имеющими свою самостоятельность уделами, из которых каждый хотя и присылал свою рать к общее московское ополчение, но под начальством своего удельного князя, – мудрено даже предполагать, чтобы московское ополчение могло всегда делиться на пять полков с определенным счетом чести между собой, и тем более, что в это время перехода и крушения преж-

него удельного мира прежние, в большей или меньшей определенности существовавшие отношения чести должны были необходимо исчезать и путаться, и вступать во взаимные противоречия; новые же отношения чести, выходящие из нового общего центра Москвы, еще не могли установиться и получить своей определенности. Об отношении же уделов к московскому ополчению мы находим следующие любопытные данные в «Сб.» (т. II, стр. 256): *И против тех случаев кн. Федор Лыков сказал… а в 63 году дед мой кн. Юрьи в том разряде был, а ни с кем не был, был со своим полком из уделу. А в 85 году в разряде дядя мой кн. Федор был в сторожевом полку, да не с Федором с Шереметевым, был со своим полком из уделу ж, а с Фед. с Шереметевым не бывал.* Если 63 и 85 годы были действительно 7063 и 7085, т.е. 1555 и 1577 годы, и если в эти годы могли быть еще поминаемы уделы и особые полки из уделов, не имеющие счету с другими, то мы должны были бы встретить десятки таких свидетельств о последней половине XV века и начале XVI века (за 70 и за 100 лет до этого свидетельства), если бы только дошло до нас от того времени более памятников. И наконец, самое то, что в общем счету полков передовой и сторожевой принимаются в противность обычным понятиям за одно звено, уже показывает нам, что в образовании общей пропорции полков участвовал не один всемогущий обычай, но и законодательство, более или менее на него воздействовавшее. И потому, если принять справедливость окончательного образования отношений полков в первой половине XVI века, не могло быть ранее и общих постановлений законодательства, противодействовавших общему обычному распорядку полков, ибо самый распорядок этот еще не утверждался во всей его полноте. И в таком случае приведенные нами приговоры или ответы царские от 1500 до 1550 года, свидетельствуют нам столько же о раннем противодействии законодательства порядку обычному, сколько и служат доказательством тому, что этот обычный порядок еще не успел установиться до этого времени во всей его полноте. Противодействие законодательства отвечало ходу обычая и служило более или менее верным отпечатком его, и

потому может быть даже принято в свидетельство о ходе обычая за неимением других данных.

Но если и относить окончательное образование полкового распорядка к этому времени, нельзя, однако ж, считать его чем-то новым, вошедшим в жизнь вместе с установлением единодержавия московского. Такое явление в России XVI века могло быть лишь возвращением к жизни вместе с восстановлением единства России того военного распорядка, который принадлежал еще Древней Руси XII и XIII веков, но должен был все более теряться и становиться невозможным с ее постоянным возрастающим раздроблением на более мелкие самостоятельные кружки, которых первобытные взаимные отношения все более путались, терялись и исчезали (городов к их пригородам, великих княжений к их уделам, и князей и княжеских родов между собой). Следы же такого распорядка мы находим в Древней Руси XII века, несмотря на всю скудость известий такого рода, дошедших до нас от того времени в летописях и других памятниках. Так, например, у Татищева (т. III, стр. 253): *Под 1183 годом Владимир Глебович просил у Игоря, чтобы ему быть в передовом полку, но Игорь ему отказал, за что Владимир разгневався возвратился*; также в Ипатьевской летописи (стр. 126), также в «Степ. книге» (т. I, стр. 288 и 289). У Татищева (стр. 390 под 1210 г.): *Сам Юрий с суздальцы и владимирцы стал по средине* (место большого полка. – *Д. В.*), *Ярослав с переяславцы на праве, а на леве поставили меньших братьев,* и далее: *построили полки налево* и т.д. См. также «Соф. врем.» (т. I, стр. 224) и пр. и пр. Мы здесь ограничились одним указанием на эти любопытные факты, ибо все относящееся до исторического хода и развития местничества принадлежит к другой части нашего труда.

Наконец нам остается еще сказать несколько слов о счете товарищей одного полка между собою. Здесь мы видим то же противодействие обычаю законодательной власти, не допускавшей счета третьих с вторыми, хотя обычные понятия и полагали всякого третьего ниже всех вторых, не только второго своего полка. В «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 437) третий товарищ

бил челом на второго, но ответ был: *Большой воевода Голицын* (с которым, разумеется, было вместно быть и третьему. – *Д. В.*), *а они товарищи, какие им места*. Также в томе XIII (стр. 308) третий в большом полку бил челом на второго, но ответ был, *что он на службе с первым, а не со вторым*. Третьи же воеводы, разумеется, считались между собой, так же как и вторые, и мы нередко встречаем такие челобитья. Так, в «Древ. вифл.» (стр. 437): *Третий левой бил челом на третьего передового.* В арх. разр. № 5 (л. 575) третий левой бил челом на третьего сторожевого; на листе 580 третий сторожевой бил челом на третьего правой руки, а на листе 824 большой третий бил челом на второго левой, и то же в нашей разр. на странице 133 – доказательство, что всякий низший ряд товарищей считал себя ниже высшего ряда, и даже, как мы видим здесь, первый воевода низшего ряда считал себя ниже последнего воеводы в высшем ряду. Но, несмотря на это, с большим полком было связано, однако ж, некоторое понятие почета, которое иногда позволяло даже второму или третьему в нем считать себя как бы выше воевод низших полков хотя высшего ряда, чем и объясняется следующий случай в нашей разр. на странице 108: Сабуров извещал бояр и бил челом на Хворостинина, что вчера лаял его: *а тебе ж и нынче в разряды написан больше потому, что живет большой полк и другой воевода велик, больши первых воевод передовова полку и сторожевова, не токмо левыя руки.*

Наконец замечательно, что так же, как мы указывали на следы лествицы чести между городами, соответствовавшей вообще лествице чести служебной, так мы находим, что известные города постоянно соответствовали чести известного полка, так что известный город прямо отвечал понятию известного полка, и под бытием в таком-то городе уже понималось бытие в таком-то полку: см. указанное нами на странице 90 разр., а также в «Сб.» (т. II, стр. 396): *Волынской бил челом на Бутурлина, что Бутурлину велено быть в Переславле, а ему в Михайлове*; а на странице 397, *что таким-то велено быть в передовом полку, а им, Ляпуновым, одному на Михайлове, а другому в Пронску, и им быть тех меньше невместно.* Очевидно,

что под Михайловым и Пронском понимаются здесь известные полки, которых честь или старшинство более или менее соответствовало чести и старшинству этих городов, в которых потому обыкновенно и становились эти полки. Очевидно также, что это соответствие взаимной чести городов порядку чести полков и вообще общей служебной лествице чести не есть произведение XVI века, а следы целого мира отношений, для нас потерянного, и от которого в XVI веке случайно сохранились для нас одни немногие обломки.

Рассмотрение всего круга этих отношений и общее преобладание обычая над законодательством, которое мы успели проследить даже в каждом отдельном отношении, дает нам окончательно тот общий вывод, что места в войске вообще не подлежали распределению исполнительной власти, но что каждое место было уже наперед определено за известным лицом или лицами по известным обычным отношениям этих мест между собой и по наперед данным, переходящим из поколения в поколение местническим отношениям всех служилых лиц государства. Верховная власть, особливо же в начале единодержавия московского, когда все отношения жизни, а следовательно, и местничества, как главной пружины всей этой жизни, были еще проще и непосредственнее и не получали последующей сложности государственного механизма, решала только мир или войну, назначала известный поход, или определяла войску собраться тогда-то и там-то; войско же само собой собиралось и становилось под знамена, не нуждаясь ни в наборщиках, ни в расписаниях – кому, где и как быть и пр. Каждый уже знал наперед свое место в нем, отдельные дружины располагались в полки, полки размещались в ополчения на 3 или на 5 полков, воеводы принимали начальство над полками, кому с кем вместно* и т.д., и все это двигалось

* Также собиралось и располагалось само собой войско и на Западе в Средние века; но на Западе место каждого было определяемо его личным или местным отношением – отношением вещным владельца к земле, которой он владел, и вассала – к земле, которой он был принадлежностью, и из этих личных, и следовательно, случайных и видоизменяющихся отношений слагался весь распорядок войска. У нас вместо отношений личных были

и слагалось по известному внутреннему обычному закону и отношениям жизни, которая по тому самому и не нуждалась ни в каком внешнем двигателе, ею распоряжающем. Правительству же оставался один только высший, общий надзор за правильным сбором и размещением войска и мест в нем, и сам царь (или его разряд), не принимая на себя труда решать, кому с кем и где быть вместно, высказывал иногда в своих грамотах, что предоставляется самим воеводам знать или рассудить, где кому и с кем быть пригоже, и что *пригоже.* Так, в арх. разр. № 5 (л. 2 под 1493 г.) после обыкновенного разряда воевод на 5 полков сказано: *К Воротынским князем и Одоевским князю Михаилу Мезецкому велел на правой быти подле передовой полк Вел. Князя – кн. Велик стороне, и на левой, где похотят. А непохочет быти кн. Дмитрей з братом своим, со кн. Семеном вместе, и кн. Дмитрию быти своим полком подле большой полк, где пригоже, а кн. Семену и брату его, кн. Ивану Перемышльскому, быти подле передовой полк, на праве, или налеве, где похотят. А Одоевским князем и Белевским и Мезецкому, где будет пригоже, а князем быти в полку, и им тутo быти, или где похотят.* В арх. разр. № 13–812 (стр. 367 под 1536 г.): кн. *Великий послал кн. Александру Васил. Кашину, что не съезжаются с Мих. Тучковым, и наше бы дело у вас не терялося, съезжалися бы еста к Дм. Полуехтову, то вам намесник; а не похотитя съезжатися к Дмитрею, и (вам бы сьезжатися к Дмитрию) и вам бы сьезжатися где пригоже.* Эти свидетельства ясно нам показывают, что само правительство предоставляло обычаю местничества самому, непосредственно ведаться с подлежащими ему отношениями и разбирать, что кому и где вместно или пригоже, и, как мы видим, самые назначения и распоряжения по службе были делаемы услов-

отношения родовые, но и отношения родовые, как более или менее личные и потому случайные, не определяли место каждого в войске и не слагали из себя общего распорядка ополчения. Распорядок этот был уже наперед дан и определен в рамке отношений между всеми местами в войске, которую создал обычай, а родовые отношения могли только наполнять эту рамку, а не слагать собой самый распорядок ополчения.

но, т.е. *если похотят* быть так, как мы назначили (*похотят* же означает здесь не произвольное *хотение* того или другого лица, а если вместно и пригоже), а если не *похотят*, то быть им, как сами знают. Правительство же, как высшая распорядительная, полицейская и судебная власть, вело только списки или разряды каждой службы и всем лицам, которым приходилось быть на ней по их наперед данным отношениям, надзирало за правильным расположением всех этих отношений во всех случаях государственной службы и деятельности и их правильным движением, не нарушаемым ничьим произволом; как власть судебная, разбирало и судило все отношения спорные или враждебные столкновения противоречащих отношений и, наконец, выбирало между несколькими кандидатами на одно и то же место, т.е. между всеми, находящимися в одних и тех же правах и отношениях к этому месту. Так, например, см. арх. разр. № 13–812 (стр. 196 и 218) и № 28 (стр. 38 под 1500 г.): *а в передовой и сторожевой и в правую и левую руку Ц. и В. кн. велел выбрать воевод*. Впоследствии, по мере того как круг местничества расширялся, разрастались и путались его отношения, рать становилась многочисленнее, служба сложнее, охранение границ шире, а следовательно, и мест службы становилось больше, и больше кандидатов на нее с равными или спорными правами на одни и те же места, – тем менее могло правительство предоставлять обычаю местничества ведать самому свои отношения и тем менее могло уступать *хотению* воевод без предварительного суда и разбора, – правильно ли это хотение их или нет. В последнюю половину XVI века, начиная с совершеннолетия Иоаннова, еще встречаются следы предоставления тому или другому лицу ведать самому, что ему и где ему быть пригоже, но эти случаи ничего уже не доказывают определенного сами собой и получают смысл только при предыдущих свидетельствах. Так в «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 307) роспись воеводам по украинным городам: в Туле, Рязани, Пронске, Ряжске и других городах такие-то, *а во Мценске прибрати кого пригоже*. Так как самая роспись была сделана в разр., то, вероятно, что это *прибрание* относи-

лось здесь к большим воеводам, заведовавшим этой службой; *а кому пригоже во Мценск* подтверждает то же общее соответствие личных местнических отношений с отношениями служебных мест между собой и этих последних – с отношением между собой городов, как таких же единиц мест. В нашей разр. (стр. 136) Борятинскому указано быть у иного дела, к какому он пригодится; «Сб.» (т. II, стр. 6): *А будет п р и г о ж е кн. Данилу прибавити воевод в свой полк большой же, и велети ему быть у себя в полку Мезецкому* и пр. Само же назначение мест в войске до самого Петра, пока местничество не было окончательно вытеснено новоевропейскими началами службы, кроме одних походов и служеб, объявляемых невместными, не подлежало прямо правительственной власти; если же оно и подлежало ей в последние годы отживавшего местничества, то как прямое и постоянное фактическое нарушение обычного закона и отношений, которые та же правительственная власть еще продолжала признавать за общий закон и норму всего служебного распорядка. При каждом новом назначении или новой росписи на ту или на другую службу *подбирались* лица, *пригожие* к ней, – такие, которым в соответствии мест этой службы *вместно* было быть вместе по их местническим отношениям; т.е. государь приказывал *выбирать* из числа кандидатов, имеющих равные права на одно и то же место, и подбирать их в соответствии их друг к другу и мест службы между собой; в «Сб.» (т. II, стр. 398 под 1628 г.): *Ц. велел сидеть боярам и тех, которые били челом, ставити перед собой и спрашивати порознь, а их ведь бояре выбрали по их Гос. указу, кому с кем мочно.* В «Повс. зап.» (т. I, стр. 204): *Гос. указал боярам на Украйну воевод выбирать* и пр.

На странице 98: кн. *А. Хилков, М. Кашин и М. Салтыкове били челом об указе, что если грамоты будут приходить к одному кн. Трубецкому, то мы на службу готовы, а если к Трубецкому и Хворостинину вместе* (т.е. на имя обоих. – *Д. В.*), *то и м быть невместно.* Здесь, так же как мы встречаем и в других случаях, назначаемые на службу воеводы, прежде чем принять на себя эту службу как бы торговались с правитель-

ством и наперед вступали с ним в условия, на которых служить ему готовы, – в обережение себя от могущей принестися порухи их чести. Так и на странице 103: *кн. В. Почуй, сведав, что быти большим воеводой Одоевскому, а ему у него быти в меньших, посылал бить челом Государю.* В первом случае, на странице 98, Хворостинин в ответ на указанное нами тройное челобитье на него бил челом в бесчестьи на одного кн. Кашина, чем ясно доказывается справедливость двух других челобитий. Сверх того, здесь замечательно, что царь на это велел спросить у Хворостинина, *почему бьет челом мимо с у д а,* т.е. почему не дождался суда, который должен был воспоследовать и без того вследствие помянутых челобитий на него. Здесь *суд*, вероятно, принят в более тесном смысле и означает одну *ставку* перед судом; так на странице 125 мы находим: *положил на суд Сабуров 14 статей, и того же месяца ставка была первая, а после суда* (следовательно, после этой ставки, ибо самый суд еще продолжался. – *Д. В.*) *положил 5 статей*. Наконец, в ясное свидетельство, что суд в тесном смысле означал только *ставку* перед судом, т.е. судоговоренье тяжущихся перед судьями, мы находим следующее место в «Сб.» (т. V, стр. 73). Вельяминов говорит: *А пожаловал, велел б е з с у д а сыскать по моему и ево челобитью, а больше того не вели Госуд. у меня и ево в м е с т о с у д а памятей принимать; а кн. Вяземской бил челом тебе об с ы с к у б е з с у д а*[*].

На странице 99: *Искал своего отечества Ив. Сабуров на кн. Васильева деде, на Д. Ростовском, и отвечал за деда своего кн. Василий*; а в следующем году на странице 104: *Сабуров бил челом о свершеньи того же дела*. Подобные этому примеры, что один родич отвечает за другого, или челобитья на высшего родича мимо прямого противника мы уже видели и прежде. Но в настоящем случае представляется еще следующий вопрос, которого при неимении других данных нельзя и решить положительно: был ли *прямым противником* Сабурова дед Василия, т.е. произошла ли *стычка* двух противоречащих отношений между Сабуровым и этим дедом Васильевым,

* См. об этом: Кавелина Основн. начала русск. судопроизводства. М., 1844.

а за деда отвечал внук, потому что считался в роду достаточно честным, чтобы утянуть собой Сабурова, – или прямым противником Сабурову был сам Василий, но Сабуров бил челом на деда его, как на высшего родича, на которого мог сам иметь притязание? Могло же быть, что ни тот ни другой не был прямым противником Сабурова, но кн. Д. Ростовский являлся для Сабурова, по его счету, высшим родичем в противном роду, которого он мог утянуть, а через него, разумеется, и своего прямого противника (может быть, не упомянутое *среднее* в роду Ростовских лицо, стоящее между Василием и его дедом), – Василий же был низшим членом в роду Ростовских, который мог иметь притязание на И. Сабурова, или которого род Ростовских мог противопоставить Сабурову, а потому и являлся ответчиком за своего деда; настоящий же противник Сабурова занимал, может быть, среднее место между Василием ответчиком и дедом его, на которого написано челобитье. Разумеется, что последнее предположение имеет за себя менее вероятностей, чем первые два, но все три случаи одинаково возможны. Одинаковых или близких этому случаев находим мы в нашем разр. и в царствование Феодора Иоанновича еще несколько. Так на странице 105: *М. Гвоздев искал своего отечества на Ф. Бутурлине, а Ф. Бутурлин искал своего безчестия на Гвоздеве, что ищет не по делу. А искал Ф. Бутурлин в сына с в о е г о м е с т о Перфилево*, – чем, вероятно, замечено, что следовало бы отвечать за отца Перфилью, сыну Ф. Бутурлина, ибо не только сам Ф. Бутурлин, но и сын его был довольно честен, чтобы утянуть собой Гвоздева, однако ж, отвечал сам отец, – хотя и за себя, но *вместо своего сына*; может быть, по той же самой причине, по какой в «Сб.» (т. II, стр. 36) О. Голицын просил сроку, *что молод, без дяди считаться не умеет и без дяди памяти положити не может*. На той же странице: *Ив. Щербатый искал отечества на М. Гвоздеве, и отвечал брат его меньшой* (троюродный.– *Д. В.*) *кн. Сем. Владим. Бахтеяров*, а через неделю на Ивана Щербатова искал отечества Владимир Бахтеяров (вероятно, отец Семена) *для того, что Щербатый искал на большом его*

*семом брате**, *М. Гвоздеве*. По «Род. кн.» (т. I, стр. 79 и 81) же В. Бахтеяров – внучатый дядя М. Гвоздева, но отец первого был седьмой родной брат деду второго, из чего видно, что Вас. Бахт. считал Щербатова низким не только своему племяннику, происходящему от первого большого брата, когда он происходил от седьмого, но даже и себе, и, вероятно, этим челобитьем отвечал также на иск Щербатова на М. Гвоздеве. На странице 109 – *Бояр. Б. Сабуров да окол. Ив. Сабуров били челом на бояр. Г. А. Куракина, м и м о кн. И. Голицына* (его племянника, см. Род. кн., т. I, стр. 40. – *Д. В.*), *а для того, что Богд. написан в нынешнем розряде меньше И. Голицына, а клали невместную и две розведеных на дядю его г. Куракина*; на странице 119 челобитье Борятинского, а на 122-й – Сабурова, также на отцов своих прямых противников; также на странице 123 два взаимных челобитья, и каждое на отца противника (см. род. Труб.). На странице 125 – *отвечал за отца кн. Гагин*. На странице 125 Голицын бил челом на Глинского, но царь отвечал: *Дуруешь, а велю и на о т ц а дать правую грамоту*; на странице 126 – кн. *Ф. Ноготков искал своего бесчестия на кн. П. Буйносова, но искал за меньшего своего брата, за кн. И. Туренина, на большем четвертом брате П. Буйносова*. По «Род. кн.» Туренин Ноготкову приходится братом уже в восьмом колене, откуда ясно видим, какой широкий родовой круг обнимала эта обязанность всех родичей бить челом друг за друга. Если же возьмем в соображение такую взаимную ответственность всех членов рода друг за друга, живое, определенное в численных единицах соответствие каждого члена рода ко всем прочим членам (так что не могло измениться ни одно постороннее отношение одного из них без того, чтобы тем самым не изменились отношения всех прочих, которым до него *доставало*) и как необходимо следующее отсюда такое же строгое соответствие единиц одного рода ко всем единицам всех прочих родов, – то становится очевидным, что всякое случайное фактическое от-

* *Брат* так же как *и наша братия* и пр., особливо при несколько отдаленном родстве, могло иногда употребляться вообще вместо *родича*, *родственника*. Таким образом примирялось бы показание «Род. кн.» с нашей разр.

ношение являлось для местничества или как вовсе несуществующее, или как нарушение его законного порядка, могло быть *поводом* к исковому движению в нем, но самый иск, как необходимо совершающийся в законе этих соответствий, также необходимо оставлял в стороне отношение, его вызвавшее. Таким образом, всякое такое отношение, как, например, всякое случайное невместное назначение известных лиц на службу, во всяком случае, оставалось вне всего внутреннего движения и круга отношений местничества.

Отсюда уже очевидно, как общее отрицательное положение местничества, необходимо следующее из самой сущности его, что местнический спор по своему понятию никогда не происходил между теми двумя лицами, между коими произошла прямая *стычка* (коллизия) двух противоречащих между собой отношений, – хотя по факту он мог происходить и нередко происходил, – но когда нормальное понятие всякого местнического спора, необходимо совершавшегося между *соответственными* друг другу лицами в обеих родах, совпадало с самим фактом, – случайным столкновением двух отношений в неправильном назначении на службу.

Мы уже видели прежде, что *бывал м а л в нашем роду такой-то для того, чтобы можно было меня им утягивать*, и также точно *бывал м а л для меня в чужом роду для того, чтобы мог я его утягивать*. Для того же, чтобы можно было меня утягивать таким-то или чтобы я стал утягивать такого-то, надо было, чтобы ему *доставало* до меня, т.е. чтобы я считал его в порядке мест непосредственно следующим за собой, высшим или равным себе. Так мы и встречаем иногда, что *бил челом на такого-то мимо таких-то*, т.е. (см. разр., стр. 103) обходил тех, которых считал *малыми* для себя или которым до него не доставало, и прямо бил на высшего, который до него *доставал*. Так в арх. разр. № 5 (л. 579) мы находим: *Стали чести Фомину челобитную на кн. Василия Тюфякина в безчестье, и кн. Василий, выслушав челобитной, да бил челом бояром, топерева де ищет на мне Фома безчестья, и яз Государь на Фому не бивал челом, мне до Фомы и дела нет, а бил есми челом в отечестве*

на Романа Дмитриевича Бутурлина, до ково мне достало. А по тому самому мог и должен был происходить всякий спор между такими только, которым друг до друга доставало, т.е. такими, которые по расчетам и понятиям каждой стороны в порядке мест друг за другом непосредственно следовали и между коими не было уже других средних разделяющих звеньев*. При утягательном же и неопределенном характере всех местнических споров всякий челобитчик старался доказать, что тот, с которым он назначен на службу, не только невместен ему но и *мал* ему, до него даже и *не достает*, а потому мимо его бил прямо челом на высшего родича, которого считал *вместным* себе**, до себя достающим, т.е. непосредственно следующим за собой в порядке мест; иногда же могло случаться, что бил челом и на постороннее своему противнику лицо, но бывшее выше его по разряду. Так, наоборот, и представитель противной стороны искал на том в роду челобитчика, который доставал до него.

Челобитья, как мы видели прежде, бывали нередко одной формой протеста, который не требовал никакого судебного разбирательства; иногда же неправильность назначения на службу была так очевидна, что должное отношение было восстановляемо без всякого иска и оспаривания с противной стороны. Во всех же других случаях, когда бывал действительно

* Всякий такой спор или суд в местах назывался судом в *отечестве о счете*, ибо состоял в разборе счета и уравновешении противоречивших *отеческих*, т.е. родовых, отношений, и по тому самому необходимо двигался в закон местнических соответствий между теми, коим доставало друг до друга. Таков *местнический* спор в его строгом понятии, которого мы и раскрываем теперь ход и законы. Но по этому самому не должно смешивать таких исков с встречаемым почти так же часто иском в *бесчестии*, в котором дело не до разбора отношений, но самый иск отправляется как от наперед данного факта, что противник бесспорно ниже и *бесчестил* своим челобитьем, за что и следует ему наказанье. А потому мы и встречаем в иске на один и тот же род и от одного и того же лица иск в *отечестве на соответственного высшего*, до которого *доставало*, и в *бесчестьи* на прямого противника, бившего челом (см. ниже разбор стр. 107).

** А потому слово *вместен* могло иметь и свой особенный строгий смысл и означать таких, которым не только можно было быть вместе на службе в указанном порядке, но которые в порядке мест приходились друг другу место в место, так что между ними уже не могло быть другой средней единицы.

спор в местах и стыкались между собой два нелепых, взаимно противоречащих или только *взаимно притязающих* отношения, которые уравновесить и согласить между собой было делом суда, то иск и челобитья становились необходимо взаимными, и при таком взаимном иске обе стороны становились вместе истцами и ответчиками.

В таких взаимных исках порядок челобитий был следующим: тот, с кем произошла стычка и от кого начинался спор или сам начинал иск на *высшем* в противном роду, до которого могло только доставать ему (а потому и мог иногда искать и на своем прямом противнике, если только этот противник случайно был вместе и высшим, до которого ему *доставало*), или вместо первого истца искал его *младший* родич, но достающий разумеется, до прямого противника, с кем была стычка, и который искал уже на соответствующем ему в противном роду. Со стороны же другого рода мог отвечать или тот соответственный *высший*, на коего было челобитье, или, вместо этого высшего, отвечал другой *меньший* родич, которому, по крайней мере, доставало до прямого истца, и который сам, становясь истцом, искал на соответствующем ему в роду противном высшем, до которого могло только доставать притязание другого рода. Те же, между коими произошла стычка противоречивших родовых отношений, могли по тому самому нередко оставаться вне всего спора. Ибо когда раз два рода находились в противоречащих отношениях друг к другу, то в понятиях местничества и порядке его отношений основным и существенным мог быть только общий факт их взаимного противоречия. Высказывалось же это противоречие на той или на другой службе, в стычке тех или других двух родичей, – было пред судом местничества чистой безразличной случайностью; всякий же член рода (в пределах нами указанных ниже), когда он являлся истцом или челобитчиком на чужой род, одинаково был представителем всего рода*, во

* Так, еще в «Уложении» (гл. X, § 108) мы находим общую обязанность всех родичей быть вообще представителями друг друга перед судом: *а буде кто учнет бить челом, что он болен, а к суду ему в с в о е м е с т о прислать неково, что он б е з л ю д н ы й и б е с с е м е й н ы й человек* (см. «Разр.», стр. 137, челобитье во всех Оболенских место).

сколько всем прочим родичам доставало до отношений, им вызванных к судебному разбирательству, и исполнителем общей, лежавшей на каждом из родичей обязанности защищать и оберегать не только свою честь, но и свою *меру* и честь всего рода. А потому могла произойти стычка между теми или другими двумя родичами; но если они не были друг другу *невместны* в строгом смысле этого слова, *место* в *место*, то самая обязанность родовая перед другими родичами требовала, чтобы иск был обращен на такого, который строго вместен ему*. И следовательно, если по требованию родовых понятий всякий спор необходимо был переносим на соответственные друг другу в обоих родах лица, которые были строго *вместны* между собой, то очевидно, что перед общим фактом противоречия двух родов между собой и для этих противоречащих отношений было совершенно одинаково и безразлично: являлись ли те или другие два соответственные друг другу лица для разрешения этого противоречия, ибо соответствие постоянно оставалось одно и то же и в той же пропорции мест, как единиц счета. Род же и его общие выгоды были вполне одинаково представляемы тем или другим родичем, и только степень родового большинства *и малости*, в пределах которой эти соответственные лица могли быть представителями отношений каждого рода по понятию и счету каждого, определялось, как мы увидим ниже, родовой степенью тех двух лиц, между коими случайно про-

* Если челобитчик и утянул своего противника, но не строго вместного себе, то между ними еще оставались промежуточные единицы мест. Места же эти тогда только определенно утверждались за следующими за челобитчиком родичами, которым они по порядку принадлежали (по общему расчету каждого рода, на котором основывался и всякий иск отдельного родича) и эти родичи были ограждены от всякого нового возможного иска и спора и пр., когда истец утянул *строго вместного* ему и, следовательно, отодвинул свое отношение до его крайней возможной высоты и тем строго и ясно утвердил и оградил отношения всех непосредственно за ним следующих родичей, которым *доставало* до него и которых отношения были утверждаемы тем же иском. Строгая же определенность эта не могла, разумеется, иметь для истца и его личного отношения той важности, какую она имела для прочих достававших родичей, и она имела тем большую важность для каждого из них, чем менее оставалось промежуточных мест и чем более отношение приближалось к строгой вместности.

изошла стычка отношений. И потому такая ответственность всякого челобитчика, как представителя в свою меру всего своего рода перед всеми остальными родичами, достававшими до отношений, которые могли или должны были подвергнуться судебному разбирательству, налагала на всякого истца прямую обязанность утянуть противный род елико возможно далее, а потому и бить челом на высшего родича, до которого только правым или неправым счетом могло ему *доставать.* Всякий челобитчик, отстаивая одну свою личную честь, мог достаточно отстоять ее, *утянув* своего прямого противника, но без определения сколькими местами (как мы иногда и встречаем такие решения). Утянуть противную сторону одной единицей мест более или менее могло нередко не представлять особой важности для челобитчика; иногда же сама личная выгода могла требовать уступки с его стороны одним местом, только чтобы скорее вершить свое затянувшееся дело; но такая уступка одной единицей, не представлявшая особенной важности для самого истца, могла привести другого, следующего за ним родича, к прямой *потере* (см. ниже) перед таким, которого он считал равным себе или ниже себя. Сверх того, внутреннее стремление и сущность самого местничества, и особливо при всяком разборе, определении и утверждении отношений, требовали, чтобы порядок мест сохранялся всегда неразорванным и не были оставляемы в нем средние, нумерически неопределенные отношения, – все единицы мест должны были в строгости быть пригоняемы друг к другу место в место, так чтобы всякое отношение представлялось непрерывным порядком местнических единиц. Той же нормой и внутренним стремлением местничества необходимо правим был и весь распорядок службы и мест ее, хотя действительность и не всегда могла строго отвечать ему.

Те же два лица, между коими произошла прямая стычка отношений, служили лишь *средней пропорциональной* для степени большинства и меньшинства тех, которые являлись представителями двух противоречащих родовых отношений, между коими, как определенными границами, двигался весь спор,

во всех его последних выводах и решениях. Ибо всякий такой родич, являвшийся представителем вместо своего высшего, на которого было челобитье, или того, с кем произошла стычка, должен был, по крайней мере, *доставать* до прямого противника последнего, с коим произошла эта стычка – низшие же эти в строгости определяли (в предполагаемом соответствии по общему счету и понятию каждого рода) и тех высших, которые являлись представителями каждого родового отношения.

Таким образом, всякий спор происходил или двигался между *высшими* в каждом роду, до которых доставало в роду противном тем *меньшим*, которые являлись в споре представителями каждого рода, и между этими *меньшими* в каждом роду, из коих каждый являлся *истцом* за свой род перед высшим, достававшим до него в противном роду, на которого бил челом, и *ответчиком* за высшего в своем роду, на которого было челобитье достававшего до него меньшего и истца в роду противном. По понятию своему ответчиками в противоположность *истцам* были всегда соответственные высшие в каждом роду, а истцами соответственные низшие; в действительности же каждый меньший являлся в каждом роду ответчиком за своего высшего родича, на которого было челобитье, и в свой черед истцом на высшего в противном роду, до которого ему доставало. И потому, хотя, по-видимому, и в понятии такого спора всегда перекрещивались взаимные отношения, так что спор мог только происходить между каждым низшим с соответственным ему высшим, но в действительности, как мы увидим, эти искомые высшие могли являться большей частью лишь мнимыми или фиктивными (от fictio (лат.) – вымысел, вымышленными) ответчиками. Действительный же спор происходил между соответственными им меньшими, которые были их представителями.

Мы старались раскрыть внутреннюю общую последовательность, которая правила всеми отношениями в местническом споре, и указать на те пределы, в которых всякий такой иск и все его отношения двигались, но проследить все случайные видоизменения в ходе самого иска и его отношений – дело почти невозможное и едва ли не бесполезное. Мы можем толь-

ко указать на большую или меньшую вероятность проявлений того или другого отношения в действительности, хотя проявление каждого из этих отношений, как определяющего того или другого истцом или ответчиком, было одинаково возможно и согласно с законами местничества. Так, например, если для ясности из взаимного, уже совершающегося иска мы выделим один спор первого истца с ответчиком, то мог отвечать за себя и своего искомого высшего, на которого было челобитье, сам прямой противник, или вообще тот или другой *средний* родич, или, наконец, последний, которому только что доставало до прямого противника; но во всех случаях тот или другой или третий ответчик обратно искал на соответствующем в противном роду, до которого только каждому из них доставало. Мог бы также прямо отвечать и сам высший, на коего было челобитье, и тогда как истец, на соответственном ему еще *высшем* в противном роду. Но вообще, как кажется, отвечать высшему, когда был меньший для ответа, было почитаемо в родовых понятиях несогласным с достоинством старших родичей (так в арх. разр. № 5, л. 728, *отвечал за деда В. Ростовский*, а на листе 715 – *бояре в е л е л и отвечать Б. Тюфякину за деда*). Сверх того, эти высшие в роду, на которых были направлены челобитья, часто уже не были в живых, когда на них били челом; ибо для местничества и его соотношений выбывший или действительный член рода имели совершенно одинаковое значение. К тому же эти высшие, если и были еще в живых, то, вероятно, большей частью уже в преклонных летах, и иск его необходимо доставал бы до дедов и прадедов противного рода и перенес бы весь спор на столетие назад, – из чего мы можем заключить, что если такие высшие редко бывали ответчиками, то еще реже обратными истцами. Но кто бы ни отвечал, – высшие, средние (см. «Сб.» (т. II, стр. 20): *такой-то у нас с р е д н и й в роду*) или низшие (или даже высший за своего низшего за отсутствием или болезнью того или другого, как, например, на стр. 123: *а кн. Семена в ту пору на Мышеге не было, и в кн. Семеново место бил челом б о л ь ш о й его брат Иван: на Государеву службу Сем. готов, да быти ему меньши Ромод. не вместно*), – все

отношения оставались совершенно одни и те же и параллельны друг другу в обеих сторонах, и подвигались в тех же пропорциях. Самый же суд или дело только приводило к средней пропорции взаимных притязаний двух противных сторон, из которых каждая, разумеется, начинала с последних, доступных для ее притязания членов по расчетам, наглядному понятию или утягательному крючкотворству каждой. Разумеется, что жизнь и ее случайности могли представлять многие отступления, исключения и пр., но каковы бы они ни были, такова внутренняя норма и отвлеченное понятие, которым определялся и в котором двигался всякий местнический спор.

Особенно резкий пример упрямства местничества перед неправильными назначениями правительства и упрямого неповиновения его распоряжениям, когда они нарушали обычное право местничества, находим мы на страницах 99 и 105. А. Голицын на службу не поехал для Б. Трубецкого, ибо перед тем на странице 98 ему не дано было счету на Трубецкого, и царь велел отвести его на службу приставу, который его на службу и привез, но он списков не взял, и за то посажен в тюрьму нарошную, сидел в тюрьме две недели и списков все-таки не взял; наконец царь велел его из тюрьмы выпустить и со службы отпустить и назначил на его место другого. На странице 103 снова искал А. Голицын на Т. Трубецком и, как видно, суд был на этот раз дан ему, ибо сказано, что судил их и пр. Так, мы видим, что правительство уступило наконец требованию Голицына, несмотря на свой первый отказ ему и учиненное наказание. Последствия суда мы не знаем, не знаем также, был ли он вершен или нет, но Голицын, со своей стороны, не уступил и остался при своем, ибо вслед за тем на странице 105 Трубецкой назначен в большой полк, а Голицын – в передовой, и Голицын для Трубецкого разболелся, будто болен, не хотя быть у него в меньших, – не видно, однако ж, чтобы было учинено ему за то какое-либо новое наказание.

На страницах 106 и 111 (то же в арх. разр., № 5, л. 753) в деле Алферьева мы видим также, что правительство уступило наконец справедливому требованию местничества. На стра-

нице 105: *Алферьев искал на Засекине, а Засекин бил челом в бесчестье на Алферьева, и Государь велел обвинить его Алферьева и выдать головою Засекину, а судил их* (сказано вообще. – *Д. В.*) *бояр. Трубецкой и дьяк Аврамов.* На странице же 111 мы находим, что Трубецкой и Аврамов *по суду Алферьева оправили, но после тое сказки и сверх суда Алферьева обвинили по Госуд. опале*, чем и объясняется на странице 106, что государь *велел обвинить*, и на той же странице мы находим и царскую грамоту к Засекину, *что по суду бояре приговорили тебя оправить, и Алферьеву нетокмо что с тобой, но и с меньшими* (см. разбор стр. 99. – *Д. В.*) *в твоем роде быть ему на службе*; и вслед за тем грамота, надписанная воеводам Засекину и Алферьеву. *И в той Государевой опале в том же году Алферьева не стало*; но того же году на странице 111: *бил челом Семен Алферьев в отцово место, что отец его сперва был по суду оправлен, а потом сверх суда по опале сослан, и дьяк не пустя к руке Государевой* (отняв тем случай к новому челобитью или личному объяснению с государем. – *Д. В.*), *и царь тот судный список слушал, и с Р. Алферьева опалу сложил и велел дать грамоту невместную на Засекина, и в тот год Романа не стало.* Вероятно, что он был еще в живых, когда сын бил челом в его место и получил для него невместную грамоту, но, с другой стороны, было также возможно и вполне согласно с внутренними началами местничества дарование невместной грамоты на прошлую службу уже умершего отца. Точно так же находим мы в Китае, что в награду за услугу сына или внука повышают в высший чин его давно умершего отца или деда. Для местничества же, его расчетов и исков, имели совершенно одинаковое значение как умершие, так и наличные члены рода. Так, например, в «Сб.» (т. II, стр. 62): *Вели нам суд дати в безчестьи деда нашего и в нашем*; на странице 261: *Ив. Шереметева убили, а дядя мой, по прежнему челобитью, списков не имал и по отпуске за Ив. Шереметевым* (ибо на имя Шереметева, хотя и убитого, еще оставались росписи той службы. – *Д. В.*).

Законным же доводом, по коему *по суду Р. Алферьев был оправлен,* было следующий: г. *Засекин был с воеводою М. Безни-*

ным головством письменным, а голова всяк повинен своему воеводе, – положение, которое, по-видимому, само по себе очевидно, ибо с головы начиналась обыкновенно военная служба*, выше же воевод военного места не было. Из этого положения мы уже видим, что головы входили в круг местничества и принимались в его расчеты (так и на странице 116: *бил челом на голову с черкасы, Тимофея Грязнова, голова с донскими казаки В. Янов*), хотя вообще служба голов и считалась низкой (так, см. Сб., т. V, стр. 40; т. II, стр. 399 и др.), и мы уже встречали свидетельства, как, например, в «Сб.» (т. II, стр. 174), *что головам в полках мест не бывало*; страница 246: *служба их без мест;* или дело IX на странице 239: *головам мало и места живут.* Но такие свидетельства объясняются тем, что вообще *жили* головам места или нет – принадлежало к спорным, нерешенным вопросам местничества (на что и указывает на

* См. Щерб., т. XI, стр. 197 – Д. Хворостинин, стр. 200 – Ф. Хворостинин, стр. 901 – Б. Сабуров, стр. 903 – Ф. Троекуров, стр. 208 – Ив. Годунов, стр. 210 – Алферьев; т. VIII, стр. 145 – Куракин и пр. Но под началом службы в смысле местничества, надо разуметь начало *службы в общих росписях ее*, при назначении целого похода или годового оберегания той или другой границы и т.д., т.е. такую службу, которая вводила новика в общий круг местнических отношений. Иначе же мы находим и в приведенных нами свидетельствах (стр. 197 и 200; см. также т. XIV, стр. 198 и пр.), что от *воеводства* переходили *к головству*; но такое воеводство в мелких городах, как Шацк, Новосиль и др., было, как кажется, однозначительно *городничеству* (см. ниже), и как оно было по *своему указу*, потому такая служба, как вовсе *отдельная*, была ни низкой, ни высокой, и еще не вводила в круг местничества начинавшего с нее.

Но и такие воеводы, как мы видим, не позже двух или трех лет встречаются снова в *головах*, и уже в *общих росписях.* При этом не надо смешивать, однако ж, такое головство с *головами* при государе, которые были гораздо почетнее и встречаются после службы гораздо продолжительнейшей. Другие же знатнейшие или особенно покровительствуемые царем роды вступали в службу *рындами*, которые, очевидно, были почетнее голов, ибо были только при государе или в других должностях при особе царской; так, см. того же Щерб., т. VIII, стр. 350 и 193 – Глинский, и на той же странице В. И. Шуйского первая служба была спать у государя у сторожей; т. XI, стр. 195 – Н. Р. Трубецкой; стр. 196 – Т. Р. Трубецкой; стр. 202 – Сицкий был в одном и том же походе рындой и в головах. Мы могли бы привести те же свидетельства прямо из разрядных, сделав из них свод разным службам, но Щербатов избавил нас от такого труда, выбрав по тем же разрядным службы разных исторических лиц XV и XVI веков.

странице 239 *мало*), и сверх того, что головы, если и считались местами, то не должны были, однако ж, считаться между собой *взаимной честью* тех воевод, которому каждый из них был повинен, чему мы действительно и не находим примера. В указанном нами случае, что голова бил челом на голову, мы не видим, чтобы эти головы были *от* кого-нибудь, а потому если и считались, то не воеводами своими. В «Сб.» (т. II, стр. 246): *И вмесно ли было больше быти Ф. Ускому г. Заболоцкаго?* Оба были головами в правой руке и, следовательно, от одного воеводы, но, вероятно, сосчитаны были тем, что один был написан в росписи после другого, *а преж сево по Цареву уложенью то было без мест*; в «Сб.» же (т. II, стр. 171), когда В. Измайлов, голова в передовом, был сочтен меньше И. Полева, головы в большом полку, то сын Измайлова Артемий отвечает положительно, что *отец мой меньше Полева не бывал, а в том шлюсь на твое Цар. уложенье, что головам в полках мест не бывало*, т.е. считая по полкам, – взаимной честью полков и воевод между собой.

Впрочем, большая или меньшая, но, вероятно, не определенная нумерически честь или бесчестье того или другого головства определялись *тем, от кого* кто был головою. Каждый записывавшийся на службу новик вступал в головы к тому или другому лицу или в тот или другой старший или младший полк, смотря по его наперед данным более или менее честным родовым отношениям. И потому очевидно, что *головство* принадлежало к кругу местнических отношений, ибо служило точкой отправления для каждого лица в местническом распорядке, хотя и не могло еще, так сказать, войти в строгий порядок его отношений. Самый ход местничества и его отношений уже указывал нам, что не могло быть строгого нумерического соответствия при распределении новиков за теми или другими воеводами или в те или другие полки, и потому понятно, почему обычай местничества не допускал *счета между головами*, хотя честь каждого и отвечала более или менее чести того, от кого он был головою. Отношения чести каждого лица могли получить свою определенность и войти в строгую нумерическую рамку отношений не иначе, как впоследствии, после несколько про-

должавшейся службы, – чем и давался некоторый простор личности каждого в противодействие китайской заключенности всего общественного распорядка, к которой необходимо приводило местничество. Этим же объясняется и спорность *счета* между головами, ибо само *головство*, так сказать, принадлежало к кругу местнических отношений и вместе оставалось вне его. Если же, как мы видели, честь каждого головы соразмерялась с честью того, от *кого* он был, то очевидно, что, несмотря на общие показания о низости голов, были также головы честные и высокие в местническом распорядке. Так, например, первые головы в стане у государя, честь которых Вяземский приводил между другими доводами в доказательство чести своего рода (Сб., т. V, стр. 43); или бывшие от государя головами (см. дело Алферьева у Миллера, III прт., и в арх. разр. № 5, л. 470). У Щербатова (т. XIV, стр. 198) Ростовский был большого полка первым, а потом головой в походе царя Феодора Иоанновича 1590 года; в томе XI на странице 197 – Хворостинин был воеводой, а потом при царских *полчанах* головой; на странице 208 – Татищев в 1557 году был поддатнем у рынды, а через 22 года – головою в государевом полку. Головы от царя или в царском полку составляли, разумеется, исключение, но также бывали головы не меньшие в чести *воевод в общих росписях*, смотря по чести полка и воеводы, от коего они были, и относительной чести воеводы, которому мог голова прийтись не меньшим (Щербатов, т. XI). Сабуров был правой руки вторым, а в следующем году в большом полку при кн. Микулинском головою.

Эта принадлежность к местническому счету голов, хотя счет такой и был иногда оспариваем, особенно важна, как свидетельство, что местничество не ограничивалось, как обыкновенно думают, одними высшими слоями службы, или тем, что составляло, по общепринятому понятию, нашу древнюю-*quasi* аристократию, но что оно обнимало в одно целое весь служебный распорядок того времени, начиная от низших слоев его до высших. Головы же были и по выбору, от городов, у *козаков*, как мы видели в приведенном нами случае (арх. разр., стр. 110), где эти головы и местничались, и наконец, всякий

служилый человек в России, или вступавший на службу, начиная от *крестьянина*, мог быть в головах, равно как бывали в них родичи из первых *по чести* родов государства, как мы то и видели выше, на странице 116. Итак, головы, низкие по роду или такие, которые случайно не умели попасть в честные и уравновесить низость самого места *честью* тех, от кого были в головах, не только одинаково принадлежали местническому распорядку, но и считались в местах между собой и не могли не считаться, если считались в местах более честные головы; ибо разделяющей черты между обоими не было и быть не могло. Но, сверх того, противные стороны утягивали друг друга такими низкими *головами* как бесчестными, если кто из родичей был в них, так же как они утягивали бытием *в ямских стройщиках* и других низших службах (см. дело Пожарского и в Сб., т. V, – Вельяминова). Здесь мы находим также новое доказательство тому, что местничество по самому понятию и сущности своей не исключало из себя низких служб и не оставляло их вне своего распорядка, но что низкие службы являлись для него как бы минусами*, которые убав-

* Так как все службы и места в них составляли численные лествицы единиц, то очевидно, что всякое *место*, как бы оно ни было честно, являлось перед своим высшим таким же минусом, и как увидим ниже, всякая служба или место, низшее перед тем, на котором то же лицо находилось прежде или на которое имело и право по своим местническим отношениям, являлось для этого лица таким же минусом и положительной *потеркой,* уменьшавшей честь этого лица на известное число единиц, во сколько он *потерял.* Но всякая такая служба являлась минусом и потеркой только относительно к другой службе. Службы же самые низкие, как например, в ямских стройщиках и др., являлись таким минусом или потеркой, так сказать, *абсолютной*, безотносительно ко всякой другой службе, ибо всякая другая служба, как уже само собой разумелось, была честнее ее. Службы же не *совсем* низкие, как, например, в головах, являлись почти, но еще не вполне такой *абсолютной* потеркой, а потому, хотя мы и встречаем, что утягивали бытием в головах вообще, но не всегда, ибо общая низость *места* уравновешивалась иногда высотой того, от кого кто был на том месте, и даже иногда, как мы видели, тяжущиеся доказывали свою честь *головами.* Отсюда уже очевидно, что ни головы, ни даже ямские стройщики и пр. не являлись низкими службами и абсолютными потерками по самому понятию своему, но только потому, что так было на факте; ибо если в *головах* редко *приходилось* быть высокому, то в ямских стройщиках никогда не мог быть честно́й, иначе как по своей оплошности, а не потому, что ему так *приходилось.*

ляли единицами чести у того, кто попадал на такие службы, так же как высокие службы прибавляли к чести каждого такими же единицами или только утверждали и переводили на новое лицо прежнюю, так или иначе установившуюся за тем или другим отношением родовую или служебную честь*. Вообще же следует заметить, что служба могла быть высокая или низкая, но службы бесчестной по самому ее понятию не могло быть вовсе. Большая же или меньшая честность всякой службы определялась большей или меньшей честностью того, которому она подлежала, была повинна; а потому если и было понятие, что некоторые службы бесчестны, то это не потому, что это понятие бесчестности лежало в понятии самой службы, но потому, что на эту службу честные или высокие в распорядке местничества редко или почти никогда не попадали**.

* Мы здесь коснулись только вопроса об объеме местничества и как широко входило оно в жизнь, ибо такое розыскание принадлежит более к историческим вопросам местничества, и следовательно, к другой части нашего труда.

** Чтобы понять служебные отношения того времени, порядок и значение службы, не роясь даже в разрядных, достаточно заглянуть в почтенный труд Щербатова (см. т. XIV, стр. 199; т. VIII, стр. 139, 145, 347 и др., и особливо т. VIII, списки боярских служеб, стр. 191–212). Так, в т. VIII, стр. 348, Воротынский в 1553 году был первым в большом полку, через 6 лет вторым в том же полку, а еще через восемь лет третьим. Значило ли это что Воротынский все понижался на своей службе? Нисколько; но это объясняется весьма просто тем, что в первый раз по местническим отношениям его к другим воеводам было ему вместно быть первым, во второй раз – вторым и т.д. И потому очевидно, что ни первый, ни второй, ни третий воеводы, ни младшие или старшие не были в строгом понятии слова честнее друг друга. Но честность каждого места изменялась с честью каждого нового лица, которому *приходилось* занять его вместе с каждым новым назначением на службу, согласно со степенью чести заступившего в ней высшее место. Так, честь Воротынского оставалась та же, если только не повысилась; но он был сначала первым, а потом вторым и, наконец, третьим; честь *мест* отвечала таким образом чести *лиц*, и родовые отношения, коих те или другие лица были только случайными представителями, если не самые лица, являлись в этом отношении более постоянными и определенными единицами местнической чести, чем самые места. Так, наконец, тот же Воротынский в 1570 году был передовым первым, после передовым вторым, и следовательно, еще ниже, а потом опять в большом первом. Так и в томе XI (стр. 207) Шереметев в Казани был первым и был сделан боярином и в Новгороде был первым, а потом в том же Новгороде – четвертым.

А по тому самому и всякая *служба* самостоятельная, которая никому не была *повинна*, или только высшему (так и отдельные воеводства, см. сказанное выше), хотя бы она и была низкой, не могла принести собой никакого бесчестья. Так, например, городничество в противоположность головам, которые были всегда повинны воеводам, *от кого* были посланы, *было по своему наказу* (см. Сб., т. V, стр. 181); на странице 122: *а в городничих изо многих родов бывали, а безчестья им не ставят, потому что городничие бывают по твоему государеву указу, а ведают их больше воеводы, а товарищем до них и дела нет.* Так и в «Сб.» (т. II, стр. 307) Пожарский говорит, что *в тех годех городничество не было безчестно, посыланы бывали за осадных место воевод*, хотя, впрочем, Лыков и говорит на странице 290, *что везде городничие живут меньше всех меньших воевод в росписи*, что показывает, впрочем, только, что служба их вообще была ниже воеводской. На странице же 407 Пожарский говорит: *И хотя б по греху нашему в тех годех дед мой или которой мой родитель Пожарских и был в Гос. опале в городничих, и хотя Гос. и повинен, ино большому воеводе, а не другому*; на странице 308 продолжает: *а мои Гос. родители Пожарские м е н ь ш и родителей наших Стародубских князей н и г д е н и б ы в а л и, и были Гос. много лет в Госуд. опале* (в городничих. – *Д. В.*), *а Гос. милость до нас холопей была, что Госуд. с нашими родителями и с чужими ни с кем не посылывал, а в меньших, с кем им невместно быти, не бывали, и п о т е р к и Гос. нигде не бывало.*

Здесь мы видим, что Пожарский указывает прямо, как на общеизвестное и сознаваемое всеми, что ни городничество, ни царская опала не могли учинить потерки роду, если только никто из родичей не был ни с кем в меньших, с кем ему невместно, – на что он и упирает особенно и указывает, как на единственное, что могло учинить потерку или утрату чести в роде (см. ниже разбор страницы 115). И следовательно, никакая низкая служба, если только не была соединена вместе с потеркой, не была сама по себе *бесчестной*, ибо не приносила роду никакой *порухи чести.*

В этом свидетельстве из дела Пожарского мы снова встречаем указание на опалу царскую, которой пример мы видим также и в разбираемом нами споре Алферьева – *сверх суда обвинен по Госуд. опале*. И потому считаем не лишним указать здесь на общее отношение к местническому служебному распорядку опалы или милости царской. Мы уже видели, что опала не причиняла никакой потерки, утраты чести или прямого понижения в распорядке местничества, – напротив, Пожарский в продолжение всего дела не раз именно указывает на нее в оправдание против утягательств противника. Когда же раз эта опала миновала, мы видим на той же странице 309 продолжение слов Пожарского: *а кои Государь по греху своему в Государевых опалах наша братья всех родов, и как Государева милость до них воссияет, и с кем им случай будет в отечестве, и они бьют челом Государю, и тяжутся по своей лествице своими родители, которые бывали в розрядех*, *а как до нас милость Царская воссияла, ино Государь деда моего и меньшая братия в Царской милости в приближенье были в стольниках, а я Государь и внук, а коли надо мною его Царская милость воссияла и я, Государь, по его Царской милости таков же стольник, что и кн. Лыков.* Следовательно, когда раз опала была снята, род вступал снова в те самые отношения, в которых находился до этой опалы, и внук опального становился стольником, когда раз возвращена была милость его роду, потому только, что меньшая братия его деда бывала когда-то тоже в стольниках.

Впрочем, когда мы встречаемся в разрядных или в делах по местничеству со словом *опала*, надо заметить, что не всегда можно понимать под ним одно и то же, и что не всегда оно означало опалу действительную. Так, например, в разбираемом нами случае Романа Алферьева под опалой нельзя разуметь ничего другого, как выражение неудовольствия царского за несправедливое местничание, или, как нередко можно заметить, называли *опалой* всякое несправедливое или полагаемое несправедливым обиженной стороной царское решение местнического спора, чтобы дать себе больший вид правоты и приписать невыгодное решение суда одной немилости цар-

ской. Но как в этом случае, так и в других (напр., «Сб.» (т. II, стр. 261): *за опалу Лыкову велено быть меньши Шереметева*), мы видим, что первое, вероятно, правильное отношение было почти немедленно восстановляемо; так и челобитье Лыкова на Шереметева было в тот же поход записано в разряд и обещан ему суд. В таких случаях очевидно, что опалы царской в настоящем смысле ее не было, но что царь по благосклонности к одному из челобитчиков или неудовольствию на другого, или просто по ошибке и по запутанности счета давал неточное или несправедливое решение, которое, впрочем, вскоре бывало, как мы видели, исправляемо, и несправедливо униженный возвращался на следовавшее ему место. Пример же настоящей опалы, как прямого наказания или выражения немилости царской за ту или другую вину, и которая вовсе не касалась самих местнических споров, мы находим в приведенном нами деле Пожарского или в деле Лыкова (Сб., т. II, стр. 247), где Пильемов *в той конешной опале* и был казнен. В таких же случаях действительной опалы мы нигде не видим, так сказать, разжалования или понижения в служебном распорядке, опальный род или опальное лицо рода как бы исключались на время из этого служебного распорядка и тем на время лишались возможности подвигаться в служебной лествице собственной деятельностью, но *потери* рода не было и быть не могло. Как скоро же эта опала миновала, снова постановлялись все предыдущие отношения – и следовательно, местнический распорядок оставался не нарушен ею. Опала являлась перед ним только временным изъятием некоторых лиц из действительного служебного распорядка, но даже, как увидим ниже, не исключала эти лица из общего движения и порядка местнических отношений. Для всякого же лица, которое опала временно исключала из служебного распорядка, она являлась тем же, чем могла быть для него тяжкая болезнь или семейное несчастье, которое удалило бы его на время из государственной службы и не позволило подвигаться в ней собственным в ней участием. Но этот опальный или болящий оставался так же высок в родовом распорядке государства высотою своего рода и близких ему членов и мог

даже возвышаться в разрядной лествице во время этой опалы одним их возвышением на случай своего вступления снова в разряды государевы; так, например, на странице 247: *И тому, Государь, вместно ли было быти, что больши было быти отца моего г. Ст. Пильемова* (городничего и наконец казненного в конешной опале. – *Д. В.*) *б. П. В. Морозову, не токмо что Ф. И. Умному, потому что лета 7080 искал своево отечества б. Ф. И. Умной на дяде на моем, на В. Бор. Сабурове.И Ц. и В. К. Иван Вас. бояр. Ф. И. Умново обвинил и выдал ево головою дяде моему бояр. В. Б. Сабурову.* Здесь мы видим, что современный памятник и, следовательно, живой отпечаток всех современных отношений, прямо указывает как на величайшую несообразность, чтобы мог отец Пильемова, хотя и *городничий*, считаться меньше боярина Умного, когда этот боярин Умной был выдан головой его двоюрному дяде, который, как оказывается по родословной, был двумя местами меньше его отца. И наконец, в «Сб.» (т. II, стр. 342) мы находим самое резкое свидетельство понятий того времени о ненарушимости родовых отношений, и не как личное, частное или случайное показание, а как общее, высказанное на суде, само собой разумевшееся положение и судебное доказательство: *Хотяб Ц. и В. К. Ив. Вас. опалу свою положил на кн. Вас. Кривоборского, да на кн. Ондр. Палецкого велел казнить, и ониб меньши кн. Мих. Лыкова не пошли, потому что, Государь, кн. Борисов, дед кн. Юр. Лыков не бывал больши кн. Вас. Кривоборскова да кн. Ондр. Палецкого, не токмо что отец кн. Борисов.*

Мы указали на то обычное понятие и значение, в котором являлась для местничества государева опала. Опала же, как бы соображаясь с этим обычным значением и избегая всякого резкого столкновения враждебных начал жизни, ссылалась, как мы видели в обоих приведенных нами случаях, на городничество, место низкое, но подведомственное только высшим. В «Сб.» (т. II, стр. 309): *В той опале ни с кем, Государь, ни с нашими, ни с чужими не посылывал*, а на странице 307: *и Государь городничество в дело ставить не велит*, ибо оно, так же как и сама опала, были изъяты из местнического распорядка.

Сверх того, обратим внимание в приведенных нами местах на то, что Пожарский уже считает себя стольником потому только, что меньшие братья его деда были в стольниках; городничий считается выше боярина потому только, что этот боярин ниже его двоюродного брата, который сам ниже его в роде, и потому если бы вместо казни с него была, напротив, снята опала, и следовательно, был он возвращен ко всем своим родовым и им соответствовавшим разрядным отношениям, то был бы, по всем вероятностям, также боярином, ибо меньшой его брат был боярином. Так же как выше, мы видели что Палецкий и Кривоборский не пошли бы меньше Лыкова, *хотя бы Ц. и В. К. Ив. Вас. опалу свою на них наложил и велел казнити*, потому что и дед Лыкова не бывал больше их.

Совершенно параллельные и соответствующие значению опалы государевой находим мы примеры государева жалованья и производства по службе: так, например, в арх. разр. № 5 (л. 377) и «Древ. вифл.» (т. XIII, стр. 322 под 1562 г.): *Писал Замятня Сабуров, что прислан за службу бояр. Кн. Д. Хилкову золотой, а ему, да В. Карпову двум золотой, и ему кн. Дмитрия меньше быти не вместно – и Государь бы пожаловал, велел на кн. Дмитрия счет дати; а В. Карпов полузолотова не взял, а писал к Государю, чтоб ево Гос. пожаловал прислал ему золотой, и написано наперед Замяне, а ему в меньших его быть не мочно.* В арх. разр. № 5 (л. 771): *И. Ц. и В. К. пожаловал шубами, дал на перед шубу окол. Никит. Очину, кн. Мих. Петр. Катыреву, кн. Вас. Тюменскому, кн. Ивану Туренину, да Фоме Бутурлину. И Фома Бутурлин бил челом в отечестве на околн. Ник. Очина. И. Ц. и В. К. сказал: сказывал я вам прежде сего, ныне сказываю вам, что первое – воеводы на сей службе были без мест, другое – шубами вас жалую, даю вам шубы без мест. После стола жаловал Государь шубы, после бояр кравчему Алек. Никит. Раманову да окол. Сем. Фед. Сабурову и Сем. бил челом в отечестве о счете на кравчево Ал. Ник. Романова. И Ц. и В. К. после стола говорил бояром и дворяном: испейте, я вас жалую, а про то не кручинтеся, что вам давали шубы не по отечеству, яз вам говорю, первое – на сей службе в полках*

воеводы были безмест, другое – за столом сидели бояре безмест, третье – шубы давали без мест. Так и в «Пол. соб. зак.» (т. I, стр. 253, № 61 под 1651 г.) о наказании за непринятие пожалованного чина: *Пожаловал Госуд. из дворян в окольничие П. П. Головина, и П. Головин бил челом Гос., что в окольничих в его пору нет, а отец де его Петров при Гос. Ц. Мих. Фед. был в боярех, и Гос. за то, что бил челом не делом, послал его в тюрьму. На следующий же день он был выпущен из тюрьмы и была ему скаска, что де Гос. тебя страдника пожаловал, не по твоей страдничей мере честью в окольничие, и ты де Государя прогневил, сказал, что де ваши родители в окольничих не бывали*[*]. Замечательно здесь прямое указание, что государя прогневил не тем, что не принял пожалованного им чина и бил о том челом, а тем, что бил челом да не в свою *меру*; но в следующем году окольничество было, однако ж, дано ему, но с выговором за непринятие его прежде. Таким образом, не только повышения по службе или получения известного чина или места[**], но даже мера награждений и самые награждения го-

* По указанию Котошихина, в это время роды уже разделялись на *боярские*, которые бывали только в боярах (т.е. коих родичи после известной службы бывали уже прямо жалуемы боярством), и такие, которые бывали в боярах и окольничих. Вероятно, что Головин принадлежал к последним, и потому не было нарушением местнического соответствия, если он был сделан окольничим, но он имел также право на то, чтобы пожалованы быть в бояре.

** Если проследить по разрядным соответствие служебных *чинов*, как, например, боярства, окольничества (которые вообще не подлежали в той же строгости местничеству и потому не должны быть смешиваемы с *местами,* как, например, воеводство и т.д.) с родовыми взаимными отношениями этих бояр, окольничих и т.д., и даже вообще с их *местническими* отношениями, то одинаково окажется общее, более или менее правильное соответствие чести *чиновной* с честью *родовой и местнической* (см. Котошихина, стр. 5: *Быти всем не по р о д а м, и не по ч и н а м, и не по м е с т о м.* Котошихин несколько раз и всегда соединяет эти три, так сказать, рубрики местнических единиц), так что если не было общего строгого соответствия между ними, то и прямое противоречие являлось только как исключение, как, например, если бы меньший родич был уже боярином, когда больший еще окольничим. См., например, арх. разр. (стр. 109) – бояр. Б. Сабуров да окольничий И. Сабуров, и см. «Род. кн.» (т. I, стр. 240) – Богдан был четвертый сын первого брата, а Ив. Ив. – вторый сын пятого, и следовательно, Ив. был, по крайней мере, одним или двумя местами ниже Богдана, а потому был окольничим, когда тот боярином.

сударевы, как, например, шубами, золотым (который имел то же значение, что в наше время орден) являлись как известное право и как право, подчиненное тем же родовым отношениям. Таким образом, мы видим, что все движения службы, повышение по ней или замещения тех или других мест теми или другими лицами (см. также выше разбор стр. 94) совершались по известному внутреннему закону взаимных соотношений, которому подлежали все, кто только ни был призван на службу государеву и в местнический распорядок ее: строго и метрически *соотносящий* всех своих – как наличных (и следовательно, одних действительных), так и выбывших или только будущих (и следовательно, только возможных) – членов в одно ничем не прерываемое и постоянно возобновляющееся и преемственное целое; ибо каждое его новое и действительное отношение было только следствием предыдущих, выбывших из действительности отношений, и уже определяло и предпосылало за собой новое только будущее и возможное. Служебный же распорядок этот соответствовал другому родовому распорядку, передающему из рода в род все свои отношения в еще более постоянной и строгой преемственности и видоизменяемому распорядком служебным только как случайностью или произволом жизни, которая не всегда хотела и могла даровать признание общества данным до общественным жизни родовой. Закон этот не был и не мог быть отвлеченно формулирован или даже определенно выражен, – ни жизнью, как противоречие государству, ни государством, как уступка, делаемая им этой жизни. Он не имел никаких вещественных или даже внешних признаков, – ни времени, как, например, известные сроки службы или известные годы от рождения, ни известной общественной заслуги, – и даже самое происхождение, большая или меньшая честь отца не давала никаких положительных прав сыну, но давала ему лишь более или менее близкую возможность стать более или менее высоко в общем распорядке целого; – но в соответствии со всем прочим движением этого распорядка и в подчинении ко всем в нем постоянно совершающимся изменениям. Закон этот не имел никаких внешних признаков, ибо не

был закон внешний, а внутренняя норма самой жизни, и с ней нераздельная, и которая столько же повелевала этой жизни во всем общем масштабе ее движений, сколько повиновалась ей и с ней заодно, и непрестанно двигалась и изменялась в своих приложениях. Это закон одних соотношений, существующий только как алгебраические пропорции, в одних отношениях, не останавливающийся ни на одном из понятий или явлений, подлежащих ему, и потому не уловимый ни на одном из них. От одного высшего, случайно поставленного на известное место, зависела большая или меньшая честь всех подлежащих ему мест, так что ни одно место и ни одна служба не имела своей определенной, постоянной, ей принадлежащей большей или меньшей чести, а с каждым новым назначением высшего или главного на известную службу изменялся и весь соответствующей ряд лиц, которым места этой службы были *вместны**. Одной случайности жизни, – было ли то случайное назначение правительством того или другого лица на занятие высшего места в известной службе или то или другое случайное движение или изменение в жизни общественной, – отвечали в строгом порядке все прочие ей подлежащие явления, из которых каждое, взятое отдельно, представлялось прямой, никаким внешним признаком не определенной случайностью. Но строгое соотношение всех этих явлений друг к другу делало то, что общество двигалось, несмотря на всякое отсутствие внешних определяющих признаков и утверждений закона для каждого отдельного явления, по законам более строгим и необходимым (и даже часто переходящим в одну грубую формальность), чем новейшие общества, которые нашли для всех своих мельчайших явлений определенные внешние признаки, по которым уже наперед распределяют каждое явление жизни в известный разряд и в известных строгих и определенных границах. Жизнь с ее прихотями и случайностями часто и даже, можно сказать, постоянно нарушала строгость этих соотношений, но

* А по тому самому и все назначения на одну известную службу были всегда *общие*, т.е. по одной общей росписи, *распределяющей* сызнова все места, от первого до последнего.

она никогда не переставала двигаться около нормы этих отношений, или центра тяготения, – каковы бы ни были отклонения разных, часто минующих свое средоточие, но одинаково им влекомых и правимых сил. Современные памятники иногда целиком высказывают этот внутренний закон, иногда же сохранили на себе только более или менее глубоко отпечатленные следы его. Как в опале, действии, так сказать, отрицательном, государство было не вольно нарушать порядок этих соотношений и могло только на время исключать из него известные подлежащее ему члены, так и в действиях положительных, например, в раздаваемых наградах и пр. награда одного должна была отвечать награде другого. Так и в указе 1652 года мы видим как бы указание, что всякий по своим наперед данным отношениям имел право на известный чин и известное место и на определенное повышение из одного в другое по известным уже, наперед данным родовым и служебным отношениям его к своему роду и его рода к другим родам.

На странице 107: *Рынды были: другой кн. И. Гвоздев, третий К. Приимков, четвертый г. Вельяминов; и Гавр. бил челом Госуд. в отечестве на кн. Василья Гвоздева, а кн. Вас. Гвоздев* (последние слова пропущены были в печатной разрядной, но дополнены по подлиннику и арх. разр. № 5, л. 736. – *Д. В.*) *бил челом в отечестве на Гаврилова деда, на Аф. Ан. сына Вельяминова, а бил челом тем, не отними от меня отца и деда, вели мне дати с дедом ево суд, только ты мне милость покажешь, дашь свой суд, а буде я холоп твой не утяжу деда Гаврилова Афанасья, и я холоп твой всему роду Вельяминовым безчестья плачю.*

Весь род Вельяминовых не могло здесь означать целого рода их, тем более что этот род, как мы видим из дела в «Сб.» (т. V), был очень многочислен и разветвлен, – но только тех из Вельяминовых, которым в общем роду их *не доставало* или только что *доставало* до деда Афан. Андр., т.е. таких, которые были меньше его или равны ему, и потому были обесчещены *вместе с бесчестьем* Афан. Андр. Вероятно, что Гвоздев ударил челом на слишком для него высокого, которого сомне-

вался, что утянет, и потому думал разжалобить царя, указывая на необходимость платить бесчестья, если не удастся ему утянуть. В ответ на челобитье Гвоздева Вельяминов бил также *в отечестве*, вероятно, потому, что утягивал также высшего родича в противной стороне. Обыкновенно же мы находим, что обратный иск был почти всегда *в бесчестии* (так, см. арх. разр., страница 105: *Гвоздев искал отечества на Бутурлине, а Бутурлин бесчестья на Гвоздеве*; также на странице 106 – Алферьев и Засекин; страница 127 – Туренин и Хворостинин; арх. разр. № 5, лист 771 – Очин и Сабуров и пр.), ибо тот, на кого было челобитье, не признавая справедливость иска противника, тем самым уже признавал себя обесчещенным и просил *о бесчестье и обороне*, и тем начинал в ответ иску первого истца в отечестве о счете новый, совершенно различный от первого иск в бесчестьи. Первый иск в отечестве и счете один только и был местническим иском в его настоящем, строгом понятии, и, как мы видели прежде, такой иск необходимо совершался в законе местнических соответствий между теми, которым *доставало*, и оставлял в стороне всякое фактическое отношение, ибо самый иск такой никогда не мог быть иском о *факте*, но был иском о *праве*. Дело такого суда и иска было всегда о счете и уравнении двух противоречащих отеческих отношений, и следовательно, об определении места в общем государственном распорядке для членов каждого рода, коих отношения могли быть спорными, а следовательно, и о *праве* каждого члена на то или на другое место и сопряженные с этим местом *права* в обществе. Новый же обратный иск в бесчестьи был всегда иском о *факте*, ибо отправлялся всегда от факта, что такой-то бил челом, – и как от наперед уже данного *факта,* что этот челобитчик бесспорно ниже и незаконно бил челом на своего бесспорно высшего, а тем и бесчестил его. За такое же бесчестье, как за всякий факт оскорбления личности одного другим, и требовалось удовлетворение, состоявшее или в наказании обидчика, или в денежном вознаграждении обиженного. Иск в бесчестьи не простирался далее, и в местническом суде был всегда только побочным иском, ибо сам по

себе не касался вовсе самого разбора и определения местнических отношений, а потому и оставался вне закона местнических соответствий; – почему мы и находим, что так же, как иск в отечестве о счете происходил всегда между теми, коим доставало друг до друга, так, напротив, иск в бесчестии был всегда обращаем на прямого противника, как виновного в факте челобитья. Так, мы находим даже, что в иске на один и тот же род одно и то же лицо бьет челом в *отечестве о* счете на высших, до которых ему доставало, а о *бесчестии* на том или другом низшем, – вероятно, прямом противнике. В арх. разр. № 5 (л. 728): *Своево бесчестья на кн. Василье Ростовском, а отечества своево искал Иван на кн. Дмитрее Александр. Ростовском, да на деде княж Васильеве, а отвечал за деда своего за кн. Дмитрия Алек. кн. Вас. Ростовской*. Здесь, так же как и в других местах, мы находим, что вследствие одного и того же нарушения отношений одно и то же лицо бьет челом на одно лицо в роду или на одной службе с ним – *в бесчестьи*, а на другое – *в отечестве.* Так в арх. разр. № 5 (л. 715): *Сабуров подал одну челобитную в бесчестьи, а другую в отечестве на деда Васильева;* и там же, на листе 574: *Бутурлин бил челом на Курлятева и Туренина в отечестве, а на Тюфякина в бесчестьи*, и пр. Но, наоборот, вследствие самой сущности и внутреннего различия каждого иска никогда не могло быть, чтобы одно и то же лицо и вследствие одного и того же отношения било челом на другое в *отечестве* и в *бесчестьи* вместе, чему мы действительно и не находим ни одного примера. Так же различны были оба иска и в своих юридических последствиях. Иск в отечестве оканчивался одним судебным определением отношений или мест одного рода к другому, и иногда только такое определение высоты одного лица пред другим и повинности перед ним другого выражаемо было в символическом действии *выдачи головой – а всякая голова за многие месты*. И по тому самому в выдаче головою хотя и представляется нам как бы род наказания, но то было лишь самым крепким и потому символическим утверждением меньшинства одного лица пред другим. Иск же в бесчестьи имел всегда своим послед-

ствием, если только справедливость его признавалась, прямое наказание, как, например, битье батогами, тюрьму и т.д., и по тому же самому никогда не могло быть выдачи головою вследствие иска в бесчестьи. Так, в арх. разр. № 5 (л. 558): *Ц. и В. К. Романа Бутурлина пожаловал, велел В. Кузмина бити батоги за Романова б е з ч е с т ь я в Болхове перед розрядной избой. А за о т е ч е с т в о велел ево выдати головою Роману Бутурлину.* Наказания же по местничеству, кроме немногих случаев прямого и упорного неповиновения царской воле, были всегда чинимы в обороне за бесчестье. Так в «Пол. собр. зак.» (т. I, стр. 163, № 28) – за *безчестье бит батоги*; № 38 (стр. 225) и № 42 (стр. 242) – посажены в тюрьму; № 74 и 75 – и батоги и тюрьма вместе, то же № 95 (стр. 287), и сверх того здесь дано, что так как били челом Воейковы с братиею и тем бесчестили Волконских, то государь указал всему роду Волконских на них Воейковых доправить бесчестье, т.е. прочая братия Воейковых должна была заплатить известную денежную пеню, тогда как сам челобитчик, представлявший здесь свой род или свою братию, был посажен в тюрьму. Под № 61 мы находим также, что доправлено было денежное бесчестье 350 рублей. Арх. разр. № 5 (л. 608): *Велено доправити безчестья, против жалованья 150 руб.* Впрочем, такая доправка денежного бесчестья встречается довольно редко, и царь сам указывал, какую дать оборону в бесчестьи. «Сб.» (т. II, стр. 62): *А в безчестьи деду нашему и нашему, что ты Государь укажешь?*

На странице 119: *Были воеводы кн. М. Кашин, да Григ. Иванович Мещенинов Морозов, да Богдан, да Фед. Колычовы. И по тому розряду Богдан да Федор Колычовы менши Григорья Мещенинова Морозова, а Богд. да Фед. Колычевы Ивану Крюку дядья, а отцу Иванову Федору братья, а вротстве велики, а у кн. Александра Жирова Засекина грамота невместная на Ивана Мещенинова на Григорьева отца.*

Чтобы объяснить частное значение этих слов, мы не имеем никаких данных, ибо нам не известны ни родовые, ни разрядные отношения упоминаемых здесь лиц, но смысл их ясен и не может иметь другого значения, как то, что Колычовы

были однородцы с Морозовыми и выше их по лествице, но в этом разряде были их ниже. А так как они не били челом, т.е. не протестовали против такого унижения своей чести, то разряд и записал его как факт или случай, на который по тому самому уже не может быть дальнейшего протеста, и потому утверждающий собой новое отношение, заслоняющее собой все предыдущие. Ибо, как мы видели уже, кто напоследок потеряет, тот тем самым уже виноват за себя и весь род свой, и как бы уничтожает юридически все предшествующие случаи, которые ставили его выше, против того случая, по которому он напоследок потерял. В родословной мы не находим прямого указания, чтобы Колычовы были однородцы с Морозовыми, но находим, однако ж, что те и другие выехали из Пруссии, и следовательно, родословная если не подтверждает прямо нашего предположения, то и не противоречит ему, что вполне достаточно, если вспомним неполноту и неточность ее родословий. Сверх того, Иван Мещенинов, Григорьев отец, по всем вероятностям одно и то же лицо что Ив. Крюк, – мы же нередко встречаем, что одно и то же лицо является то под его родовым именем или его отца и ближайших родичей, то под его новым, пока еще одним личным его прозвищем.

Значение же этого места особенно важно тем, что оно прямо указывает на переход чести родовой к чести разрядной, и что разряд как бы записал в этом случае и указал на самую минуту этого перехода, и тем выразил общественное сознание нового отношения, не дожидаясь, чтобы это сознание высказалось ссылкой на этот случай в каком-нибудь будущем споре или иске.

Всякий разрядный случай по его отвлеченному представлению и первоначальному отношению к государству был не что иное, как признанное государством наперед данное отношение родовое. Государство во всем распределении и назначении внешних органов своей деятельности лишь переводило в свое сознание данные, уже наперед существующие в жизни, как она развилась под исключительным преобладанием семейного и родового начала. Но когда родовой распорядок раз

привязал себя к государству, не мог он оставаться долго ненарушен постоянным противоречием государственной жизни, ее произвола и случайностей строгим требованиям отношений родовых, и не могло долее продолжаться то же строгое взаимное соответствие всех родовых отношений

Так и в каждом отдельном роде продолжалось строгое соответствие взаимных отношений родовых с отношениями разрядными и сохранялось общее родовое отношение к другим родам, пока род уберег ненарушенными в разрядах государевых взаимные родовые отношения своих членов, так же как и свои предшествующие, так или иначе утвердившиеся отношения к другим родам, т.е. пока не было *потерки* ни внутри рода одних членов перед другими, ни перед чужим родом; ибо нарушались родовые отношения и их взаимная обычная последовательность, как мы уже видели, не иначе, как через потерку, т.е. бытие в разрядах одного из родичей в меньших с таким, с коим быть ему было *невместно*, или, как мы то находим в древнейших разрядах, *невозможно.* Естественно, что, пока родовые отношения еще сохраняли всю свою строгость, представлялось нравственной невозможностью то, что впоследствии было только *невместно.* Потерка же, как увидим ниже, предполагалась всегда добровольной, а потому и являлась перед судом местнических понятий делом противным родовой чести и поминается нередко в памятниках с презрением, как *поступка* или *продажа* (см. ниже).

Потерка перед *чужим родом* одного из родичей, повидимому, еще не нарушала взаимного соответствия родовых отношений внутри рода, но необходимым и непременным последствием такой потери являлась потерка и *внутри самого рода*, – одних родичей перед другими. По своему понятию всякая потеря одного члена рода перед чужим родом должна была в соответствии понижать и всех остальных родичей, но в действительности и ее случайностях – милости царской, личных достоинств и пр., или при перевесе других родовых отношений не всегда распространялось и могло распространяться действие этой потерки на всех членов рода; и, сверх

того, самая юридическая сила всякой потерки умалялась по мере отдаленности (в родовой степени) каждого родича от *потерявшего.* И потому если с потерей одного не понижались в соответствии и все прочие родичи, то тем самым, как очевидно, нарушалось и общее взаимное соответствие всех родовых отношений между собой. Так, например если потерявший и его ближайшие родичи потеряли столькими-то местами перед чужими родами, а их отдаленнейшие меньшие остались при прежней чести, то тем самым они могли сравняться со своими родовыми бóльшими или даже опередить их. Сверх того, прочие родичи могли всегда оградить себя от потерки одного из своей *братьи* немедленным челобитьем, протестующим против этой потерки; так см. в арх. разр. (стр. 137) челобитье Ноготкова во всех Оболенских Князей место, протестующее против потерки Репнина, и решено было, *что Репнин виноват один, а прочему роду порухи чести никакой нет.* А потому только до тех пор, пока не было потерки ни внутри рода, ни к чужому роду, и могли сохранять все отношения свою первоначальную родовую строгость, – почему в «Сб.» (т. II, стр. 310) мы и находим: *И Пожарские меньше по случаям в своем родстве и чужова роду не бывали... и в том Государева воля, как он меня холопа своего ни велит учинить, только я в роду своем таков, каковых я своих родителей подавал в случаях деда моего... и мы в своем роду и по лествице кого меньше, того меньше, и кому в версту, тому в версту, потому что Пожарские, живучи в опалах, меньше своих и чужих не бывали*. Пожарский именно указывает на всю метрическую строгость своих отношений к роду, ибо государева служба еще нигде не нарушала своими разрядами их строгой и стройной определенности, но указывая на эту строгую определенность, он два раза повторяет, что *меньше своих и чужого рода нигде не бывали*, т.е. не теряли, – ибо одно такое отсутствие всякой потерки могло сохранить все строгое соответствие родовых отношений между собой.

Строгие понятия местничества требовали, чтобы нормальный ход его распорядка неизменно передавал от одно-

го поколения другому все раз установившиеся отношения, в одном порядке и законе местнических соответствий, одинаково распределяющем все отношения, – какие бы ни были частные изменения в числе и порядке действительных членов местнического круга при постоянном круговращении и смене поколений одних другими и частом вступлении новых родов и лиц в общий распорядок. Но разумеется, что такой китайской заключенности, распределяющей все малейшие видоизменения жизни в одном строгом законе соответствий, жизнь действительная не могла представить во всей строгости отвлеченного понятия. А потому, так же как мы видели, что род *терял* перед другими родами, так точно род мог и повышаться перед другими родами, когда разрядные отношения не только накрывали прежние отношения родовые, но и подвигали их несколькими единицами вперед разрядной высотой одного или нескольких родичей не в прежнюю меру перед другими родами, – т.е отношением, которое ставило их, а потому и весь род, выше того отношения, в котором состояли к этим другим родам их предшествующие родичи, передавшие им свои отношения.

Такое повышение одних родов перед другими могло происходить не иначе, как на счет этих других родов, ибо при общем взаимном соответствии всех отношений служебного распорядка не могло произойти ни одного изменения, нарушающего общий нормальный ход его в одном частном отношении без того, чтобы это изменение не отозвалось во всех других соответствующих отношениях лиц, которым *доставало* до отношения, в коем произошло это изменение. И *потерка* в одном роде, и следовательно, понижение его, не могла произойти без того, чтобы тем самым не повышались все достающие отношения прочих родов. Но различие в том и другом случае состояло в том, что всякая потерка одного из родичей к чужому роду нарушала, как мы видели, внутреннюю последовательность родовых отношений этого рода и тем самым *повышала* достающие до нее отношения прочих родов, – но не *нарушала взаимной* последовательности этих достающих до нее отношений в

прочих родах*. Наоборот же, повышение всякого родича перед чужим родом не в свою меру тем самым заставляло *терять* другие роды, но зато не нарушало взаимной последовательности отношений внутри самого рода. Все родичи подвигались в том же порядке несколькими местами выше, но взаимная последовательность мест оставалась та же, и потому повышение некоторых родичей перед чужим родом и не могло иметь своим прямым последствием *потерку внутри рода,* как она была непременным следствием всякой потери к чужому роду**.

В нормальном понятии местнического распорядка не могло, как мы уже видели, произойти повышение одного рода без соответственной потери всех прочих достававших родов. Но в действительности не могли все единицы мест строго приходиться друг к другу *место в место*, и не могло быть того строгого соответствия отношений, какого требовало понятие, – и чем шире был круг местнических единиц, тем менее могла существовать такая строгость; и потому, если внутри рода всякое повышение одного перед другим необходимо заставляло терять другого, то при более широком круге, каким являлся общий распорядок местничества, хотя в понятии и следовала так же необходимо *потерка* одних с повышением других, но жизнь не всегда могла отвечать на строгость по-

* Достававшие подвигались только на одну или несколько единиц вперед, но в тех же взаимных отношениях; для не достававших же (до которых опускались эти потерявшие) не изменялось даже и числовое отношение к их высшим, ибо с этой *потеркой* менялись только местами одни с другими, число же мест оставалось одно и то же.

** Такое повышение могло, однако ж, нередко служить *поводом* в потерке и внутри рода, но она являлась в таком случае как одно отдаленное, чисто фактическое последствие его. Ко всякому *повышению* также применяется, хотя и в меньшей степени, сказанное нами выше о потерке, что она не всегда могла распространяться на прочих родичей. Так одинаково и с повышением одного или нескольких членов рода не всегда могли воспользоваться им прочие родичи, но в последнем случае собственная выгода каждого вызывала его на то, чтобы воспользоваться тем изменением, которое произошло в родовых отношениях; при потерке же напротив. Члены же одного рода, как более сомкнутого и плотного целого, могли скорее воспользоваться своими правами, чем отдельные члены прочих родов, которым было выгодно распространить потерю и на всех прочих достававших родичей.

нятия. И следовательно, при всяком таком повышении одного рода перед другими* могло и не быть прямой положительной *потерки*** этих других родов перед возвысившимся, их опередившим или обошедшим родом, но всякое такое повышение *отодвигало* от высшей разрядной чести эти обойденные роды, во сколько (сколькими местами) их обошедший род к ней придвинулся.

Так, при образовании московского распорядка чести, когда в круг московского местничества были *вводимы честные люди*, приходившие служить московскому князю из других княжений, из Литвы, Польши и Орды, а потому и записывались в родословных (см. грамоты Кикина) и разрядах, как бояре *введенные*, – то вносилось в разряды, как память такого-то рода, что такой-то *заехал* таких-то. В арх. разр. № 2 (л. 1): кн. *Юрий Патрикеевич приехал и заехал бояр Константина Шею Иоанна Влад.* и пр.; *заехал* таких-то здесь значит, что, став их выше, отодвинул их собой, *своим местом*, от высшей единицы в лествице чести, т.е. князя, став между ними и этим князем. Потерка была та же в понятии, хотя могла и не высказаться определенно в том или другом факте, и в таком случае обой-

* При этом не надо забывать, что когда мы говорим о повышении одного рода перед другим, то нельзя понимать повышение всех родичей или всего рода перед *всем другим родом*, ибо такого счета родами, как отдельными единицами, и не могло быть по самой сущности местничества (см. ниже разбор страницы 137). При повышении же одного рода перед другим понимается, что повысились в общем служебном распорядке отношения одного рода перед всеми отношениями в других родах, которым до этого отношения доставало и которые это новое отношение обошло.

** Так, если не было челобитий со стороны отодвинутых или потерявших, как, например, в разбираемом нами случае, или когда встречалось несколько перемежающихся отношений, так что если одни обошли других, то и эти обойденные, в свою очередь, обошли третьих, – в таком случае взаимные отношения изменялись и подвигались, но при сложности и запутанности этих отношений изменение это не было уловимо ни на каких определенных фактах *потерки* одних перед другими. Если же, как нередко бывало, такое повышение совершалось без всяких челобитий и протестов на него с противной стороны (при частой невозможности разобрать такие отношения и при отстранении царем таких судов и челобитий на возвышающихся его милостию), то новое отношение входило незаметно в жизнь и утверждалось давностию. См. ниже о степенях потерки.

денные как бы *захудали*, если и не потеряли перед заехавшим или обошедшим их (см. ниже о различии захудения и потери).

Из всего сказанного нами очевидно, что повышение каждого рода или отдельного родича не в меру (предыдущим отношениям) перед чужим родом было таким же нарушением правильности отношений и их нормального хода и, следовательно, должно было являться перед общим судом местнических понятий также незаконным, как и всякая потерка, – ибо повышение одних было потерей для других и наоборот. Но при этом не должно забывать, что, когда мы говорим о положениях местничества и родовых понятиях, как нам представляют их современные памятники, мы можем отправляться только от частных родовых понятий каждого отдельного рода, как особого эгоистического целого, ибо эти родовые понятия и положения местничества высказываются нам не иначе, как от лица того или другого рода. Своего же живого и общего органа*, сознающего родовые отношения во всей их общей и цельной совокупности, местничество не имело и не могло иметь в области государства. Государство по своему началу и исходному понятию как прямо противоречившее родовому распорядку, являлось в отношении к местничеству как одна полицейская власть, сводящая отдельные факты его и отношения, но не могло представлять в себе общего живого сознания этих отношений и фактов. И потому перед таким судом отдельных родовых

* Мы не раз встречали указания на родовые суды, но как домашние семейные разбирательства родителями споров между родственниками или однородцами, а потому и такие обычные суды были представителями понятий местничества, только в тесном кругу отдельных родов. Следов же такого судебного разбирательства, вне сферы правительственной власти, между чужеродцами мы не находим ни одного. Можно только с большей или меньшей вероятностью предполагать существование местнических обычных судов, состоявших из выборных представителей родов в удельных княжениях (существование того же местничества в них бесспорно – см. Сб., т. V, д. 1 и пр. и пр.) и Москве, пока еще не был учрежден Московский разрядный приказ и суд как особое правительственное место. Такие суды, если только они когда-либо были, могли быть живым и самостоятельным органом местничества, а потому и истинным выражением его общих понятий, но нельзя ожидать, чтобы когда-нибудь отыскалось от этих судов что-либо, кроме одних свидетельств об их действительном существовании.

понятий и в понятиях местничества, как они нам открываются из дошедших до нас памятников, всякий род мог или имел право случайностями службы и милости царской возвышаться перед другими родами не в прежнюю меру себе и потому в унижение другим родам. Но так или иначе новое, сперва спорное отношение входило незаметно в жизнь и потом утверждалось давностью. С другой стороны, правительственная власть не могла также не допускать законности таких повышений, ибо только таким образом могла и царская милость подвигать покровительствуемых ею.

Резкий пример такого повышения одного рода на счет другого и самого хода и способа таких повышений, всегда неправильных и нарушающих законный порядок местничества, находим мы в спорах Пушкиных с Пожарскими. В «Дворц. зап.» (ч. 1, стр. 76–79 и 114): *При Василье Ив. Шуйском Иван Пушкин, меньшой в роде бил челом на Д. М. Пажарского, но суд не был вершен. Ц. Мих. Феод. велел, при своем венце Гавриле Пушкину, высшему родичу сказать боярство Д. М. Пожарскому, но Гаврила отвечал, что ему невместно, что их родители меньши Пожарских не бывали и что доселе еще суд невершон с меньшим его родичем, но Государь указал для своего Царского венца во всяких чинах быть без мест, и тогда Гаврило боярство сказывал*. 15 лет спустя Борис Пушкин, племянник Гаврилы, бил снова челом на Д. М. Пожарского, но был за бесчестье послан в тюрьму, потому что *при Царе Вас. Ив. Пушкин был меньше Д. Пожарского, да и дядя твой сказывал боярство Пожарскому, а были без мест для Царского венца, а не для его челобитья*. Решение суда было очевидно противозаконное, ибо приводило в судебное доказательство службу, против которой не только был протест, но и которая была поводом к невершенному суду, а при невершенном суде большее право оставалось до вершения суда за челобитчиком (см. о местниках). Во-втором же случае незаконность судебного довода еще очевиднее, ибо приводится счет в местах службою, которая самим же правительством была объявлена безместной. Рассматривая другие указания на такие же повышения

одних родов пред другими, мы находим, что вообще средствами к таким повышениям и переходам в порядке местнических отношений служило откладывание суда или оставление суда нерешенным, приближающее оба лица к взаимному равенству, и *безместные* назначения на службу, поставлявшие известное лицо в высшее против законного отношение, которое впоследствии, несмотря на видимое ограждение чести противной стороны постановлением о безместности, было принимаемо в юридическое доказательство ее потери*. Так мы видим, что всякое движение, отступающее от нормального хода местничества, как незаконное перед нормой его понятий, совершалось посредством двух также незаконных понятий и фактов, внесенных в его область воздействием на него государственной власти, – *равенства* и *невместности.*

В этом отсутствии в местничестве того живого начала, которое бы выработало в нем законные определения для необходимых отклонений жизни, ее случайностей и требований личности в обществе, и заключалось то начало внутреннего распадения, которое постоянно носило в себе местничество, и та болезненность, которая отразилась на всех его общественных явлениях. Несмотря на всю строгую последовательность всех его начал и выводов, нельзя в то же время и рядом с нею не заметить постоянного внутреннего противоречия во всех его приложениях к жизни. В норме своих понятий оно обрекало общество на китайскую неподвижность, невозможную в новых христианских народах, а всякое движение в нем и проявление личности уже являлось как нарушение его правильного и законного порядка. А потому и местничество в отношении к жизни осталось навсегда как отвлеченное, неприложимое в его строгости понятие, – нарушения его обратились, так ска-

* Самое понятие безместности являлось незаконным перед судом местничества, а потому мы нередко встречаем, что строго охранявшие свою честь не принимали службы им невместной, несмотри ни на какие объявления о ее безместности. Те же, которые раз подчинились безместности, факту незаконному в местничестве, не могли требовать от местничества, чтобы оно охраняло их и от дальнейшего произвола противодействующей ему власти, в какой бы форме этот произвол ни являлся.

зать, в законные условия его существования в обществе, и в самый круг его юридических отношений, по необходимости допущены им понятия, ему вовсе чуждые, и отношения чисто фактические, разрывающие все логическое сцепление и всю внутреннюю связь его круга отношений. Так мы видим на Пожарском, что никакая заслуга отечеству не могла возвысить перед судом местничества ничьей личности ни сделать правой перед ним, если только она не была права своим отечеством. Лучшее свидетельство тому – непрестанный ряд челобитий на Пожарского, спасителя России, от которых (в большей части случаев) могла отстоять его одна неизменная благодарность Михаила Феодоровича, но мы видели, какими незаконными уловками (см. сверх указанного нами, в «Сб.», т. V, дело Пожарского с Колтовским, дело XI с Волконскими; в «Опис. разр. арх.» дело Татищева с Пожарским и пр.). Но и милость царская не могла защитить Пожарского, возведенного ею в высшую против его отечества честь перед Салтыковым, одним из высших членов местнической лествицы, и должна была уступить требованиям местничества в выдаче Пожарского головою*. Правда, что в понятиях древней России не могло быть ни личности, ни личной заслуги, ибо всякая заслуга являлась только исполнением определенного долга, разлагаемого обществом между всеми его членами, в меру всем и каждому. Таково было исконное понятие, правившее всей нашей древней жизнью, которое делало из каждого лица живой, но страдательный орган общественной обязанности, распределявшей наперед его деятельность, место и заслугу в обществе. В таком обществе места для личности не было и быть не могло. Понятие такого общества в мире христианском (не допускающем более мертвенности обществ языческих при тех же началах), может быть, носит в себе зародыш высшего общественного порядка, чем какой был доселе доступен человеку. Но русской жизни досталась в удел слишком великая, а может быть, еще слишком ранняя для человечества задача. И потому

* См. разбор и объяснение этого дела в статье об осаде Троицк. Лавры в «Москвитянине» за июль 1844 г.

бессильная осуществить в стройное и гармоническое целое и оправдать на себе начала высшего порядка, которые лежали в ней, древняя Россия* высказалась миру одними бессвязными опытами внутренней общественной силы, которая начинала отживать и сохнуть прежде, чем успевала дозреть до своих живых плодов и живых охран для будущего общества.

Остановленная в своем живом развитии монголом и литвою, скованная и сдавленная ими прежде, чем она успела выработать в полноте и определенности хоть одно из начал, в ней лежавших, связать внутренней, живой силой быт, не связанный никакой условностью, Россия дотатарская осталась на степени живого, но недозрелого, не успевшего сложить свои мускулы и кости организма, – и должна была, уступая исторической необходимости, допустить в себя начала личности, условности и обособления, дотоле не знакомые древнему русскому обществу. Но надо было прежде всего спасти Россию, а потом уже думать о внутренней гармонии или единстве ее жизни, а потому и выдвинула русская жизнь из своего общего единства три новых могучих деятеля. Личность князя выделилась из общины, условность единодержавия и правительственного средоточия заменила прежнюю местную жизнь, и военное служилое сословие выделилось из общего единства народа и заслонило собой народ от исторической деятельности. Живая сила внутреннего единства, дотоле правившая Россией, бессильная спасти ее, должна была расковать всесильное могущество односторонних стремлений и им передать кормило общества, – да облекут его в крепкое тело, не боящееся более ничьей грозы, ни татарина, ни ляха, ни немца. И потому древнее русское общество, не допущенное судьбой или бессильное осуществить в себе начала высшего порядка, в нем лежавшие, ни облечь** начало личности во всемогущество исторического деятеля, как то сделал Запад, – осталось

* Мы разумеем здесь Россию в одних явлениях ее общественности.

** Личность уже предполагает условность и пр. как следствие, ибо примирения для личностей, как исходного начала, не может быть другого, как в условности.

на каком-то середнем пути, усеянном болезненными, недозрелыми явлениями, исполненными внутренних противоречий и бессвязных стремлений. Но самая болезненность и неполнота всех явлений нашей древней общественности служит нам лучшим ручательством, что в ней еще была жива и не умирала ее внутренняя, созидающая сила, и еще есть залог для ее будущего. Разумеется, что не может никакое раз вышедшее из первой непосредственности общество вполне отрешиться от условного и личного начала, но условность эта должна быть лишь живым выражением внутренней в нем присущей силы и оставаться как условное для одной близорукой науки, понимающей лишь оболочку вещей. Личность должна и законно существовать в обществе, но не как отдельные эгоистические силы, из коих оно слагается в общем условном примирении, а законно действующая в нем, живая сила и лучшее выражение *общего*, в которой это общее облекается в свободную деятельность. Отсюда объясняется и то, почему Древняя Россия не имела, может быть, ни одного героя в смысле западном, ни одной личности, которую бы увенчала память народная и сделала ее святыней, славой и гордостью земли. Для личности не было места в обществе, а потому и не было места для нее и в памяти народной. И вот почему так же мало умела местничавшаяся Россия уважать в Пожарском спасителя отечества, как мало умела Россия народная сохранить память о нем. Не прошло нескольких десятилетий, как уже забыто было, где покоится прах Пожарского и Минина, и растеряно все, что в других землях составляет нераздельную святыню с памятью каждого из великих сподвижников родного края*. Всякая личность, являвшаяся не как законный орган общего, была преступлением перед русским обществом, и обличителем его бессилия, – и потому так же легко забыл русский человек Минина и Пожарского, как легко заклеймил и предал проклятию память Годунова. Но нельзя забывать при этом, что так же как древняя Россия умела чтить одних святых своих и мучеников, – так точно не

* См. статьи г. Мельникова о Нижнем Новгороде и Минине в «Отечественных записках» – Петр В. не мог даже отыскать места их погребения.

могла она почтить своим уважением никакую личность, которая позволила оподозрить себя хотя в одном преступлении. Для русского народа существовало одно нравственное мерило человека. А потому память одного преступного дела (хотя и не доказанного, но судебное разбирательство не дело народа) и заслонила перед его неподкупным судом все благодеяния, излитые на него той же рукой Годунова, всю силу и величие души, все подвиги общественного разума и воли. Во всю долгую летопись человечества нельзя не проследить одного малоутешительного факта – чем шире открывался для личности круг общественной деятельности, тем легче являлось для нее нарушение нравственного закона, а потому древняя Россия, отправлявшаяся от нравственного мерила жизни, но еще не дозревшая до живых нравственных связей общества, и не могла допустить в себя исторического деятеля личности. Запад же, который гордится столькими общественными героями, если бы он сознавал в себе то же нравственное мерило для человека, то многим ли из них он поставил памятники?

Мы видели теперь, каким образом одни роды могли повышаться перед другими, но когда раз такое повышение было допущено и так или иначе утвердилось, то по общепринятым в современных памятниках понятиям родовой чести род этот имел уже обязанностью своей чести навсегда уберечь за собой эту высоту, и каждый член рода, как представитель его, имел прямой обязанностью перенести на себя и оберегать на себе и в свою меру новую честь всего рода. Всякая же уступка того, что раз было уже выиграно родом, и бытие одного из родичей не в новую себе меру было уже прямым нарушением такой обязанности, *поступком* или *продажей*. В «Сб.» (т. II, стр. 310): *Нивисть Гвоздевы отечество свое в ваших Государевых разрядах Темкиным продавали и нивисть так поступались, бывали меньши тех, кои с Темкиными бывали меньши многими месты… А хотяб Звенигородские и прародителя своего нарядили менши Воротынских…* И потому, как очевидно, для высоты каждого рода в его нераздельном родовом целом не меньшей важности была высота его некоторых членов в разряде, как и то, чтобы

не было потери со стороны которого-нибудь из родичей. Так, например, в «Сб.» (т. V, стр. 127) Кокарев, говоря о чести своего рода, именно указывает, что *прадеды отца нашего бывали во многих розрядах в честных людех и потерки прадеда нашего и деда и отца нашего и нашей холопей твоих ни где не бывало.*

Указав на правильный ход местнического распорядка и на отклонения в нем, *потери* и *повышения* родов, рассмотрим теперь, каким образом совершалось в нем его законное движение, переход отношений с одних лиц на другие, и какие были правила этого перехода и счета одних другими в тех и других случаях. Право общего перехода отношений с одних лиц на другие бесспорно и очевидно само собой, и потому здесь может представляться только один общий вопрос: могли ли переходить отношения разрядной чести чрез несколько средних поколений, не бывших в разрядах, и следовательно, могла ли отсутствовавшая в них ветвь рода, снова вступав в них, перенести на себя старую честь своих прародителей – и даже новую честь боковых линий, бывших в разрядах и в них возвысившихся?

Как мы видели, *потеря* была единственным фактом в кругу местнических отношений, который мог понижать честь рода; самая опала государева была однозначительна временному, насильному исключению или добровольному отсутствию того или другого лица или рода из разрядов, но не нарушала родовых отношений, и только переносила честь родителей через несколько поколений, но и давала даже право считаться новой честью боковых родичей. И потому, заключая от одной опалы, можно уже с достоверностью предполагать, что та или другая ветвь или поколение рода могли известное время не бывать в разрядах государевых (например, болезнию, ранней смертию и пр.), но через то самое, уберегши себя от всякой потерки, невозможной при отсутствии в разрядах, перенести на правнука высоту и честь его прародителей на случай, если этот правнук вступит снова в разряды. Но, кроме того, как мы видели выше (Сб., т. V, стр. 138), правнук, считаясь мимо отца честью своих прародителей, указывает именно, что *прадеды отца нашего бывали во м н о г и х разрядех в честных людех и*

потерки ни прадеда нашего, ни деда, ни отца нашего ни нашей нигде не бывало. Если же бы отец его и деды были в той же чести, во многих разрядах, то он непреминул бы указать и на их высоту, как на ближайшую, утверждающую и его собственную честь, – и он как бы с намерением выгораживает своего отца и деда и отделяет от прадедов, указывая только, что и они также нигде не теряли. Это свидетельство прямо указывает, что правнук переносил на себя честь своего прадеда мимо своих ближайших *родителей*, которые могли и не бывать в честных людях, только бы не было с их стороны никакой потерки*.

Впрочем, такое отсутствие в разрядах государевых той или другой ветви рода не умаляло чести ее только тогда, когда это отсутствие продолжалось недолго, одно или два поколения, или эта честь ее поддерживалась службой других близких родичей, напоминавших служебному распорядку о высоте всего рода и поддерживавших в общественной жизни наследуемые каждым поколением и передаваемые из рода в род отношения чести, – иначе остающиеся только возможными и мнимыми, как всякое право, не прилагаемое ни к какому факту. И потому вероятно, что в действительности ни одна ветвь рода не допускала, чтобы если не тот, то другой из ее ближайших родичей не был в разрядах, тем более что потерка могла быть всегда не иначе как добровольная (см. ниже), как продажа или поступка своей чести или по неведению и неопытности. Иначе же, если род или ветвь рода долго не бывали в разрядах государевых, то этот род *худел* или *захудал*, если и *не терял* нигде; так, например, в «Род. кн.» (т. I, стр. 211): *Род князей Конинских и*

* Здесь еще нет положительного свидетельства, что отец и дед не были в разрядах, хотя и можно видеть в этих словах прямое указание на это. Но должны при этом заметить, что временное вступление в разряды или непродолжительное бытие в них оставалось иногда без всякого значения, в кругу местнических отношений, и в таком случае вполне однозначительно небытию или отсутствию и них. Так, например, если кто вступал на службу в головы или рынды в соответствие своей родовой чести, но не мог долее продолжать этой службы, в таком случае он не мог ни потерять от чести своего рода, ни повысить ее, ни даже перенести на себя честь своего отца или деда, ибо если они были в боярах, то и он должен был дослужиться также до боярства, чтобы перенести на себя эту честь.

Спажских, старшая ветвь многоветвистого и многочестного рода Оболенских, захудели и извелись, – единственное показание, которое мы находим о них вместо их родословной. В «Сб.» (т. II, стр. 262) Лыков говорит, что *Пожарский не подавал в случаях своих ближайших родителей, бывших в о п а л е, за их худобой*; в «Повс. зап.» (т. I, стр. 225): *Мещерские з а м о л о д а л и и захудали, служат по городам*. Разница же между такого рода охуденьем и потеркой была та, что род, удерживая себя в общем служебном распорядке, понижался или терял определенно столькими-то местами, – при продолжительном же отсутствии рода в государевых разрядах он *захудал* вообще, ибо все его отношения как бы утрачивались и забывались, никем не представляемые в действительности, а старые отношения прародителей делались не восстановимы и не распознаваемы после такого долгого перерыва, так что такой род или ветвь рода, вступая снова в разряды государевы, должен был сызнова начинать все построение своей чести.

Вследствие тех же родовых понятий и того же значения опалы мы вправе также заключить, что для таких, которые сами не служили*, но которых близкие родичи были за то в разрядах и выше общих прародителей, – не только сохранялась вся честь их прародителя на случай их вступления в службу, но даже та степень *кандидатства*, или право на большие или меньшие претензии по службе и на более или менее скорое исполнение этих претензий (единственное, что доставляло более или менее честное происхождение при местничестве вместо всяких положительных прав, как то бывало во всех аристократиях) возвышалась несколькими ступенями вследствие возвышающей чести этих близких, бывших в разрядах родичей. Мудрено даже требовать от разрядных и вообще памятников местничества свидетельств о не бывших в разрядах, – но мы

* По делам ли семейным, по болезни, по управлению своими вотчинами или просто по своей доброй воле. Число же таких не могло быть незначительно, особливо пока Иван Васильевич Грозный почти не сравнял вотчин с поместьями и не обратил, так сказать, всю поземельную собственность в государственный капитал, за пользование которым каждый обязан был известной службой государству.

уже видели, что при опале, совершенно однозначительной по своему понятию небытию в разрядах, честь каждого опального (или не бывшего) вполне зависела от чести его других родичей и ею одной определялась. Сверх того, Пожарский (Сб., т. II, стр. 308) говорит: *Кои сами в Государевых разрядах бывали и те своими родителями тягивались да и правы бывали.* И следовательно, те, которые вовсе не бывали в разрядах государевых, тем подавнее были правы в своей *чести* своими родителями.

Проследив общий ход отношений родовых и разрядных (см. также выше, стр. 41 и следующие, об отношении к разрядам однородцев и чужеродцев), мы должны теперь аналитически разобрать различие прав и отношений в тех и других случаях отношения рода к разрядам, – в разных случаях бытия или небытия в разрядах, счета меньших большими или больших меньшими и т.д.

В первом случае, счета меньших большими, весь вопрос разрешается просто и без дальнейших затруднений. Когда те и другие были в разрядах, тогда не может быть даже вопроса, считались ли меньшие своими большими, ибо находим ему разрешение на каждой странице разрядных или дел по местничеству, т.е. считались. Когда же отсутствовали в разрядах меньшие, один родич или целая ветвь рода, а были в них в соразмерной им чести бóльшие, то хотя и нет на то такого же общего свидетельства памятников, однако нет никакого сомнения, что эти меньшие считались и имели право считаться своими большими на случай своего вступления в разряды. Мы уже указали на это выше, говоря вообще о переходе отношений с одних лиц на другие; прибавим к сказанному еще следующее: честь каждого вступавшего новиком на службу была уже наперед определена честью его родителей; если же, напротив, сын честного отца умирал прежде, чем успел вступить на службу, но оставлял по себе малолетнего сына, то очевидно, что этот сын его, вступая в службу, был одинаково честен честью своего деда. При строгой преемственности и соответствии всех местнических отношений больший или меньший

срок при перенесении одного отношения на другое (если только он не переступал за пределы известной, определяемой самой жизнью давности, доводившей род до охудения) или представительство родовых отношений тем или другим родичем являлось одной безразличной прямой случайностью. И потому не бывшая в разрядах известное время младшая ветвь рода (одно или несколько поколений ее), вступая снова в разряды, имела равное право считаться как новой честью всех своих *высших* и *равных* себе, бывших в разрядах, так и прежней честью своих родителей, – равно как всякий, вступавший в службу, считался честью своего отца и боковых родичей. В «Сб.» (т. II, стр. 308) мы видели: *Кои сами в Государевых разрядах бывали, и те своими родителями тягивались, да и правы бывали*. Следовательно те, которые вовсе не были в государевых разрядах, тем подавнее могли тягаться своими *родителями*, т.е. всеми своими *высшими* дядьями, боковыми дедами, прадедами и т.д., и быть ими правы. Под бывшими же *в разрядах* следует здесь понимать таких, которые были в разрядах, но не перенесли на себя соответствующей их родовым отношениям чести, ибо иначе Пожарский не приводил бы в оправдание себе и своим родителям, бывшим под опалой (однозначительной по его же словам с небытием в разрядах), такое *бытие* в них, как умалявшее право и менее выгодное, в понятии родовых отношений, чем самое отсутствие в них или опала.

Не так легко и непосредственно разрешается вопрос о возможности и праве обратного счета большими. Прежде всего здесь представляются два случая: были ли в разрядах сами большие или не были? Рассмотрим сперва первый случай: когда были в разрядах и большие и меньшие родичи, то имели ли право считаться большие своими меньшими, и когда являлась самая возможность* такого счета?

* Разбирая эти отношения с их дальнейшими приложениями, мы раскроем в большей подробности и общий ход родовых отношений и их видоизменения в разрядах, – ибо с этими вопросами связано более свидетельств из памятников, и самые понятия раскрываются в большей полноте и ясности и в разрешении задач и вопросов, представляемых самой жизнью и взятых из нее, чем при отвлеченном изложении ее общих начал и определений.

Род представляется первоначально, пока еще не нарушена внутренняя последовательность его отношений, как одно самостоятельное целое и живой организм, правимый своим внутренним уставом отношений, которым строго отвечает и только рабски повинуется общество, насколько этот род участвует в его деятельности. Достаточно было, чтобы были в разрядах хотя некоторые члены известного рода, но в соответствии их разрядных отношений с отношениями родовыми (так что первые были только общественным признанием последних) – для того, чтобы тем самым как бы давалось такое же признание общества и всем только возможным служебным отношениям не бывших в разряде. И потому для всякой ветви рода или отдельного члена, остававшегося известное время вне деятельности общества, сохранялось, однако ж, право на признание этим обществом его самостоятельного родового отношения на случай его вступления снова в круг этой деятельности. Все же повышения по службе или, так сказать, новые приобретения чести государевой тех или других бывших в разрядах членов являлись новой благоприобретенной собственностью всего рода, которой всякий член его мог в свою меру пользоваться на случай своего вступления в разряды государевы, – так же как общей убылью из этого благоприобретенного общего капитала являлась всякая потеря каждого родича перед чужим родом, которая должна была принуждать к *соразмерной* потере и всех прочих родичей. Всякий же член рода, как мы видели, имел только право прибавлять к общему капиталу родовой чести свою новую высшую честь и тем увеличивать общее достояние, но не тратить из него, т.е. не терять перед другими.

Таким образом, пока род успел уберечь в разрядах государевых всю строгую последовательность своих родовых отношений, он являлся как представляемое в обществе самостоятельное целое, которое не принимало закона от общества, но переносило в него свой устав и закон, насколько участвовало в его деятельности. Так и каждый родич, как живое звено родового целого и его общего организма, являлся в деятельности

общества как лицо самостоятельное, с положительным правом на известное место в нем, и вместе обязанностью перед родом не иначе участвовать в общественной деятельности, как осуществляя на себе то право, которое давало ему его родовое отношение. *Право* каждого было вместе его *обязанностью* перед другими, а потому тем строже должно было осуществлять в себе такое общество все права и обязанности своих членов, ибо оно отправлялось от их строгого согласия, а не противоречия между собой.

Но пока таким являлся род и каждый член его в обществе, очевидно, что еще не могло быть и речи о счете больших меньшими, ибо считаться и утягивать друг друга можно было только *достававшими* до себя родовыми или разрядными, равными или высшими. И потому возможность такого счета являлась не прежде, как когда родовые большие уже стали в разряде ниже своих родовых меньших, а эти меньшие их разрядными высшими, и следовательно, в таком случае для этих потерявших в разрядах больших становилось возможным считаться с другими родами высотой своих меньших*. Но та-

* Изложение такого предмета как местничество, который требует строгой точности выражения, но в котором не установлено еще ни одно понятие и ни один термин для строгого, хотя вначале и условного (во всякой науке необходима известная терминология, но по мере того, как растет и вырабатывается эта наука, и терминология ее теряет все более свою условность и возводится до живых представлений и понятий) выражения тех и других понятий, особенно затрудняется тем, что почти неизбежны беспрестанные повторения или оговорки для точного выражения каждого нового понятия, а через это и самое изложение необходимо затрудняется множеством вводных предложений. Все эти затруднения могли быть большей частью избегнуты, если бы в начале нашего труда мы по возможности установили известные условные термины для всего круга местнических понятий. Но допустить это можно было бы только при другом, более систематическом изложении предмета, и сверх того, мы не хотели брать на себя должность законодателя, предоставляя ее самой науке и всеустановляющему времени. Мы решаемся, однако ж, в избежание беспрестанных оговорок и повторений принять за определенные термины и выражения отношений родовых: *великий, малый, меньший, больший* и т.д., а для выражения отношений разрядных: *высокий, низкий, низший* и пр.; мы имеем на то тем более права, что и в памятниках заметно то же общее, если и не строгое соответствие этих двух выражений.

кая высота меньших и низость больших могла образоваться не иначе как когда род уже раздвоился и произошла внутри его потерка одних перед другими. С каждой потерей во сколько повышалась одна часть бывшего родового целого (все ближайшие к тому, который обошел своих родовых больших: его меньшие братья, дети и племянники; новая мера коих *доставала*[*] до старой меры их родовых больших, и которые через то самое становились вровень или выше последних), столько теряла другая часть рода (все ближайшие к потерявшему, коим не доставало до новой меры их опередивших меньших и которые тем самым становились ниже их)[**]. Каждый из них, как возвысившийся, так и потерявший, вместе со своими ближайшими родичами, мог начать собой новый род, и эти новые родичи могли во всей строгости переносить в разряд все свои новые родовые отношения, пока не произойдет новое нарушение их, и затем не отсекутся новые ветви; но каждый из них и их потомство были уже навсегда оторваны от всего предшествующего рода, т.е. как от всех лишь боковых, так и от самых *родителей*, ибо первый заслонял своей невместной высотой отношение своих родителей, а второй *потерял* его.

* За неимением другого слова мы нередко принуждены были употреблять, так же как употребляем и здесь, слово *доставать* не в его строгом смысле, однозначительном слову *вместен*, т.е. понятию о *единице* места, которая непосредственно доставала до другой, но в его общем значении всех *достающих* до известного места, следовательно, как равных, так и высших, – единиц.

** Но могло случиться и то, что все наличные члены рода выигрывали с таким неправильным возвышением одного, хотя оно и нарушало их родовые отношения (а потому и называлось *поступком*, ибо могло быть добровольной сделкой между обоими); так, например, если низший член рода успел стать на такую высоту в разрядной чести, до которой дотоле не достигал ни один из высших. Но если такие большие и могли возвыситься своими меньшими, то зато навсегда лишали себя и свое потомство своего родового большинства и чести перед этими меньшими. Мы указываем на это, как на прямое противоречие закону отношений, который сами раскрываем теперь; но в жизни не могло не быть исключений. Так, например, если незначащий род получал вес и значение в службе одним из своих *меньших*, то тем самым не могли иногда не возвышаться и его *большие* родичи, особливо же ближайшие родственники, ибо в таком случае выгода по отношению к чести служебной перевешивала значение родового и вполне заслоняла его.

С каждой новой потерей род снова дробился и распадался на новые более тесные, но одинаково самостоятельные родовые круги, уже отправлявшиеся от средних служебно-родовых отношений, ибо если первоначальные родовые отношения *между родами* и образовались милостью княжеской, службой и т.д., то вместе с тем бесспорно, что первоначальные родовые отношения внутри самих родов, которые пошли от тех или других *введенных* в местнический распорядок, были чисто и беспримесно родовые, – если и нельзя того же положительно сказать о боковых линиях этих *введенных*, когда были вводимы отдельные лица, а не целые роды.

Род, переходя таким образом от одного видоизменения своих родовых отношений случайностью разряда к другому, наконец вовсе утрачивал все свои первоначальные отношения, и не только переставал существовать для государства, как самостоятельное нравственное лицо, но и внутри себя утрачивал наконец все общие родовые данные, и бывшие родичи становились уже вполне и безотносительно чужеродцами друг другу, так что понятие взаимного чужеродства вполне утверждалось в общем сознании и не могло быть более даже понятия о больших и меньших, не только о праве счета и счете одних другими.

Но прежде чем успевали вполне утвердиться и окрепнуть между бывшими единородцами новые разрядные отношения, за первым разъединением внутри рода следовало переходное время не установившихся отношений, когда в строгом понятии бывшие единородны уже были друг другу чужеродцами, но еще слишком близка была память однородства, еще живы общественные привычки и общее сознание прежнего родового единства, чтобы возможно было полное отречение от *однородства* и признание своего полного общественного и юридического *чужеродства*[*]. В это время перехода от одного круга

* См. выше, но здесь мы должны прибавить к сказанному нами о значении счета *к чужому роду* как среднему звену следующее: между счетом своими родовыми отношениями с другими однородцами и счетом *к чужому роду* могло быть различие в самом числе мест, а потому и в высоте тяжущегося в том и другом *случае*. И следовательно, тем большую важность получа-

общественных условий к другому, когда оба круга отношений еще не получили строгого разграничения, и понятна возможность такого счета больших меньшими. Действительно, мы находим такие счеты в памятниках – так, например, Пожарский указывает на такой счет Курлятева: *Утягивал Курлятев Серебряными и другими, в лествице у себя малыми, и коих сами Курлятевы меньше бывали, а Курлятевы все век свой в Государеве милости скончались, и в опалах не бывали, и в Госуд. разрядах все бывали*. Но возможность таких счетов и самые указания на них памятников еще ничего не доказывают в пользу их законности. Так даже и здесь: Пожарский, приводя такой счет, прямо указывает на его незаконность, а следовательно, и невозможность в юридическом смысле. Но незаконность таких счетов всего очевиднее из логической самопоследовательности самих местнических начал.

Всякий родич пользовался своими родовыми правами и честью других родичей, во сколько он принадлежал к роду и

ет в местнических счетах выражение *к чужому роду*. Когда известное лицо считалось *с чужим родом* своим родовым отношением или вообще родовое отношение было приводимо как среднее звено *к чужому роду*, то это отношение его являлось синтезисом из отношений его ко всем прочим родичам и общему родовому целому, и он был высок высотою каждого, даже отдаленного родича. Когда же спор происходил между однородцами и своими родовыми отношениями, то родовое отношение каждого из споривших являлось выводом из нового, более тесного родового круга одних ближайших к нему и до него достававших, – ибо род уже распадался на два противоположные целые.

Сверх того прибавим здесь к сказанному нами на странице 40, что мы упустили из виду, говоря о том, как далеко могли считаться родичи *одним родом*, – что по своему юридическому понятию род, как бы он ни был разветвлен и на сколько бы веков не отошел от своего общего прародителя, являлся тем же родовым целым, если только во всю долгую смену поколений не произошло ни разу потери одних перед другими; таковы были Вяземские, считавшиеся с Жижемскими после того, как уже разошлись с ними за 4 века перед тем. Хотя в такое продолжительное время и вместе с разветвлением рода мог затеряться нумерически определенный счет между родичами, но не было ничего мудреного, если он сохранялся во всей строгости, потому что, как мы уже указали, чтобы узнать численные отношения всех наличных родичей известного поколения вовсе не надо было восходить до общего родоначальника, но все отношения были в неизменной преемственности передаваемы от одного поколения другому.

был его представителем, и следовательно, пока не было потери его перед другими родичами, которая, как мы видели, делала их чужеродцами друг другу и тем самым лишала его прежних родовых прав. Возможность же самого счета больших меньшими являлась не прежде, как с потерей одних родичей перед другими, и не иначе, как между потерявшими и их обошедшими родичами. Следовательно, считаться меньшими значило пользоваться родовыми правами, которые были уже потеряны. Впрочем, могла являться возможность такого счета, когда еще и не было прямой потери, – так, например, для всякого родича, раз вступившего в разряды, – но если он не удержался в них в том отношении, на которое ему давало право его отношение родовое и поставляла его обязанность перед другими родичами, или сам остался низко в разряде, когда его низшие родичи стали в нем высоко и, следовательно*, *обошли* его. В том и другом случае он одинаково уже допустил *нарушение* своего родового права, и следовательно, если и не был непосредственно в меньших и не *потерял* еще в строгом смысле этого слова, то одинаково утратил свое родовое *отношение* и *право* повелевать отношениям своим к обществу своими отношениями к роду, – а потому и в этом случае считаться *обойденным* своими *обошедшими* меньшими значило пользоваться родовым правом, которое было уже утрачено, – и следовательно, когда ни являлась возможность такого счета, он всегда был беззаконен.

Об обойденных же, так же, как и потерявших, прибавим здесь вообще следующее: когда большие родичи известного рода не были сами в разрядах, а были в них их меньшие, то эти меньшие, если даже они и опередили родовую честь своих больших, являлись в обществе только представителями общих родовых отношений и исполнителями общих обязанностей рода перед обществом. Поднявшись в разрядах не в прежнюю меру себе, они лишь возвышали тем общую представительствуемую ими честь рода, и вместе с тем и своих больших родичей, так же как и эти большие могли в свой черед возвышать

* См. выше об обойденных и ниже о степенях потери.

честь своих меньших вместе с честью всего рода. Общие права и обязанности родовые были лишь случайно представительствуемы перед обществом теми или другими из них. Но когда те и другие были в разряде, то их взаимное отношение разрядное должно было в строгости соответствовать их отношению родовому, если только оба были одинаково представителями в разряде своего общего рода и его родовых отношений. Если же, напротив, новое отношение разрядное не соответствовало отношению родовому, а противоречило ему, то мог оставаться представителем рода (но тем самым уже отделяя род в более тесный круг одних ближайших к себе, которых повышал вместе с собой) в разряде лишь тот из них, которого родовые права не были нарушены этим противоречием. Другой же, одинаково бывший в разряде, но не умевший перенести в него своих родовых прав и уступивший случайному требованию внешней распорядительной власти, являлся в нем уже не как член рода и представитель родовых отношений, а как продавец и поступщик их перед своими ближайшими родичами, которых понижал вместе с собой. И следовательно, очевидно, что во всяком случае, – была ли прямая потеря или нет, – считаться бывшему в разрядах большему разрядной высотой своих меньших значило бы продолжать пользоваться правами, которые более не существовали для него. Разрядная высота перед ним его меньших по лествице была нарушением его собственных родовых прав и обязанностей, и потому не мог этот высший пользоваться нарушением собственных прав одними, как правом для своего возвышения перед другими (т.е. другими чужими родами). То было бы логическим противоречием всей внутренней самопоследовательности жизни, которая проявлялась в местничестве еще стройнее и строже, чем она проявляется во всех других явлениях общественности, везде, где еще не нарушен вполне ее внутренний организм. Тот же вывод нам подтверждают и свидетельства памятников. В «Сб.» (т. II, стр. 269), в деле Пожарского, мы находим следующие слова Лыкова: *Звенигородские* (старшие в роду. – *Д. В.*) *тяжутся* (и следовательно, бывшие в разряде. – *Д. В.*) *отечеством своим, ближними своими*

Звенигородскими и р о з р я д ы, а Воротынскими и Одоевскими (младшими в роде, но высокими в разряде. – *Д. В.*) *в судах и м и н е т я ж у т с я, и лествицею их не безчестят.* Также в «Сб.» (т. II, стр. 362): *Гвоздевы лествицею тою ни как ни с коими чужими роды в отечестве не считаются, и родителей своих, Ростовских князей, тем никак не худят, что они в родстве своем по лествице больши Катыревых и Темкиных*.

Обратимся теперь к *не бывшему* в разряде высшему родичу или старшей ветви рода. Какое было их отношение к своим меньшим и могла ли, например, старшая ветвь рода, вступая снова в разряды, по праву считаться и подвигаться в них разрядной честью своих меньших, опередивших отношение, которое перешло на нее от общих родителей – единственный случай, когда представлялась возможность такого счета. Какое дадут разрешение этому вопросу родовые начала, взятые a priori, и свидетельство памятников?

Если, как мы уже видели, соразмерная родовым отношениям выслуга всех членов рода являлась как бы общим благоприобретенным капиталом общественной чести, общим достоянием всего рода, которым каждый член его пользовался в свою меру, то тем более имели на него право старшие в роде по самой сущности родовых понятий и отношений, которые мы находим везде, где только была жизнь родовая. Старшие в роде везде пользовались высшей родовой честью и всем достоянием, которое купили роду труд и подвиги их младшей братии, заведовали этим общим достоянием, судом и расправой и т.д. Если во время войны и было их обязанностью предводить своей родовой дружиной, то когда болезнь, старость или заведование домашними делами рода осуждали их на бездействие, они пользовались, однако ж, той же родовой честью и плодами победы, и даже наибольшим участком в добыче (примеров можно привести много из первобытной жизни родовых племен). В племени мирном или торговом старшие обыкновенно заведовали достоянием всего рода и одинаково пользовались им, хотя и не были обязаны разделять общие труды и опасности своей младшей братии.

Таковы были всюду первобытные родовые понятия, – перенесенные в новую и широкую область государства если они и не могли продолжаться во всей их полноте и строгом значении, и в точности повторить на себе тех же отношений, то не могли и прямо противоречить своему первоначальному смыслу. И потому, заключая от первобытных родовых отношений, низший, ставший высоко в разряде, не в меру своему высшему, но не бывшему в разряде, являлся только представителем его родовых отношений в обществе, так же как в первоначальной родовой жизни он был только исполнителем общих, лежавших на роде общественных обязанностей; и тот же низший, ставший высоко в разряде перед высшим, который был так же в нем, но ниже его, являлся нарушителем его прав. Так и в первоначальной родовой жизни старший родич мог вовсе не участвовать в походе или общем совещании, но если он раз участвовал в нем, то необходимо должен был находиться в соответствующей его старшинству чести и на соответствующем ей месте, – например, в первых рядах и т.п. В противном случае прочие родичи являлись невольными нарушителями его прав и чести.

Таков вывод, который нам представляют общие начала жизни родовой. Прямых свидетельств о приложении тех же начал к местничеству относительно к вопросам нашего исследования мы не находим. Впрочем, нельзя и искать в *разрядных* свидетельств о не бывших в *разряде.* Из дел же по местничеству или отрывков из них, каковы некоторые грамоты в разрядных и пр. и в которых случайно могли бы встретиться такие указания, мы имеем весьма немного таких, которые бы относились ко времени, когда служба государева, а следовательно, и *бытие в разрядах* еще не были обращены в положительную обязанность всего служилого сословия. Но зато мы находим в памятниках свидетельства о явлении аналогическом – *опале*, которая, как мы уже видели, по своему понятию, так же как и в своих приложениях была однозначительна временному отсутствию одного или нескольких поколений рода из общего разрядного распорядка.

Если же разберем внимательно значение и смысл всех оправданий и доводов Пожарского в деле его с Лыковым (самом важном изо всех доселе напечатанных местнических дел по множеству рассеянных в нем указаний на юридические отношения местничества), то ясно увидим, что, отстаивая себя от утягательств противника своими меньшими, он был прав одной *опалой* своих родителей, так же как он был бы прав их отсутствием в разрядах, и нельзя не видеть, что он отправляется от тех самых понятий, которые мы вывели из общего значения родовой жизни: каждый довод его уже предполагает их, как наперед и неоспоримо данное и неизменно лежащее в самой сущности родовых отношений и с ними нераздельных. Опала же, так же как и отсутствие в разрядах, в противность приведенному нами выше счету Курлятева (незаконному, ибо *Курлятевы в разрядах все были, а в опале не бывали*) давала положительное право считаться своими меньшими, которые, продолжая бывать в разрядах и подвигаться в их распорядке, необходимо опереживали своих родовых высших, добровольно или по опале не участвовавших в нем. Меньшие же эти, возвысившись не только до чести, которую передали их родовым высшим их общие родители, но и опередив ее, делали выгодным для своих больших с их возвращением в служебный распорядок не только восстановить свои прежние, родительская отношения, но и подвинуть их возвысившейся честью своих меньших родичей. Так и Пожарский считался своими меньшими. *Пожарские, живучи и в Государевых опалах, меньше по случаям в своем родстве Стародубских и Ряполовских, ни чужого роду не бывали, а то, Гос., кн. Б. Лыков плутает, что мне указывати не велит своими родители тягаться меньшими, кои, Гос., в роду нашем меньши меня, холопа твоего Митьки… Тогдыб, Гос., мне кн. Борис указал, чтоб мои родители Пожарские меньши своих родителей Стародубских князей бывали, а то мои родители нигде с наши родители меньши Стародубских не бывали.* Итак, заключал как от общих родовых понятий, так и от опалы, которая одна могла передать нам свидетель-

ства о счете больших, не бывших в разряде, меньшими, – мы видим, что такой счет являлся законным и естественно выходящим из самой сущности родовых понятий.

В приведенном нами свидетельстве, мы находим, однако ж, что Пожарский, кроме опалы, особенно упирает на то, что он и его родители меньше ни своих (меньших), ни чужого рода не были. Но это объясняется тем, что самая опала потому только соответствовала этим отношениям и, так сказать, их переводила на себя, что она, согласно с раскрытым нами значением ее, исключая из служебного распорядка, делала невозможной всякую потерю или бытие в *меньших*. Опала хотя и принуждала быть в разрядах, но вместе с тем исключала из разрядного распорядка и его законного движения, ибо приковывала опального к тому месту, на которое он был сослан, и следовательно, хотя он принадлежал к разрядам, однако оставался вне всего счета местничества и его свободного движения, которое одно определяло для каждого лица его место и отношение в обществе. А по тому самому, для такого опального и не могло быть никакой потери. Со снятием же опалы он не только переносил на себя всю честь своих родителей, но и пользовался правом считаться новой честью своих меньших, ибо эти меньшие остались представителями в обществе всего рода, так же как и его родовых прав и отношений, а не нарушителями их. Но так же как род мог *захудать* от продолжительного отсутствия, так точно он *захудал* и от не снятой и продолжающейся опалы. Так, например, ветвь рода Вельяминовых после казни последнего московского тысяцкого Вельяминова (см. Род. кн., т. I, стр. 14), – в чем одинаково проявляется все внутреннее соответствие опалы и отсутствия в разрядах.

Проследив теперь весь *общий ход* родовых отношений, мы считаем не лишним повторить в нескольких общих положениях все нами доселе сказанное.

1. Местничество по своему понятию обрекало общество на китайскую неподвижность и по тому самому делало необходимым в жизни постоянные отклонения от его нормы.

2. Такими отклонениями и были: *повышение* и *потеря* одних родов перед другими, в понятии всегда необходимо условленные друг другом, – и внутри самих родов *потеря* или *повышение* одних родичей перед другими, всегда условленные друг другом не только в понятии, но и на самом факте.

3. Как первое, так и второе были одинаково незаконны в понятии местничества; но всякая потеря являлась, сверх того, незаконной перед судом частных родовых понятий, тогда как всякое повышение было право перед ним и являлось незаконным только в общем отвлеченном понятии местничества.

4. Правильное движение местничества являлось в законном переходе отношений с одних лиц на другие, уравновешиваемом судебными разбирательствами, которые приводили в ясность неопределенности в отношениях, неизбежные даже при правильном переходе и разложении всех отношений, не говоря уже об уклонении от их правильного хода.

5. При переходе этих отношений, их разбирательстве и определении, необходимо являются вопросы о праве счета одних лиц другими, т.е. в каких случаях местнические права могли юридически переходить с одних лиц на другие? Определяющим это право юридического перехода отношений являлось бытие в разрядах тех, которые считались между собой и тех, коими считались они.

6. Вопрос о счете одних другими разрешается тем, что когда были в разрядах те, которые вели счет, и те, которыми они считались, то могли считаться только меньшие своими большими или равными. Если же вела счет отсутствовавшая в разрядах или опальная ветвь рода, то она имела право считаться перед другими родами как меньшими, так и большими родичами, бывшими в разрядах, ибо в таком случае как те, так и другие являлись лишь представителями ее в обществе.

7. Точкой отправления для всех изменений в разрядах была *потеря* одних перед другими, но могла она происходить не иначе как в кругу самого служебного распоряд-

ка, – вне его, при опале или отсутствии рода в разрядах, род мог только вообще *захудать*, но не потерять перед другим определенным числом единиц.

8. Преграды, которые поставляло местничество для личного достоинства и его законных прав на высшую деятельность в государстве, и затруднения, представляемые им для самого правительства в выборе слуг по достоинству, рано заставили московских князей и царей открыть широкий путь в ряды местничества *введением* новых, пришлых родов. Местничество послушно раздвигает свои ряды перед вымышленными или действительными титулами и честью каждого пришлого искателя приключений, когда вместе с тем упорно противится всякому возвышению туземца в меру его заслуг и достоинств, если и не в меру его отечеству*. Этим объясняется и состав нашего дворянства, как мы на него указали выше.

Проследив теперь все движение родовых и разрядных отношений в общих и определенных чертах и установив главные разделяющие понятия, мы перейдем к раскрытию тех же понятий в фактах более частных и частных отклонениях жизни от ее общего хода и укажем на переходы понятий от одних к другим в тех или других менее строгих (перед нормой понятий) фактах, дающих больший или меньший вес или силу следующим из них правам, обязанностям или только возможностям утягивать.

Заключая обратно от опалы, которая принуждала быть в разрядах, но, однако ж, допускала счет меньшими, и особливо из слов Пожарского, «что не были он и его родители в меньших со своими меньшими», к прямым родовым отношениям можно вывести (хотя мы уже указали на противное), что и бывшие в разрядах низко перед своими родовыми меньшими могли, однако ж, быть правы ими, если только сами не

* Мы видели, какими уловками и с какими усилиями царь отстоял честь Пожарского, а между тем тот же самый Борис Михайлович Салтыков, *которому был* выдан Пожарский головою, был прямо и без других доводов посажен в тюрьму, когда не захотел быть с *Сулешевым* и бил челом, *что он иноземец и на Москве новый* (см. Дворц. зап., т. I, стр. 70).

были в разрядах меньше своих меньших, т.е. не доходили до прямой потерки*.

Но между обоими случаями было то различие, что опала, оставляя в разрядах, исключала из свободного движения местничества и потому делала потерю невозможной в самом понятии. При вольном же, но не соответственном своей чести бытии в разрядах потеря, как увидим ниже, уже подразумевалась сама собой.

Раскрывая общий ход родовых отношений, мы уже окончательно разрешили этот вопрос, но при этом не могли раскрыть его во всей подробности, ни указать на связанные с ним местнические отношения и переходы понятий, ибо считали необходимым прежде всего твердо и определительно установить нормальные понятия и общее движение местничества, – минуя все частные отклонения жизни и переходные понятия и явления, существующие, так сказать, лишь незаконно, в промежутках, оставляемых жизнью между ее нормой и ее строгим, не допускающим более никаких отклонений проявлением в том или другом факте. Таким же строгим фактом, приводящим к положительному сознанию всякое отклонение от нормального хода и движения в общем организме служебно-родового распорядка, и было непосредственное бытие в меньших со своим бывшим прежде меньшим, т.е. потерка. При такой потере счи-

* В рассматриваемый нами порядок отношений не могут, однако, входить указанные выше случаи чисто фактических отношений, когда, так же как при опале, бытие в разрядах оставалось как факт, без всякого значения юридического и его последствий, и потому в общественном смысле равнялось *не бытию*. Таково указанное нами временное вступление высокого родича в разряды государевы и на службу в соответствии своим родовым отношениям, но которой он долее продолжать не мог за ранней смертью, болезнью и т.п. Высота родителей переходила на каждое лицо не иначе, как после известной службы, – и потому мог больший родич, если не продолжал ее, остаться по-видимому низко в разрядах (напр., в *рындах* или *головах*) перед своим меньшим, который возвысился до окольничества, – но вместе с тем не только не изменить своему родовому отношению, но даже остаться в порядке местнических соответствий как *рында* выше своего меньшего *окольничего*, ибо его головство могло быть вместе с тем прямым кандидатством на боярство. Общим же мерилом высоты и чести, как мы видели, было не столько действительное место каждого, сколько степень его кандидатства на те или другие места.

таться долее этими меньшими являлось прямым противоречием всей внутренней самопоследовательности жизни и юридической бессмыслицей. В *стычке* раз нарушенных отношений, которая и выражалась в потере, эти отношения доводились *ad absurdum*, так же как доводят *ad absurdum* математические доказательства от противного. В «Сб.» (т. II, стр. 308) мы находим следующие слова Пожарского: *И утягивал кн. Иван Курлятев своими родительми Серебряными да Телепневыми и пр., а не своими Курлятевыми, и ставил Государь тех в лествице у себя малых; а Курлятевы все, век свой, в Государеве милости скончались, а в опалах не бывали и в Государевых разрядах все бывали и тех, Государь, своих меньши бывали те, коих в случаях подавал кн. Иван Курлятев, меньши деда своего и отца, и он, Государь, и тут ими тягался*. Пожарский, перебирая все факты или признаки, делавшие незаконным счет Курлятева со своими меньшими, и тем самым указывая на законность своего счета своими меньшими (ибо его счет опирался на ряд фактов прямо противоположных), оканчивает последним и безотводным свидетельством этой незаконности, – указанием на бытие Курлятева в меньших со своими меньшими. Пожарский, однако ж, указывает только, что Курлятев и *тут ими тягался*, но не говорит, что он и *тут был ими прав*, – чего он не преминул бы сказать в доказательство всей правоты своего счета меньшими, если бы действительно и в таком случае бывали правы большие своими высокими меньшими. Такой счет показывает только, что когда дело доходило раз до спора и утягательств, то споривше не опускали никаких доводов, законных или незаконных, только бы запутать счет и примешать к нему наиболее лиц*.

* Тем, разумеется, труднее было для противника распутать все отношения и доказать свою правоту, и сверх того, чем более было припутано посторонних лиц, тем скорее и часто нехотя и не подозревая того мог этот противник задеть некоторых из этих лиц и нажить себе новых противников и утягателей (так, напр., см. Сб., т. V – Кокарев в деле Вельяминова и др.). Притом же считаться кем бы то ни было высоким в разряде и ближним к царю, – если только можно было так или иначе, законно или незаконно привязать себя к нему, – уже давало всегда выгоду перед противником и значило поставить на своей стороне сильного человека, или по крайней мере, имя его, что всегда бывало у нас не совсем бесполезно.

Впрочем, если оставим в стороне последний довод Пожарского о бытии Курлятева в меньших с меньшими, но если Курлятевы, не быв в опале, а в *государевой милости* и все в *разрядах* (как само собой очевидно, низко перед требованиями своих родовых отношений), могли, однако ж, тягаться своими меньшими, хотя и допустили их опередить себя, – то счет такого рода был прямым переходом к счету своими меньшими, когда сами были непосредственно в меньших с ними. И следовательно, как тот, так и другой счет были одинаково незаконными юридически, – разница же была чисто фактическая, в случайном выражении или невыражении нарушенного отношения в *стычке*, а с нею и в *потере*.

Перед нормой местничества первое малейшее отклонение в свою невыгоду каждого лица, вступившего в разряды, от той строгой рамки или *линии* повышения по службе, которую наперед налагало на все его служебное движение его *общее* родовое отношение*, отклонение, через которое он соответственно уступал шаг другим меньшим, – одним словом, всякое бытие в разрядах и подвигание в них не в меру и не в строгое соответствие своим родовым отношениям, и понижающее, а не повышающее против них, было уже по его значению такой же *потерей* и нарушением всей последовательности родовых отношений этого лица, хотя и не проявившимся еще положительно на факте. *Потерка* же была лишь случайным проявлением и приведением к сознанию того же нарушения. Проявлением, которое могло быть и не быть. При строгой последовательности и взаимном соответствии всех звеньев служебно-родового распорядка, каждое отклонение того или другого лица от нормы его отношений (в его невыгоду) поставляло его меньше своих

* Мы уже не говорим здесь о более частных и непосредственных отношениях, ибо всякое невыгодное отклонение перед таким отношением приводило уже *непосредственно* к *потерке*. Из таких же частных и непосредственных отношений образовывалось отношение *общее*, как общий синтезис и вывод ко всем прочим звеньям служебного распорядка, – синтезис, который никогда не проявлялся в своей полноте и общности и находил только свои частные проявления в стычке или соприкосновении с тем или другим отдельным звеном.

непосредственных меньших, сколько бы ни оставалось между ними средних связующих звеньев, передающих отношения его к его непосредственно меньшим (так, напр., «Сб.» (т. II, стр. 19): *кн. Шуйский бывал во многих местах т е х б о л ь ш е, к о т о р ы е б ы в а л и б о л ь ш е Щенятевых*). Всякая же несколько продолжительная служба такого отставшего в порядке своих родовых отношений одними своими случайностями с переменами росписей, перемещениями с одной службы на другую и пр. необходимо *стыкала* его если не с его непосредственно меньшими, то с теми, которые бывали их меньше (так в «Сб.» (т. II, стр. 310): *Приимковы Темкиным свое отечество продавали и поступались, потому что бывали меньше тех, кои с Темкиными бывали меньши многими месты*), и чем меньше оставалось средних звеньев между им и его непосредственно меньшим, тем, так сказать, осязательнее становилось его понижение и ближе к прямой потерке. Сверх того, чем более такой отставший повышался в общем распорядке службы и приближался к высшим местам, составляющим, так сказать, узел всей государственной деятельности и системы местнических отношений, тем становился теснее для него круг всего счета, тем менее оставалось посредствующих звеньев, и таким образом каждый шаг его повышения вместе приближал его и к прямой потерке, которая становилась наконец неизбежной с продолжением службы на высших местах, составляющих узел всех местнических отношений. Ибо продолжение службы при необходимом движении ее местнических единиц в таком тесном кругу неизбежно приводило отставшего к непосредственному отношению с его обошедшим меньшим. И потому отставшему приходилось или оставить службу, чтобы избежать потерки* (но не всякий и не всегда был волен оставить разряды даже тогда, когда служба еще продолжала быть вольной, а при царе Иване Васильевиче она обращена была в строгую обязанность

* Но и в таком случае потеря уже подразумевалась, ибо он был на прямом пути к ней. Если же он продолжал службу, то логическая самопоследовательность самой жизни только приводила его к положительному сознанию на факте того, что уже одинаково существовало, но только отрицательно, в сущности самих отношений.

всего служивого сословия), или он должен был решиться на потерю и отказаться от своей прежней родовой чести и счета общею лествицей.

Впрочем, так как такая потеря была неизбежна и *необходима* только на высших местах службы, в узле всего местнического распорядка (но и тут могла быть обойдена милостью царской)*, то для такого *отставшего*, но, однако ж, высокого в разрядах, самая потеря имела более значение *обиды* родовой чести, которая не позволяла, чтобы меньший стал выше своего родового большего, чем положительным унижением чести, ибо хотя он и отстал от своего меньшого, но, несмотря на то, мог не только перенести на себя, но даже подвинуть честь, переданную ему родителями. Так, например, если меньший возвысился в разрядах перед наследованной им честью целым рядом мест и большим числом их, чем скольким отстоял от своего родового большего, – в таком случае он оставлял между ним и собой столько промежуточных мест, что этот отставший больший мог даже возвысить себя перед честью своих родителей, не дошедши до потери перед меньшим. Иногда же могло случиться, что самая потеря перед его бывшим меньшим, ставшим его высшим, – т.е. то повышение по службе, которое поставляло его в непосредственно меньшие с его родовым меньшим, могло быть вместе и повышением его перед честью его родителей. В таком случае оба родича, больший и меньший, ставшие, наоборот, друг другу высшим и низшим, начинали от себя два новых отдельных рода, из которых каждый, несмотря на потерю последнего, был честнее общего предыдущего рода. И по тому самая *потеря*, как мы уже указали выше, могла нередко бывать выгодной для обеих сторон, почему мы и встречаем обвинения, что отечество свое продавали, им поступались и пр. (см. Сб., т. II, стр. 310). Но какие б ни были выгоды такой *поступки* или *продажи* своего отечества, она не могла не считаться бес-

* *Прибором* в росписи по службам одних не достающих до него, или назначением его высшим звеном в ней, или повелениями не *стыкать* его с такими то, или наконец исключением его или меньших, ставших его высшими, из одних и тех же служб, чтобы сделать такую стычку невозможной.

честной перед судом родовых понятий, ибо бесчестила (особливо, если родовые отношения уже утвердились несколькими поколениями) и унижала перед *меньшими* весь ряд родителей, поступившегося своей честью и самого прародителя, старшего брата прародителю младшей линии (в «Сб.» (т. II, стр. 310): *хотя б, Госуд., Звенигородские и прародителя своего наряди-ли меньши Воротынских и Одоевских?*) – и сверх того поставляла в меньшие и безвозвратно унижала и все последующее потомство, старшую линию или старший род перед младшей линией или родом, ибо, *кто напослед потерял, тот навсегда перед теми и виноват* (Сб., т. V, стр. 55). Из сказанного нами очевидно сверх того, что самая потеря в кругу этих отношений постепенно теряла свое значение положительной утраты чести по мере того, чем выше была та степень в местническом распорядке, на которой она происходила, и следовательно, чем долее успел отставший себя уберечь от нее.

Фактическая же разница между потерей в разных степенях ее юридической силы (было ли то одно бытие в меньших с невместным или, сверх того, признание этого меньшинства разрядным судом и, следовательно, перешедшее в окончательную, не восстановимую более потерю, или эта потеря являлась в ее судебно-символической форме выдачи головою)* и большим или меньшим отклонением в свою невыгоду от нормы своих отношений и, следовательно, большим или меньшим приближением к *потере,* – состояла в различии тех юридиче-

* Выдача головою, вероятно, была первоначально вместе и *кратчайшей* формой или утверждением потерки (действительной или только воображаемой вследствие родового счета и прав, которые каждая сторона предъявляла на суде) и такой осталась всегда в понятии, но нельзя сказать, чтобы также и в действительности. Она часто принимала характер наказания, и как подлежащая произволу правительственной власти, не всегда могла быть признаваема законной, а следовательно, и должна была вызывать против себя противодействие и протесты. Так, в арх. разр № 5 (л. 258. под 1553 г.): *Ц. велел у ч и н и т ь голову*, и там же на листе 608 Ф. Бутурлин отстраняет довод противника тем, *что в выдачке головой отца моего в том Государь волен*. И наконец, встречаемое нами, что *голова за многая месты* показывает нам, что она уже не имела в себе той метрической определенности, которая должна была первоначально сопровождать всякое явление местничества.

ских последствий, в той большей или меньшей силе прав или возможности утягивать другого или отстаивать себя, которую в каждом случае давала лицу утягиваемому или стороне противной большая ли меньшая законность или неоспоримость того или другого факта или отношения, – большее или меньшее отступление того или другого лица от общей нормы отношений и большее или меньшее выражение всех этих видоизменений в тех или других положительных фактах общественной жизни. Различие всех этих юридических последствий так же не определимо и не распознаваемо в строгости, как и различия в степени тех или других отклонений от нормы местнического порядка и больших или меньших прав или возможностей *утягивания* или *отстаивания*, – но между степенями потери и юридической силой прав в каждом случае бесспорно существовало внутреннее живое соответствие. Степени же этих потерь и из них следующих прав можно подвести под три разряда:

1. Совершенная правота и согласие с общей нормой родовых и служебных понятий или неоспоримая законность того или другого факта давала не только возможность, но и положительное право лицу, в пользу которого этот факт или отношения существовали, утягивать ими своего противника, и вместе делало невозможным всякое обратное утягательство теми же отношениями.

2. Всякое нарушение нормы отношений и отклонение от нее не только добровольное, но даже невольное, давало противнику свободное поле для утягательств, оставляя однако ж орудия для защиты и возможность отстоять себя. Так, например, даже опала не могла вполне охранить опального от утягательств и от того, чтобы противник не счел его средними звеньями меньшим опередивших его меньших, хотя перед судом местничества опальный и был прав своей неволей, которая поставляла его вне всего движения и всех отношений местничества. На странице 363 «Сб.» (т. II) Лыков утягивает Пожарского его ближними, опальными родители, *что де везде меньше были своих Ряполовских и Палецких князей, а Ряполовские были меньше Лыковых*, но это *везде* указывает нам, что Лыков

не мог указать ни на какую положительную потерку опальных Пожарских, но только вообще на их низкую службу перед находившимися в высоких местах; на следующей странице Пожарский защищает Палецкого опалой, говоря: *А мочно ли тому статься, что быти боле М. Лыкову кн. Палецкого, толькоб не было тогда на Палецкого вашей, Государь, опалы!*

3. Положительная потеря оставляла потерявшего беззащитным перед утягательствами противника.

Сверх того, так же как мы видели различие в силе юридических последствий, выходящих от большей или меньшей правоты того или другого факта или отношения, так точно умалялась или возрастала сила этих прав при передаче их от одного лица к другому, по мере близости или отдаленности лица, которым считался споривший. Таким образом, большая или меньшая правота каждого отношения и большая или меньшая отдаленность его составляли бесконечную пропорцию умаления или увеличения передаваемых ими прав, – пропорцию, определяемую только самой жизнью, и хотя постоянно ею правящую, но вместе и постоянно видоизменяемую ее случайностями.

Этим различием прав объясняется также, почему так дорожили переходным состоянием между отклонением от нормы и прямой потеркой и почему так часто встречаются приказания царские: не стыкать *такого-то* с *такими-то.* Так, например, в «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 387): *Чтобы Бутурлина с Плещеевым н е с т ы к а л и, чтобы им в том ссоры не было.* Для отставшего от нормы своих отношений, но еще не *потерявшего*, не была еще закрыта возможность снова подняться в разрядах и подвигаться в меру себе, – требовалось только некоторого счастья, опытности или умения избегать всяких *стычек*[*] и всех близких к *потере* отношений, т.е. быть *знатком* в своей версте. Тот же, который раз положительно потерял, мог

* Челобитья не по стычке считались незаконными, а потому без стычки (кроме редких исключений) не могло быть и челобитий и связанных с ними утягательств. Так, Лыков обвиняет Пожарского, *что он бил на него челом не по стычке.*

снова возвратить себе потерянную честь лишь случайностями личной заслуги или милости царской.

Мы уже видели то решительное значение, которое имела в порядке родовых и служебных отношений всякая потеря, как окончательный, последний факт, изменяющий родовые и служебные отношения и скрепляющий собой это изменение. Но для того, чтобы эта потеря имела такое юридическое значение и силу со всеми их общественными последствиями, надо было, чтобы она была произведением свободного движения местнического распорядка, и следовательно, добровольным и сознательным фактом того лица, которое допустило ее, а не следствием принуждения или неволи, в каком бы виде и под какою формой она ни проявлялась (а потому, как вольная, и была называема *поступком* или *продажей*, ибо могла даже быть предметом действительной продажи). В «Сб.» (т. V, стр. 73): *А и ныне, Гос., о том потерке на Петра Квашнина тебе, Гос., бьют челом, и ты, Гос., указал сыскать в о л е ю л ь он Петр был, а кн. Тихон, Гос., Вяземской от Федора Чемоданова был волею, и по ся места, Гос., кн. Василий Вяземской с братьею о том потерке дяди своего тебе, Госуд., не бивали челом* (т.е. не протестовали. – *Д. В.*). Вероятно, что не было никакого положительного и определенного срока для такого протеста, но этот протест допускался в продолжение известного обычаем и обстоятельствами указываемого времени, и только эта известная обычная давность скрепляла всякий юридический факт местничества и делала его неоспоримым. Так и здесь непротестование потерявшего и его родичей (как, например, протестовали Оболенские) дало юридическую полноту и неоспоримость факту этой потери и сделало ее положительным случаем местничества (так и в арх. разр. № 5, лист 591: *Василий меньши отца моево был, а тебе не бил челом*). Но пока новое отношение еще не установилось окончательно и еще возможны были протесты против него, мы находим – например, в арх. разр. (л. 762 под 1591 г.): *Ц. и В. К. Василья розвел со кн. Борисом Черкаским, учинил их м е с т н и к а м и, – и бил челом кн. Василей Голицын на кн. Бориса Черкаского, буде, Гос., п о с т а р о й*

м е р е и мне быти меньши кн. Бориса мочно, а буде, Гос., по твоей милости, что ты пожаловал кн. Тюменского со кн. Василием развел, и мне, Гос., менши кн. Бориса быти не вмесно. Царь обошел затруднение тем, что велел быть им без места; очевидно, однако ж, что, несмотря на прямое *учинение* царское, новое отношение еще не представлялось полным и неоспоримым юридическим фактом даже для той стороны, для которой оно было выгодно.

Так мы видим, что местничество давало всевозможные охраны для ненарушимости родовых отношений, ибо всякая поступка ими не только должна была быть вольная, но и скреплена не нарушенной протестами давностью. Самый резкий и любопытный пример такого строгого значения *потери* находим мы в деле К. Козловского, которое нам показывает, что еще царь Петр видел в действительном бытии в меньших, каково *сидение* под *таким-то*, единственный факт, который мог иметь юридическую силу, понижающую честь одного лица перед другим. См. в «Опис. разр. арх.» (стр. 352): *Велено было быть к Царскому столу кн. Козловскому и два раза посылан за ним дьяк, но он не поехал, а в третий раз послан дьяк и велено, взяв у него карету, привесть неволею. Но Козловский вновь отказался за болезнью и был в черном платье и на дворе у него кареты и лошадей не сыскано, и тогда велено было за непослушание привести его в простой телеге. И привезен он был к Красному крыльцу и говорено ему было, чтобы он шел вверх, но он не пошел и снова два раза посылан был за ним разрядный дьяк, он же на верх итти за болезнью вновь отказался и черного платья с себя не сложил. И тогда, по Государеву указу, из телеги был взят и отнесен в Патриаршу крестовую и лежал на полу многое время и у стола не сидел, и велено было его за стол посадить неволею, и он за столом о себе не сидел, а держали его разрядные подьячие. И того ж числа Государи Иоанн и Петр Алексеевич, за то ево многое их указу ослушание, указали честь у него боярство отнять.* Козловский отказывался за одной болезнью, говоря, что, впрочем, он с *бояр. Нарышкиным быть вместе готов*, ибо после соборного деяния об уничтоже-

нии местничества одна болезнь* могла еще служить законным предлогом для неповиновения назначениям правительства. Но очевидно, что ему, древнему родовому князю, было невместно быть ниже Нарышкина, нового родича, возвысившегося до боярства одним свойством с царским домом. В понятиях же местничества, которые еще не могли так скоро изгладиться из жизни, только такое действительное сиденье ниже другого было законным юридическим фактом, понижающим одно лицо перед другим. И потому мы видим, что, с одной стороны, Козловский так же упрямо отстаивает себя от чести сидеть под свойственником царским, которая навсегда заставила бы потерять его и его род перед Нарышкиными, как и царь настаивал, чтобы он сидел под Нарышкиным, и наконец, чтобы принудить его к *потере* чести, заставил насильно сидеть под ним. Но Козловский и тут не переставал протестовать против такого насилия, ибо не сам сидел, а держали его подьячие, – а как мы видели, еще при Михаиле Феодоровиче для утверждения законности потерки государь приказывал разыскать прежде, была ли та потерка *волею* или *неволею*? И потому государи Петр и Иоанн Алексеевичи в понятиях местничества все-таки не унизили родовой чести Козловского перед Нарышкиным, хотя и заставили его сидеть под ним, и хотя на самого Козловского и была наложена опала и был он разжалован из боярства, но в понятиях местничества он все-таки отстоял честь своего рода и потомства, ибо *хотяб Государь и казнил в своей опале, но все-таки не пойдет меньше своего меньшого тот, который не бывал сам его меньше*, т.е. не терял перед ним. Впрочем, Котошихин (гл. IV, § 8, 15, 16, 17,) указывает, как на весьма обыкновенное дело, что *Царь велит посадити за стол сильно; и он посадити себя не дает.... А как его посадят сильно, и он под ним не сидит, а выбивается из за стола вон... и кричит: хотя де Царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть, и спустится под стол*, и пр.

* Котошихин (гл. IV, § 14) указывает как на самую обыкновенную уловку, *что учиняются нарочным делом больны, что бы тое невместной службы избыть, но их свидетельствуют*, и пр.

Относительно же свойственников царских мы находим у Котошихина следующее: *А которые бояре, Царю свойственные по Царице, и они в думе и у Царя за столом не бывают, потому что им под иными боярами сидеть с т ы д н о, а выше н е у м е с т н о, что породою не высоки... Также они, свойственные, Царю на Москве сидят в Приказах или бывают в посольствах и в воеводствах, и с ними бывают товарищи, которым было преж того мочно с ними быть, к а к е щ е о н и Ц а р ю н е у ч и н и л и с я в с в о й с т в е.* Но так было, пока еще стояла древняя Россия, – но не могло долее продолжаться с возрастанием новой европейской России, уже отвергшей местнические уставы своих предков.

Русская жизнь и история вообще не представляют *сделок* (compromis) средних пропорциональных между двумя противоречащими началами, – так и местничество. Если оно и представляет переходное время от чести родовой к чести разрядной, то и это среднее стояние противоположных начал относится только ко *времени*, а не к их сущности, и имело значение как одна юридическая давность, необходимая для установления, уяснения или оправдания тех или других отношений, но никогда эти противоречащие отношения не мирились окончательно в новом среднем третьем. Так, в единственном нами встреченном примере такого по-видимому среднего отношения, выведенного из двух крайних отношений родового и разрядного, кроме того, что то *велел* государь, – самый случай этот относится ко времени перехода отношений, и спор, возникший вследствие его, не был, кажется, окончен этим решением. См. арх. разр. № 5 (л. 605 и 604): г. *Ц. и В. кн. по той боярской скаске Фому велел перед кн. Иваном обвинити, а кн. Ивана Курлятева оправити однем местом, а мест у кн. Ивана у б а в и л и, потому что Фома кн. Ивана по разрядом добре болши.* Впрочем, как мы уже сказали, это единственный пример такого рода; во всех же прочих судах и решениях по местничеству мы не находим ничего похожего. Сверх того, в этом случае решение бояр может быть только отстаивало права чести родовой перед разрядным возвышением Ивана Курлятева, – незакон-

ным и еще не успевшим положительно утвердиться, так что решение это не было выводом среднего отношения, но только возвращением Ив. Курлятева к своей прежней мере.

И по тому самому, когда раз была окончательная поступка или потерка одной ветви рода перед другой, не могло быть никакого среднего выводного отношения из прежнего отношения и того, в которое поставляла потеря. Могло быть лишь переходное время, в которое еще не было решено, отстоит ли себя потерявший от потери или утвердится эта потеря; и в таком случае потерявший род или лицо *в разрядах переменялся* (см. Сб., т. II, д. VIII – дядя в разрядах переменился, быв меньше Ш...), и бывшие единородные становились друг другу в юридическом смысле навсегда и вполне *чужими*, ибо родовые отношения для них уже не существовали более, и так же, как и между чужеродцами, мог быть между ними один счет разрядами – см. «Сб.» (т. II, стр. 269): *Да и в иных, Госуд., многих родах то есть, что от большова брата колено пойдет, а в разрядах малы и худы будут, а от меньшова брата колено пойдет, а в разряде велики живут, и те, Госуд., худые с добрыми по родословцу лесвицею не тяжутся, а тяжутца по случаем розряды.* Еще: *А то, Гос., во кн. родех есть в Одуевских и в Воротынских, от большаго брата от князя Мстислава пошли князи Звенигородские, а от меньшаго, Госуд., брата, от кн. Семена пошли Воротынские да Одоевские, и те, Госуд., Звенигородские князи в своем роду по родословцу велики, а лествицей, Госуд., Воротынских и Одуевских князей не безчестят, и в судах ими не тяжутся, а тяжутца отечеством своим, ближними своими, Звенигородскими ж князи да розряды, и Воротынскими, Госуд., и Одуевскими не считаютца.* Так и в Ростовских князьях Приимковы и Бахтеяровы большие, но низшие, *не считаютца Катыревыми и Буйносовыми меньшими, но высокими*. Так же, как эти потерявшие или охудевшие большие не бесчестили лествицей своих возвысившихся в разрядах меньших (так Звенигородские – Одоевских и Воротынских), так они не хотели бесчестить и не *худили* той

же лествицей и своих родителей напоминая, так сказать, этою *лествицей* и счетом этими меньшими о своей потере и как бы снова торжественно сознаваясь в том, что не умели соблюсти чести и, следовательно, *обесчестили* родителей. В «Сб.» (т. II, стр. 362): *А лествицею меж себя в отечестве не считаются, а считаются разряды в отечестве, кому с кем сошлось, Гвоздевы с Катыревыми и Темкиными, да и чужими роды Гвоздевы лествицею той никак ни с коими чужими роды в отечестве не считаются, и родителей своих, Ростовских князей, тем ни как не худят, что они в родстве своем по лествице больши Катыревых и Темкиных*. Таким образом, мы видим, что потерявшие сами отсекают себя от рода и не считаются более общей лествицей, хотя бы то было и выгодно им, ибо того не позволяли им их родовые понятия чести. В «Сб.» (т. II, стр. 362): *А кн. Ив. Гвоздев меньши дяди моево по росписи в рындах был, а, Гос., тем не бил челом на дядю моего в отечестве, что он в родстве своем в лествице велик, а тем не хотел больши быть дяди моево князь Ивана Лыкова, что прежь тово кн. Ив. Ондр. Катырев–Ростовской по разряду больши был дяди моего кн Ив. Иван. Лыкова*[*]*. Не хотел быть,* т.е. не хотел, раз отказавшись от своих родовых отношений, воспользоваться тем, что *велик* по лествице и выгодным ему родовым отношением, которое если и не могло сделать его правым, то давало, однако ж, возможность утягивать своего противника, запутывать и замедлять дело, как, например, то делали Курлятевы, очевидно поступавшие вопреки всем понятиям родовой чести. Сверх того, когда раз родовые отношения были уже нарушены, добровольно отказываться от родовой чести и счета общей лествицей заставляло и то, что в противном случае каждый шаг в службе и разрядах для таких потерявших (если только они не успели немедленно восстановить свое родовое отношение протестами или судом) был задерживаем противоречащими и спорными отношениями, – которые все более мешались и путались, чем далее переходили от одного поколения к друго-

* Ряд этих свидетельств вполне подтверждает и весь ход родов, отношений, и законы родовых счетов, как мы их изложили выше.

му. И потому нельзя было наконец не отказаться от прежнего родового счета и не держаться исключительно одного разрядного, как бы то ни было обидно для родовой чести. Сама жизнь поставляла в необходимость выбора между обоими; выбор же оставался один для всякого, кто хотел или принужден был продолжать службу.

Так и при опале, хотя опала, оправдывая опального и не поставляла его в необходимость отказаться от своей родовой чести, ибо его родовое отношение было *восстановимо* во всей его полноте; однако продолжение счета лествицей (так же как и при всяком нарушении родовых отношений) бросало тень бесчестья на родителей и доводило отношения до нелепого противоречия между собой. Так на странице 363 «Сб.» (т. II) Лыков утягивал Пожарского, *что и я, Бориска Лыков, по тем случаям сам больши деда княж Дмитриева, а внуку ево кн. Дмитрию мочно ли больши быть деда своего роднова, не токмо что меня*; но Пожарский, правый своей опалой, продолжал, однако ж, утягивать Лыкова, хотя последний и считал Пожарских меньше своих Ряполовских, которые были меньше Лыковых; на странице же 362: кн. *Гвоздев велик по родству кн. Темкину, что отец, а по розряду меньше стал Темкина, что сын*, но Гвоздев считался, однако ж, одним своим разрядом. Опала давала вид правоты и противной стороне на факте, хотя она и оправдывала в понятии опального. Каждый был прав в своем смысле, а по тому самому случаи, где встречается опала, представляют наибольшую путаницу всех отношений; но вместе с тем мы обязаны ей сохранением для науки самых любопытных и важных свидетельств о внутреннем движении родовых отношений.

Но когда весь род был высок в разрядах и не только удержал, но даже и подвинул свою общую родовую честь, тогда такие родичи должны *были*, разумеется, требовать, чтобы их считали не лествицей, а разрядами; на странице 295 «Сб.» (т. II) Лыков говорит про Пожарского, *что лествицей меня, холопа Государева, считают напрасно со всеми Оболенскими князьями, а считал бы Госуд. меня холопа со всеми Оболенски-*

ми князьями розряды, а не лествицею, а то Гос. знатка, что кн. Дмитрий пособляет своей х у д о б е и своему отечеству, а считает меня лествицею со всем Оболенским родом, мимо разрядов Государевых. Ибо там, где худоба, там разряды не доставали до лествицы, и *он Пожарский считает меня также, как бы себя считал при своей худобе.* Со стороны же Лыкова и Оболенских вероятно, что, напротив, разрядные отношения перевесили над лествицей. На странице 10 Пожарский укоряет Лыкова, что *не велит ему тягаться своими меньшими, а сам тяжется в своем родстве Оболенскими князьями, кои у них в их роду по лествице и по р а з р я д о м велики, деда его и отца больши многими месты*. Со стороны же Пожарского то могло быть или одна придирка, или эти высокие по лествице и разрядам стали высоки не в меру перед другими родами и еще не успели утвердиться в новых отношениях, и вместе с тем не были довольно близки к Лыкову, чтобы он мог считаться их еще новым и спорным отношением. Вообще же высокие в разрядах и тем более опередившие в них свои родовые, ими наследованные отношения, *уже* не дорожили более своей лествицей и готовы были всегда отказаться от своих прочих родичей; так в арх. разр. № 5 (л. 577): *Ф. Бутурлин на суде говорил, а о том не бью челом, что мне найтить и потерять, братьями своими новгородцы мы не хотим ни малы, ни велики быть (ими).* А потому, вероятно, и могла иногда высокая в разрядной чести ветвь рода, так сказать, оттолкнуть от себя меньших братьев, таким образом раздробить род, хотя еще и не было в нем потери.

На странице 122: *Левонтий Аксаков бил челом в отечестве на Кашина, ибо меньшой ево брат родной бывал меньше Кашина и Гос. Левонтия отставил*. Мы находим в это царствование несколько таких случаев, в коих государь без дальнейшего суда и разбора отставлял по первому челобитью – вероятно, когда неправильность назначения на службу была очевидна и неоспорима. Так и на странице 125 отставлены были вследствие челобитий Туренин и потом Охлябинин. На странице 132 – Куракин, а на странице 133: *Отставлен Шереметев для*

того, что у него жены не стало, и прибавлено, *что не для челобитья,* т.е. вероятно по челобитью, но *не по челобитью о местах*, ибо, как мы уже видели, отставка по челобитью о местах имела свои юридические последствия, а потому разряд и должен был сделать оговорку, чтобы впоследствии не могло быть ссылки на этот случай, как на отставку *по невместности.*

На странице 127: *Ели у Государя Патриарх, бояре и окольничие Туренин да Хворостинин – и Хворостинин не ел и бил челом на Туренина*; также страница 147: *Бояре ели такие-то и кн. Голицын – а Голицын бил челом на дядю Куракина, а за столом не сидел*; и страница 141: *Были бояре по полкам Трубецкой и Щербатый, а Трубецкой не был.* Эта записка в разряде, что Хворостинин *ел*, т.е. что назначено ему было быть за столом царским, но он не ел, ибо нашел себе то невместным или что такой-то *был* и, однако ж, не *был,* указывает нам вообще на характер разрядов. Делом разрядов было вести записку всему, что *должно было быть* вследствие *указа* царского или обычного порядка, а не тому, что действительно было, – как видоизменение случайностями жизни того, *что должно было* быть.

Царствование Бориса Феодоровича Годунова

С вступлением своим на престол Борис Феодорович совершенно изменил свой образ действия в отношении к местничеству. Пока он был только первым наперсником царским, противозаконно овладевшим высшим местом и честью в государстве, он не мог не видеть в местничестве своего первого и самого опасного врага, с которым должен был бороться; но когда он сам облекся во власть самодержавную, отношения изменились. Местничество, столько строптивое перед шурином царским, легко могло сделаться послушным орудием в руках нового самодержца, богатого разумом государственным и средством к упрочению за ним и его родом русского престола. Его новый сан и новые личные и родовые интересы требовали от него, чтобы он щадил древний обычай и уставы общественного

распорядка, которым он так нещадно противодействовал, пока личная выгода его совпадала с выгодами государства, – как понимал это государство его обширный и просвещенный ум, уже пробужденный к новым требованиям жизни и общества.

Но прежде, чем снизошел Борис Феодорович до принятия осиротевшего Русского царства, особенно замечательно в отношении к местничеству переходное время, или междуцарствие, между кончиной Феодора и торжественным воцарением Бориса. Правительственная власть обнаруживает в это время особенную деятельность в отношении к местничеству; указы писались от царицы Ирины; но сверх того писали от себя Патриарх Иов и бояре Мстиславские с товарищи, посылали гонцов в города с увещаниями к строптивым воеводам и пр. Все немногие случаи, которые встречаются в это короткое время, разрешены с прежней строгостью правительства, и каждый начавший иск получил свое наказание. Впрочем, такая строгость была необходима для временного правительства, чтобы держать в повиновении служилое сословие.

В арх. разр. № 5 (л. 830 под 1598 г.) вслед за кончиной Феодора Иоанновича мы находим след.: *Бил челом г. Ц. и В. К. Бор. Феодор. воевода Полев, что велено быть на Резани околнич. Салтыкову да ему, и ему быти не вместно. И Гос. Ц. и В. К. Бор. Феод. молыл Полеву: били мне челом Патриарх Иов и весь собор и бояре и приказные люди и воеводы и дворяне все, чтоб яз пожаловал велел бояром и воеводам и вам дворянам быти безмест на вашей службе. И ты почему так воруешь, мимо того всего ныне мне бьешь челом. Да за то Ц. и В. К. Бор. Феод. велел Полева посадить в тюрму, а ис тюрмы велел к Салтыкову послати головой*»*. Далее в той же разр. (л. 856): *И писал к Государыне Царице и В. Княг. Александре Федоровне из Пскова*

* Вслед за этим мы находим грамоты по указу царицы *Ирины*. Объясняется это, может быть, тем, что выписанный нами случай относится к тому времени, когда Борис был выбран на царство, но еще не было известно, что он от него отказывается, а выражение *и Царь молыл* было простой формой записки в разряд. Впрочем, могло быть, что и сам Борис Феодорович *молыл* в этом случае, еще не будучи царем, но в разрядах впоследствии было писано *Царь Бор. Феод.*

бояр. кн. Голицын, что воевода кн. Ростовской списков не взял, за бояр, за кн. Голицыным. И по Госуд. Царицы и В. Княг. указу, бояр. кн. Фед. Иван Мстиславской с товарыщи сказывал о том Патриарху Иову, и Патр. Иов писал от себя к воев. ко кн. Ростовскому, чтоб он дела всякия делал и списки взял, и по Гос. указу бояре приговорили кн. Буйносова Ростовского послать к бояр. Голицыну головою, да и прогоны на нем взятии; лист 859: *И писал Гос. Царице Иноке Александре Феодоровне из Смоленска Трубецкой на Голицына, что Голицын ни которых дел с ним не делает, будто его меньши быть невместно, и по Гос. Царицыну указу бояр. кн. Ф. И Мстиславский с товарыщи о том сказывали Патриарху Иову и в розрядах сыскали о назначении Голицына с Трубецким еще при покойном Феодоре Ивановиче, и по Гос. Царицы указу Патр. Иов писал к Голицыну, чтобы он Государыни Царицы дела всякие делал с Трубецким, а Голицын писал к Гос. Ц. Бор. Феод., что писал ему Патр. Иов, чтоб он списки взял, но что меньше Трубецкова быть ему невместно. Да и к Патр. Иову писал тоже, а Патр. Иов писал Голицыну, чтобы Госуд. и земские дела делал по Царицыну указу, а не учнет делати и Патр. Иов со всем собором и со всеми бояры приговорили его Трубецкому послать головою. А послани с Патриарховою грамотою к Голицыну Скобельцын и велено в Смоленске в дьячьей избе перед бояр. Трубецким и перед воеводами и головами и сотники и детьми боярскими Патр. Иова грамоту отдать Голицыну*[*] (лист 862. – *Д. В.*), *да велено молвить Голицыну, что если списков не возьмет, что Патриарх Иов со*

* Особенно замечательна в нашей древней жизни такая публичность во всех распоряжениях правительства. Так, в предисловии к грамотам Кикина всякое дело должно было быть исполняемо в присутствии всех причастных к нему, что служило лучшей охраной для верного и строгого исполнения всякого дела. Мы выписываем этот случай с такой подробностью, как особенно любопытное современное свидетельство о ходе и составе временного правительства после кончины Феодора Ивановича. Особенно же замечательно, что по царицыну указу разыскивали *дело* бояре, сказывали Патриарху, который писал уже от себя, как власть исполнительная; при сиротстве государства Патриарх оставался в нем, как высшая и священнейшая власть, которая могла повелевать, и потому окончательное предписание было от Патриарха, хотя и по приговору всего собора.

всем освященным собором и со всеми бояры велели Голицына к Трубецкому отвести головою; да отвезчи Голицына головой, взять в том с Трубецкова отписку, а с Голицына доправить прогоны. Но писал снова Голицын Ц. Бор. Феод., что списки взять ему немочно, а кн. Трубецкой писал к Государю о грамоте Святейшаго Госуд., и пр.

Так мы видим, что временное правительство обнаружило особенную строгость во всех трех случаях, встречающихся в это короткое время, и даже не допускало челобитчиков до судебного разбирательства. Во все же остальные годы царствования Бориса Феодоровича (в которые по одной нашей разрядной приходится до 53 местнических случаев) мы не встречаем ни в нашей разр., ни в арх. разр. № 5 не только ни одного прямого наказания, как например, битья батогами и пр., но даже ни одной выдачи головой, и только в арх. разр. № 5 на листе 875 находим мы, что Борис Феодорович отказал на челобитья в судебном разбирательстве. Куракин и Голицын били челом на Д. Ив. Шуйского, но царь велел им отказать, *что плутаете, бьете челом не о деле, велю на отцов дать правую грамоту кн. Шуйскому*, а на листе 793: *Долгорукаго царь велел обвинити перед Гвоздевым* – но по суду, и в разр. приведены самые доводы.

Касательно противодействия местничеству безместностью мы находим общий приговор, указанный нами выше, Патриарха и собора; но, как мы видели, он принадлежал временному правительству, а не царствованию Годунова. Но этим приговором, может быть, объясняется то, что в первый год нового царствования мы находим только два челобитья в нашей разрядной. Впрочем, очевидно, что этот приговор не имел никакой общей силы; ибо мы не встречаем впоследствии ни одной ссылки на него. В арх. разр. № 5 (л. 931): *Петр Шереметев бил челом в отечестве на В. Морозова для того, что встречали за посадом королевича бояр. Голицын да окольн. Морозов, а он в росписи написан в других, а яз Петрок в росписи написан в третьих. И. Ц. и В. К. П. Шереметеву отказал, та встреча к той встречи не применилась, и тута мест нету.* То же в разр.,

на странице 151. Но здесь еще нельзя видеть прямого противодействия местничеству, ибо такой счет местами при встречах действительно принадлежал к его спорным вопросам. К *встречам* могло быть *применяемо* местничество или нет, но они не принадлежали к тем явлениям в жизни общественной, которые составляли его законную, непосредственную область. В той же разр. (л. 632): *Сказано околничество Шереметеву, а у скаски стоял П. Басманов и бил челом, что у скаски стоять ему невместно, и Гос. сказал, что мест тут нету.* В нашей разр. на странице 153 мы находим такой же ответ на челобитье Бутурлина, стоявшего у такой же сказки (см. разбор этого случая). В предшествующие царствования мы не встречаем ни одного примера таких челобитий, и только при Романовых находим, что допускался счет при таких сказках, и потому очень вероятно, что к *сказкам*, так же как и к встречам, местничество еще *не применялось.* Так в той же разр. (л. 933): *Бояр. Голицын бил челом на бояр. Черкаскаго и Ц. и В. К. сказал: тутo мест нет, в заднем столу сидели.* При всем этом мы не находим ни одного объявления службы безместной, из чего можем заключить, что царь Борис не противодействовал местничеству и не разрывал его счетов там, где эти счеты были уже утверждены обычаем и принадлежали к его общему и законному порядку, – но не допускал дальнейшего разрастания местнических отношений и распространения счетов на те службы и отношения, за которыми они еще не успели положительно утвердиться. Таким образом, Годунов, может быть, бессознательно, служил самому местничеству, противодействуя излишнему раздроблению и расширению его области, – ибо такое раздробление – верный признак всякого уже вымирающего начала.

Также поступал Годунов и в отношении к своим родичам. С вступлением его на царство они остались при тех же отношениях и местническом распорядке. Так, во все царствование Бориса Феодоровича мы встречаем только один пример повышения его родственника, Матвея Ивановича (стр. 153), и ни разу не встречаем ни одного Годунова в первых; так, на странице 135 мы находим, что *в большом полку в первых Ф. Ив. Мстис-*

лавской, а во вторых С. В. Годунов, в правой В. И. Шуйской да И. В. Годунов; страница 141: *у Гос. бояре ели Ф. И. Мстиславской да В. И. Годунов, а после него через два места С. В. Годунов да Я. М. Годунов*; на странице 143: *в ответе у послов Ст. да Ив. Годуновы были в третьих*; страница 154: *в сторожевом полку Ив. Ив. Годунов*. Но мы должны вспомнить при этом старую русскую пословицу: «Бог бескровен, а царь безроден», и слова Котошихина (стр. 36): *Бояре, свойственные Царю по Царице, в думе у Царя и за столом не бывают, потому что им под иными боярами сидеть стыдно, а выше неуместно, – а в приказах с ними бывают, которым преж того мочно с ними быть, как еще Царю не учинились в свойстве*.

Изо всего этого мы видим всю мягкость царя Бориса Феодоровича в отношении к местничеству – мягкость особенно многозначительную, когда вспомним всю строгость против местничества того же Годунова, но еще не царя, а правителя России.

Любопытно сверх того проследить по разрядам, каким образом Годунов постепенно повышал своего любимца и будущего изменника, Петра Басманова, так же как повышал когда-то старый царь Иоанн Васильевич юного Годунова. Так же как мы видели в первом случае целый ряд челобитий на Годунова, так и теперь мы находим такие же беспрестанные челобитья на Басманова, от которых отстаивал его царь Борис, как был когда-то сам отстаиваем царем Иоанном Васильевичем. Впрочем, надобно заметить, что так же как Годунов, так и Басманов не был низкого роду. Отец его был в кравчих, а дед Алексей у царя Иоанна Васильевича – в боярах (см. Род. кн., т. I, стр. 300).

В первый раз встречаем мы Басманова в нашей разр. на странице 138 под 1599 годом: *Татев искал на Басманове, что Басманов тебе Гос. не служил, а я тебе служу не топерева*. В арх. разр. № 5. (л. 896 под 1600 г.) : *Искал Шеин на кравчем Фед. Алек. Басманове, а суд им был, а посуду свершенья не бывало, и окол. Петр да брат его Иван Басмановы положили на суде правую грамоту*; лист 919 под 1600 годом: кн. *Черкаской*

бил челом в отечестве о счете на отца Басмановых, но был отставлен; то же в нашей разр. (стр. 145 и далее): *На место Черкаского велено было быть Сонцеву, а Сонцев бил челом на большаго Иванова брата, на Петра Басманова, но был отставлен*, Иван же Феодорович был тогда убит разбойником Хлопком. Лист 932 под 1603 годом: *П. Басманов бил челом, что ему у скаски быть невместно, но Ц. отвечал, что тут мест нету*; то же в разр. (стр. 151); лист 938 под 1603 годом: *Басманов бил челом на Салтыкова, и Салтыков был отставлен, а Салтыков бил челом на отца Басманова*. При этих челобитьях на Басмановых, так же как прежде мы видели при таких же челобитьях на Годунова и на Пожарских, царь обходил их тем, что или не давал вершения суду, или отставлял противника, или объявлял службу невместной, ибо только такими средствами мог царь повышать своих любимцев против порядка местнических соответствий.

На странице 137: *Бил челом Гос. и Вел. кн. кн. Фед. Ноготков во всех Оболенских князей место: в нынешнем году был в правой руке в третьих Ив. Вас. Ситцкой, а в передовом полку в третьих кн. Олександр Ондр. Репнин Оболенской. Алекс. Репнин, дружась со кн. Ив. Ситским, угожал Фед. Никитину Романову, потому что они меж себя братья и великие други, да по росписи был на Государеве службе менши кн. Ив. Ситцкова, и не бил челом в отечестве. А умышлял Репнину Фед. Романов, чтоб ему не бить челом, для тово, чтоб тем ево воровским нечелобитьем поруху и укор учинить в отечестве от Фед. Романова и от иных чюжих родов всему их роду Оболенским князем. И Гос. бы велел их то челобитье записать, чтоб всем их роду Оболенским в отечестве порухи и укору не было от чюжих родов тем кн. Алекс. Репниным воровским нечелобитьем. И Гос. пожаловал велел челобитье в розряд написать, что кн. Алекс. Репнин кн. Ивану виноват один, а роду его всем кн. Оболенским в том порухи в отечестве нет никому.* На тот же случай указывает Пожарский в своем деле с Лыковым в «Сб.» (т. II, стр. 277): *А то не статочное дело, что кн. Ив. Сицкому больши быть кн. Алекс. Репнина, а кн. Алекс.*

по свойству на Сицкого не бил, а они били челом все родством на кн. Алекс. и челобитье их в разряде записано.

Мы уже указали выше на важность и значение этого места в отношении к потере и общей ответственности всех членов рода друг за друга, и потому здесь нам остается только обратить внимание на то, что Ноготков бил челом во всех Оболенских место, тогда как по самой сущности родовых отношений он мог бить челом в место тех только, которым *доставало* до потери Репнина.

Вероятно, что во *всех Оболенских место* было только одно общее выражение, так же как и слова Пожарского, что *они били все родством*. Но при этом мы должны заметить, что по мере того, как мы приближаемся к XVII веку, и особливо со времени Романовых, роды, и особливо знатнейшие, начинают выделяться из общего распорядка в сомкнутые родовые целые, не допускающие более общего счета и живого соответствия своих членов с соответственными им членами прочих родов и заменявшие такой счет счетом целыми родами, как отдельными единицами. Московский служебный распорядок первоначально сложился из отдельных родов и снова разлагается на отдельные роды, но уже со строго определенной классификацией служебной чести между ними, выработанной полуторавековой борьбой между честью родовой и служебной, – которая везде более или менее видоизменила первоначальные родовые отношения как между родами, так и внутри самих родов, ибо с раздроблением родов на новые, более тесные круги, необходимо заменялись и прежние чисто родовые отношения новыми служебно-родовыми.

Пока еще не начиналось единодержавие Москвы, не могло быть и воздействия начала служебного на начало родовое, ни борьбы между ними. Дружина княжеская еще не знала личного отношения к князю: *А боярам и детям боярским и слугам вольным воля, а судом и данью потягнут по уделом, где кто живет* (см. Рейца, стр. 107); т.е. могли даже служить одному князю, а иметь поместья и вотчины в уделе другого, – лучшее свидетельство, что Русскую землю никогда не оставляло об-

щественное сознание ее живого единства и что вольный дружинник, служа тому или другому князю, равно служил одной русской родине и *делу земскому*, которое лишь случайно связывалось с дедом княжеским или государевым Москвы, Рязани или Твери. Понятие же о деле земском связалось положительно с понятием о деле государевом тогда только, когда остался один *государь* во всей земле Русской; но еще при Грозном и позднее писалось во всех грамотах к войску – *беречи дело земское и государево.* Сам Грозный, изобретая опричнину, поставлял себя в то же отношение к России, в котором находился к ней прежний удельный князь, у которого было свое *опричное* дело, опричь *земского,* – но разница была та, что Иоанн, разделив Россию на опричнину и земщину, давал земщине определенное общественное существование; во время же уделов земщина, так сказать, существовала только как живое сознание народа, носившееся над всеми опричнинами или уделами земли Русской, из коих каждый был одним частным представителем этой земщины.

Пока были еще уделы и вольный переход из одних в другие, все отношения того тесного кружка приближенных и служилых людей, которые составляли двор и дружину князя, выходили из чисто родового или семейного*, еще ничем не стесненного начала. Отношения же между родами, и особливо пришлыми, определялись тем старшинством, которое окончательно утверждалось за тем или другим непосредственностью самих отношений и общим признанием всех. Всякий же, кто считал права своей чести нарушенными, отходил к другому князю, как то сделал в 1333 году боярин Акинф Гаврилович, отъехавши в Тверь, когда Калита дал над всеми большинство

* Мы покажем в другой части нашего труда, что точкой отправления для всего местнического распорядка и всех его счетов было понятие о семье как единице и трех, т.е. отце и трех сыновьях, – восходящее, может быть, до языческих представлений народа, и которое своим естественным ходом слагало общество как местнический распорядок с определенным счетом всех его членов между собой. На этот счет крестьянин доселе во многих местах основывает раскладку податей между собой, дележ земли и пр. Каждый лишний четвертый сын присчитывается к другой семье; так и в местничестве четвертый брат равен своему первому племяннику.

приехавшему из Киева вельможе Родиону. Так точно не могла служба княжеская видоизменять родовые отношения однородцев и не могло быть потерь между ними, ибо всякий однородец был также волен всегда отъехать в другой удел.

В единодержавную Москву естественно и сам собой перешел тот же вольный обычный распорядок старшинства, распределявший от мала до велика все отношения слуг княжеских и всех исполнителей общественной обязанности; но перенесенный из того вольного простора, который ему представляла удельная Россия, в тесную рамку государства и прикованный к Москве, он необходимо образовался в распорядок местничества, – каким мы его застаем в XVI веке, с его судебными разбирательствами, потерями и повышениями одних перед другими, борьбой чести родовой и служебной и противодействием ему правительства. Но коренные основы того же вольного распорядка остались за местничеством, а числовая определенность всех отношений и счетов сделалась, вероятно, еще строже*. Всякий род или член его имел значение в общем распорядке не иначе, как соответственное звено целого и живой мускул, отвечающий и повинующийся на каждое малейшее движение всего организма, – но вместе с прикреплением служебного распорядка к одному общественному кругу неизбежна была кристаллизация и отвердение этих звеньев и мускулов, когда живые соки, наполнявшие организм, начали оставлять его. Так первоначально не могло быть в местничестве и понятия о старшинстве родов между собой, о старших или младших ветвях рода, ибо эти понятия могли быть только чисто фактически, снятые со случайности явления, но не накрывающие их в общем; так, например, см. «Сб.» (т. II, стр. 309): *Приимковы да Гвоздевы пошли от большаго брата, а Катыревы да Темкины пошли от меньшаго, а Приимкову да Гвоздеву и по лествице не достало до Буйносова*; страница 360: *И по родству лествицею Пожарским князем не доведется им щитаться Ряполовскими*

* Здесь мы вообще ограничиваемся одними общими указаниями на *историческое* образование местничества; ибо отчетливое изложение относится к *истории* местничества.

князьями со всеми, хотя буде Пожарские князи пошли и от большова брата. Так и между чужими родами младший родич одного из первых родов в местнической лествице мог приходиться меньшим родичу одного из последних в ней. В памятниках же, особливо до начала XVII века, мы находим, что такие-то в таком роду меньше или больше таких-то в других родах; так, например, в «Сб.» (т. II, стр. 80): *Память, где Ростовские бывали больше Оболенских, а те Ростовские обеим нам велики*, но никогда, чтобы такой-то род был вообще больше такого-то. Но местнический распорядок, лишенный того свободного движения, которое давала ему удельная Россия, необходимо должен был своим естественным ходом выделить из себя счет старшинством родов и ветвей рода как отдельными, сомкнутыми единицами. Так, если раз приходилось, что одному целому роду не доставало в случаях (см. Сб., т. II, стр. 266: *до нашего роду в тех случаях недостало*) до целого другого рода, то продолжительное повторение такого недоставания должно было неизбежно привести к понятию прямого старшинства одного рода перед другим. Так, например, в «Сб.» (т. II, стр. 106): *С Татевыми меньшими бывали в меньших Щербатовы большие*, и следовательно, весь род Татевых больше всего рода Щербатовых. Повторение же такого отношения необходимо приводило к положительному старшинству Татевых перед Щербатовыми. Так точно и между ветвями одного рода, если род пошел от семи, восьми братьев, то могло приходиться разве как одно исключение, чтобы кому-либо из пошедших от шестого или седьмого брата *достало* до современных ему родичей, пошедших от первого брата, и таким образом установлялось общее прямое старшинство одних линий перед другими. Так, например, в «Сб.» (т. V, стр. 80): *Бахтеяров по роду и разряду меньше Гвоздевых*. Бахтеяровы от седьмого брата пошли, а Гвоздевы, как оказывается по родословной (т. I, стр. 70), от первого брата. И наконец, самый местнический распорядок, раз установившись и передвигая в своем круговращении одни и те же родовые звенья (при сравнительной немногочисленности новых вступающих звеньев), необходимо должен был вы-

работать отношения своих членов до большей определенности и окончательно привести к известным разрядам между ними и к тому разделению родов, которое мы находим в Котошихине, на роды боярские, окольнические и пр.

Впрочем, мы уже рано находим следы такой классификации чести, идущей вразрез всему закону органических соответствий местничества. Так в арх. разр. № 5 (л. 83 под 1519 г.): *В той грамоте велено учинить Бутурлина о с п о д и н о м Воронцову*; а в «Сб.» (т. II, стр. 360): *А Одуевской и братья его меньшие родные, господья наши, живут везде в разрядах больше нас, холопей твоих*. В «Собр. зак.» (т. I, стр. 164, № 12): *Волынские наша братья и хуже нас*. Так мы видим, что отношения родовые определяются между одними родами, как братья друг другу, т.е. равные, или как господья одни пред другими. Так еще под 1580 годов в арх. разр. № 5 (л. 590): *Головин говорит, что дед его в разряде был больше многих б о я р с к и х родов*. Вследствие же такого естественного хода местничества в делах, относящихся к XVIII в., мы уже нередко находим почти не встречаемые прежде указания на общее старшинство одних родов перед другими. Так в деле Вельяминова с Вяземским 1631 года (стр. 134 и 82): *А Приимковых по разрядом больше Гвоздевы*; на странице 44: *Родители мои по розрядом больши были Гвоздевых, Приимковых–Ростовских и Бахтеяровых и Олсуфьевых и Безниных и Ноздроватых и Звенигородских и Денисьевых–Булгаковых... Вельяминовы были меньши Чихачовых, и Мясных, и Милюковых, и Голенищевых, и Кошкаровых*.

Так, мы видим, что местнический распорядок снова распадается на свои составные части, т.е. роды, но уже придав им новое служебно-родовое начало, или начало придворной аристократии, и своим естественным ходом вносит в себя аристократическое начало разрядов чести и прав, самостоятельно принадлежащих известным родам и лицам по их рождению. Так у Котошихина (гл. II): *Первые роды, которые бывают в боярех, а в окольничих не бывают; вторые роды меньше тех, которые бывают в окольничих и в боярех... а быв в спальниках, бывают пожалованы больших бояр дети в бояре, а иных мень-*

ших родов дети в окольничие. Так местничество, замыкаясь в разряды чести, делает, например, боярство положительным правом некоторых или только возможностью для других немногих каких-нибудь 20 родов в государстве. См. Котошихина (гл. II, § 3): *Роды ж, которые бывают в думных дворянех, окольничих из честных родов и из средних, и из дворян; и те роды болши тое чести не доходят*. Но кроме таких, можно сказать, естественных выводов местничества мы уже встречаем в нем в XVII веке другие, так же чуждые ему, смежные с последними понятия или, так сказать, аристократические замашки, вероятно пришлые из Польши и обнаруживающие более или менее польское влияние. Так в деле Вельяминова мы находим не раз понятие, не встречаемое прежде в местничестве, о высоте *своею степенью*. На странице 44 Вяземский говорит, что ему *меньше Вельяминова быть не возможно по степени своей и по разрядам*, а на странице 93: *да и по степени мы больше Вельяминовых от Мономахова большова сына Мстислава пошли, а Вельяминовых степень прежде из орды к В. К. Калите, а не от Великих и не от удельных князей пошли, а потому мы и больше Вельяминовых*. Здесь мы находим счет *старшинством* своего рода и знатностью своего происхождения от Великих князей, тогда как в древнейшую эпоху, когда еще были живы все предания удельной России и владетельного княжества и местничалось в Москве второе или третье поколение бывших владетельных Великих князей (коих честь в понятиях России XV века, не была ничем ниже чести великого князя московского), мы не находим ни разу, чтобы потомок или упраздненный наследник какого-нибудь удельного или великого князя, местничаясь с каким-нибудь недавним боярином, выходцем из Орды, Литвы или другого удела, указывал на свое княжеское происхождение и на нем думал опереть права своей чести. Очевидно, что самое понятие о такой знатности происхождения, хотя бы и от одной крови с семьею царской, было вовсе чуждо Древней России. Вместе с тем мы здесь находим очевидное и безотводное доказательство, что местничество не было наследием удельной системы, которая

с упразднением своим, как власть правительственная, образовала из себя Россию служебную и перенесла в нее свои родовые счеты и понятия, – хотя такая гипотеза и имеет за себя на первый взгляд много правдоподобного. Очевидно, что если бы удельные князья перенесли в единодержавную Россию местнический распорядок и создали служебное местничество, то внесли бы в него и понятие о своем первенстве. Совершенное же отсутствие таких понятий показывает нам, что система удельных княжений была только явлением, подчиненным другому порядку вещей и понятий, правившему всею жизнью и обществом древней домосковской России, который параллельно с системой уделов приготовлял и растил в ней местничество, на первый взгляд лишь заменившее удельную систему и ее прямое произведение. То же совершенное отсутствие таких понятий показывает нам, что власть княжеская никогда не доходила в удельной России до личного значения, от которого, наоборот, отправлялось все общество западное. Князь являлся лишь одним из необходимых органов общественного порядка, блюстителем закона и Божией правды на земле. А потому так легко и уступила удельная Россия одному высшему блюстителю этой правды и представителю всей земли Русской, каким явился московский князь для русского народа, уже понявшего невозможность своего разумного существования в удельной и междоусобной России. И по тому самому каждый удельный князь, как скоро утрачивал свое княжество и тот верховный сан, в который он был облечен понятиями народными, прямо переходил в ряды народные и наравне со всем народом служил новому государю. Удельный князь не вынес от своего княжества ни малейшего оттенка личного отношения, – и потому в древней России не только не дорожили княжеством, но даже едва ли имели понятия о его каком-либо высшем почетном значении в обществе. Большая часть княжеских родов добровольно теряет и *забывает* свое княжество, а другие княжеские роды, не продолжая службы государевой, *замолодав* и *захудав*, переходили в народ или так называемые низшие сословия. Так и доселе еще есть на Руси князья чистой крови св.

Владимира в однодворцах и сами пашущие свою землю. На то же совершенное отсутствие личного начала указывают нам и свидетельства Котошихина о свойственниках царских, что свойство это не давало им никакого юридического повышения в обществе. Все это – явления непонятные и невозможные в западном обществе; всякий раз упраздненный владетельный герцог или граф не мог не сохранить своего первенства в обществе, коего был недавним владыкой, как своя личность, а не представитель известного высшего понятия.

На довод Вяземского Вельяминов отвечал таким же доводом, выходящим изо всего ряда местнических понятий и уже напоминающим нам те эпохи в аристократиях, как например, венецианской и др., когда известные роды, раз попавши в известную перепись (золотую книгу и др.), уже не допускали в свой разряд не только всякого нового пришельца, но и старшие их роды, которые случайно не попали в роспись их уложения. В «Сб.» (т. V, стр. 125): *А буде в родословце роду их Вяземских князей нет, и Государь бы меня холопа своего пожаловал, велел мне указ учинить по прежнему своему уложению, что неродословным людям с родословными людьми счету не бывает*; так и в «Повс. зап.» (т. I, стр. 112 и 113 под 1685 г.): *Колтовской послан в тюрьму за безчестье Львова, что де люди они честные родословные, а вы люди неродословные, а преж сево неродословные люди на родословных не бивали челом*; на той же странице также послан в тюрьму Фустов и на том же основании: *Ты человек неродословной, хотя буде и бывали родители твои в розрядех больше Борятинских*. Итак, мы видим, что в противность всей основе местничества мерилом чести уже является не честь родителей или бытие в меньших с тем или другим, но признание того или другого рода родословным и случайная записка в *родословец*. Вельяминов ссылается на царское уложение, чтобы родословным с неродословными не считаться, и не считает в последних Вяземского потому только, что его роду нет в родословце, и потому надобно предполагать, что тогда уже (в 1631 г.) составлены были новые родословные росписи, которые начинали вводить новое определяющее на-

чало для взаимной *чести* и новых *статей* служилого сословия (в это время мы везде находим уже бояр, дворян и пр. больших средних и меньших статей) вместо прежних разрядов*.

На такое же разложение местничества на статьи и разряды и внесение в тогдашнюю Россию понятий польской аристократии указывает нам одна рукопись, относящаяся, вероятно, к последним годам XVII века, и которой мы обязаны И. М. Снегиреву – «Оглавление первейших родов в прежнее и нынешнее время бывшего в Русском государстве, который род от кого происходит и черту ведет»: *Столп первый: роды князей, которые происходят из крове Рурика. – Столп второй: роды бояре; в нем заключаются как бояре у Вел. Гос. бывшие, так и дворяне природные русские б о л ь ш а г о, с р е д н я г о и м е н ь ш а г о в м е н е н и я, и те, которые чрез женитьбы в честь от Государей возвышены фамилии. – Столп третий: роды выезжих королевских, ханских, и княжеских персон, которые в Русь в службу Государей Российских приехали; из них некоторые вымерли, некоторые отъехали, а некоторые и ныне в России обретаютца. – Столп четвертый: роды тех выезжих, которые не называются князи, также и дворян*. Принадлежало ли это разделение на *столпы* родословиям самого Разрядного приказа или было только в обычном ходу того времени, но очевидно, что отсюда ведется выражение, доселе существующее в обычном языке, что такой-то дворянин столбовой. Замечательно здесь сверх того, что первое место занимают княжеские роды Рюриковичей, потом роды природные русские и свойственные с царским домом, тогда как еще в недавнее время ни те ни другие не только не имели никаких особых прав, но даже не представляли никакого понятия о высшем почете. Так была далека уже тогдашняя Россия от первоначальных понятий, правивших ее обществом.

* Это показывает нам, что для составления «Бархатной книги» уже был готовый материал, восходящий к древнейшему времени, когда родословия еще имели гораздо сильнейшее значение, и потому нечего сомневаться в общей достоверности ее показаний, особливо когда большей частью они подтверждаются счетами местничества, записанными за столетие и более до ее составления.

То, что составляло отличие местничества от всех аристократий древнего и нового мира и потому делало его вовсе не подходящим под понятие никакой аристократии, заключалось особенно в двух признаках. Первый признак тот, что ни одно лицо и ни один род не имел никакого значения и никакого права сам по себе, как отдельная самостоятельная личность, а потому и не имел никаких положительных, ему лично принадлежащих прав, но только известное *кандидатство* на совокупность прав и обязанностей, принадлежащих вообще всем *служилым* людям общества, кто бы они не были, – и которые, по известному закону соотношений, разлагались в *известную* меру между всеми и каждым. Но с разложением местнического организма на статьи и разряды и с замыканием родов в отдельные целые местничество не только получает характер аристократии, но даже теряет то свойство общего равенства всех членов сословия, которое составляет отличительное качество некоторых из них, сложившихся не из отдельных личностей. Другой, еще существеннейший признак местничества, выходящий из *того* же начала и еще полнее отделяющий его от понятия всякой аристократии, заключается в том, что всякая аристократия нераздельна с понятием известного привилегированного сословия, пользующегося известной совокупностью прав над другими низшими сословиями или так называемым народом. В местничестве же мы видим, что является принадлежащим к нему всякий служащий обществу в отправлении его внешней деятельности, всякий выступающий из общей массы народа, как *слуга* или человек царский, – один из органов общественной деятельности, коей царь глава и *государь*. Котошихин (гл. II, стр. 22): *А хто посацкой человек или крестьянин отпустит своего сына на службу, или кто-нибудь отпустит сына своего на службу в солдаты или в подьячие и иным царским человеком, а те их дети от малые чести дослужатся повыше и от того пойдет дворянской род*. И потому всякий человек, принадлежащий местническому распорядку, являлся в обществе не как представитель известных прав над другими людьми, а *исполнителем* известной общественной обязанно-

сти и пользующимся только известными правами – на исполнение той или другой обязанности в обществе и на связанный с нею почет в нем. Так и все служилое сословие пользовалось только известными правами *внутри себя*, на исполнение тех или других общественных обязанностей, теми или другими из его членов. Всякая аристократия отправляется от понятия тех прав, которые могут одни люди иметь или приобрести в обществе над другими людьми, местничество же – от понятия обязанности, которую человек должен нести перед обществом.

В XVII веке Россия, испуганная междуцарствием, которое представило такое хаотическое состояние общества, потому что человек не был связан в нем никакой условностью, начинает с прикрепления каждого лица к тому месту, которое он случайно занимал в обществе или на почве государства*. Прикрепление крестьян к земле совпало с фактом владения землями служилым сословием за его службу и передало местническому распорядку понятия о праве и действительные права над другими, дотоле незнакомые ему, и тем лишило его последних признаков, отделяющих его от аристократии. Таким образом, элементы русской жизни XVII века готовили ей под влиянием польского соседства ту же польскую аристократию со всеми ее гибельными и страшными последствиями для государства; но благая воля царя Феодора и Патриарха и здравый смысл русского народа, – призванный на совет соборным деянием об уничтожении местничества, – предупредили зло, а Петр Великий сделал его невозможным.

Впрочем, еще в Котошихине находим мы многие свидетельства, указывающие нам, что все, нами сказанное, относится более к образованию одной высшей аристократии, или олигархии из немногих знатнейших родов, а не целого аристократического сословия, хотя бесспорно, что и это стремление уже ясно обозначилось в это время. На странице 18 (гл. II, § 3):

* Сравни указы Шуйского и др. с теми же статьями, перешедшими в уложение или новоуказные статьи. Понятие вольного *человека* перешло в понятие людей *гуляющих* (стоящих в «Уложении» последними в списке плат за бесчестье), т.е. не прикрепленных еще ни к какому разряду в обществе, а обыкновенно переходивших из кабалы одному господину в другую.

Есть потом и иные многие добрые и высокие роды, только еще в честь не пришли за п р и т ч и н о ю и за н е д о с л у ж е н и е м. §10: *Жильци, а дети они дворянские же, и дьячьи и подьяческие. И из того чину бывают в стряпчих, и в стольниках, и в думных людех, и в рейтарех, и в салдатех; да и всем боярским и окольничих и думных людей детем, с л у ж б а бывает при Царском дворе т а к о в а ж е, только по породе своей одни с другими неровны. Таковой* же или *одинакой* службы (кроме исключений) никогда не могло быть для сына *vilain* или *roturuer* с сыном маркиза или графа в аристократиях западных. § 11: *Дворяне городовые и дети боярские, ратные люди собираны изо всяких чинов людей, а иные многою своею службою и полоном с в о б о д и л и с ь о т р а б с т в а и о т к р е с т ь я н с т в а, и у кого были п о м е с т ь я и в о т ч и н ы и ныне по прежнему за ними; а у которых людей поместей и вотчин не было, и им за службы и за полонное терпение п о м е с т ь я и в о т ч и н ы даны.* § 12: *А кто посадской человек, или к р е с т ь я н и н, или к т о - н и б у д ь о т п у с т и т сына своего на службу в солдаты и в рейтары или в приказ подьячим и иным царским человеком, а те их дети от малые чести дослужатся повыше, и за службу достанут себе поместья и вотчины, и от того п о й д е т д в о р я н с к и й р о д.* Впрочем, не может быть никакого сомнения, что и в это время еще не *было* никакого юридического понятия о дворянстве как *сословии*; если же и было понятие о нем, то как одно обычное представление и стремление местнического распорядка, который, так же как он выделил из себя касту родов боярских, так точно стремился выделить из себя такую же касту родов дворянских. Дворянство же до самого Петра было только одним из подразделений чиновной лествицы служилого сословия, так же как жильцы, стольники и пр. Но в этой лествице чинов дворяне московские следовали за чинами с особенными должностями, как стряпчество, стольничество и пр., – которые не могли быть многочисленны и были вообще *служилыми людьми, для всяких посылок и ратного дела*. Сверх того, кроме дворян московских были дворяне городовые или дети боярские, которые составляли последнюю

степень служилого сословия, – как вообще ратные люди всех городов Московского государства, и потому, вероятно, превосходили числом все остальные чины, связанные преимущественно с одной службою в Москве или при дворе царском. И потому очень естественно, что когда класс служивых людей начал образовываться в сословие, то за ним осталось название *дворян*, а не стольничества или др. До самого Петра из общей массы народа с его естественными разделениями по образу жизни и занятию, крестьянина – пахаря, посадского – ремесленника, гостя – купца и т.д., – выделялся только один разряд людей служилых, также на основании его занятия в обществе, но занятия не делом частным, а общественной службой; а потому и могло существовать одно только понятие об людях служилых вообще и служащих *в данное время,* как *ратных людях изо всяких чинов*, или *царских* людях, которые отпущены семьей на службу, будь то из крестьян, из посадских, дворян и пр. Когда же при Петре I класс людей служилых был обращен в *дворянство* как *сословие,* то разумеется вошли в него лишь те, которые случайно находились в то время на службе, и преимущественно все, имевшие поместья или вотчины и потому *обязанные* службой. Многие же, принадлежавшие к тем же родам, или коих отцы бывали в чинах не менее высоких, не попав случайно на службу, не попали и в дворяне, и постепенно перешли в низшие сословия – мещанство или крестьянство; другие же из тогдашних дворян и детей боярских, не хотя подчиниться службе, как ее понимал Петр I, нарочно *хоронились*, чтобы *избыть* службы, но тем самым избыли и дворянства для себя и своего потомства. Сверх того, многие из тех даже, которые были жалованы царями за их службу землями в потомственные поместья или вотчины, и были такие же *помещики* и в одних правах со всеми *помещиками* тогдашней России, но не имевшие довольно достатка, чтобы приобрести своих крестьян и не оставившие своего очага и сохи, чтобы идти на службу, перешли в однодворцы или казенные крестьяне. Таковы особливо доселе существующие многие деревни на прежних границах России, и которые имеют такие же жало-

ванные грамоты на земли, как и все помещики, сохранившие свои родовые поместья; многие же из таких селений при раздаче казенных имений за заслуги нового дворянства перешли и в крестьянство крепостное.

На странице 137: *И писал к Гос. Сем. Алферьев, что велено ему быть в Монастырейском. А в Чернигове Вас. Туренин да Ондр. Измайлов; и ему к Онд. Измайлову писать невмесно, что Монастыревской Черниговской пригород. И писано от Гос. к Сем. Алферьеву с товарыщи, а велено им о всяких Гос. делех писать в Чернигов к воеводе ко кн. Вас. Туренину с товарыщи. А в Чернигов Туренину да Измайлову писано: кн. Туренину к Сем. Алферьеву с товар. писать одному.* Все это место мы находим слово в слове в «Сб.» (т. II, стр. 209 под 1660 г.). Внесено же оно было в него, разумеется, из современных разрядов, – в чем и находим ясное свидетельство, что редакция нашей разрядной относится ко времени до 1600 годом, когда происходило дело. Впрочем, состав всех разрядных вообще должен быть современным самим службам, коим они вели перечень, и различие в них, кроме произвольных изменений переписчиков, должны быть относимы к разным, более или менее полным или делаемым с той или другой целью, редакциям тех же разрядов.

Черниговскому воеводе велено было писати с товарищи к монастыревскому воеводе с товарищи и наоборот, ибо при этом честь каждого воеводы отвечала чести другого воеводы, а честь товарищей в Чернигове чести товарищей в Монастыревском, и им было вместно писать друг другу. Воеводе же черниговскому велено было одному писать воеводе монастыревскому, ибо если монастыревскому воеводе и было вместно получать приказания от воеводы Черниговского, то не было вместно получать их от его товарища Измайлова.

Большая же честь Чернигова перед Монастыревским служит только подтверждением тому, что мы уже не раз сказали о взаимной чести городов между собой. Заметим только при этом неопределенность, существовавшую и в этих, так сказать, вещных отношениях местнической чести городов или *мест*, и

разных частей или *мест* в городах между собой. Так, например, в «Сб.» (т. II, стр. 69): *Софийская сторона в Новгороде показана честнее Торговой*, но в «Древ. вифл.» (т. XIV, стр. 472) мы находим: *Шереметев бил челом на Бутурлина, потому что он на Софийской стороне, а Бутурлин на Торговой*; челобитье было принято и обещано, как служба минется, дати суд. Но Бутурлин со своей стороны писал, *что во всех росписях Софийская сторона именуется больше Торговой, и ему меньше Шереметева быть нельзя*; на странице же 474 мы находим, *что городовое дело делати воеводом всем вместе обе половины города, и на обеих сторонах промышляти городовым делом собча*. Но вероятно, что это взаимное противоречие в чести обоих *сторон* не было неопределенностью в их отношениях, но что большая честь каждой стороны перед другой была завещана XVI веку историей общественной жизни Новгорода. Наука, может быть, со временем откроет, каким образом в одну эпоху его общественности высшая честь и значение в новгородской общине принадлежала Софийской стороне, а в другую, вероятно, позднейшую, стороне Торговой. Так мы видели, что еще в половине XVII века Владимир иногда считался честнее Москвы, но вероятно, что в других случаях Москва была нередко считаема честнее Владимира, ибо не могло величие московского единодержавия мало-помалу не вытеснить древнего понятия о высшей чести Владимира перед Москвой, его пригородам. На такое общественное старшинство одних городов перед другими нередко указывают наши летописцы; особенно же замечательно в летописи по Кёнигсбергскому списку на страницах 261 и 262: *Новгородцы же изначала, и смолняне и кияне и полочане, и вся власти егда на вече сходятся, что старейший здумают на том и пригороди станут... ростовцы и суздальцы д а в н и е, с т а р ш и е творящесь, не разумеша правды Божиея исправити; н о в и и же люди м и з е н н и и володимерстии, яшась по правду крепко*. Здесь *давный* противополагается *новому*, а *старший мизеннему*, т.е. меньшему*.

* *Давнии* и *мизеннии* не находятся в печатном тексте и дополнены по подлиннику, списанному г. Ермолаевым.

На странице 142 мы находим два челобитья на одного и того же воеводу Щербатова и по одному и тому же разряду, но *Сонцев бил челом на деда кн. Щербатова, а Полев бил челом прямо на Щербатова*, и на той же странице: кн. *Ив. Звенигородский бил челом в брата своего место родного Семена*. Эти два случая служат только новым свидетельством к сказанному нами выше касательно страницы 96 об ответе и иске в местнических спорах одного родича вместо другого. Замечателен же первый случай, в котором оба челобитчика били на одно и то же лицо и по одному и тому же разряду; но для первого челобитчика высшим в противном роду, до которого ему *доставало*, был дед настоящего ответчика, с которым произошла стычка двух родовых отношений; во втором же случае действительный ответчик, с которым была стычка, был вместе и высшим, до которого ему доставало.

На странице 150 (то же в арх. разр. № 5, стр. 229): *Ю. Трубецкой бил челом на Катырева, а дядя Юрьев Тим. Трубецкой сказал перед Государем: мочно быть племеннику моему со кн. Иваном Катыревым*, чем, вероятно, все дело и кончилось. Здесь мы находим следы той судебной власти, которую имел в местнических спорах всякий высший родич над своими меньшими, и указание, – так же как и в приведенном нами выше свидетельстве о суде Ромодановского с его племянником их старыми родителями, – на существование родового суда (особливо же в древнейшую эпоху местничества), равносильного в обычных понятиях с судом царским или разрядным.

На странице 153: *Сказано окольничество кн. Вас. Туренину; у скаски стоял окольничей Ив. Бутурлин. Окол. Бутурлин бил челом в отечестве о счете, что ему у скаски стоять для князь Дмитрея невместно. И Ц. и В. К. Ивану сказал: бьешь челом не о деле; тут мест нет.* То же в «Повс. зап.» (т. I, стр. 78). В приведенном нами выше споре Пожарского с Пушкиными мы видели, что когда сказывал боярство Пушкин Пожарскому, государь указал: *для своего Царского венца быть без мест*, а не потому что *тут мест нет*, и следовательно, места при сказывании чинов были, на что нам указывает и то, что впослед-

ствии сказывание боярства Пожарскому Пушкиным было *сочтено* разрядным судом (см. о том же на стр. 167). Но вместе с тем такое сосчитывание служб, объявленных сначала безместными, объясняет нам и частые уклонения от назначений правительства, несмотря на его объявления службы безместной.

Рукопись разрядной в большую восьмерку; принадлежит, вероятно, к началу XVII века; писана скорописью того времени и, как кажется, от начала до конца одной рукой; переплет казенный того времени с вытесненными два раза словами вязью на лицевой доске – *Книга глаголемая.* Принадлежит она Петру Михайловичу Мачимерьянову*.

Соловьев С. М.

О местничестве (посвящается памяти Дмитрия Александровича Валуева)

Вопрос о местничестве имеет уже свою историю в нашей исторической литературе. Сначала местничество являлось каким-то бессвязным, отрешенным явлением в нашей истории; происхождение его приписывали произволу Иоанна III, учредившего разряды. Издание подлинных местнических дел, собранных г. Ивановым и напечатанных в «Сборнике Общества истории и древностей российских», сделало эпоху в истории вопроса о местничестве, и тотчас же явилось новое мнение об этом предмете, высказанное г. Погодиным так:

* Разбор этой разрядной представляет только предварительный критический труд для отдельного сочинения, излагающего вместе с историческим развитием местничества его систему и общие начала, – в последовательности ее образования и последующего разложения; а потому мы не раз и относили читателя к *другой части нашего труда*, особливо в исторических вопросах местничества.

«...Где же было начало местничеству? *А начаться из ничего оно не могло.* Местничество было московским продолжением удельной системы, точно как во всей Европе из феодализма образовалась преимущественно придворная аристократия». «Удельные князья, потеряв, уступив свои княжества, вступив во двор московского князя, принесли свои взаимные отношения и свои понятия о старшинстве, согласные, впрочем, или одинаковые, что касается до родства, с понятиями знатнейших родов как в Москве, так и во всей России».

«...Местничество есть удельная система, приложенная вместо городов к местам служебным, к службе, – удельная система, принявшая по необходимости эту новую, впрочем, готовую форму, службу, когда из удельных княжеств составилось единое государство».

Очевидно, что такое мнение показывает шаг вперед в развитии вопроса о местничестве; здесь явно стремление связать явление местничества с другими явлениями, ввести его в общий организм древней русской жизни, указать ему в этом организме надлежащее место; слова «а начаться из ничего оно не могло» обнаруживают вполне это стремление. Но важные вопросы в науке решаются не вдруг: сам г. Погодин в том же исследовании уже показал основу своего взгляда на местничество: «удельные князья, – говорит он, – уступив свои княжества, вступив во двор московского князя, принесли свои взаимные отношения и свои понятия о старшинстве, согласные, впрочем, или одинаковые, что касается до родства, с понятиями знатнейших родов как в Москве, так и во всей России». Но если взаимные отношения удельных князей и понятия их о старшинстве были согласны с понятиями знатнейших родов во всей России, то на каком основании предполагать, что местничество есть продолжение удельной системы, что оно явилось только тогда, когда удельные князья вступили во двор московского князя; почему же знатнейшие роды во всей России, руководствуясь одинаковыми понятиями о старшинстве, не могли местничать гораздо прежде появления удельных князей при дворе московском? Наконец г. Погодин окончательно ниспроверг свое мне-

ние, высказав по поводу вновь найденных дел по местничеству следующее: «Ясно, что местничество, основанное на службе и родовом старшинстве, велось между знатнейшими родами в продолжение удельного периода, точно как и между княжескими; между последними оно было источником удельных войн, как между первыми искони источником споров»*.

Ясно, следовательно, что местничество не может быть продолжением удельной системы, не могло быть принесено удельными князьями ко двору московскому, если оно «искони велось между знатнейшими родами в продолжение удельного периода, точно как и между княжескими». Итак, в то время, когда князья вели между собою свои родовые счеты, их дружинники, бояре, дворяне вели также свои родовые счеты; местничество существовало одновременно с удельной системой, это суть близнецы, порождение одного и того же родового быта, родовых понятий, господствовавших в Древней Руси.

Попытка г. Погодина связать местничество с другими явлениями древней русской жизни знаменует второй период в истории вопроса о местничестве. Но для безошибочного приговора об этом важном явлении надобно было совершить труд тяжелый и утомительный, рассмотреть отчетливо, добросовестно все известные случаи местничества, и тогда уже произнести приговор о природе этого явления. Такой труд, знаменующий третий период в истории вопроса о местничестве, не усомнился принять на себя благородный молодой человек, которого недавно потеряла наука и общество, – Д. А. Валуев.

В прошедшем 1845 году вышел в свет первый том «Синбирского сборника». Здесь, в введении к Разрядной книге, Валуев поместил свое исследование о местничестве в виде комментария на разрядную. Со своей высокой добросовестностью, которая руководила его при всех ученых занятиях, Валуев понял, что в таком предмете, как местничество, где наука еще не имеет никаких предшествующих, уже выработанных ею данных, поверкою могут служить лишь факты, взятые в той случайности, в коей представляет их всякий современный па-

* Москвитянин. 1843. № 1.

мятник, а не в той намеренной расстановке, в какой передает их прямое систематическое изложение предмета. Вот почему он занялся прежде подробным экзегетическим комментарием на один из уцелевших памятников местничества, и уже после такого предварительного труда, который не позволяет обойти молчанием ни одной частности, ни одного по видимому мелкого и незначащего явления, не объяснив его и не указав ему места, Валуев намеревался приступить к объяснению общего значения местничества, изложению самой системы местнических отношений, его значения в государстве, его развития. Смерть помешала ему исполнить последнее, но главное совершено им: подробный комментарий на разрядную с предпосланным исчислением источников для местничества останутся навсегда настольной книгой для каждого, занимающегося русской историей. Этот комментарий лежит в основании предлагаемого исследования о местничестве, автор которого льстит себя надеждой, что восполнил хотя сколько-нибудь неоконченный труд незабвенного товарища.

Все европейские государства обязаны началом своим великому движению дружин, которое неправильно называют переселением народов. На западе дружины встретили колоссальную империю Рима с ее великими государственными учреждениями: из взаимного столкновения, из борьбы начал дружинных с началами, завещанными империей, из этой борьбы, при могущественном воздействии христианства, развилась история западных европейских народов. На востоке Европы также явилась дружина, но она нашла здесь не империю, но многочисленные племена, живущие под формой родового быта, следовательно, здесь начало дружинное пришло в столкновение, вступило в борьбу не с началом государственным, как на Западе, но с началом родовым. Одно из явлений, происшедших от этого столкновения дружинного начала с родовым, есть местничество. Вождь дружины, или князь, скоро подчинился влиянию родового быта племен, которые признали его своею главою: скоро вместо одного властителя мы видим в челе народа целый владетельный род, который считает всю

землю, добытую дедовским оружием, своей нераздельной собственностью; между князьями господствуют чисто родовые отношения. Если вождь дружины подчинился родовому быту, то неужели храбрые товарищи его, дружинники, не заразились тоже родовыми понятиями? Для решения этого вопроса взглянем на первоначальный, чистый характер дружины, после чего нам уже легко будет увидеть те изменения, которые произошли в ее характере среди славянских племен. Дружина, которая появляется во всех краях Европы в начале Средних веков, представляет нам сбродную толпу пришлецов из разных стран и народов; не ищите в ней исключительной национальности: всякий храбрец, из какого бы народа ни был, принимался радушно; какое же место занимал всякий пришлец среди старых дружинников? Это место зависело от назначения вождя: gradus quin etiam et ipse comitatus habet, judicio ejus quem sectantur*,**. В известной саге Ниала рассказывается, что когда Рут (один из героев саги) явился ко двору одного скандинавского князя и был принят в дружину, то спросил его: «Какое же место буду я занимать?» На это князь, находившийся под влиянием матери, отвечал: «Назначение места дружинникам зависит от моей матери»***. Так было везде, так было и у нас, – не потому, чтобы дружина наших первых князей состояла из скандинавов, но потому, что была дружина, и начиная с первых времен до последних дружина, или двор, наших князей наполнялись пришлецами изо всех стран и народов с востока и запада, которым князья назначали место, давали кормление, смотря по их происхождению, по месту, которое они занимали в прежнем отечестве и по личным доблестям. Знаменитому пришлецу часто давали почетнейшее место, часто отстранял он старых, дедовских сподвижников и думцев князя. Но если от князя зависело назначение места для пришлецов, то ясно, что он мог

* А впрочем, внутри дружины различия в положении устанавливаются по усмотрению того, кому она подчиняется (*лат.*). – *Прим. ред.*

** Taciti. Germ. P. 13, 14.

*** Nials Saga, p. 10. Rutusqve mox in satellitium adoptatus, quamnam, inquit, sessionem obtinebo? Cui Rex: hoc penes matrem meam esto.

по произволу назначать места военные и гражданские своим старым дружинникам и вступающим в дружину их сыновьям и родичам. Это-то право князя, которым он пользовался в дружине, встретило препятствие в родовом быте и понятиях того племени, которого он был главою. Легко склониться пред пришлецом, легко уступить на время место другому, зная, что воля князя может переменить отношения, зная, что если не сам, то сын или внук могут опять возвыситься и превзойти соперника. Но не так легко это сделать при господстве родовых понятий, ибо род составлял одно целое, и когда один член рода терял честное место, то с ним терял целый род, понижался перед родом того, которому было уступлено: отношение, допущенное раз одним членом рода к чужому роду, тяготело над всеми членами рода для настоящего времени и надо всеми потомками их для будущего. Это-то господствовавшее в Древней Руси понятие о нераздельности рода стало в противоположность с дружинным правом князя назначать места для своих дружинников и легло в основание местничеству. И князь, подчинившийся родовому быту, родовым понятиям, князь, который сам понимал только родовые счеты со старшими и младшими братьями, проводивший всю жизнь в этих счетах, не мог не признать господства родовых понятий, родовых счетов между дружинниками своими, не мог не признать местничества. Но, признав местничество, князь не мог, однако, отказаться от права наполнять свою дружину как можно большим числом храбрых мужей, потому что храбрая и многочисленная дружина давала ему значение и силу, она давала ему богатство, давала победу в родовых распрях, отворяла ворота к старшему столу. Отсюда необходимость для князя принимать людей известных своей доблестью; но эти люди соглашались вступить в службу князя только при условии места, соответствующего их достоинству, и потому они непременно должны были оттеснять старых дружинников, старых бояр от первых мест, *заезжали* их, по местническому выражению*. Еще хорошо, если пришлец был издалека, из чужого народа, угрин, чудин, немец, лях; тем,

* См. Исслед. Валуева, стр. 106; Москвитянин. 1843. № 1.

которых он заезжал, нельзя было выставить против него ни родовых счетов по лествице, ни служебных по разряду; оставалось поверить князю, что заезжий *человек честный* и уступить место или самим отъехать к другому князю. Вот почему дружина, а после двор князей наших так легко наполнялись пришлецами из чужих народов. Но если пришлец был из русского же княжества, если степень его в лествице и служебное место в дружине прежнего князя были известны, тогда уже нельзя было избежать местнических столкновений, как, например, в следующем деле*: *Государю Князю Ивану Васильевичу Московскому бьет челом холоп твой Васюк Зюзин: сказали, Государь, быти у твоего государева дела перед тобою, Государем, в окольничих Федору Нагому, да мне, холопу твоему, милостивый Государь, покажи милость, пощади холопа твоего: ни дед, ни прадед мой в Твери меньши деда и прадеда Федорова николи не бывали; сыщи, Государь, милосердием твоим, как тебя, Государя, Бог известит, а во всем колене Бог, да ты, Государь, как велишь холопу твоему; надежда вся на Бога да на тебя, Государя. Милостивый Государь, покажи милость, смилуйся!* Да тут же Василий подал родства своего список и в родстве его пишет: *Приехал из Чернигова во Тверь Борис Федорович, прозвище ему было Половой; а был в Твери боярин; у Бориса сын Федор и тот в Твери боярин же был, у Федора сын Михайла Шетен, а в Твери был тысяцкой, у Михаила сын Константин Шетнев, а во Твери был тысяцкой же. А у Константина детей: Иван Шетнев, тот был во Твери тысяцкой же, а другой сын у Константина Михайло Гнездовский. У Ивана у Шетнева детей: Ондрей Зуза, прадед мой, да Офонасей Шетнев. У Андрея у Зузы детей: дед мой Василей, да Григорей Страднин, да Олексей, да Карп, Василей меньшой, Андрей в Черипах был, Антоний у Чюда, у деда большой, мой отец Григорий да Иван.*

Но кроме заездов частый случай к местническим столкновениям подавал беспрестанный переход князей из одной волости в другую, причем они приводили из старого княже-

* Москвитянин. 1843. № 1.

ства в новое своих собственных дружинников, к которым, разумеется, питали большую любовь и доверенность, вследствие чего давали им высшие места перед дружинниками, которых находили в новом княжестве и которые были им неизвестны. Отсюда ненависть старых дружинников к пришлецам, старание первых сбыть во что бы то ни стало последних, а для этого единственным средством было завести крамолу против князя и призвать на его место другого. Смуты и неудовольствия вследствие означенной причины появляются очень рано. Уже о Всеволоде I, отце Мономаха, говорится: *Нача любити смысл уных, совет створя с ними; си же начаша заводит и негодовати дружины своея первыя, и людем не доходити княж правды*[*]. Здесь под именем *уных* разумеются не молодые люди, но люди новые для киевлян, пришлецы, которых Всеволод привел из прежних областей своих, Переяславля и Чернигова; ибо странно предположить, что Всеволод на старости лет покинул своих ровесников и прилепился к юношам. О Святополке Изяславиче летописец также с негодованием говорит, что он больше слушался тех, которых привел с собою, нежели старой киевской дружины: *Святополк же, нездумав с большею дружиною отвею и стрыя своего, совет сотвори со пришедшими с ним*[**]. Но всего резче обнаружилась нелюбовь старых дружинников к пришлецам во время борьбы Мономаховичей и Святославичей: киевляне, убеждая Изяслава Мстиславича сменить Ольговичей, говорили: *Ты наш князь, пойди, Ольгович не хочет быти акы в задничи*[***].

Единственным средством для старых дружинников, заеханным пришлецами, оставалось отъезжать в другие княжества; вот почему право отъезда было самым драгоценным правом для бояр наших, вот почему они так горячо за него стояли и упорством своим в его сохранении вызвали такие страшные меры со стороны московских государей. Тот самый Зюзин, о котором мы уже упоминали, говорит нам, почему он отъехал

* Лавр., стр. 93.

** Кенигсб., стр. 135.

*** Ипатьев., стр. 23.

от великого князя литовского к великому князю московскому: *Да Василей же подал память, и в памяти пишет: Дед, Господине, мой Василей Ондреевич Зюзин з братьею поехал с своим Государем с Вел. князем Михайлом Борисовичем Тверским в Литву, а ко Твери, Господине, да и в Литве был дед мой у своего Государя боярин, а дядя, Господине, мой Федор Зюзин, меньшой брат батьку, в Литве был на Щитово место справца гетманства дворного, а с ним был в меньших товарищах князь Ондрей Озерецкой, а яз, Господине, был в Литве да Остафий Волович у одного дела со мною, и меня Остафьем учали отводити, и яз, не хотя Остафья меньши быть, того для и к Государю отъехал, о том ведает Бог да Государь*[*].

Эти отъезды вследствие местничества играют иногда важную роль в событиях. Так по смерти великого князя Андрея Городецкого, умершего бездетным, бояре его, из которых главным был некто Акинф, перешли на службу к московским князьям, Юрию и Ивану Калите Даниловичам; но в Москву пришел в то же время на службу знаменитый киевский боярин Родион Несторович с сыном и привел собственный двор, состоявший из 1700 человек. Ясно, как должны были обрадоваться московские князья такому служебнику: они дали ему первое место между московскими боярами, и после Калита, ставши Велик. князем, ввел его в свою половину Волока[**]. Этим оскорбился городецкий боярин Акинф и отъехал к сопернику московских князей, Михаилу Тверскому; но он не довольствовался отъездом и хотел мести. Когда Юрий ушел в Орду, поручив свое княжество Ивану, тверичи, наученные Акинфом, захватили одну из переяславских волостей, и когда Калита, опасаясь за самый Переяславль, засел в этом городе, Акинф с многочисленной ратью явился сам под стенами его и три дня держал князя в осаде, но на четвертый явился на выручку Родион, зашел тверичам в тыл, Калита сделал вылазку из города: Акинф, потерпевший поражение, был убит собственноручно Родионом, который, воткнув голову его на

* Москвитянин. 1843. № 1.

** Другая половина принадлежала Новгороду.

копье, представил Калите с следующими словами: «Се, Господин, твоего изменника, а моего местника глава!» Еще пример: Александр Михайлович Тверской, лишенный Твери и живя долго во Пскове, набрал себе новых дружинников*; когда Александр, помирившись с ханом, приехал в Тверь, то мы видим, что тверские бояре отъезжают в Москву, причем Карамзин** справедливо догадался, что они не хотели уступить новым любимцам. Когда Дмитрий Донской по смерти тысяцкого Василия Вельяминова уничтожил этот сан в своем княжестве, то сын последнего тысяцкого, Иван, которому уже с другими боярами у одного дела быть не приходилось, отъехал в Тверь***. Наконец, во время борьбы великого князя Василия Васильевича с дядей Юрием, когда знаменитый московский боярин Иван Дмитриевич отъехал к Юрию и победа осталась на стороне последнего, то другой боярин Юрия, Морозов, вопреки Ивану Дмитриевичу и сыновьям Юрия вступился за пленного Василия Васильевича и выхлопотал ему у дяди выгодные условия, явно в ущерб своему князю. Этого явления нельзя иначе объяснить, как местничеством, именно тем, что Иван Дмитриевич заехал Морозова, который и начал стараться восстановить Василия, дабы после иметь возможность отъехать к нему. Но когда московские князья, собрав Северо-восточную Русь в одно государство, положили конец отъездам из одного княжества в другое, а отъезды к великому князю литовско-русскому получили значение измены вследствие преобладания государственных понятий и различия вероисповеданий, – тогда-то местнические споры должны были усилиться при московском дворе до чрезвычайности. Московские великие князья и потом цари, которых главною задачею было уничтожение родовых отношений между князьями и замена их государственными, ставши, следовательно, в разладе со старой Русью, которой

* Карамз., т. IV, прим. 324.

** Там же, прим. 304.

*** Что Иван Вельяминов мог иметь притязание на отцовское достоинство, доказательством служит дело того же Зюзина, из которого видно, что сан тысяцкого в Твери сохранялся в одном роде и переходил от отца к сыну.

местничество было порождением, по этому одному должны были враждебно смотреть на него, не говоря уже о страшном вреде, проистекавшем от местничества для службы*.

Несмотря, однако, на стремление московских государей противоборствовать местничеству, это исчадие старого порядка вещей было еще так сильно, что государи должны были терпеть его, даже уступать ему. Когда князю нужно было принять в свою дружину знаменитого пришлеца** и дать ему

---

* См. Исслед. Валуева, стр. 33: «Под 1570 годом на страницах 66 и 67 снова ряд челобитий одного воеводы на другого во время похода, и *писано было от царя, чтобы списки взяли и были по росписи, но воеводы опять замшились и к Кеси не пошли, и Царь, кручинясь, прислал к ним с Москвы посольского дьяка Андрея Щелкалова, а из слободы послал дворянина Салтыкова и велел им иттить к Кеси промышлять своим делом м и м о в о е в о д*. Но окончательным следствием всего этого замешательства было, что войско было разбито, наряд взят, *а иные воеводы тогда с дела побежали, а товарищей своих бояр и воевод выдали*, – разумеется, что вследствие того же, *что быть им вместе на службе не приходилось*».

** Здесь я не могу согласиться с мнением Валуева, который думал, что такие новопринятые бояре назывались *введенными* для означения, что такой-то и его род *введен в* общий родовой распорядок государства («Синбир. сбор.», во введении к бумагам Кикиных и в исследовании о местничестве, стр. 106). Введенным боярином назывался боярин, которого князь вводил не в общий родовой распорядок (ибо тогда все бояре были бы введенные), но во владение известным городом, известной областью; так назывался он в отличие от бояр, остававшихся при князе без особой правительственной должности. Так, о Логине Михайловиче Кикине говорится (см. «Симб. сбор.»), что он был *у В. кн. Дмитрия Ивановича боярин введенный и города-державец, держал города Волок и Торжок без отнимки*. Ясно, что боярин введенный не мог идти в поход ст. воеводой князя, ибо должен был остаться в городе, ему вверенном, в управление которым он был введен, равно во время осады он не мог оставаться на том месте, где случайно жил, имея там собственность, но должен был спешить в свой город. Вот почему в договорах между велик. князьями и удельными встречается постоянно условие: *А где яз В. Князь пошлю своего воеводу которого города, а которые люди тебе служат того города, и тем людем итти под твоим воеводой, а твоему воеводе идти с моим воеводой, опрочь бояр в в е д е н н ы х. А городная осада, где кто живет, тому тут и сидеть, опрочь бояр в в е д е н н ы х.* Если бы Логин Кикин называл себя введенным в смысле принятого в общий родовой распорядок, то зачем же сыну его Тимофею величать себя также введенным боярином (см. «Синбир. сборн.»)? Если отец один раз введен в общий родовой распорядок, то, разумеется, вместе с ним введено и все его потомство, и сына незачем вводить вторично.

высшее место пред старыми боярами, то для восстановления местнических отношений, нарушенных приездом нового дружинника, необходимо было сделать новый ряд, что означалось словом *менить*, т.е. переменять местнические отношения. До нас дошло известие об этой мене*, из которого видно, с какой торжественностью производилась она и какую, следовательно, важность полагали в ней: *Как князь Юрий Патрикеевич приехал, а заехал, бояр Константина Шею, да Ивана Дмитриевича, Володимера Даниловича, Димитрия Васильевича, Федора Кошкина Голтяя, менил дед мой князь Великий Василей Дмитриевич своим отцем, с Киприаном митрополитом, своими бояры: Дмитрием Александровичем, Степаном Васильевичем, Иваном Федоровичем, Федором, другим Андреевичем, Данилом Феофановичем; Киприян Митрополит менил моим дедом с Великим Князем Василием Дмитриевичем, своими бояры; чернцом Андреем Ослобитем, Дмитрием Ефимовичем, Степаном Феофановичем, Демьяном Романовичем, Михайлом Раем.*

Если иногда правительство для пользы службы нарушало обычное право местничества, то люди, оскорбленные этим нарушением, не думали исполнять воли правительства, и оно уступало наконец их требованиям. Так, например**, А. Голицын на службу не поехал для Б. Трубецкого, ибо перед тем ему не дано было счету на Трубецкого, и царь велел отвезти его на службу приставу, который его на службу и привез; но он списков не взял, и за то посажен в тюрьму нарошную, сидел в тюрьме две недели и списков все-таки не взял; наконец царь велел его из тюрьмы выпустить и со службы отпустить, и назначить на его место другого. На странице 103 снова искал А. Голицын на Т. Трубецком и, как видно, суд был на этот раз дан ему, ибо сказано, что судил их и пр. Так, мы видим, что правительство уступило наконец требованию Голицына, не смотря на свой первый отказ ему и учиненное наказание***.

* Москвитянин, 1843. № 1.

** Исслед. Валуева, стр. 84, 85.

*** Там же, стр. 71.

Как было сильно местничество в начале московского единодержавия, показывает невмешательство правительства касательно распределения мест в войске: «Места в войске вообще не подлежали распределению исполнительной власти, но что каждое место было уже наперед определено за известным лицом или лицами по известным обычным отношениям этих мест между собой и по наперед данным, переходящим из поколения в поколение местническим отношениям всех служилых лиц государства. Верховная власть, особливо же в начале единодержавия московского, когда все отношения жизни, а, следовательно и местничества, как главной пружины всей этой жизни, были еще проще и непосредственнее и не получали последующей сложности государственного механизма, – решала только мир или войну, назначала известный поход, или определяла войску собраться тогда-то и там-то; войско же само собой собиралось и становилось под знамена, не нуждаясь ни в наборщиках, ни в расписаниях – кому, где и как быть и пр. Каждый уже знал наперед свое место в нем, отдельные дружины располагались в полки, полки размещались в ополчения на 3 или на 5 полков, воеводы принимали начальство над полками, кому с кем вместно и т.д., и все это двигалось и слагалось по известному внутреннему обычному закону и отношениям жизни, – которая по тому самому и не нуждалась ни в каком внешнем двигателе, ею распоряжающем. Правительству же оставался один только высший, общий надзор за правильным сбором и размещением войска и мест в нем, и сам царь (или его разряд), не принимая на себя труда решать, кому с кем и где быть вместно, высказывал иногда в своих грамотах, что предоставляется самим воеводам знать или рассудить, где кому и с кем быть пригоже и что *пригоже.* Так, в арх. разр. № 5 (л. 2 под 1493 г.) после обыкновенного разряда воевод на 5 полков сказано: *К Воротынским князем и Одоевским князю Михаилу Мезецкому велел на правой быти подле передовой полк Вел. Князя – кн. Велик стороне, и на левой, где похотят. А непохочет быти кн. Дмитрей з братом своим, со кн. Семеном вместе, и кн. Дмитрию быти своим полком подле боль-*

шой полк, где пригоже, а кн. Семену и брату его, кн. Ивану Перемышльскому, быти подле передовой полк, на праве, или налеве, где похотят. А Одоевским князем и Белевским и Мезецкому, где будет пригоже, а князем быти в полку, и им тутo быти, или где похотят. В арх. разр. № 13–812 (стр. 367 под 1536 г.): кн. *Великий послал кн. Александру Васил. Кашину, что не съезжаются с Мих. Тучковым, и наше бы дело у вас не терялося, съезжалися бы еста к Дм. Полуехтову, то вам намесник; а не похотитя съезжатися к Дмитрею, и вам бы съезжатися где пригоже*[*].

Иногда воеводы, прежде чем принимали на себя службу, как бы торговались с правительством и наперед вступали с ним в условия, на которых служить ему готовы, например, кн. *А. Хилков, М. Кашин и М. Салтыкове били челом об указе, что если грамоты будут приходить к одному кн. Трубецкому, то мы на службу готовы, а если к Трубецкому и Хворостинину вместе* (т.е. на имя обоих. – *Д. В.*), *то им быть невместно*[**].

Нередко местничество «прямо оспаривало письменные акты и царские грамоты потому только, что они противоречили ему; так, например, при Годунове подлинная невместная грамота, данная Грозным, была обвинена воровской, несмотря на скрепы и дьячью подпись, и дьяк Щелкалов, вызванный решить подлинность ее, отвечал справедливо или нет: *что такой не довелось дати, а поднес который подьячий во многих делах и подписал де он за неведы*[***]. Мы уже упоминали о неповиновении воевод указам царским и о вреде, проистекавшем от этого неповиновения: но местнические счеты происходили не в одних полках, а также и при дворе, где, разумеется, упорство местников имело следствия больше смешные, чем вредные. Так Котошихин описывает упрямство местников: *Царь велит посадити за стол сильно... и он под ним не сидит, а выбивается из за стола вон... и кричит: хотя де Царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть, и спустится под стол* и пр.

* Исслед. Валуева, стр. 45.

** Там же, стр. 75.

*** Там же, стр. 19.

Всего замечательнее в этом отношении дело князя Козловского, который уже после уничтожения местничества, при царе Петре, не хотел сидеть под Нарышкиным и отговаривался болезнью от царского стола.

Велено было быть к Царскому столу кн. Козловскому и два раза посылан за ним дьяк, но он не поехал, а в третий раз послан дьяк и велено, взяв у него карету, привесть неволею. Но Козловский вновь отказался за болезнью и был в черном платье и на дворе у него кареты и лошадей не сыскано, и тогда велено было за непослушание привести его в простой телеге. И привезен он был к Красному крыльцу и говорено ему было, чтобы он шел вверх, но он не пошел и снова два раза посылан был за ним разрядный дьяк, он же на верх итти за болезнью вновь отказался и черного платья с себя не сложил. И тогда, по Государеву указу, из телеги был взят и отнесен в Патриаршу крестовую и лежал на полу многое время и у стола не сидел, и велено было его за стол посадить неволею, и он за столом о себе не сидел, а держали его разрядные подьячие[*].

Бывали примеры, что бояре, проигравшие свое дело по местничеству, хотели постричься, и царь принужден был давать им правую грамоту[**].

Как же могли противодействовать великие князья и цари такой могущественной форме отношений? Любопытно взглянуть на средства, употребляемые государями для нарушения местнического порядка в пользу лиц, которых они хотели возвысить. В дворцовых записках читаем *следующий* случай[***]: *При Василье Ив. Шуйском Иван Пушкин, меньшой в роде бил челом на Д. М. Пажарского, но суд не был вершен. Ц. Мих. Феод. велел, при своем венце Гавриле Пушкину, высшему родичу сказать боярство Д. М. Пожарскому, но Гаврила отвечал, что ему невместно, что их родители меньши Пожарских не бывали и что доселе еще суд невершон с меньшим его родичем, но Государь указал для своего Царского венца во всяких чинах быть*

* Исслед. Валуева, стр. 139.

** Там же, стр. 36.

*** Там же, стр. 108.

без мест, и тогда Гаврило боярство сказывал. 15 лет спустя Борис Пушкин, племянник Гаврилы, бил снова челом на Д. М. Пожарского, но был за бесчестье послан в тюрьму, потому что *при Царе Вас. Ив. Пушкин был меньше Д. Пожарского, да и дядя твой сказывал боярство Пожарскому, а были без мест для Царского венца, а не для его челобитья*. Обыкновенно же царь, повышая своих любимцев, употреблял следующие средства: или не давал вершения суду, или отставлял противника, или объявлял службу невместной.

Валуев, рассмотрев каждое царствование отдельно, дал нам возможность видеть поведение каждого из московских государей относительно местничества. Прежде всего обращает на себя наше внимание царствование Иоанна IV. В 1550 году царь уничтожил местнические счеты князей, детей боярских и больших дворян с воеводами; объявлено, что служба их не будет порукою для их будущих счетов в отечестве, когда они сами будут в сане воевод и случится им быть вместе с теми же воеводами, под которыми прежде служили.

Царь и В. Князь Иван Васильевич всея Руси приговорил с отцем своим Макарием митрополитом и с братом своим с князем Юрьем Васильевичем, и со кн. Володимер. Андреевичем и своими бояры, да и в наряде служебной велел написати, где быти на Цареве и В. Князя службе боярам и воеводам по полкам.... А князем и дворяном болшим и детем боярским на Цареве и В. Князя службе с бояры и с воеводами, или с легкими воеводами Царева и В. Князя для дела быть без мест; и в наряд служебной Ц. и В. К. велел записать, что боярским детем и дворяном большим случитца на Ц. и В. К. службе быть с воеводами не по их отечеству, и в том их отечестве поруxи ни которые нет. А которые дворяне большие ныне будут с меньшими воеводами (здесь большой и меньшой принимаются в местническом смысле. – *С. С.*), *где на Ц. и В. К. службе не по своему отечеству, а вперед из них случитца кому из тех дворян больших самим быть в воеводах с теми ж воеводами вместе, с которыми они били, или им лучитца где быть на какове посылки и с теми ж воеводами, с которыми оне бывали, тогды*

счет дать и быть им тогды в воеводах по своему отечеству; а наперед того, хотя и бывали с которыми воеводами с меньшими на службе, и тем дворяном с теми воеводами в счете в своем отечества порухи нет, по Государеву и В. К. приговору (с. г. г. и д. т. II, № 38; Никон. лет., т. VII, стр. 258.).

Ища выхода из ненавистного ему порядка вещей, Грозный учредил опричнину, которая была не иное что, как древняя дружина, знавшая только своего вождя, покорная только его велению, долженствовавшая забыть предания прошедшего, забыть настоящие отношения к родной стране, к родным людям. Из такого значения опричнины ясно, что в ней местнические счеты не могли иметь места, что воля вождя решала здесь все; и точно, мы видим, что опричнина спутала местнические счеты, и в последующих случаях на нее указывают, как на случайное нарушение обычного права местничества, которого не должно принимать в расчет: *то деялось в опричнине*, – говорят челобитчики, – *а хотя и будет таков разряд и был, а та была Государева воля в опричнине, а в том Государь волен*[*]. Но и здесь, в этой опричнине, в этой Александровской слободе, притоне страшной дружины, царя смущали местнические челобитные: *быть без мест!* – было на них ответом[**]. Когда полкам опричным нужно было соединяться с земскими, тогда воеводы земские бывали в одном полку с опричными и местами не считались[***].

Вообще царствование Грозного не богато местническими случаями: целые годы, как кажется, проходила без споров; споры эти происходили преимущественно между военными

* Исслед. Валуева, стр. 16 и 17.

** Там же, стр. 16.

*** Там же: *А где случится воеводе кн. И. П. Шуйскому с товарищи сойтися под людьми с о п р и ч н и н н ы м и воеводами, и сшедшися быти по полком, большому полку в бол. п., передовому полку в пер. п., сторожевому полку в стор. п., а люди с ними по их спискам. А как сойдутся с вяземскими и со ржевскими воеводами холмские бояре и воеводы, и тогда быти бояром и воеводам, кн. И. Ф. Мстиславскому с товарищи, по росписи по полком с бояр. с кн. И. Д. Бельским. Большому полку в бол. п., правой руке в прав, р., передовому п. в перед., сторожевому п. в сторож, левой руке в лев., и быти у Государева дела бояром и воеводам без мест.*

чинами; царь решал их скоро, благоразумно и милостиво; всего чаще встречается следующее решение – *служить и как служба минет, тогда и счет будет дан*. Почти половина всех споров решалась такой невместностью службы, что было самым прямым и верным исходом из тех препятствий и невыгод, которые местничество могло представлять для государственной службы. Для решения споров назначаемы были один или два боярина и при них дьяк, да записывал подьячий. Но иногда сам Грозный, охотник до исторических розысканий и критики вообще, брал на себя труд разбирать челобитчиков и сам выводил их поколенные росписи, вычислял службы их предков и давние, многосторонние отношения этой службы к другим родам и лицам, судил и рядил, но всегда более или менее соображаясь с обычным правом и ссылаясь на его положения; иногда отставлял от дела случаи, представленные челобитчиками, и сам придумывал новое замысловатое отношение по службе, по которому и приказывал решать. Замечательно, что с 1572 года, т.е. со времени уничтожения опричнины, число местнических случаев удвояется и возрастает с каждым годом почти в геометрической пропорции; это легко объясняется тем, что опричнина необходимо должна была спутать все отношения*. Любопытно также проследить, как постепенно возвышались Годуновы, покровительствуемые грозным царем. Ни на кого не встречается столько челобитий, сколько на Годуновых, но они, однако, везде были оправлены**.

Грозный, видя, что местничество еще сильно, что открыто действовать против него невозможно, употреблял самое лучшее средство для обхода его вредных следствий, именно объявление службы невместною, и с неправыми челобитчиками поступал вообще очень милостиво. Объявляя походы без мест, отстраняя споры невместными грамотами, правительство незаметно отучало таким образом воевод от местничества, что и случилось при Романовых, когда все почти походы бывали без мест. Но этой благоразумной мере Грозного и его

* Исслед. Валуева, стр. 14, 15, 43.

** Там же, стр. 34.

кротости в отношении к местничеству не подражали в царствование сына его Феодора, т.е. в правление Годунова. Годунов, при всем его уме и талантах, был не в уровень своему положению по тому самому, что постоянно ставил интерес личный и интерес своей семьи выше интереса государственного: так поступил он и в отношении к местничеству. Годунову нужно было возвысить свой род перед другими, а невместность службы не могла содействовать этому возвышению, ибо оставляла все отношения по-прежнему, тогда как Годунову нужно было не временное, но постоянное возвышение его рода перед другими родами боярскими, чего он мог достигнуть только решительным определением отношений вследствие приговора царского; если, например, Сицкий бил челом на Годунова и ему дана невместная грамота, это значит, что отношения между ними остались прежние, что Сицкий вправе считать себя выше Годунова и вперед бить на него челом: Годунову нужно было, чтобы дело было решено окончательно, чтобы окончательно, навсегда Годуновы были поставлены выше Сицких. Итак, несправедливы слова Валуева*: «Государственный ум Годунова не мог не понять, что родовой распорядок уже не отвечал более на новые, постоянно возрастающие требования государственной жизни, он предвидел его близкую кончину и победу государства и не мог не желать ее».

Годунов постоянно забывал государственную мудрость, когда дело шло о его личных выгодах; если бы он предвидел близкую кончину местничества, то ему не нужно было бы употреблять крутых мер против него, а продолжать только отрицательные меры Грозного, обходя вредные следствия местничества и давая ему спокойно вымирать. Но вот что совершенно справедливо говорит Валуев: «Он (Годунов. – *С. С.)* не мог не чувствовать себя *из пришлых* перед той высотой, на которой стоял в государстве, и не чувствовать незаконность им занимаемого *места* в распорядке родовой чести… С вступлением на престал Феодора Иоанновича никто не смел более бить челом на шурина царского и бесспорного правителя государством и

* Исслед. Валуева, стр. 44, 45.

даже на его сродников. Напротив того, мы видим, что Феодор Иоан. вершает и, разумеется, в пользу Годуновых, споры, не вершенные самим Иоанном… Сверх того, хотя прямых челобитий на Годуновых и не было больше и, вероятно, не смели даже *утягивать* Годуновыми в других спорах, но всякое дело, в котором счет доходил до родов, равных с ними или их высших, должно было напоминать всему служебному распорядку и самому Годунову о незаконной им занимаемой высоте, – так что Годунов для поддержания и утверждения своей собственной чести должен был стараться заглушать всякие такие дела и споры по местничеству».

Вот почему вместо кротости иоанновой мы видим при Феодоре необыкновенную строгость, и вместо объявлений службы невместною даже произвол правительства в делах по местничеству; когда обычное право было раз нарушено для Годунова, то он хотел освятить это нарушение и для других родов; всего ненавистнее ему было оставление прежних отношений, и потому объявление службы безместной при нем вышло из употребления; во все царствование Феодора, при учетверившемся числе споров и челобитий мы находим собственно не более пяти невместных грамот или решений, что служба невместна; но зато заключений в тюрьму и других наказаний за челобитья по местничеству мы находим в эти 15 лет до 15*.

Как же скоро Годунов достиг своей цели, стал царем, выделился, следовательно, из прежней среды и возвысился над всеми прежними отношениями, так тотчас же переменил свое поведение касательно местничества: теперь уже местничество не могло быть для него опасно, не могло его затронуть, и потому Борис в отношении к нему является необыкновенно кротким**, ибо суровые меры там, где дело не шло о личных выгодах, не входили в планы Бориса, желавшего, наоборот, милостями привлечь к себе все сословия. Ставши царем, Борис хотел показать, что он не оставил за собою никаких из прежних отношений и потому явился совершенно

* Исслед. Валуева, стр. 45.

** Там же, стр. 149.

беспристрастным к своим родичам, Годуновым, оставил их при прежних отношениях в местническом распорядке, как оставались обыкновенно царские родственники по жене. Но, оставаясь равнодушным к повышению своих родичей, Борис постепенно повышал своего любимца и будущего изменника Петра Басманова, точно так как царь Иоанн Грозный повышал самого Годунова: как при Грозном имел место целый ряд челобитий на Годунова, так в царствование последнего мы находим беспрестанные челобитья на Басманова, от которых отстаивал его царь Борис. Но любопытно взглянуть на поведение правительства относительно местничества в период времени от смерти царя Феодора Иоанновича до избрания Бориса. Временное правительство обнаружило особенную строгость в местнических случаях, и даже не допускало челобитчиков до судебного разбирательства, потому что в такое страшное время, когда престол сиротствовал, оно не могло позволить себе заниматься местническим разбирательством и требовало, чтобы для чрезвычайного случая бояре и воеводы были без мест. Для нас важна здесь роль, которую играет Патриарх: когда получалась челобитная, то, по указу царицы Ирины бояре сказывали Патриарху, и тот писал от себя к ослушному воеводе, *а не учнет делати и Патр. Иов со всем собором и со всеми бояры приговорили его Трубецкому послать головою*[*].

При новой династии Романовых местничество обнаруживает явные признаки вымирания. Так мы встречаем теперь примеры, что соперники ссылаются на царские уставы и приговоры, противоречившие местническим понятиям и обычаю, тогда как прежде мы находим ссылки на эти уставы и приговоры в одних ответах царя или разряда, – знак, что местничество стало уже терять всю свою прежнюю крепость обычая[**]. Правительство следует благоразумной мере Грозного: почти все походы были уже без мест, что и привело постепенно и естественно к мысли об уничтожении местничества, совершенном при царе Феодоре Алексеевиче: здесь вечное *быть*

* Исслед. Валуева, стр. 117.

** Там же, стр. 63.

без мест заменило только повторение этого выражения при каждом походе. По-видимому, в XVII веке местничество достигло своего окончательного результата, а именно: сделало известные степени в государственных должностях принадлежностью немногих родов; так встречаем у Котошихина следующее разделение родов: *Первые роды, которые бывают в боярех, а в окольничих не бывают; вторые роды меньше тех, которые бывают в окольничих и в боярех... а быв в спальниках, бывают пожалованы больших бояр дети в бояре, а иных меньших родов дети в окольничие. Роды ж, которые бывают в думных дворянех, окольничих из честных родов и из средних, и из дворян; и те роды болши тое чести не доходят.* Но, с другой стороны, в XVII веке мы видим в местничестве уже чуждые ему понятия, которые свидетельствуют о сильном ударе, ему нанесенном, а именно мы встречаем новое понятие о высоте своей степенью; так кн. Вяземский говорит: *Да и по степени мы больше Вельяминовых, от Мономахова большова сына Мстиславу пошли, а Вельяминовых степень прежде из орды к В. К. Калите, а не от Великих и не Удельных Князей пошли, а потому мы и больше Вельяминовых*[*]. Но в древнейшую эпоху, когда еще были живы все предания удельной России и владетельного княжества, когда в Москве местничалось второе или третье поколение бывших владетельных князей, в это время мы не находим ни разу, чтоб потомок великого или удельного князя указывал на свое княжеское происхождение и на нем думал опереть права своей чести. Как же объяснить такую новость? Валуев думал[**], что здесь видны аристократические замашки, вероятно, пришлые из Польши и обнаруживающие более или менее польское влияние. Но зачем нам польское влияние, когда дело можно объяснить гораздо легче, естественнее. Мы видели, что первые государи наши, противодействуя местничеству, вводили в свою дружину пришлецов из разных стран и народов, так что «За исключением из общего счета 164 княжеских родов Рюриковичей (тоже пришельцев) и

* Исслед. Валуева, стр. 166.

** Там же, стр. 156.

96 родов, неизвестно откуда пришедших, оказывается, что на 36 родов непришлых приходится 551 въехавших в Россию со всех концов света: в том числе из Франции, Италии, Англии, Цесарии, Венгрии и пр. – 65; из Пруссии – 65; из Польши и Литвы, считая и Гедеминовичей, – 215; из немцев и варяг – 56; из греков, сербов и пр. – 17; из разных татарских орд, сарацин, Кафы, Персии, Грузии – 143. Следовательно, отношение как 1 к 15»*. Все эти пришлые роды были знатные, честные или, по крайней мере, так называли себя: уличить их в обмане было невозможно. Князь верил для собственной выгоды, бояре верили по невозможности не верить и потому послушно раздвигали ряды свои для принятия пришлеца: аристократическое чувство их не могло быть оскорблено. Но в позднейшее время приезд новых дружинников, новых слуг царских из чуждых земель прекращается, или, по крайней мере, становится очень редким, а вместо того пробиваются до первых степеней в государстве люди известного низкого происхождения. Иоанн Грозный первый нанес сильный удар аристократическому чувству, подарив своей доверенностью людей низкого происхождения, по крайней мере относительно низкого, поставив ближе всех к себе Адашева, учредив сан думных дворян, сильно возвысив влияние дьяков на дела, в *которых отцы*, – пишет Тетерин к Морозову, – *вашим отцам в холопство не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют***. Правда, дьяки оставались дьяками, не шли вперед, но их сила, их влияние на дела не могли не оскорбить аристократического чувства родов, не могли не возбудить этого чувства, прежде не высказавшегося, ибо нетронутого, не оскорбленного; Грозный первый задел аристократическое чувство, и при Грозном впервые оно высказалось, именно в Курбском***. После это чувство не переставало быть оскорбляемо: во время междуцарствия Болотников стал воеводой, Андронов спорил с Салтыковым о доверенности Сигизмунда, о влиянии на дела Москвы; нако-

* Исслед. Валуева, стр. 30.

** Курб. Изд. Устрял., стр. 374.

*** Там же, стр. 49.

нец, при новой династии Языковы, Милославские, Матвеевы, Хитровы могли достигнуть первых степеней в государстве. Следовательно, понятие о высоте своей степенью не было занесено из Польши, но обнаруживает естественную, необходимую аристократическую реакцию, вызванную втеснением худородных людей на высшие ступени, ближайшие к трону. На каких основаниях древние знатные роды могли местничаться с Языковыми и Матвеевыми? Их нельзя было утянуть ни лествицей, ни разрядом, против них можно было выставить только свое знатное происхождение, но как скоро понятие о высокости происхождения раз было возбуждено естественным образом чрез противоположение, то уже и древние знатные роды начали считаться друг с другом высотою своей степени, и Вяземский выставляет свое происхождение от Мстислава В. пред татарским происхождением Вельяминовых точно так, как Салтыков выставляет свое знатное происхождение пред Сулешевым, который был иноземец и на Москве новый*.

Изложив происхождение и судьбу местничества в различные эпохи русской истории, мы приступим теперь к обзору его основных начал, как они добыты наукою в последнее время.

Мы видели, что местничество явилось у нас вследствие столкновения начала дружинного с началом родовым. В каком же смысле принимался род при местнических счетах? Родовой круг в местничестве является чрезвычайно обширным: так, встречаем примеры, что бьет челом за родича в осьмом колене**, и всякий член рода, когда он являлся истцом или челобитчиком на чужой род, одинаково был представителем всего рода, во сколько всем прочим родичам доставало до отношений, им вызванных к судебному разбирательству, являлся исполнителем общей, лежавшей на каждом из родичей обязанности защищать и оберегать не только свою честь, но, в свою меру, и честь всего рода***. Притом местнические счеты касались не только всех живых членов рода во всей его обширности, но ча-

* Исслед. Валуева, стр. 129.

** Там же, стр. 77.

*** Там же, стр. 80.

сто даже и умерших, ибо для местничества и его соотношений выбывший или действительный член рода имели совершенно одинаковое значение*. *При всех равных обстоятельствах* всякая потеря одного члена рода должна была в соответствии понижать и всех остальных родичей. Я сказал: при всех равных обстоятельствах, ибо вследствие милости царской, личных достоинств и т.п. случайных обстоятельств могло произойти, что при потере высших родичей несколькими местами против чужих родов отдаленнейшие меньшие оставались при прежней чести и таким образом могли сравняться со своими большими и даже опередить их: ясно, что в таком случае уже нарушалось общее взаимное соответствие всех родовых отношений между собою. Впрочем остальные родичи могли всегда оградить себя от потери одного из своих братий немедленным челобитьем, протестующим против этой потери, так, например, встречается челобитье Ноготкова во всех Оболенских князей место, протестующее против потери Репнина, и решено было, что Репнин виноват один, а прочему роду порухи чести никакой нет**. Очевидно, что и наоборот: все повышения по службе тех или других родичей являлись новой благоприобретенной собственностью всего рода, которой всякий член его мог в свою меру пользоваться на случай своего вступления в разряды государевы. При этом надобно обратить внимание на отношения высших и низших родичей в случае повышения родовой чести последними; эти отношения выведены Валуевым*** a priori, однако вполне подтверждаются значением царской опалы в местническом распорядке. Старшие в роде при господстве родового быта везде пользовались высшей родовою честью и всем достоянием, которое купили роду труд и подвиги их младшей братии. Если во время войны и было их обязанностью предводить своим родом, то когда болезнь, старость, или заведывание домашними делами заставляло их оставаться дома, они пользовались, однако, той же родовой честью и плодами победы,

* Исслед. Валуева, стр. 83, 85.

** Там же, стр. 103.

*** Там же, стр. 124–126 и след.

и даже наибольшим участком в добыче. И потому, заключая от первобытных родовых отношений к местническим, имеем право положить, что низший родич, ставши высоко на службе в разряде, не в меру его высшему, являлся только представителем его родовых отношений в обществе, если, однако, старший не был сам на службе; в противном случае, если старший сам находился в разряде, то низший, ставши высоко пред высшим, необходимо являлся нарушителем его прав; точно так как в первоначальной родовой жизни старший родич мог вовсе не участвовать в походе, или общем совещании, но если он раз участвовал в нем, то необходимо должен был находиться в соответствующей его старшинству чести и на соответствующем ей месте, – например, в первых рядах и т.п. В противном случае прочие родичи являлись невольными нарушителями его прав и чести. Это отношение, выведенное a priori, оправдывается, как мы сказали, значением царской опалы в местничестве, которая была однозначительна временному отсутствию одного или нескольких поколений рода из общего разрядного распорядка и давала положительное право считаться своими меньшими, которые, продолжая бывать в разрядах и подвигаться на поприще служебной чести, необходимо опережали своих родовых высших, по опале не участвовавших в разрядах, ибо опала хотя и принуждала быть в разрядах, однако вместе с тем исключала из разрядного распорядка и его законного движения, приковывая опального к тому месту, на которое он был сослан*.

Род необходимо слагается из старших и младших членов. Я уже в другом месте** старался показать различные представления о старшинстве между членами рода, из которых одно основывалось на старшинстве физическом, причем все дядья считались старше племянников. Другое исходило из отношения старшего брата к младшим, который был к ним в отца место, причем сыновья старшего брата считались братьями дядьям своим, и после даже братьями старшими. Но

* Исслед. Валуева, стр. 126, 127, 128.

** В статье о родовых отношениях между князьями Древней Руси в «Московском сборнике», т. I.

отношения во всех родах долженствовали быть одинаковые, следовательно, оба означенные представления о старшинстве имели место не в одном княжеском роде, но и в родах дружинников княжеских, или дворян; во всех родах оба эти представления должны были вступить в борьбу между собою: которое же одержало верх? Мы видели, что в роде княжеском сначала берет верх представление о старшинстве всех дядей без исключения над всеми племянниками; потом пересиливает представление о старшинстве сына от старшего брата над дядьми, причем, однако, до самого пресечения Рюрикова рода на престоле московском дядья самые младшие не хотят уступить старшинства сыну от старшего брата, так что оба представления остаются при своих крайностях, не уступают друг другу, не допускают ничего среднего. Например, когда Василий Дмитриевич требует от братьев, чтоб они признали старшинство его сына Василия, пятый и самый младший из братьев, Константин, вооружается против этого требования; Владимир Андреевич Старицкий домогается престола мимо племянника Димитрия Иоанновича. Но в других родах, кроме княжеского, мы видим, что оба представления мирятся, а именно первый племянник уравнивается в старшинстве с дядьми, но только с младшими, начиная с четвертого. От чего же произошло такое различие? Во-первых, от того, что в борьбу различных представлений о старшинстве в роде княжеском скоро вмешалось понятие об отдельной собственности, явившееся на северо-востоке вследствие господства городов новых. Преобладание отдельной собственности, разрушив родовую связь, заставило старшего брата воспользоваться своим положением для усиления собственной семьи на счет младших братьев; это приобретенное могущество, силу материальную, он передавал своему старшему сыну, который, в свою очередь, пользовался наследственным могуществом для того, чтобы стать старше дядей, подчинить их себе; и таким образом естественно и незаметно, чрез посредство понятия об отдельной собственности родовые отношения переходили в государственные. Во-вторых, в роде княжеском подчинение

младших братьев старшему гораздо сильнее, нежели в других родах по той самой причине, что для них нет более высшей власти в обществе, старший брат для них вместе отец и государь, значение старшего в роде княжеском, следовательно, гораздо выше значения старшего в других родах, и естественно, необходимо усиливает значение собственной семьи великого князя, особенно его старшего сына: младший брат, чтя в великом князе отца и государя, необходимо переносит это уважение и на сына его, на своего племянника; тогда как в других родах значение старшего брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствием высшей власти, правительства, государя, к которому и старшие и младшие находятся в одинаковых подданнических отношениях, следовательно, здесь разница между старшими и младшими братьями вовсе незначительна, они почти равны друг с другом, а это равенство и помогло старшим дядьям выиграть в борьбе означенных представлений и остаться старше племянников от первого брата. Теперь остается вопрос: какое основание тому, что именно четвертый брат теряет старшинство перед племянником от первого брата? Валуев думал, что «точкой отправления для всего местнического распорядка и всех его счетов было понятие о семье как единице и трех, т.е. отце и трех сыновьях, – восходящее, может быть, до языческих представлений народа, и которое своим естественным ходом слагало общество как местнический распорядок с определенным счетом всех его членов между собой. На этот счет крестьянин доселе во многих местах основывает раскладку податей между собой, дележ земли и пр. Каждый лишний четвертый сын присчитывается к другой семье; так и в местничестве четвертый брат равен своему первому племяннику»*. Но посмотрим, нельзя ли найти объяснение такому счету в самом языческом старшинстве между членами семьи, ибо почти всегда в многочисленной семье только три старших брата сохраняют некоторое равенство между собой касательно возраста, разница же между первым и остальными младшими, начиная с четвер-

* Исслед. Валуева, стр. 158, 153.

того, так обыкновенно велика, что последние находятся еще в детском возрасте, когда первый уже совершенно возмужал; притом обыкновенно случалось и случается, что при жизни отца только трое первых сыновей достигают зрелого возраста, тогда как младшие остаются по смерти отца еще детьми и, как несовершеннолетние, вступают под надзор старшего брата, который действительно заступает для них место отца; мало того, в первоначальном обществе, когда браки заключались очень рано, обыкновенно случалось, что первый сын уже был женат, имел детей, тогда как младшие еще не родились, или были в пеленках, следовательно, старшим сын от первого брата приходился физически старший, или, по крайней мере, равным младшим дядьям своим. Подкрепим сказанное примерами из история. У Святополка Изяславича было четверо сыновей: Мстислав, Ярослав, Изяслав и Брячислав; последний по смерти отца остался малолетним, именно десяти лет и не мог, следовательно, быть самостоятельным, не мог получить волости и должен был находиться под надзором старшего брата (Ярослава, ибо Мстислав уже умер), который заступил для него место отца. У Мономаха было восемь сыновей, из них Вячеслав, третий, если не считать умерших Изяслава и Святослава, и пятый, если считать их, говорит Юрию (четвертому или шестому): *Я был уже бородат, когда ты родился*; но если он был бородат, то мог быть (в то время) и женат, следовательно, его дети могли быть ровесниками Юрию; но сам Вячеслав был пятый брат, следовательно, какова разница между старшим братом Мстиславом и Юрием! Но у Мономаха был младший сын Андрей, родившийся в 1102 году, а через пять лет, в 1107 году, Юрий уже был женат; теперь какова должна быть разница между самым младшим Мономаховичем, Андреем, и самым старшим, Мстиславом! Ясно, что старшие сыновья последнего должны быть старше дяди своего Андрея. У Мстислава было четверо сыновей: четвертый, Владимир, родился за год до отцовской смерти* и должен был, следовательно, остаться младенцем на руках старшего брата отца. У

* Ипатьев., стр. 12.

Димитрия Донского было шесть сыновей: младший Константин родился в год отцовой кончины, следовательно, остался на руках старшего брата Василия. Итак, равенство четвертого брата с первым племянником основывается на старшинстве физическом, потому что обыкновенно четвертый брат уже *слишком* разнится возрастом от старшего брата и подходит к нему в сыновние отношения и, следовательно, становится братом своему племяннику. То же основание руководствует и расчетом крестьянина: предполагается, судя по опыту, что только три сына при жизни отца достигают зрелого возраста, могут нести тягость работ, потому, если есть четвертый совершеннолетний, то он, чтобы не нарушить порядка, отсчитывается к другой семье.

Показав отношения между старшими и младшими членами рода, как утвердились они в местничестве, мы должны обратиться теперь к самым счетам и спорам местническим. Эти споры и счеты могли происходить между ближними родичами, например, между дядьями и племянниками; такие споры, случавшиеся очень редко, решались, по всем вероятностям, полюбовно, семейным, домашним разбирательством: так, мы видим в одном деле, что государь велит решить спор между дядей и племянником их старым родителям*. Если же местнические споры бывали между однородцами, т.е. между такими, которые происходили от одного родоначальника, но уже не были в кровном родстве между собою, тогда счет между ними был по отношениям родовым, т.е. лествицей, или по отношениям служебным, т.е. разрядами, или тем и другим вместе. Если подобный спор возник вследствие одних неясных и спорных родовых отношений, тогда мог иметь место один только счет лествицей; если же спор произошел вследствие нарушения родовых отношений отношениями служебными, тогда счет необходимо был и лествицей, и разрядом.

Всего чаще и почти исключительно представляются одни споры и дела между чужеродцами. Здесь, разумеется, могли иметь место только счеты разрядами, или службой, но

* Исслед. Валуева, стр. 25.

при означенном единстве родов родовые отношения играют здесь посредствующую роль для определения служебных отношений между чужеродцами, а именно: каждый противник старался найти в своем роде члена, высокого по разряду, которым мог возвысить самого себя, или в роде противника отыскивал высшего, или, по крайней мере, равного последнему члену по лествице, например, дядю противника, которого мог унизить пред собой разрядом и таким образом унизить и непосредственного своего противника, Это называлось на местническом языке *утягивать* кого-нибудь кем-нибудь. Я сказал, что старались отыскать в роде противника высшего или, по крайней мере, равного родича, ибо низшим, разумеется, нечего было утягивать, – вот почему встречаем в ответах противников, что утягивание несправедливо, ибо родич, которым утягивают, у *нас мал к чужому роду*, например, племянник, которого утягивают дядей, старается доказать, что этот дядя, по означенным выше понятиям о старшинстве известных племянников пред дядьми меньше его по лествице. Часто даже челобитчик, считая того, с кем местничается, бесспорно ниже себя многими местами, бьет челом прямо на высшего родича своего противника; например, в 1577 году *Государь велел стоять у своего стола с кравчим Б. Ф. Годуновым Ив. Вас. Сицкому, и кн. Иван сказал, что ему невместно и бил челом на большого брата Борисова, а Б. Ф. Годунов бил челом на отца Иванова*. Иногда же случалось наоборот: ответчик, считая низким для себя бить челом самому, посылал вместо себя бить челом или отвечать за себя младшего родича, например: *Бил челом Федор Ласкарев на Ст. Годунова, но в Степаново место бил челом шестой брат его меньшой и Ласкарев был обвинен пятью месты перед Андреем**.

Теперь обратимся к случаям, в которых местничество допускалось. Мы сказали, что дружинное право князя назначать места дружинникам нашло себе препятствие в родовом быте племен, средь которых дружина поселилась, но с понятием дружины мы необходимо соединяем понятие о войске, следо-

* Исслед. Валуева, стр. 33, 34.

вательно, прежде всего местничество должно было обнаруживаться при назначении мест военных. Тацит говорит, что в дружине место тем было честнее, чем ближе к вождю, а место вождя было напереди всех. В нашей русской дружине мы видим то же самое: старший вождь или старший князь предводительствовал в буквальном смысле этого слова, ибо должен был *ездити напереди полком своим*, – так дружина Даниила Галицкого говорила однажды этому князю: *Ты еси король, голова всим полком; аще нас послеши наперед кого, не послушно есть, веси бо ты воинский чин, на ратех обычай ти есть, и всякий ся тебе усрамит и убоится; изъиди сам наперед*[*]. Но до самого образования Московского государства мы не имеем свидетельств о местах воевод в войске, потому что по смерти Ярослава I при господстве родовых княжеских отношений места воевод на войне занимали сами князья, причем старшие занимали места передние или более честные, а младшие – отдаленнейшие, менее честные. Так, право рядить полки принадлежало старшему между братьями, например: *Идущим же им биться, Андрей поча рядити полк отца своего, зане бе старый тогда в братьи*[**]. В летописях встречаем также известие, что за место напереди, как самое честное, происходили споры между князьями: так, когда Мономах пришел со своим полком на помощь к великому князю Святополку, сказано: *И взяста межи собою распря и которы и уладившася*[***]. Другие примеры: *Володимер же Глебович приеха к ним из Переяславля с дружиною своею; испросися у Святослава и во Рюрика ездити напереди с черным клобуком. Святославу же не любо бяшет пустити Володимера наперед перед сыны своими: но Рюрик и инии улюбиша, зане бе муж бодр и дерзок и крепок на рати*[****]. Или: *Володимер же Глебович посла ко Игореви, прося у него ездити напереди полком своим, князи бо русции дале (удали) бяхуть напереде ездити в Русской земле; Игорь же не*

* Ипатьев., стр. 192.

** Там же, стр. 63.

*** Лавр., стр. 93.

**** Там же, стр. 134.

да ему того; Володимер же разгневася и возвратися[*]. Находим также следы разделения войска, сходного с последующим делением на большой полк, правую и левую руку с одинаковыми степенями честности мест; например, при описании Липецкой битвы читаем: *Володимер же Смоленской постави полки своя с края, а от него стал Мстислав и Всеволод с новогородцы, и Володимер Плесковский с плесковичи, а от него ста князь Костянтин с ростовци. Ярослав же ста своими полкы с муромскими, с городчаны и с бродники противу Володимеру и смолняном, а Юрий ста противу Мстиславу и новгородцем со всей землею Суздалской, а меншая братия его противу князя Костянтина*[**]. Здесь мы видим, что средину, место большого полка, занимают старшие князья: с одной стороны Мстислав Торопецкий, с другой – Юрий Суздальский; правую руку – следующие по старшинству: с одной стороны Константин Ростовский, с другой – Ярослав Переяславский; наконец, левую руку – младшие князья.

Но ясно, что в таких войсках, где вождями были одни князья, нельзя искать той подчиненности младших вождей старшим, какую мы привыкли себе представлять, особенно когда князья были отдаленные родичи и равны по своим родовым счетам, как, например, в битве при Калке трое Мстиславов, которых летописец всех равно называет старейшими в Русской земле; притом, так как каждый князь приводил с собою свой полк, свою дружину, то это самое всегда давало ему независимость и вид союзника, а не вождя подчиненного, хотя бы он по своим родовым отношениям и по лигам занимал не почетное место в войске. Вот почему после уже, в Московском государстве, потомки князей, указывая на свои прежние войсковые отношения, не считают положения князя, пришедшего со своим полком из удела, подчиненным главному воеводе, хотя бы этот князь и занимал в войске низшее место, так, например, читаем: *И против тех случаев кн. Федор Лыков сказал... а в 63 году дед мой кн. Юрьи в том разряде был, а ни с кем не был, был со своим*

* Лавр., стр., 137.

** Соф. врем., т. I, стр. 224.

полком из уделу. А в 85 году в разряде дядя мой кн. Федор был в сторожевом полку, да не с Федором с Шереметевым, был со своим полком из уделу ж, а с Фед. с Шереметевым не бывал[*]. Но после, когда государство стало требовать строгой подчиненности младших воевод старшим, споры за места в полках составляют главное содержание местнических дел, и воеводы, имея в виду одни родовые отношения, не хотят слушать увещаний государя, который напоминает им, что они служат не друг другу, но государству: *Юрьи Захарьич писал к великому князю, что ему в сторожевом полку быти не мочно, то мне стеречи князя Данила, и князь великий ему приказал, гораздоль так чинишь, говоришь в сторожевом полку быти тебе не пригож стеречь княж данилова полку, ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела.*

В первые времена, при младенчестве, или даже, можно сказать, при отсутствии государственных отношений, для дружинника собственно службой считалась одна военная; здесь он старался не потерять прав своего рода на почетные места перед другими родами. Но когда на севере возникли понятия государственные, когда князь из вождя дружины стал правителем государства, представителем этого государства, то дружинники, военные товарищи стали уже слугами его, и военное понятие дружины заменилось государственным понятием двора, явилась, следовательно, придворная служба, куда необходимо должно было перейти и местничество. Даже женщины местничались при дворе; но за них, разумеется, били челом мужья или другие родичи, так читаем: *Бил челом Государю и В. К. Борису Федоровичу всея Руси князь Дмитрий, княж Михайлов сын Пожарский. По Государеву Цареву и В. К. Бориса Федоровича всея Руси указу в е л е н о быти у Государыни Царицы и В. К. Марьи Григорьевны всея Руси княж Михайлове княгине Лыковой, княгине Марье, а у Государыни Царевны и В. Княжны Ксении Борисовны всея Руси матери его княгине Марье, и матери его княгине Марье быть меньше княж Михайловы кн. Лыкова невместно, а мочно матери его кн. Марье*

* Исслед. Валуева, 69.

больше быть княж Михайловы кн. Лыкова кн. Марьи многими месты, и Госуд. бы Царь и В. кн. Вс. Рус. его князя Димитрия пожаловал, велел ему со княж Борисовым отцем Лыкова со кн. Михайлом Лыковым в отечестве дати суд и счет[*].

Очень редко встречаем местнические счеты в гражданской службе[**]. Грозный, посылая воевод или наместников в какой-нибудь город, выговаривал им в наказе, чтоб быть без мест с товарищами[***]. Один только раз встречаем известие о местничестве между лицами, составлявшими свиту посольскую; так, Иоанн III в наказе послам своим, отправленным в Литву, пишет: *Да что посланы с вами дети боярские Орлов с товарищи, ино бы в лавке от Губы садился Орлов, а против его в скамье Рахманин Тилилин, а иным бы есте детем боярским молвили, чтоб промеж их мест не было, садили бы ся и к руце ходили и к чаше все переменяяся: о том бы меж их предков не было; а который не послушает, и вы того всчюньте, про то его и ударьте*[****]. Я сказал, что каждый старался о том, чтобы не потерять прав своего рода на почетные места, и точно, при господстве родовых отношений это было единственное стремление каждого; старались не возвышаться постепенно на лествице государственных должностей: здесь каждый благоговейно и беспрекословно преклонялся пред волей монарха и шел туда, куда тот приказывал. Никогда боярин или вообще служивый человек не говорил: не хочу принять этого места, потому что прежде я имел более честное; он старался только о том, чтобы местнические отношения его к другим родам позволяли быть ему на этом месте, принимал место низшее, если товарищи его были такие, с которыми он мог быть вместе, и не соглашал-

* Дела по местничеству, собр. Ивановым и напечат. в «Русск. историч. сборн.», т. II, стр. 971.

** Исслед. Валуева, стр. 36.

*** Дополн. к «Акт. ист.» (т. I, № 127): И с воеводой со князь Григорьем Булгаковым с товарищи да и с дьяком с Михайлом Битяговским был еси (Собуров в Казани), по прежнему нашему наказу без мест, а розни бы у вас в наших делах однолично не было ни в чем, чтоб нашему и земскому делу в том порухи не было.

**** Акты, относящиеся к истории запада России. Т. I, № 192.

ся принять место высшее, но где он должен был находиться вместе с такими, с которыми быть ему не приходилось; так, например, встречаем, что один человек был сначала воеводой в большом полку, через 2 года вторым в том же полку, и еще через 8 лет третьим. Значило ли это, что он все понижался на своей службе? Нисколько: это значило только то, что в первый раз по местническим отношениям его к другим воеводам ему было вместно быть первым, в другой раз вторым и т.д.*.

Но как скоро разряд назначал быть вместе двум лицам, которым по их родовым отношениям быть вместе не приходилось, что на местническом языке носило название *стычки,* то немедленно являлось челобитье со стороны того, который считал себя униженным, ибо в противном случае, если он замедлил челобитьем, то этим самым отказывался от своих прав, уступал чужому роду права своего рода, становился изменником в глазах последнего. Но если должно было спешить челобитьем тотчас после стычки, то, с другой стороны, челобитья, поданные безо всякого повода, безо всякой стычки, не имели никакого значения**. Челобитные рассматривались или самим царем, или боярами; если находили, что назначенным прежде лицам точно быть вместе не приходилось, то их учиняли местниками, т.е. объявляли, что они имеют право считаться между собою и не быть вместе; следовательно, если боярин Родион говорит Калите: *Вот голова твоего изменника, а моего местника*, то это значит «вот голова Акинфа, который думал, что имеет право считаться со мной, имеет право не быть со мною вместе при дворе твоем». После учинения местниками следовала отставка или развод лицам, не могшим быть вместе, или, если польза службы требовала, чтоб они были вместе, то им давались грамоты невместные, по которым их служба вместе не считалась нарушением их прав, их равенства, и по окончании ее они являлись также местниками относительно к будущим назначениям по службе. Местниками оставались

* Исслед. Валуева, стр. 88.

** Так Лыков обвиняет Пожарского, что он бил на него челом не по стычке. Исслед. Валуева, стр. 137.

известные лица еще в том случае, когда дело по челобитью еще не вершено*. Иногда правительство, зная наперед местнические отношения известных лиц, по которым вместе им быть не приходилось, предписывало заранее не назначать их вместе или не стыкать**. Если вследствие стычки одно лицо било челом в отечестве, доказывая, что по родовым и служебным счетам ему с назначенным товарищем вместе быть нельзя, то часто последний, не признавая справедливости иска противника, тем самым уже признавал себя обесчещенным и просил о бесчестьи и обороне, бил челом в бесчестьи и тем начинал в ответ иску первого истца в отечестве о счете совершенно различный от первого иск в бесчестьи. Первый иск в отечестве и счете один только и был местническим иском в его настоящем, строгом значении; иск же в бесчестьи был всегда только побочным иском, не касался сам по себе разбора и определения местнических отношений; почему мы и находим, что иск в отечестве о счете происходил всегда между теми, которым доставало друг до друга, а иск в бесчестьи был всегда обращаем на прямого противника; так иногда в иске на один и тот же род одно и то же лицо бьет челом в отечестве о счете на высших, до которых ему доставало, а о бесчестьи на том или другом низшем, вероятно прямом противнике***. Так же различны были оба иска в своих юридических последствиях. Иск в отечестве, кроме немногих случаев прямого и упорного неповиновения царской воле, оканчивался одним судебным определением отношений одного рода к другому, и иногда только такое определение высоты одного лица перед другом

* Исслед. Валуева, стр. 40. Суд был третьего сына М. Пушкина с третьим сыном О. Плещеева, и суд не вершен, и потому О. Плещеев М. П-ну местник стал.

** Там же, стр. 137. *Чтобы Бутурлина с Плещеевым н е с т ы к а л и, чтобы им в том ссоры не было.*

*** Там же, стр. 100. *Своево бесчестья на кн. Василье Ростовском, а отечества своево искал Иван на кн. Дмитрее Александр. Ростовском, да на деде княж Васильеве, а отвечал за деда своего за кн. Дмитрия Алек. кн. Вас. Ростовской.* Или: *Бутурлин бил челом на Курлятева и Туренина в отечестве, а на Тюфякина в бесчестьи.*

выражаемо было в символическом действии *выдачи головой;* и по тому самому в выдаче головой хотя и представляется нам как бы род наказания, но то было лишь самым крепким утверждением меньшинства одного лица перед другим. Иск же в бесчестьи имел всегда своим последствием, если только справедливость его признавалась, прямое наказание, например, битье батогами, тюрьму, также имело место денежное вознаграждение роду, обесчещенному челобитьем*.

Здесь мы оканчиваема наш краткий обзор истории и основных положений местничества, добытых в настоящее время наукой, которая ждет новых открытий для окончательного приговора над этим важным явлением древней русской жизни.

* Исслед. Валуева, стр. 100. *Ц. и В. К. Романа Бутурлина пожаловал, велел В. Кузмина бити батоги за Романова б е з ч е с т ь я в Болхове перед розрядной избой. А за о т е ч е с т в о велел ево выдати головою Роману Бутурлину*.

РАЗДЕЛ III

ГЕРМАНИЗМ И СЛАВЯНСТВО

Города немецкие и славянские

Один из фактов, которые всех более и резче говорят против ранней образованности и общественного развития славян и на который всех более и чаще указывает Запад, есть именно *введение немецких колоний,* вольных прав и городов в Польшу и прочие земли лехитского племени. В книге Штенцеля обнят целый большой отдел этой колонизации и разобраны со всей ученостью и добросовестностью немца, все ее самые мелкие явления; но не понять их частный смысл, ни общие причины. Действительно, это признание чуждого народа во всех его правах и вольностях с дарованием ему всех угодий и возможных льгот «на улучшение земледелия, внесения новых ремесел и искусств, развитие и устроение общественной жизни туземцев» поставило вольного немца в высокое нравственное и общественное превосходство перед кметем-славянином, обреченным на одни низшие и презираемые отправления жизни общественной; и много послужили к воспитанию того чувства величавого презрения, которое германец долгое время питал ко всему племени славянскому. Но все эти факты объясняются особой личностью племени лехитского, коего летопись слу-

жит великим указателем и вековым уроком для истории всего племени славянского, но может лишь путать и потемнять все понятия и взгляды ученого немца на настоящий дух и значение общей семьи славянской.

Если мы теперь заглянем в первые страницы новой истории, то увидим, что все первые свидетельства сходятся в том, что германцы был народ доблий, воинственный, но еще кочевой и не знавший сплошного жительства сел или городов. Другое общее свидетельство грека и варвара говорит нам, что славяне – племя искони оседлое и земледельческое, живущее в больших мирных и вольных общинах (имп. Маврикий, Прокопий), обнесенных тыном или городом, где им грозила опасность военная. Не одно мелкое племя славянское называлось у немцев урбиями (от ubs), т.е. горожанами, в противоположность другим не оседлым жителям Средней Европы. Немецкие хроники Средних веков, вообще считавшие гуннов, славян и вендов за один и тот же народ, представляли себе тогдашнюю Россию, Гуналанд, великим бесконечным городом, обнесенным семью кругами тына или укреплений (см. «Вандалия» Крантца). Северные саги знают Россию под именем Гардарики, страны городовой, и их первые сказочные герои уже перепрыгивают чрез ее невысокие деревянные или земляные ограды (сага Олава). Бесспорны писаные свидетельства Востока и немое свидетельство арабских монет о ранней обширной торговле Востока (от VI и VII вв. до XI и XII вв.) с северо-востоком России и путями ее с поморьем Вендским («Об арабских монетах на берегах Балтики» Ледебура и др.), а такая торговля не могла существовать без особых складочных мест, рынков и центров ее, т.е. городов в их позднейшем, уже развившемся общественном значении. Если была торговля, то были и города, как они действительно и были: Иорнанд уже говорит о Новего, почти бесспорно Новгороде. Греки следующих столетий уже знают города южной России – о *Кияве*, городе *Семати* (т.е. «*се мати* городов русских»? – Константин Багрянородный). В то же время, если еще не раньше, знаем мы многие города в Польше, Литве и Лужицах (Глогава, Крес-

лавль, Познань, Гнездно), не говоря уже о Средней и Средневосточной Европе, где множество имен славянских свидетельствуют о славянском происхождении городов, истребленных или наследованных впоследствии немцами (ученая Германия еще находит средство спорить и сомневаться в их происхождении). Первые германские известия о Вендском поморье свидетельствуют о городах его (Деммин, Вольгаст, Щетин и др.), а первые немцы, в него проникшие, не могут довольно надивиться множеству цветущих сел и городов (civitates), покрывавших всю землю (путешествие Оттона, Apostel der Pommern*, в «Собрании» Канизия, т. III, ч. 2).

В эпоху положительной истории призвания князей русских мы уже видим Новгород с его родами и общинной жизнью, Киев – уже славным на восток и запад числом своих торговых рынков и церквей Божиих, своим богатством и далеким торгом, и с первыми князьями в нем те же следы – и той же общинной жизни. Более велеречивые летописи XI и XII столетий уже раскрывают перед нами Россию, покрытую одной сетью мелких и больших общин, городов и волостей с их селами и пригородами. Где жизнь органическая, там все исконное, и внезапностей нет, родовая община, как она была у славян («Славянское наследство» Губе) не могла быть выдумана или привнесена. Россия доваряжская была тем же, что и с варягами. Разбойничья шайка норманнов не могла привести с собой, чего не знала на родине, – призванная на охрану, она лишь ставила города и ограды в защиту от врага и власть свою. Город, кремль, место охранной дружины, был и остался всегда рядом, и вместе отделен от поселения общины, тогда как в Германии *бург*, город, возвышался до общины, или усилившаяся община становилась вместе городом-крепостью (Эйхгорн, т. II и III). Нечего искать особых прав и устройства, резко отдельного от сельского, как то было у немцев. Везде было одно племя, одна кровь, одна вера, и потому одно право и одна жизнь. Были власти (волости), был старший и меньший, был богатый

* Апостол Померании *(нем.)* – прозвище епископа Оттона Бамбергского. – *Прим. ред.*

и сильный, слабый и неимущий, меньший и слабый лишь записывался за старшим и сильным (место из летописи: «на чем *власти* положут, на том и меншие»). Также мало могли здесь быть: немецкие гильдии, ибо дух монополии и касты был (повидимому) противен первому племени славянскому; немецкие льготы и преимущества, ибо жизнь развилась из себя и сама собою, а князь был живою главой народа и не стоял, как в Германии, в противоречии двух враждующих начал, из которых одно избавлялось от другого денежной откуплей права или вынуждениями от бессилия несчастья. Что было у нас, то было и в прочем первом мире семьи славянской, и в самой Польше еще встречаются следы первой общинности его (таковых два места в «Хронике» Мартина Галла, и см. о *вечина (vicinia?)* у Рёппеля в истории Польши). В Поморье мы находим то же: все немецкие хроники и акты (грамоты на основание городов) позднейшей немецкой колонизации уже указывают на города Вендские X, XI и XII столетия с их рынками и биржами (Markte и Raufhaufe, как в Шпендаве, Пренцлав cum foro et taberna*), купеческими братствами и торговыми судьями (в Притцвалке fraternitas mercatorum**, во Франкфурте на Одере еще в вендское время Markte и Niederlagerecht*** и Marktgerechtigkeit**** и мост на Одере, которого построение в XVIII столетии еще стоило 7 тысяч талеров, см. победоносный ответ *Кледена г.* Фидицину, гл. V). Спутники еп. Отона и другие позднейшие свидетельства всегда указывали в земле вендской на *гражданства*, *civitates,* что в понятии тогдашнего немца весьма резко отличалось от *villa* или *бург.* Во время нужды и важного дела города-общины поморские ссылались

* С торгом и корчмой *(лат.*). – *Прим. ред.*

** Торговое братство *(лат.*). – *Прим. ред.*

*** «Stapels und Niederlagerecht» – особое право города в средневековой Германии, согласно которому в пределах определенной территории вокруг города не могли устраиваться торги, а все входящие в эти пределы купцы обязаны были следовать через город и определенное время продавать там свой товар. – *Прим. ред.*

**** Рынок *и* особые торговые права *и* правила справедливой торговли *(нем.*). – *Прим. ред.*

от себя и между собою (так Юлин, Щетин и кажется Аркона на великое решение о принятии христианства. См. Бартольда, «История Померании», т. II), как еще в годину безцарствия города Святой Руси на весть об царе и рать за веру и родину.

Теперь обратимся к миру германскому. Не надо забывать, что Германия взошла на поприще истории и в область сведений исторических 4 и даже 5 веками прежде семьи славянской, а между тем первые, и то весьма немногие города немецкого основания являются не прежде конца VIII столетия. Они были собственно пограничными бургами, местами военной засады, какими их ставил посреди своих завоеваний Карл Великий и в начале X века император Генрих I в землях, им приобщенных к империи. Германцу, наконец понявшему жизнь более мирную, образованную и оседлую, еще доставало победного наследия от Рима, кельта и славянина, и он не нуждался в основании новых мест. Собственно города и первое начало жизни общинной является еще позднее, в начале XI и преимущественно XII столетия. Иначе и не могло быть; победитель еще не знал другой жизни и дела, кроме военного меча и ножа охотничьего, а в побежденном не хотел и не умел допустить самостоятельную жизнь мирного труда и заботливой общественности; надо было, чтобы переработались начала и воскресили старый простор жизни общинной и создали новый. Прежде не могло быть и действительно не было самой торговли в ее настоящем смысле; следовательно, не было и городов в смысле общинном. В непокоренных землях славянства не было ни жизни дружинной, ни победителя и побежденного, а была издавна богатая и обширная торговля, следовательно, была и торговая община, были и города.

Даже в XI и XII столетии, когда являются первые города в первых, еще не развитых началах общины, все они принадлежат наследству римскому придунайского и прирейнского края (Эйхгорн, т. III). Доказательство Гюльмана, что ни одна римская фамилия не могла уцелеть до того времени, еще ничего не доказывает, и несмотря на неясность предмета, не исследованного окончательно, почти бесспорно, что многие начала

муниципальности римской перешли в городовое устройство германское; так же как известно, что многие римские кверенды перешли в совершенной целости в гильдии и новую жизнь городов франкских (так булошников в Париже). Торговые и ремесленные гильдии, полагающие и обнимающие собой все устройство города германского, являются также не прежде XI столетия и даже XII и XIII (как в Лондоне), и хотя ученому Вильде угодно связывать их с Одином жреческими приношениями и празднествами германца, еще язычника, и с новым духом христианской любви и общежительства, но ясно, что они вышли из духа личного или тесного эгоизма (индивидуальности) касты и исключительности, который всегда лежал в основе природы германской, как и всего более или менее древнего мира. Германец воин умел быть им лишь в тесном товариществе Контубернии или Вицинии Франкской, Фары Лонгобардской, Фреоборга Саксонского и пр.; так и купцом он мог быть лишь в монополии труда и торга и в тесных, строго исключительных товариществах купеческой и ремесленной жизни. Когда самостоятельное значение древней *общины* или товарищества военного было упразднено властью королевской, они перешли из защиты общей (Wehre) в тайные общества защиты частной (Schu***-Gilden). Короли преследовали их как *conjurationes**, особенно Карл Великий (см. «Декреталии»), а между тем Вильда, нашедши в Дитмарсенской хронике Неокора гильдии, смешенные с шляхтами и клуфтами (однозначительными Римским *родам* – *gentes*, по мнению Нибура (т. I, гл. VIII)), не умел соединить оба понятия; «ибо гильдии никогда не имели значения правительственного устройства»; но Дитмарсен лишь сохранил прежнее товарищество или даже братство (*родовая* связь уступала искусственной) в ее старом значении полной самостоятельности. Может быть, нам укажут на северную Германию, на Хурмарк, где гильдии, если только они заслуживают это название, – часто именуемые братствами *(fraternitates)*, не имели в себе ничего исключительного и замкнутого, и когда в 1688 году были частые попытки вве-

* Союзы заговорщиков *(лат.)*. – *Прим. ред.*

сти касту, то все замкнутые гильдии были навсегда запрещены, – то же было гораздо ранее в Гамбурге. Но не должно забывать, что весь этот край был долго славянским, и не более трех или четырех столетий как забыл свое славянское слово. При всем том в XI и даже в XII столетии мы имели еще одни зародыши того общинного построения, из которого выросла впоследствии вся сила, крепость и богатство городов немецких. Впоследствии столько могущественные и страшные корпорации ремесленников еще находились в крепостном отношении (Horigkeit*, см. *Wilda. Gildenwesen)*, и на нем основывалось самое их разделение. Возросшие лишь постепенно, из вынужденных льгот и выкупленных прав княжеских, городовые общины могли образоваться вполне только веками, и следовательно, лишь с последующими столетиями, и действительно, города с их полной и развитой общиной появляются лишь один за другим и мало-помалу в конце XII и по весь XIII век, а свою полную правительственную самобытность и державство земское (Lands-hoheit) получают не далее, как в конце XIII и в течение XIV столетия.

Итак, мы видели, что неоседлый германец лишь после 13-векового бытия исторического и четырехвекового бытия государственного задумывает первое основание своих городов, и то лишь засадных мест дружины; а первое начало города-общины является не прежде XI и XII века, полное совершение его частной общинной жизни – лишь в конце XIII, и наконец, совершенная самобытность земская – лишь в XIV столетия, а славянин с первыми свидетельствами историческими уже является, объятый одной всеобщей жизнью общины, и разбросанной на необъятном пространстве своих степей, вместе собран, в городах и селах, на тесное единение своего общежительства. С первым шагом государства в России городовая община уже является во всей ее общественной полноте, сохранившей свой особый круг внутренней деятельности во все первое удельное время России. Каким же образом после этого согласить то, что нам родное и кровное племя забыло и утратило свое и самород-

* Крепостная зависимость (*нем.*) – *Прим. ред.*

ное и обратилось к чужому труду и разуму, чужой науке общества и чужому быту общественному? Но для этого не надо забывать, что этот факт принадлежит исключительно племени лехитскому. Превосходство же немца в искусствах материальных и вообще в просвещении вещественном, наследованном им от Рима, еще ничего не объясняет, – для обучения туземца достало бы одних учителей, но обучать было некого, – и потому призвано целое население.

Всякий народ (как и человек), принявший в свою организацию вредное начало, но возросшее в нем из его внутренней мысли и духовного организма, заражается и страдает им менее, и оно приносит в нем менее вредных плодов, – чем когда принятое племенем, которому оно чуждо и которое приняло его из внешней необходимости. Несчастное полонение Польши в перепутьи всего потока народов, затопившего Европу, вызвало ее к постоянной, долгой борьбе, возобновляемой с каждым новым пришельцем, и мирное племя славянское было вынуждено к постоянной жизни дружины. Дружинник лехитский был естественно хуже всякого дружинника германского. Германец вел войну добычи, прибыток войны и военнопленный раб, а часто целое побежденное и обращенное в рабство племя, служило вещественным нуждам победной дружины, и потому каждый германец мог быть и был вместе воин и целым племенем шел на войну. Славянин ляхит мог лишь защищаться. Первые славяне, по свидетельству имп. Маврикия (Strateg, LXI) и др., не имели рабов. Славянское племя, выделившее половину своего братства в охрану и защиту, должно было оставить другую половину на трудовую жизнь пахаря и пастуха, в обеспечение общих вещественных нужд. Воин вскоре, по необходимости дружинник, из защитника стал властью, и в гордости силы вещественной скоро забыл долг своего братства. Он низвел трудившегося единокровца до последней степени пария общественного. Тому свидетели те страшные кровавые взрывы, которые не раз обагрили первые шаги исторического государства Польши, тогда как престарелый Запад до XV и XVI столетий еще не знал поселянской войны (Bauernkrieg), и ни одно дру-

гое общество славянское ее не могло и не может знать (*Gallus* ed. Bandke, p. 89; *Рёппель*, стр. 175 и 202 – при Мечиславе II и др.). Сила вещественная и власть, разумеется, победили. Все общинное было истреблено, от города славянского осталась одна военная засада – *бург*, крепость. Между паном и шляхтой и кметем, низшим сословием, не осталось ничего, ни одного среднего звена общественного, – а между тем пан и шляхтич по-прежнему не знал и не хотел знать ничего, кроме забавы, охоты и бражничества, или драки военной, а в отупевшем кмете была уже убита возможность всякаго плодотворного труда, даже вещественного. Власть короля, обессилевшая в своеволии дружины, не могла более спасти общества. Общество, отняв у себя свою вещественную опору, должно было искать ее на стороне, не имея чем наполнить пробел между вершиной и подножием; оно обратилось к колонизации немецкой, не достало немцев – оно прибегло к жидам. Дружина должна была дать все льготы иноземцу и наконец погибнуть и исчезнуть сама среди крамолы и своеволья, в повторстве и невольном рабстве чуждым началам, ею вызванным или впитанным в себя.

РАЗДЕЛ IV

ЗАПАД И ВОСТОК В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Христианство в Абиссинии

Статья 1

Эта статья представляет один отрывок из целого сочинения о действиях Латинской Церкви в землях восточного исповедания, и потому в ней по необходимости встречаются некоторые намеки на предыдущее и особливо на Ирландию и мир кельтский, которые могут быть поняты только в связи с целым, и потому мы считаем необходимым наперед сказать несколько слов в объяснение, а повторить в немногих словах главные положения предыдущего розыскания, указав на данные, которые служили нам основанием. Вопрос о введении христианства в кельтские земли доселе остался почти вовсе чуждым даже для науки германской, между тем как Англия, начиная с XVI века, представляет целую, богатую литературу одних спорных сочинений между протестантскими и католическими учеными о первобытной Церкви у кельтов*.

* Из католических сочинений самое полное – Lanigan. An Eccles. hist. of Ireland. T. IV. Dublin, 1829; см. также: O'Connor. Rer. hibern. scriptores. V. 4. In 4°. Dublin; O'Connor. Prolegomena; J. D'Alton. Essay on the history of Ireland. 1830.

Все эти розыскания уже утвердили в науке, как дело в ней бесспорное, что не только введение христианства в кельтские земли совершилось независимо от Рима, но что все кельтские земли, Арморика до VIII и IX века*, Уэльс до X и XI, а Ирландия и юго-восток Шотландии до XI, XII и даже XIII века не только не признавали власти папской и не знали римской иерархии, но постоянно и упорно противились всем обычаям и уставам Римской Церкви. В этом должны были наконец согласиться и католические ученые, хотя все католические легенды и даже ученые розыскания, начиная от XVI века и почти до нашего времени, постоянно выдавали кельтов за искони верных и особенно ревностных сынов Рима**. Но лучшим свидетельством противного служат действия самих Пап и римского духовенства, которые не раз воздвигали крестовые походы против ослушных кельтов***, а папа Адриан IV наконец подарил Ирландию норманнскому

In 4° и др. Но протестанты особенно богаты множеством розысканий по этому предмету, начиная от знаменитого Ешера – Usher. Britan. eccl. antiquitates. Dublin; J. Ware. Hist and antiq. of Ireland. Dublin, 1764. In fo.; Stilingfleet. Antiq. of the brit. churches. (Нов. изд.). London, 1840 – и до новейших исследований: Ledwich. Antiq. of Ireland. In 4°. 17..; Rees. Welsh Saints и пр.

* При Дагоберте монастыри св. Колумбана были вытеснены орденами римскими. Победа Австразии и палатных мэров над Невстрией утвердила римские начала в Церкви в то же время, как она утверждала торжество германского элемента над римским в народе. Но кельтская Бретания еще несколько столетий сохраняла духовную связь с Ирландией и Уэльсом и отстаивала свою независимость от епископов Турских, которые также воздвигали крестовые походы против ослушных схизматиков. См.: Lobinau. Hist. de Bretagne. In fo. 1707, страница 56 под 859 годом – епископы бретанские чуждаются Церкви Турской; под 866 годом – споры бретанских епископов с турским и пр.

** Очевидный подлог всех сказаний о Патрике, мнимом римском проповеднике Ирландии вполне подтверждается и новейшими добросовестными розысканиями самих католиков, см.: Petrie on the hist. of Tara. – Transactions of the R. Ir. Acad. V. XVIII, 1830.

*** Caradoc Lancarvan. Hist. of Wales. «The Saxons were urged by Augustin to prosecute them with fire (Августин побуждал саксов преследовать тех огнем и мечом)». Вражда эта не умолкала и в последующие столетия, когда кельтское население уже приняло римскую веру. H. of W., стр. 251 – в 1287 году один из князей ирландских писал Папе, что англичане по-прежнему разоряют их церкви, беспощадно убивают их духовенство и пр.

королю Англии Генриху* «на установление истинной веры и исправление злых обычаев в грубой Церкви** и в непослушном и диком народе», тогда как эта дикая Ирландия служила рассадником всего просвещения Западной Европы от VI до IX века, в ее школы стекались толпы учеников со всех концов остального Запада***; Эригена и Алкуин были ирландцы, ирландцами основаны университеты в Париже, Падуе, первые коллегии в Оксфорде и др. и, наконец, вся средняя Западная Европа обязана Ирландии своим обращением в христианство****. Таковы права Ирландии и кельтского мира на почетное место с общей историей человечества, тогда как доселе история*****, исключительно занятая одними явлениями романо-германского мира, едва удостаивает ее своим поминовением, не понимая, что все явления имеют свой смысл только в общей связи и объясняются одно из другого.

Впрочем, такое невнимание исторической науки вообще и преимущественно науки германской к духовной и религиозной жизни кельтского мира****** извиняется тем, что все розыскания кельтских патриотов и англичан протестантов доселе обращались в тесном кругу местных религиозных и народных интересов. Ученый католик довольствовался, если разными натяжками докажет, чти искони признаваемо было первенство Папы и т.п.; протестант, – что ничего такого никогда не было

* Wilkins. Concilia M. Brit. et Hib. London, 1737. In fo. V. I. P. 471.

** Замечательно, в чем по понятиям современных латинян состояла грубость и пр. Церкви Ирландской: св. Бернард, сопутствовавший Генриху II, пишет в «Vita Malachiæ»: «Christi nomine, re pagani, non decimas, non primitias dare... poeniteutias nec qui peteret, nec qui daret inveniri (Христиане именем, язычники делом. Ни десятин не платят, ни начатков урожая… Среди них совершенно не найти ни ищущих покаяния, ни тех, кто его налагал бы)».

*** В одной школе Армаг находилось до 7000 учеников, см.: Wachsmuth Sitt. Gesch. V. II, p. 944. Еще в 944 году многие посланы из Франции «in Hiberniam eruditionis causa (в Ирландию для обучения)» (D'Alton, p. 271).

**** См. Transactions of the R. Ir. Academy. V. XV. P. 82.

***** Мы указываем здесь на все общие истории, истории Просвещения, Средних веков и т.д.

****** Недолжно забывать ту невольную ограниченность, которую полагает на всю историческую науку романо-германского мира ее племенная гордость.

и что, следовательно, его предки тогда уже были протестантами и пр.*. Вследствие такого одностороннего направления всех розысканий никто из ученых не подумал даже о том, чтобы определить, хотя приблизительно, какое же было это исповедание у кельтов по их собственному понятию и понятию современников, – первый и самый существенный вопрос, который представляется здесь для науки.

Все писатели, не только протестантские, но даже и католические, указывают на бесспорные свидетельства, что христианство введено было в кельтские земли восточными проповедниками, которые принесли с собой восточные литургии**, восточные правила монастырей***, Библию семидесяти толковников и пр.****. Живая связь с Востоком, по общему свидетельству современников, продолжалась все время, пока еще стоял римский мир и, следовательно, не были закрыты пути в Византию, и даже в последующие века, – когда разбойничий быт и неустановившаяся общественность тогдашней феодальной Европы положили столько преград между ее восточными и западными пределами, – мы встречаем свидетельства о частых сношениях кельтов с Византией и Иерусалимом. Изо всех народов западных об одних кельтах встречаются постоянные свидетельства современных хроник, что они толпами шли на поклонение святыне Иерусалимской. Блаженный Иероним упрекал галлов в излишнем уважении к Востоку, говоря, что пути спасения одинаковы на Востоке и на Западе*****. В VI веке кельты еще ходи-

---

* Таковы: Мур в своей «Истории Ирландии» и противник его Mason с «Christianity in Ireland» (1840). Так, например, Джамисон все свое ученое исследование о кульдеях (монашеском ордене в Шотландии – cultures dei) сводит к одной цели – доказать, что и в древней Шотландии было также пресвитерианское устройство Церкви, как и теперь.

** Usher. Religion of the ancient irish. P. 24.

*** O'Connor. Prolegomena. P. 78.

**** Mason, p. 30.

***** Milner. History of the 7 Churches. В начале VIII века venit honorabilis turma – sanctorum de Hybernia... more Scotorum (прибыло почтенное войско – святых из Ирландии... по обычаю шотландцев) – для посещения Иерусалима. Также Canis, v. IV, p. 452.

ли за рукоположением епископским в Иерусалим*, тогда как до половины XII века не было ни одного священника или епископа, поставленного в Ирландии или Шотландии** от духовенства римского***. Бесспорное свидетельство византийцев указывает нам, что еще в IX веке во время разделения Церквей, когда Рим начал сильнее прежнего домогаться владычества над кельтскими церквами, являлись пришельцы с далеких островов Западного океана к Патриарху Константинопольскому на разрешение своих духовных сомнений****.

Если теперь обратимся к тем немногим свидетельствам, которые дошли до нас в современных памятниках и внутреннем уставе Церкви, ее обычае и исповедании, то найдем, что не только в догматах веры, но и во всех подробностях христианского обычая общины кельтские неизменно сохраняли предания своих первоучителей и оставались верны всему чистому учению Восточной Церкви, не искаженному латинством, до последней минуты своего существования, и следовательно, около четырех веков по разделению Церквей.

Не вдаваясь здесь в подробное рассмотрение предмета, мы ограничиваемся указанием на немногие случайно взятые факты. Так кельтам осталось неизвестно учение о *чистилище,* прибавление к Символу Веры и пр. Алкуин, ирландец, первый восстал против нововведения в Символ *filioque*, уже принятого в VIII веке церквами Испании и Галлии*****, а епископ Гаймон, ученик его, был последним защитником православного Символа на Западе против Папы Николая******. Когда в IX столетии

* Welsh saints, p. 195.

** Должно понимать Ирландию, во сколько она оставалась кельтской; в IX веке норманны овладевают частью восточного берега; при них, разумеется, было и латинское духовенство.

*** Ware, p. 55. До 1138 года; в Ирландии в том же году булла Папы *впервые* вводила римскую мессу, запрещала брак духовных и пр.

**** Usher, p. 85. В 847 году из главных вопросов, на который они просили разрешения у Патриарха Мефодия, было *счисление Пасхи*; в то же время мы находим споры о нем в самой Ирландии, не возобновлявшиеся ввпоследствии.

***** Alcuini. Epist. apud. canis. V. II.

****** Theoph. Procopowitz. Histor de processione Spiritus S-ti. P. 23.

вместе с вторжением датчан в Ирландию начали проникать и обычаи Западной Церкви, то местная хроника мимоходом замечает, что когда впервые были введены органы в Церковь, то народ разорил их и умертвил церковнослужителей*. В то время как Рим постоянно вводил новые изменения в обычае и уставе церковном, Британия соборно утверждала неприкосновенность уставов древних. Так Римская Церковь уже в VIII веке допускала обливание. Собор в Британии в IX столетии подтвердил строгое исполнение первого устава церковного**, не допускающее никаких исключений.

Если, наконец, соберем случайные указания на то, каким образом смотрели на кельтские общины современники, то придем к тем же выводам. Так, самый Рим, несмотря на всю свою вражду к кельтам, не взводил на них обвинения в ереси***, а соединял вместе со всем православным Востоком в одно общее название *схизматиков.* Архиепископ Йоркский, Вилфрид, ездил в Галлию на посвящение, чтобы не быть посвящену духовенством, «которое заодно со схизматиками»****. Еще в XI веке латинцы обвиняли ирландцев, что у них схизматические службы вместо одной римской литургии*****. О самих кельтах мы встречаем иногда указания, «что такой-то оспаривал папский догмат, держась догмата греческого»******. Наконец, наш св. Нестор оставил нам неоспоримое свидетельство, что эта принадлежность Британии к Восточной Церкви была также сознаваема и всем современным православным христианством, ибо если знал о родстве с Восточной Церковью далекой британской общины киевский монах XI столетия, то не могла не знать об

* O'Connor. R. h scriptores. – Annales Ultonienses. P. 154.

** См. Basnagii praef. ad canis. V. I. C. V. ссылается на постановление Собора: «Semper mergantur in lavacro nulla exceptione admissa (Да будут всегда, без каких-либо исключений, погружаемы в купель)».

*** Иногда он обвинял их, однако ж, в *полупелагианстве*; но ясные свидетельства о скором уничтожении еретического учения стараниями собора туземных епископов доказывают несправедливость обвинения.

**** W.S., p. 265.

***** Usher, p. 25.

****** Jamieson, p. 236, et 19 nubes lestium.

нем и вся современная Византия. «Видеша же латыни, – говорит св. Нестор, – изнеможение гречестье, пришедшее из Рима, *угри* своей прелести приложиша и уньи, и пионе, и *поляне*, и *Бретанский* остров, еже издавна крещен, но и *тот приложиша к своей прелести*». Очевидно, что он не разумеет здесь под приложением к латинской прелести разделения Церквей, ибо не говорит он того же ни об Испании, ни о Германии и других землях Запада, всегда принадлежавших Риму и оставшихся за ним и после разделения. Сверх того, летописец как бы особенно указывает на Британию, – и вместе с нею мы находим у него угров и полян, т.е. Польшу и Венгрию, которые бесспорно получили свое первое христианство от православных учителей, но утратили чистое учение веры, скоро и незаметно *прилагаясь к прелести* Рима, тогда как кельт утратил свое первое исповедание не иначе как после четырехвековой упрямой борьбы, и когда норманнские шайки уже проникли во все его последние убежища.

До XIII столетия и даже до самого XIV везде, куда еще не проникал норманн – исполнитель булл папских, – сохранялась прежняя иерархия, церковная служба, женатое духовенство и т.д. Но начиная с XV столетия в угнетенном народе уже исчезла почти всякая память о его старом исповедании. Вместе с завоеванием, принесшим с собой латинство, прежнее просвещение Ирландии уступило глубокой теме варварства. Вместо ее прежней высокой науки и школ, сзывавших к себе учеников со всей Европы, Ирландия представляла одно грубое суеверие и духовные учреждения, каковы, например, чистилище св. Патрика*, куда стекались тысячи богомольцев для очищения грехов посредством прыганья через огонь и пр.**.

Когда Англия по королевскому указу переменила свое исповедание, ненависть народная к норманнской Англии соединилась с фанатизмом религиозным, разжигаемым посланными из Рима, и ирландец из недавнего врага всему ла-

* Ledwich, p. 445.

** Но вскоре место духовного очищения приобрело славу такого сборища разврата, что *сам Александр VI* принужден был его уничтожать.

тинскому стал ревностным католиком, и Ирландия, когда-то единственная из земель Запада, не признававшая Рима (как бы в насмешку судьбы над непреложностью человеческих и народных убеждений), теперь едва ли не единственная из областей Европы, которая искренно и с живым убеждением веры следует за его знаменем. Но что забыла Ирландия, того Рим не мог так скоро забыть, и только в прошлом столетии Папа Бенедикт XIV разрешил Ирландии молебны св. Колумбану*, одному из распространителей учений первобытной Церкви и основателю монастырей восточного правила в Галлии, издавна канонизированному самим Римом и принятому в его календаре святых.

Мы представили одни намеки на разрешение вопроса, которого полное рассмотрение потребовало бы целого большого сочинения, но думаем, что мы сказали довольно для того, чтобы последующие указания не показались вовсе не имеющими основания.

Статья 2

От мира кельтского и его последнего представителя – Ирландии, мы обращаемся теперь к далеким землям Восточной Африки. Мы уже указали на постоянство духовных связей, которые часто соединяют в одну историческую жизнь народы и земли, иногда разделенные большими пространствами и, повидимому, не представляющие между собою ничего общего.

Так от времен глубокой древности северо-запад Африки, область древнего Карфагена была связана с судьбой Рима и оставалась с ним неразлучной во всю историю древнего человечества. Северо-восточный угол той же Африки, Египет, начиная от темных сказаний древнего мира, неразделен с роскошным миром Востока, со славой и величием его великолепных царств, с таинственными учениями его мрачных религий. С ним же менялась просвещенная языческая

* Ledwich, p. 74.

и мудрствующая Греция, в нем нашла ее философия живой отголосок и продолжателя. Тот же Восток и та же Греция, уже освещенные светом христианства, нашли и нем нового деятеля и сподвижника в духовном подвиге возрождающегося человечества. Александрия из светил языческой мудрости стала светилом истины и мудрости христианской. Область древнего Карфагена между тем повторяла в себе в меньших размерах все худшие явления отживающего языческого Рима во всем их нравственном безобразии*. С разделением империи она осталась за Римом государственным и, обращенная к христианству, осталась верна Риму христианскому, соединяя с ним в одной общей деятельности свою грубую страсть с его наклонностью к вещественности. Во все продолжение своего кратковременного христианства северо-запад Африки был верным товарищем Риму и заодно с ним вырабатывал односторонность римской мысли, рано начавшей выделять себя из общего вселенского христианства.

Египет передал христианство юго-восточным землям Африки, Нубии и Абиссинии. Но в Египте с первым появлением ислама мы уже застаем Церковь рабствующую перед неверными, а Абиссиния доселе представляет единственный остаток свободного христианства в южном материке древнего мира. Определение судьбы совершилось над Церквами Азии и Северной Африки: они не устояли перед мечом Магомета и соблазном его проповеди. Магомет расковал вещественные страсти, сдержанные дотоле христианством, и тем увлек за собой горячую природу многих жителей восточных стран, которые лишь силой страсти умели держать себя в строгости правил христианских. Не могло однако ж без следов исчезнуть христианство в присутствии святых имен Палестины и немых свидетелей Христова подвига. Уцелевшее для Церкви Христовой осталось, может быть, тем свободнее и чище в духе, чем тяжелее были его рабство и плен в обществе. Рабство перед чужим игом не позволяет рабства своим страстям, и подвласт-

* Стоит только вспомнить рассказы современных римских историков о тогдашнем Карфагене.

ность чужому обществу исключает потворство своему*. Рабствующие Церкви Азии и Египта, может быть, Провидением поставлены были рядом с властвующей Церковью Византии, да воспитает одна то, что сохранят в чистоте другие.

Меч лжепророка покорил исламу всю переднюю часть среднего и южного материка; лишь степь и безводье остановили его пред глубиной Африки и спасли Абиссинию, уже задолго перед тем обращенную в христианство. По свидетельству туземных хроник и византийцев, еще в 333 году, при царе Абреге** Фрументий (у абиссинцев Авва Салама) начал проповедь, а по вторичном возвращении из Египта, напутствуемый благословением св. Афанасия и поставленный им в епископы, окончательно утвердил христианское исповедание в Абиссинии. Другое общее свидетельство абиссинских и византийских летописей*** согласно в том, что между 530 и 542 годами царь аксомитов отправил к Юстиниану посольство с просьбой, чтобы даровал его народу епископа и священников. Желание царя было исполнено, новопоставленный епископ уже нашел в Абиссинии множество церквей, – доказательство, что христианство уже задолго перед тем было в ней исповедуемо. С этого времени должно, однако ж, полагать установление настоящей церковной иерархии и начало устроенной Церкви в Абиссинии.

Некоторые предания возводят первое начало христианства в Абиссинии до апостола Филиппа, завещавшего

---

* В самой Византии, не только в других восточных общинах, Церковь никогда не достигала той самостоятельности, которую скоро получило Патриаршество Римское: и потому не только всем православным церквам Азии, но даже и еретическим общинам остались вовсе незнакомы те уродливые, полусветские–полуцерковные явления, которыми так богата Церковь Римская, каковы: abbates laici, canonici seculares, епископы и вместе графы и начальники дружины и пр.

** Combe el Tamisier. Voyage en Abyssinie. V. III, p. 51 et 167; Bruce. Voyage aux sources du Nil. Londres, 1730. V. III, p. 300. Мерон Тирский с двумя племянниками пошел в проповедь в Абиссинию, двое были убиты на пути, один Фрументий достиг цели. Неандер полагает, что первые семена христианства были занесены еще прежде. Изд. 1842, т. I, стр. 142.

*** A Voyage to Abyssinia by H. Salt. London, 1814. In 4°. P. 466 et seq.; Rüppel. Reise in Abyssinien. V. II. P. 345.

Церкви одни предания и уставы церковного обычая вместе с евангелистом Иоанном*, который был первоапостолом Церкви Ирландской. Так, например, Церковь вела от обоих восточное счисление Пасхи, из-за которого было столько споров между Востоком и Западом в первые века христианства**. Как Ирландия на западе, так здесь Абиссиния, благословляемая христианством, ярко выделилась своим просвещением из среды всего прочего грубого и языческого мира Африки и доселе остается в ней оазисом свободного христианства, как Ирландия до XIV века была таким же оазисом исповедания восточного среди области латинской***. Как

* Так и абиссинцы, причисляя себя к греческой половине христианства, спрашивали у Гобата (*Journal* 1830, p. 203), ведут ли они свою Церковь от Иоанна или от Петра, как франки, т.е. католики. Знание наизусть всего Евангелия Иоанна составляет необходимую принадлежность воспитания в Абиссинии (p. 152).

** Этот вопрос почитаем был очень важным в первобытной Церкви. Так, св. Поликарп приходил склонять к счислению восточному Папу Аникита (см. Fleury. Brux., 1831, p. 135; Milner. Hist. of the 7 Churches, p. 166). В чем состояла разница, см.: Гизелера, т. I, ч. 8, стр. 198; Неандера, т. I, стр. 514, и особенно в энциклопедии *Ларднера* «Historical chronology».

*** Впрочем, Абиссиния в Африке представляет собою такой же оазис и в отношении к своему населению, почти чисто семитическому и которое многие смешивают даже с кавказским. Так, например, Isenberg в «Abissinien» (Bonn, 1844, p. 9). Действительно, абиссинец весьма близко подходит к общему типу европейскому и не уступает ему в правильности лицевых очертаний. Этим он резко отделяется от всех прочих африканских семей, более или менее переходящих в грубый тип негра. См.: Ludolfi. Historia Ethiopica. Francf., 1681, p. XIV; Prichard. Natural history of man. Lond., 1843. Мудрено определить, к которой из великих семей человеческого рода они принадлежат. Одно кажется несомненным, что настоящий тип абиссинский образовался из смешения разных племенных стихий. Самое название Абиссинии, *абешь*, означает *землю* смешения (см. Брюса, т. III, стр. 120). Византийские писатели Филосторгий, Кедрин и др. уже разделили абиссинцев на 2 разных поколения: аксомитов и гомеритов, – так и доселе между собственно абиссинцами (отделяя от них племена галла и др.) путешественники (так Апель и др.) отличают два отдельных типа (из которых один подходит ближе к негру) с постепенными переходами из одного в другой. Некоторые писатели, как, например, Сальт (стр. 458), считают их аборигенами, предками древних египтян, – Мюррей, издатель Брюса, полагает их одного семени с абиссинцами. Сами же абиссинцы зовут себя доселе *етиопиаван* (Кельт, стр. 459), название еще известное Геродоту, и ведут себя от Куша, внука Ноева (Брюс, т. III, стр. 86).

в Ирландии введение христианства совершилось без крови мучеников, в чем даже упрекают ее католические хроники*, так и здесь христианство было принято в тишине и мире, «не воздвигнув ни языческого, ни христианского фанатизма», как замечает Брюс**. Ирландия названа была землей святых, Абиссиния получила название «царства христианского», перевод слова *амгара*, – название, доселе сохранившееся за одной из ее областей.

Те вещественные преграды, которые уберегли в Абиссинии христианство, вместе с тем разобщили ее с прочей областью его вселенской жизни. Трудности, представляемые далеким и малоизвестным морским путем и межлежащая область латинская отрезали Ирландию от родного ей восточного мира, а безводные степи Нубии, их огромное расстояние и преграды, положенные исламом, отсекли Абиссинию от всего прочего христианства. Уже в конце V и VI столетия перестает Абиссиния быть живым членом прочего тела Церкви Христовой и мало-помалу каменеет в преданиях своей местности и частных недозрелых стремлениях мысли христианской, в которых настигла ее минута разобщения со Вселенской Церковью.

С распространением ислама в окрестных землях ослабление взаимной духовной связи перешло в материальную невозможность всякого общения между обоими мирами. Когда восстал пророк Аравии, цари абиссинские еще владели Йеменом*** и церкви Божии, воздвигнутые в пустыне го-

* Гиральд Камбрейский.

** Т. III, стр. 302.

*** Некоторые сказания относят первые войны с исламом к царю Абреге, при котором было введено христианство (?) (см. Брюса, т. III, стр. 308). Другое свидетельство туземных хроник, подтверждаемое показаниями византийцев (см. Сальт, стр. 466), указывает на войны абиссинских царей против жидовского царства в Аравии, гнавшего христиан. Эти свидетельства замечательны тем, что указывают нам, как рано Абиссиния уже получила значение в христианском мире, принимая на себя защиту близких ей и слабых христианских общин. Гиббон замечает, что если бы владычество Абиссинии удержалось в Аравии, то, вероятно, ислам был бы задавлен в своей колыбели, и одним великим переворотом в мире было бы меньше.

меритов, призывали к алтарю христианскому племена, еще остававшиеся в прежнем язычестве. Но Корейшит сжег эти церкви, и рать абиссинская погибла перед Меккой*. Область Магометова опоясала христианскую землю со всех сторон, обращенных к христианскому миру. Но христианская Абиссиния еще долго хранила мысль о сокрушении Магомета и восстановлении пути к прочей области христианства. В XIII столетии один из ее царей, Лалибала, предпринял большие гидравлические работы** над истоками Нила в надежде отвести его от мусульманского Египта. В XIV столетии царь Сион вел долгие войны с исламом и в начале XV царство Абиссинское одержало окончательную победу над магометанскими племенами, вторгнувшимися в северо-восточные области. Сообщение с прочим христианским миром было восстановлено, и мы встречаем тогда же представителей Абиссинской Церкви на Флорентинском соборе.

Отрезанная от прочего мира Абиссинская Церковь застыла в мертвый образ живого христианства V века и осталась в неочищенных и ограниченных путях своей частной мысли и тесной местности. Так она сохранила в себе многие обычаи жидовские, но только терпимые, как местные обыкновения и вовсе не признаваемые за священные. Так между прочим абиссинцы не употребляют в пищу животных, запрещенных в законе Моисеевом, свинину и пр.; таково обрезание***, доселе совершаемое над обоими полами. Причина тому, – если только не чисто физиологическая****, – в незапамятной связи Абиссинии с миром еврейским, которую наука со временем может быть проследит до эпохи пленения египетского и го-

* Univers. Abyssinie, p. 11; см. также Брюса, т. III, стр. 306.

** Остатки их еще видели португальцы (Брюс, т. III, стр. 336).

*** Брюс (т. VIII, стр. 153): «Не считают обрезание священным, но обычаем отцов, который полагают долгом соблюдать, оправдывая его тем, что сам Христос и апостолы были обрезаны». См. то же у Лудольфи (кн. IV, гл. I): «Исполняем не вследствие *Закона*, но человеческого обычая»; там же см. о *нечистых* животных.

**** Брюс, т. VIII, стр. 165. Римская пропаганда было запретила, но после медицинского исследования принуждена была разрешить.

нения фараонов. С первыми сказаниями истории мы уже застаем в Абиссинии целое еврейское население. Предание говорит о царице Савской*, посетившей Соломона в Иерусалиме и оттуда перенесшей *закон* в Абиссинию. До XV столетия по Р. Х. еще держалось особое жидовское царство в горах *Семена***, и Абиссиния еще в XVIII веке гордилась династией мнимых потомков Соломона, – свергнутой в X и вновь восстановленной в XIII столетии***. Немудрено после этого, если предания и обычаи еврейские успели укорениться в народе и ветхозаветный Символ сохранился рядом с Символом новозаветным везде, где только не было между ними прямого противоречия. Таковы: строгое соблюдение субботы и воскресенья вместе, священная пляска духовенства, которая приводила в такой соблазн и изумление путешественников**** и ведет себя от ветхозаветной пляски Давидовой перед ковчегом*****. Отсюда же преобладающее множество ветхозаветных святых в календаре абиссинском****** и замечательный обычай при венчании на царство нового государя. Его спрашивают: «Кто ты?» – «Ваш царь!» – «Нет!» – отвечает голос; вопрос повторяется до трех раз, пока будущий царь не ответит: «Я

* Rerum Hisp. Lusit: Aéthiop. scriptores. Francof., I663. In fo. V. II. Генеалогия царей ефиопских, происходящих от царицы Савской, обрученной Соломону. См. Брюса (т. III, стр. 240); Лудольфи (кн. II, гл. IV).

** Жиды в Абиссинии называются «фаллаша»; во время Брюса они снова составляли независимое правление. Замечательно очень взаимное воздействие жидовства и христианства. См. в «Debats» за 1845, 6 июля, письма г. Аббади. Фаллаши употребляют род крещения, исповедание, имеют монахов и пр.

*** Юдифь, царица жидовского царства в горах Семена, свергнула христианскую династию потомков Соломона, но через 300 лет Текла Гайманут, один из главных святых и основателей монастырской жизни в Абиссинии, убедил короля Лаба из новой династии Заге добровольно возвратить незаконно похищенный престол династии Соломоновой, продолжавшей властвовать над областью Хоа. См. Луд., кн. II, стр. 5 и 6; Брюса, т. III, стр. 263. Касательно перемены этих династий много неясного во всех известиях.

**** Рёппель, т. II, стр. 113; Луд., т. III, стр. 6.

***** Духовные инструменты мнимого особого священнодействия были приняты некоторыми за ключ Петров. Между прочим, это повторяет и Риттель.

****** Комб. и Там., т. IV, стр. 143.

царь Сиона». Тогда радостные клики народа приветствуют избранного на царство*. Отблеск славы когда-то человечески славного Сиона еще покоится на забытом углу мира христианского, которому суждено было исполнить и разнести во все концы мира его славу духовную.

Особенно торжественное празднество дней бегства Христова в Египет объясняется смежностью самого Египта, даровавшего христианство Абиссинии; Церковь Египетская не могла не посвятить особого воспоминания событию, сделавшему его убежищем для гонимого Спасителя. К особенности той эпохи, когда настало для Абиссинии время совершенного разобщения с прочим христианским миром, следует отнести особое поклонение, которое воздают Св. Деве Марии некоторые абиссинские расколы**. В короткое время общей жизни Абиссинии с прочим христианским миром на Востоке особенно распространилось учение несториево, не воздававшее должного почтения Богородице. Противодействие ереси облеклось в особое божественное поклонение Матери Божией и даже породило, между прочим, странное учение о Богородице, «как Творце мира, ибо Мать выше Сына».

Тысячелетнее разобщение с прочим христианским миром и утрата путеводных светил Вселенской Церкви, необходимо привели общество и Церковь к одичанию и породили в ней множество мелких расколов, усиливаемых ее невежеством и духовным сиротством. Сбивчивость и противоречия путешественников в известиях о вере и Церкви увеличиваются еще тем, что одни выдают частное верование секты за общее учение, другие приняли предмет тонкостей богословских и продолжающегося нерешенного спора или крайность того или другого спорного учения за определенный догмат и исповедание Церкви. К этому разумеется много способствует и то глубокое невежество во всем относящемся до Церкви, и особливо Восточной, которое приносили с собою многоученые путешественники, и ограниченность протестантского взгляда, или

* Луд., кн. II, гл. XI.

** Комб., III, стр. 168.

страстная недобросовестность католическая, которую приносили с собою все доселе бывшие миссионеры. Доселе еще нередко встречается в книгах об Абиссинии, что ее исповедание арианское, когда, напротив того, большинство* исповедует род монофизитизма евтихианского в его разных степенях большей или меньшей отдаленности от учения Вселенского. Поддерживаемый Феодорой**, впоследствии он усилился под влиянием Коптской Церкви Египта и доселе преобладает в Абиссинии. Общее понятие монофизитства дало повод смешать Ария с Евтихием. Так, например, многоученый Рёппель с полной уверенностью рассказывает, что Констанций посылал Феофила к первоапостолу Абиссинии Фрументию, чтобы отклонить его от арианства, тогда как Констанций сам был арианин, а Фрументий – ученик св. Афанасия. Действительно, сохранились письма еретического императора Констанция к царю абиссинскому, но в них он требовал выдачи Фрументия еретическому епископу Александрии***.

Многие другие явления, коих причина сокрыта в особенностях племени или местности абиссинской и в отчуждении от Церкви от прочего христианства, непонятые или только впоследствии объясненные, приводили и доселе приводят путешественников в соблазн и недоумение. Так некоторые миссионеры видели в ежегодном торжественном погружении царя и народа в небольшой реке близ Адовы, простом обряде, установленном Церковью в память возвращения к христианству нескольких областей, отпадших к исламу, повторение таинства крещения****. Так, русский путешествен-

* Как известно, Евтихий в противность арианству, низводившему Христа до человека, признавал в Спасителе одну Божественную природу.

** Но тогда же явилось противодействие. Король получил от Юстиниана епископа Иоанна, святого и благочестивого мужа, который утвердил церковную иерархию в Абиссинии. См. выше.

*** Реппель, стр. 354. Такие промахи невольно заставляют сомневаться в показаниях самого г. Реппеля, хотя он с самоуверенностью обвиняет в неверностях сенсимонистов Комба и Тамизье.

**** Сальт, 301. Значение же его то же, какое имеет и у нас погружение в воду после ее освящения в крестных ходах.

ник, г. Норов, рассказывает, что абиссинцы, подобно якобитам, вместо крещения выжигают на теле кресты горячим железом*, когда все писатели об Абиссинии, начиная с XVI века, свидетельствуют нам о строгом и точном соблюдении таинства крещения**.

При всем том христианство в Абиссинии сохранило в себе все главные основы и обычаи православного исповедания, хотя потемненные и огрубевшие в одичании Церкви и общества. Нововведения католические естественно остались чужды Абиссинии; до XVI столетия она не знала Рима, а с XVI века и до нашего времени делает тщетными все усилия римской пропаганды. Так, абиссинцы не знают *filioque****, ни чистилища*****, но молятся за усопших в смысле первых отцев Церкви, чтут святых и образа, но не допускают разных изваяний******; причастие принимают под двумя видами на хлебе квасном******* и называют *мелават* – пресуществление. Крещение совершается погружением в воду при миропомазании и в обряде совершенно одинаковом с тем, который доселе соблюдается в нашей Персии. За крещением следует причащение младенца********. Посты содержатся с большей строгостью, и те же, что у нас: середа и пятница, Великий, Рождественский, Успенский, с той лишь разницей, что воскресения исключе-

---

* Лудольфи (кн. III) упоминает об обычае (но весьма сомнительном) выжигать крест, и то после крещения.

** Так же несправедливо это показание и об якобитах. См. Lettres édifiantes, mission d'Egypte.

*** Луд., кн. III, гл. V.

**** Нет понятия о среднем состоянии, см. Брюс, т. VIII, стр. 140; Луд., кн. III, гл. V.

***** Брюс, т. VIII, стр. 113; Луд., кн. III, гл. VI.

****** Fermentatum (Луд., т. III, стр. 6; Сальт, стр. 391) – утро перед причастием не едят и не пьют. Вступавший во второй брак отлучался на время от причастия.

******* Сальт (стр. 387) предлагает подробное описание крещения у абиссинцев, потому что иезуиты объявляли его не действительным и перекрещивали. Также как и у нас, необходимы восприемники, отречение от дьявола и его дел, помазание членов тела миром и т.д.

ны из постных дней* и заменяются к концу поста днями недели, – вероятно, вследствие влияния ветхозаветной Церкви и ветхозаветного понятия о великом торжестве субботнего дня. Пост также необходим перед исповедью. Запрещение простирается, как у нас, на масло, яйца и молоко**. Каменная церковь в Аксуме представляет прямо греческий крест, или квадрат греческих церквей***. Для богослужения и книг священных абиссинцы выдвигают свой особый древний язык *гез*, который занимает у них место нашего славянского. Духовенство женато, но дозволен ему, так же как и у нас, только один брак; живет оно своими трудами, подаянием общины, пользуется всеобщим уважением и большим влиянием на народ, ибо в его руках все образование. Исповедают абиссинцы никейский Символ, но сверх того мы находим у Лудольфа и у других следующее исповедание, которое здесь и предлагаем. Если, как исповедание Церкви частной, оно не могло и не должно было совместить в себе всю полноту и определенность вселенского исповедания Церкви, то нигде ему и не противоречит. «Мы веруем в одного Господа, и Его единого Сына Иисуса Христа, Его Слово и Власть, Совет и Разум и который был с ним до создания миров; но в дни последние Он низшел к нам, не оставляя, однако ж, престол Своего Божества, и вочеловечился от Духа Свята и Святой Девы Марии, крещен в Иордане на 30-м году и *был человек вполне*»****. Далее вся исповедь веры за малыми отличиями почти слово в слово одна с нашей. Недостает лишь члена «во единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь».

Представив в общем очерке состояние христианского исповедания в Абиссинии, мы теперь должны приступить в вопросу о ее принадлежности к Коптской Церкви, – факт, который доселе повторяется без дальнейшего исследова-

* Луд. (т. III, стр. 6), по обычаю первых христиан, засвидетельствованному Тертуллианом.

** Комб., т. III, стр. 170 и 175; Гобат, введение.

*** Рисунок в Univers.

**** Луд., т. III, стр. 5; Изенберг, т. I, стр. 21.

ния во всех книгах об Абиссинии. Следуя за другими, мы бы должны были начать с того же бесспорного положения о единстве веры копта и абиссинца, если бы после подробного рассмотрения предмета не были принуждены усомниться в справедливости общепринятого мнения. Познакомив наперед читателя с состоянием христианства в Абиссинии, мы можем показать теперь, *в какой степени* Абиссиния должна быть причисляема к исповеданию коптов; название же, наперед данное предмету, уже заранее привязывает к нему известное, часто ложное или не вполне оправдываемое фактами, понятие.

Около половины V века Диоскор, Патриарх Александрийский, объявил себя в пользу некоторых эвтихиянских мнений. Халкидонский собор обвинил Диоскора как последователя Эвтихеева и требовал от него отречения, но Диоскор не повиновался, представлял свои объяснения и просил нового суда*. Тогда Собор лишил Диоскора святительского сана, а император повелел сослать его в отдаленный монастырь**. Народ видел в строгих мерах правительства личное гонение на Диоскора и слепо последовал за его учением. Патриархи, посылаемые из Византии, были принимаемы с угрозами и не находили повиновения. Патриарх Протерий мятежниками александрийскими умерщвлен в церковной крестильнице, и тело его растерзано на части. После того начались страшные гонения против ослушных: по сказанию арабских историков, в один день было истреблено имперскими войсками до 30 тысяч александрийцев***. Такие гонения принесли свой неизбежный плод, они посеяли в народе ненависть и неверие ко всякому учению, приносимому

* См.: Renaudot. Hist. Patriarcharum. Alex. Jacobitarum. In 4°. Paris, 1713. P. 115 et seq.; Gieseler, v. I, p. 695.

** В обвинение Диоскору было поставлено также его произвольное отлучение Папы Льва и смерть Фланиана, которого он также произвольно осудил (на Соборе, составленном им из сподручных ему епископов) и потом бросил в темницу. См.: Tillemont. Memoires pour servir à l'Hist. Eccles. In 4°. 1711. V. XV. P. 573, 617, 653 et seq.

*** Ренодо, стр. 134; Lettres édifiantes, mission d'Egypte.

из Византии. Учение Диоскора* произвело в Церкви новый горестный раздор. Не прошло 19 лет после Халкидонского собора, как все население Египта уже разделялось на мельхитов и якобитов, или греков и коптов**. Все туземное население, угнетаемое той же греческой властью, которая подняла гонение на Диоскора и его первых учеников, слепо последовало за ним. На стороне одних была Византия и все оружие православия, на стороне других – сила народная. Между обоими завязалась непримиримая борьба; копты то овладевали церквами и упрочивали себе на время свободу богослужения, то снова были гонимы и лишаемы всякого убежища. Так продолжалось около века, пока победоносные дружины ислама не показались на границах Египта. Угнетенные копты прибегли к помощи неверных, и в 644 году Александрия была взята калифом Амру. Калиф объявил себя покровителем коптов и Коптской Церкви, – все же греческое население после упрямого сопротивления принуждено было оставить Египет.

Между тем Абиссиния оставалась чуждой всем религиозным волнениям, которые обагрили Египет и исполнили его ненависти к православному учению. В то самое время, когда он отделялся от вселенского христианства, Абиссиния прибегала к Юстиниану с просьбой даровать ей епископа и священников и устанавливала свою иерархию. Но правильные сношения с Церковью продолжались недолго. Египет, через который Абиссиния сносилась с прочим православным миром и откуда получала своих святителей, скоро сделался

* Диоскор, противодействуя со страстью Несториеву учению, незаметно впал в противоположную крайность евтихианства (см. Тиллемон, т. XV, стр. 501, и оправдания Диоскора у Лудольфи и писателей коптских – Луд., т. III, стр. 8. Впрочем, во многих церковных книгах и молитвах коптов мы находим учение о двух естествах, только не сведенное в определенный догмат; так в одной молитве к Богородице: «Христос сосуществен Богу Отцу Своим Божеством и нам Своим человечеством», – те же выражения, которые употреблены Халкидонским Собором. См. Lettres édifiantes, mission d'Egypte, p. 590. Сам же Евтихий проклинаем Коптской Церковью (Луд., т. III, стр. 8).

** Ренодо, стр. 119. L'art de vérifier les dates – с 569 года.

неодолимой преградой между ней и прочим христианством. С удалением греков из Египта удалилось и православное духовенство, – от 653 до 727 года не было более и Патриарха*.

По канонам никейским Абиссиния не имела права поставлять себе митрополита**, ибо не имела для того законного числа епископов, и потому необходимо должна была прибегать к святителю Александрийскому, – но на патриаршем православном престоле Александрии уже восседал в это время Патриарх Коптский.

Очень может быть, что к этому раннему времени должно относиться первое поставление абиссинского митрополита от Церкви Коптской. Мы находим у копто-арабских писателей известие, что около этого времени Патриарх Вениамин поставил митрополита в Абиссинию; но, впрочем, это свидетельство является фактом совершенно отдельным, не подтверждаемым ни последующей историей якобитов, ни туземными источниками Абиссинии, и представляет грубые хронологические ошибки***.

При своем невежестве и отчуждении от всего прочего мира, Абиссиния, по всем вероятностям, бессознательно приняла своего первого митрополита от коптов, не понимая, что вместе с тем подчиняется главе иной еретической общины. Такова, вероятно, причина, почему об одном первом митрополите Кирилле копто-арабские писатели рассказывают, что он спокойно правил Церковью и что даже абиссинское предание связало его имя с великим святым Абиссинской Церкви Текла Гайманутом. Все же последующие митрополиты, по их собственному признанию и, следовательно, самой Коптской Церкви, были выгоняемы, отвергаемы паствой и т.д. На такое бессознательное подчинение Абиссинии Коптскому патриар-

* L'art de vérifier les dates – после Патриарха Петра.

** Ренодо, стр. 286; Jowett. Christian Researches in the Mediteranea. Lond., 1822. P. 174.

*** Ренодо, стр. 170. Известие коптов о митрополите Кирилле, поставленном Вениамином, связывает его с Текла Гайманутом – жившим 5 или 6 веками позже.

ху нам указывает и то, что патриархи Коптские употребляли все старания, чтобы разобщить митрополита с его паствой. Так, в подложных никейских канонах Коптской Церкви постановлено, чтобы митрополит был всегда иностранец и не знающий туземного языка*.

С другой стороны, православное патриаршество хотя и было восстановлено в 727 году, но патриархи, гонимые калифами вместе с остатками своей греческой паствы, не раз принуждаемы были искать убежища вне Египта. Патриаршество, обязанное своим существованием одному покровительству и политике византийских императоров, сохраняло свое существование в Египте, но уже имело в нем не более значения, как латинские епископства Средних веков: *in partibus***,***. Настоящим патриархом Александрии мог естественно представляться для невежественного посольства Абиссинии патриарх Коптский, наследовавший весь блеск, окружавший прежде патриарха православного. К тому же арабы вместе с коптами, с которыми их соединяла общая вражда и общие выгоды против греков, должны были употреблять все возможные усилия, чтобы предупредить всякое сношение Абиссинии с мельхитами, ненавистными обоим.

Абиссиния не могла, однако ж, долго оставаться в совершенном обмане и неведении об отступничестве Коптской Церкви. Если первый коптский митрополит (приняв за достоверное сказание коптских писателей) и был принят в Абиссинии с должным уважением к верховному пастырю Церкви, но зато, как мы уже сказали, все последующие митрополиты, *о которых нам только сохранились известия* (до самого XIII века), были принуждены или бежать сами, или были произвольно свергаемы с престола, сажаемы в темницу, заменяемы

* Ренодо, стр. 340.

** Средневековый номинальный титул епископов, чьи епископства находились под властью инославных (мусульман). – *Прим. ред.*

*** Доселе православное патриаршество в Египте имеет не более 5 церквей и содержится доходами с земель, приписанных к нему в Валахии и Молдавии (см. Джоуст, стр. 90, и «Москвитянин», 1845, 7, 8, стр. 247 и след.).

самозванцами и т.д.*. Сверх того, мы находим частые и долгие перерывы в преемстве святительском, так что прекращалось совершение всех таинств за неимением церковнослужителей, и в то же время заметны попытки царей Абиссинии образовать свою отдельную иерархию. Так, один из ее государей принуждал митрополита, чтобы он умножил число епископов (имея законное число епископов, Абиссиния получила бы право поставлять своего Абуну); не успев у митрополита, он обратился к Патриарху; но Патриарх, разумеется, не мог согласиться на такое умножение епископств, которое бы навсегда оторвало от него Абиссинию и лишило значительных доходов**.

С другой стороны, во время перерывов в преемстве епископском сам царь облекался иногда в сан святителя. У многих арабских писателей мы находим, что «все цари ефиопские вместе и священнослужители совершают литургии на алтарях» и пр. Ренодо дает этим известиям следующее самое вероятное объяснение***: «По моему мнению, цари ефиопские, не имея часто в своей земле не только митрополита и епископов, но и нуждаясь даже в священниках, из ревности к Церкви (sed non secundum scientiam****) принимали на себя сан святительский и связанные с ним обязанности, – но как скоро являлись снова епископы, прекращалось и это священство царей Ефиопии». Отсюда, вероятно, произошли и сказки о попе Иване, царствующем в Эфиопии и Индии, – и так долго занимавшие умы Средних веков*****.

Несмотря на мрак, покрывающий все эти события и не позволяющий утверждать ничего положительного, нельзя,

* Ренодо, стр. 283 – митроп. Иоанн (863) выгнан; стр. 333 – посланный митрополит не принят и вместо него самозванец; стр. 444 – снова самозванец утвержден патриархом; стр. 452 – поставленный митрополит не принят; стр. 462 – митрополит вследствие обещания, данного калифу, строить мечети посажен в темницу; стр. 475, 525 и 562 – последние 3 митрополита также выгнаны или бежали сами.

** Ренодо, стр. 381.

*** Там же, стр. 510.

**** Но не имея должной мудрости (*лат.*). – *Прим. ред.*

***** Там же, стр. 338.

однако ж, не предположить, что скрытой причиною всех этих волнений, перерывов в иерархии и т.д. было противодействие православных убеждений и колебание государей и народа между необходимостью иметь святителей и принятием главы церковного от неверного патриарха. Следующее письмо абиссинского царя к еретическому митрополиту Александрии почти не оставляет в этом отношении никакого сомнения и представляет нам живое свидетельство о горестном и колеблющемся состоянии Абиссинской Церкви того времени. «Молю тебя о поставлении митрополита, ибо в земли моей не осталось более епископов, последние священники оканчивают свой век, и церкви опустели за недостатком служителей»*. Из этих слов видно, что Церковь решалась прибегать к еретическому епископу не иначе как в последней крайности, когда ей грозило прекращение всех таинств Христовых; ибо со стороны патриархов коптских мы находим постоянную готовность даровать (даже со всевозможными уступками) Абиссинии митрополитов. Очевидно, что причина такого явления находилась в самой Абиссинии и ее отвращении от святителей еретической церкви. Но и Абиссиния должна была наконец уступить необходимости и покориться еретической иерархии – явление, которое, впрочем, не раз повторялось в отдаленных Церквах Востока. Так точно остров Сокатора и некоторые другие, открытые на Черном море португальцами в XVI столетии и издавна исповедовавшие православное учение, должны были наконец признать над собой иерархию Коптской Церкви потому только, что магометане, невзирая на все их усилия, не пропускали к ним греческих епископов и священников**. Подобные этому явления находим мы и в истории христиан-фомитов***.

Вместе с тем, несмотря на всю скудость наших известий об Абиссинии этого времени, мы имеем свидетельства самих коптов о существовании в ней православного исповедания. В

* Ренодо, стр. 381.

** Там же, стр. 287.

*** См. Journal of the R. asiat. soc.

1031 году Иоанн, Патриарх Коптский, вызван был в Византию, и император требовал от него признания Халкидонского собора, но Иоанн отвечал: «Не следует тебе принуждать кого бы ни было к отступлениию от своего вероисповедания, а должно следовать примеру двух царей, эфиопского и нубийского, которые находятся в общении с нами, но не творят насилия в своем государстве никому из исповедующих вашу веру»*.

Рассмотрев все эти волнения в Церкви, перерывы в иерархии, попытки создать свою отдельную и пр., продолжавшиеся до самого XIII столетия, мы не можем не признать, что Абиссиния до самого этого времени не принадлежала Коптской Церкви даже в смысле иерархии, – тем более что коптские патриархи со своей стороны не упускали ни малейшего случая, чтобы утвердить над ней свое владычество и признавали в сане митрополита всякого пришельца, даже самозванца, только бы он был принят народом.

Сами писатели Коптской Церкви положительно относят первое поставление митрополита в Абиссинии не ранее, как к X веку. Около этого времени они рассказывают: «Совершилось великое и чудное дело, Патриарх Козьма поставил митрополита в Абиссинию»**. Самый рассказ обо всем этом происшествии, как о чем-то небывалом и неслыханном, делает еще сомнительнее раннее известие о поставлении митрополита Кирилла в VII веке. Наконец выписываем нз «Lettres édifiantes, mission d'Egypte» следующее: «Можно только делать предположения, когда Абиссиния подчинилась якобитам. История якобитов дает нам верные свидетельства, что в VIII веке еретические патриархи не посвящали епископов абиссинских; прежде IX века не заметно никакого сообщения между обеими Церквами. Первый якобитский епископ, присланный в Абиссинию, был выгнан. Но Эфиопии неоткуда было получить своих святителей. Она была отовсюду окружена магометанами, которые не позволяли ей никакого сообщения с греческим миром, и сама Греческая Церковь

* Ренодо, стр. 405.

** Там же, стр. 330.

была в это время раздираема иконоборцами, так что и отсюда Абиссиния не могла ожидать никакой помощи».

Итак, основываясь на известиях, сообщаемых нам Ренодо, но которые нейдут далее половины XIII столетия, мы видим, что Абиссиния в продолжение четырех веков, начиная с половины X, т.е. с первого положительного свидетельства о коптском митрополите в Абиссинии, находилась в постоянном колебании, – то принимая, то снова отвергая коптских святителей. Но начиная с XVI столетия, когда Абиссиния становится нам известной через португальцев, мы уже находим в ней постоянную коптскую иерархию митрополитов, и потому к этому промежутку времени между половиной XIII и началом XVI столетия должно быть отнесено окончательное утверждение в Абиссинии коптской иерархии.

С этого времени коптское исповедание было вместе и *официальным* исповеданием Абиссинии, о котором сообщали Европе свои сведения путешественники и миссионеры, но оно так же мало, как и прежде, было исповеданием народа и духовенства. Абуна, иностранец, не знающий туземного языка бедный египетский монах, нередко силой и даже в цепях* привозимый к патриарху, чтобы получить сан митрополита, оставался в совершенном разобщении от своей паствы, представителем одной власти рукополагать епископов и пресвитеров, в чем только и нуждалась Абиссиния.

Судя по тем немногим фактам, которые дошли до нас, действия Абиссинской Церкви, несмотря на внешнее соединение с коптами, были прямо противоположны действиям патриархов коптских. Так в одно и то же время на Флорентийском соборе мы находим представителей Церкви Абиссинской, посланных царем Зара-Яковом из монастыря абиссинского в Иерусалиме, и монаха Андрея, посланного от Коптского Патриарха Иоанна. Абиссинцы были заодно с Марком Ефесским, особенно в споре о *filioque***. Монах же Андрей от имени Патриарха признал власть Папы и объявил, «что одна Римская Церковь сохрани-

* Брюс, т. VI, стр. 361.

** Russel. Nubia and Abyssinia. P. 271; Комб, т. III, стр. 73 и пр.

ла чистое учение, а что греки, армяне и даже абиссинцы, принадлежащие к их патриаршеству, с ними не согласны в вере, а потому и преданы врагам Христовым»*. Этими словами сам посланный Коптского Патриарха отделил Абиссинию от своей Церкви и признал себя представителем одной египетской общины. В 1442 году Рим торжественно объявил Унию и выдал свой *decretum pro Jacobitis***. Впрочем, это соединение осталось только на бумаге и мало перешло в дело.

Когда иезуиты начали свою пропаганду и царь Социний, склоняясь на их проповедь, стал противодействовать некоторым обычаям, утвердившимся в Абиссинии и противным всей Церкви, как Западной, так и Восточной, то объявлял народу, что поступает так не в послушание новым учителям, а Халкидонскому собору***, проклинаемому коптами и которого одно имя возбуждает в них ненависть. Наконец, мы можем указать на обряды церковные, в которых Церковь Коптская произвольно отступила от вселенского обычая, Абиссиния же сохранила его во всей его целости, – таково, например, крещение у абиссинцев совершенно одинаково с нашим; у коптов же на голову младенца надевается венец и пр. Брак совершается у коптов причащением жениха и невесты в церкви****.

Если, наконец, обратимся к свидетельствам новейших путешественников и показаниям самого коптского духовенства, то увидим, что и доселе народное исповедание Абиссинии так же мало подчинено исповеданию коптскому, – и что Церковь Абиссинская жила своей независимой жизнью, разделялась на множество спорных учений, более и менее удаляющихся от первоначального православного догмата и искаженных человеческим произволом, но не представляла никогда определенного еретического исповедания якобитов.

* Schroeck Kirch. Gesch. V. XXXIV. P. 458.

** Декрет для яковитов (*лат.*) – послание Флорентийского собора Сирояковитской православной Церкви. – *Прим. ред.*

*** Брюс, т. V, стр. 167. Царь Социний запрещал некоторые местные праздненства.

**** Lettres édifiantes, mission d'Egypte. V. I. Paris, 1836. P. 581.

Так Патриарх Коптский в своих наставлениях к Абуне и Абиссинской Церкви писал следующее: «Вы все разделены между собой на разные учения, *весь народ*, находящийся под вашею рукою, получает учения, отличные от святой веры, в которой мы стоим»*. В 1842 году Абуна объявлял католическим** миссионерам, «что он скорее может согласиться с ними в вопросах веры, чем со своей паствой». Другой Абуна писал г-ну Изенбергу, что все абиссинцы принимают разные учения и что он употребляет напрасное старание к их обращению. Замечательно во всех этих показаниях, что все они говорят обо *всем народе или пастве,* и не об какой-либо части народонаселения, о чем не преминули бы сказать Патриарх или Абуна, если бы действительно так было.

Наконец то же послание Коптского Патриарха показывает нам, что даже в главном догмате о двух естествах Христа, отделяющем коптов от всего прочего христианства, многие в Абиссинии доселе сохранили православное исповедание, прямо противоположное учению Коптскому. Так, Джоует говорит, что из двух главных монашеских чинов Абиссинии каждый исповедует свое учение о природе Христа и что один из них исповедует учение Греческой Церкви***. И в то же время мы находим в помянутом выше послании к абиссинцам, что Патриарх предает анафеме всех исповедующих православное учение о природе Христа****, «тех, которые говорят, что в Христе *две природы* и одна ипостась, но две воли, и не признают, чти Христос соединился с телом, *как тело с душой*», в чем и состоит сущность коптской ереси. Наконец прибавим следующий изустный рассказ одного грека, жившего долго в Иерусалиме: «Копты в Иерусалиме доселе считают себя принадлежащими к Православной Церкви и полагают своей обязанностью охранить православных богомольцев от арабов и иноверных христиан. На Страстной неделе во время службы они остаются на страже в

* Джоует, стр. 188.

** Ausland, 1843, p. 4.

*** Джоует, стр. 182.

**** Там же, стр. 133.

храме Господнем и оберегают особенно православных и в то же время поют хором духовные песни в прославление православия и отвержение армян, латинян и кальвинов».

После сказанного нами, не подлежит, кажется, никакому сомнению, что если Абиссиния и принадлежит Коптской Церкви, то как *иерархия*, а не как *исповедание*, – но Изенберг замечает, что и в отношении своей иерархии Абиссиния во многом отступает от Церкви Коптской.

Сначала бессознательно, а потом по необходимости приняв своего главу от коптов, Церковь Абиссинская должна была, разумеется, более или менее подвергнуться влиянию монофизитства, как мы то и видим в некоторых расколах абиссинских, но вместе с тем нельзя утвердить, чтобы учения монофизитские не были занесены в нее еще ранее, – тем более, что некоторые расколы абиссинцев еще ближе к евтихианству, чем самые копты. Когда после пяти вековых волнений утвердилась наконец постоянная иерархия коптских митрополитов, чуждых народу и духовенству, они оставались блюстителями одного таинства рукоположения, необходимого для существования Церкви, Церковь же независимо от них жила своей жизнью, грубела вместе с обществом и среди споров восточной схоластики дробилась на новые расколы и течения, более или менее искажавшие произволом человеческим первоначальное чистое исповедание, завещанное ей ее первоучителями, – но вместе с тем никогда не принимала общего еретического коптского исповедания, и нет на то ни малейшего свидетельства или даже намека.

Просвещенной науки Запада в Абиссинии, разумеется, не могло быть, но возможность в ней науки христианской доказал абиссинский император Клавдий, когда, по сознанию самих иезуитов*, в публичном богословском споре с иезуитским миссионером Овиедо он одержал блестящую победу своей начитанностью и глубоким знанием Священного Писания. Переводы св. Афанасия, Василия, Иоанна Златоуста, Кирилла распространены в народе**. Каждая церковь, кроме других свя-

* См. Гобата, также Лудольфи, т. II, стр. VI.

** Брюс, т. III, стр. 280.

щенных книг, имеет свои Четьи-минеи*. В списке книг, находящихся в Гондаре, представленном г. Комбе и Тамизье, – кроме писателей церковных (первых веков) числом до 50** встречаются также Гомер, Платон, Гиппократ и др. Основанием законодательству служит Юстинианов кодекс, измененный туземными обычаями***. По общему свидетельству путешественников, благочестие грубое, но искреннее разлито в народе; и общество еще находится на степени исключительного преобладания мысли религиозной над всеми прочими, более вещественными стремлениями жизни. Так, еще в прошлом столетии считалось в Гондаре, столице Абиссинии, 100 церквей и ни одной лавки****. И доселе, по свидетельству начальника английского посольства в 1844 году Гарриса, в Абиссинии больше церквей, чем в каком-либо другом краю света. Музыка и поэзия, как в древнем Израиле, посвящены на одно священное служение; во всяком другом употреблении «вдохновенного слова или звука» народ видит как бы ругательство над святыней.

Обратившись к обществу, мы найдем, что те чистые начала, которые Церковь при всем ее огрублении сохранила от своих первоучителей, отразились и в жизни общественной. Государство, повинуясь требованиям мысли христианской, одержало победу над многими злыми обычаями, общими всему Востоку. Так, цари Абиссинии неумолимой строгостью закона и непрестанными преследованиями искоренили евнухование, общий издавний обычай Востока и предмет постоянного торга в Азии и Африке. Основной закон государства переменил кровавую

* Church quart. review. 1844, april. The highlands of Ethiopia by Harris, p. 404. В каждой церкви четыре страшных фолианта, состоящие из жизни святых и пр.

** Т. III, стр. 348. Между книгами, вывезенными Реппелем в Европу, находятся «Правила апостолов», сборник, относящийся к первым векам Церкви и сохранившийся в одном абиссинском тексте. Некоторые протестантские ученые хотели причислить их к каноническим книгам Нового Завета (см. предисловие английского перевода в: Ethiopic didascalia. In 4°. London, 1834).

*** Гаррис, стр. 389; Изенберг, т. II, стр. 90.

**** Russel, Нуб и Абис, стр. 141.

участь родственников царствующего дома, общую всему Востоку, на вечную роскошную* ссылку в неприступные горные скалы Вехне Гемен. В том же государстве мы встречаем закон, который христианина, продавшего другого христианина в рабство**, присуждает к виселице, мусульманина же – к одному телесному наказанию, – закон, доказывающий в государстве, его высказавшем, присутствие высокого сознания мысли христианской в ее значении общественном, до которого часто еще не дорастало наше просвещение. Правда, что всего этого мало, одни частные факты, и что подобное им может представить история каждого христианского народа. Но эти факты получают значение, когда вглядимся в судьбу человечества и поставим рядом непросвещенную и грубую Абиссинию и просвещенную, торжествующую латинскую Церковь, – которая не иначе умела мириться с обществом, как жертвуя иногда своими уставами и чистотою христианской мысли уставам мира и его языческим требованиям***. Государство католическое находило в Церкви оправдание и освящение всем своим существующим явлениям, как ни были они противны смыслу христианства. Государство протестантское, не нуждаясь более в освящении Церкви, наоборот, поставило Церковь и христианство в прямое подчинение высшему интересу общественному (как «State and Church»**** в Англии) и принимает из обоих лишь то, что уже принято и освящено этим обществом. Отношение по-видимому, изменилось, но в сущности осталось одно и то же, ибо осталась та же *уния* между обществом и Церковью, и разница лишь в том, что в мире католическом первый голос

* Брюс, т. IV, стр. 13, п. VIII, 100; Луд., кн. II, гл. 8. Два с половиной века продолжался этот обычай, но в начале XVII века царь Нуд, движимый великодушием, изменил его, и с тех пор начались междоусобия, которые наконец повергли Абиссинию в ее настоящее жалкое состояние.

** Комб., т. IV, стр. 147.

*** Стоит только вспомнить: abbates laici, canonici seculares, епископ и вместе герцог-феодал, начальствующий своей дружиной; поэтически прекрасный, но вместе противохристианский подвиг крестовых походов; наконец сам Папа и все построение латинского церковного государства.

**** Государство и Церковь (*англ.*). – *прим. ред.*

принадлежал Церкви, в мире же протестантском он принадлежит обществу. Абиссиния в тех немногих фактах, которыми она поставила общество прямым выражением христианской мысли, указывает нам на будущее, до которого еще не доросло просвещенное человечество.

Так грубая и вместе просвещенная прозябала Абиссиния до XV века, когда пробуждение гаснувших сил в народе с победою над исламом и новое движение Европы начали восстановлять прерванную связь с прочим христианским миром. Возвращенная Церкви после 10-векового разобщения, Абиссиния продолжала причислить себя к общему телу вселенского христианства, и Церковь, как мы видели, с кротостью и милосердием приветствовала свою непросвещенную братию, возвращенную Промыслом в ее вселенское братство. Абиссинские духовные являются на Флорентинском соборе представителями своей Церкви рядом с другими святителями Востока, и не забудем, что они были *из числа немногих бывших заодно с Марком Ефесским* среди Собора, потворствующего латинству.

Умирающая Византия, слабая и разорванная между еретическими государствами, или не признанная государством Православная Церковь Юго-восточной Европы, далекая и едва спасшая государство Церковь России не могли подать помощи на дело просвещения и обновления духовного вновь обретенной братии. Разъединенная, поглощенная в бедствия своих или своих близких единоверцев, Восточная Церковь могла только сочувствовать духовным нуждам далекой и забытой семьи христианской, но не принести ей деятельной помощи. Но чего не могла совершить Церковь Восточная, то должна была принять на себя католическая *пропаганда* Рима, тогда стоявшая на высоте своих надежд всемирного владычества.

Византия пала, – католик видел в ее падении наказание Божие за отступничество и потому успех и надежду для себя; победа вещественная над турком могла дать Риму победу там, где была невозможна победа духовная над Византией. Открыт новый мир для нового христианского подвига и владычества

Церкви и открыты новые пути в область старого мира на возвращение владычества утраченного*. Мог ли не обратить Рим своих духовных и светских орудий на далекую вновь открытую христианскую землю?

Св. Филипп, митрополит Московский

Филипп был сын боярина Колычева. С юношеских лет он посвятил себя на службу Богу; был игуменом в Соловецкой обители, где проводил жизнь в посте и молитве и вместе управлял мудро не только самою обителью, но и всем островом, расчищая леса, осушая болота, устраивая на нем удобные дороги, рыбные ловли, солеварни и пр. Строгая жизнь Филиппа и подъятые им труды обратили на него внимание Иоанна, который, отвергнув Германа, мимо всех святителей и архимандритов решился возвести его на митрополию, не думая найти в смиренном иноке строгого обличителя своих пороков и преступлений.

В Соловецкую обитель был, как известно, сослан знаменитый Сильвестр, так долго вместе с Адашевым направлявший волю Иоанна на великие и благие дела, и Филипп в частых беседах с доблим мужем мог заранее изучить характер Иоанна. Такое сближение с Сильвестром как бы наперед приготовило его стать лицом к лицу с Грозным. В 1566 году с горькими слезами оставил старец свое уединение, вызванный Иоанном в Москву сперва для *совещания духовного*, потом для *посвящения* в сан митрополита. Филипп, испуганный предложением высокого сана и обливаясь слезами, умолял царя не лишить его пустыни, не вверять бремени великого ладии малой; но, опасаясь своим отказом предать новым бедствиям государство и Церковь, решился наконец принять высокий сан.

* Таково было общее представление о Церквах восточных, которое тогдашний Рим навязывал на убеждение всего ему подвластного христианства.

Верный своему назначению Филипп не хотел, прежде нежели примет митрополию, признать злой опричины, и вооружась пастырским словом, сказал царю: «Повинуюся воле твоей, но умири совесть мою: да не будет опричнины да будет только единая Россия! Ибо всякое разделенное царство, по глаголу Господа, запустеет. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Иоанн, удерживая свой гнев, спокойно доказывал необходимость опричины; но, наконец, выведенный из терпения смелыми словами Филиппа, заставил его молчать. Думали, что участь Филиппа решена. Но царь был по прежнему милостив к Филиппу, – и, повинуясь воле Иоанновой, все присутствующие святители убеждали Филиппа принять сан митрополита безусловно, доказывая, что твердость его имеет весь вид гордости, не согласной с духом христианства, что долг святителя есть молиться и наставлять царя в деле спасения души, а не в делах царства. Некоторые святители внутренне одобряли твердость Филиппа, но не смели стать на его сторону; другие, как Пимен Новгородский и Филофей Рязанский, были покорными слугами Иоанна и его страстей.

Такие убеждения преклонили Филиппа, и он согласился. Написали грамоту, по которой Филипп обязывался не вмешиваться в опричину. Эта грамота была подписана другими святителями, и Филипп к общей радости народной был возведен на митрополию. Народ видел в нем будущего защитника перед царем: новгородцы еще на дороге Филиппа в Москву встретили его с дарами и просили его ходатайства у Грозного, слыша, что Иоанн угрожает им гневом. В день возведения на митрополию Филипп произнес приветственную речь царю и в ней говорил о долге царя быть отцом подданных, блюсти правду, уважать заслуги; говорил об удалении от престола презренных льстецов, которые служат одним страстям государя, а не отечеству. Иоанн выслушал спокойно святителево слово, и первые месяцы прошли в мире. Царь ласкал митрополита, а Филипп, вспоминая Соловецкую обитель, начал строить церковь во имя святых Зосимы и Савватия. Но тишина продолжалась недолго и была предвестницей сильной бури. Иоанн начал подозревать,

что митрополит действует заодно с боярами, что будто бы по их внушению он требовал уничтожения опричины, а сами они возмущают народ против царской дружины.

Действительно с каждым днем опричина становилась ненавистнее народу и вызывала новые беспорядки. Тревожная совесть и чувство своего недостоинства заставляли Иоанна беспрестанно бояться своих подданных. Больное воображение рисовало ему непрестанные заговоры, измену бояр и т.д. Подозрительность Иоаннову возбудило еще более следующее происшествие: главным боярам московским, князьям Вольскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему Ивану Петровичу Федорову тайно вручены были грамоты от короля Сигизмунда и литовского гетмана Ходкевича. Король и гетман убеждали бояр удалиться от Иоанна, страша их гневом царским, напоминали Вольскому и Мстиславскому, что они литовского рода и всем наконец обещали уделы. Бояре, гнушаясь изменой, представили грамоты Иоанну и написали ответы, исполненные упреков в бесчестных намерениях короля и гетмана. Но для подозрительного Иоанна и этого было довольно. Князья Бельский, Мстиславский и Воротынский еще избежали опалы; Федоров сделался предметом новой клеветы. Иоанн объявил своего конюшего, девятнадцать лет служившего в этом сане верой и правдой, главой заговорщиков, искавших будто случая свергнуть его с престола. Начались казни, Иоанн своими руками казнил мнимого главу заговорщиков, а предполагаемых соумышленников Федорова отдал в руки опричников. Князья Куракин, Булгаков, Дмитрий Ряполовский, победитель крымцев, и трое князей Ростовских были умерщвлены; князь Петр Щенятев думал укрыться в монастыре под черной рясой монаха, но был замучен; князь Иван Турунтай-Пронский, доблий слуга отца Иоаннова, Василия, был утоплен; казначей государев, Хозяин Юрьевич Тютин рассечен на части с женой, двумя сыновьями-младенцами и двумя дочерьми: этот кровавый подвиг совершил князь Михаил Темрюкович Черкасский. Так погибли многие другие именитые люди и верные слуги отечества. Опричники, воору-

женные длинными ножами и секирами, бегали по городу и в виду всех убивали по десяти и по двадцати человек в день. Трупы валялись по улицам и никто не смел погребать их. Москва была окована страхом и безмолвствовала.

Что же делал митрополит в такое горестное время? Он молился о невинных гражданах и о грозном царе, увещевал его, укорял, но к несчастью бесполезно. Иоанн стал убегать митрополита.

Казни продолжались: вельможи и народ молили митрополита не отказать в своем ходатайстве пред грозным самодержцем, и старец из любви к правде и народу решился, не щадя своей жизни, явиться пред царем новым обличителем его злодеяний. Однажды в день воскресный, во время обедни, Иоанн с опричниками и боярами, все в черных ризах и высоких шлыках, вошли в церковь: митрополит Филипп стоял на митрополичьем месте. Иоанн приблизился к нему и ждал благословения. Но митрополит молча устремил взор свой на образ Спасителя и как бы не замечал царя. Наконец бояре сказали: «Святый владыко! Се государь, благослови его!» Тогда Филипп сказал: «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного, не узнаю и в делах царства… Здесь мы приносим бескровную жертву, а за алтарем льется невинная кровь христианская...» Он напомнил Иоанну, что на небе есть Судия как для царей, так и для народа. Такое смелое слово привело в гнев царя, он ударил жезлом о камень и сказал страшным голосом: «Чернец! Доселе излишне щадил я вас мятежников!» И на другой день начались снова казни. В числе погибших был князь Василий Пронский. Всех главных сановников митрополита взяли под стражу, терзали, допрашивали о замыслах Филиппа; но никто из них не дерзал оклеветать святого мужа. Иоанн, желая сохранить вид справедливости, не хотел в глазах народа возложить руку на святителя до решения дела, но втайне готовил ему удар, а между тем продолжал мучить невинных граждан. Избегая встречи с митрополитом, Иоанн, однако ж, видал его иногда в церкви. В день святых апостолов Прохора и Никанора, 28 июля, Филипп служил литургию в Новодеви-

чьем монастыре и потом ходил с крестами по стенам монастырским. Тут был царь с опричниками. Один из них шел за царем в тафье. Митрополит остановился и с негодованием заметил об этом государю. Между тем опричник успел спрятать тафью и уверял, что митрополит говорит ложно, желая только возмутить народ против любимцев царя. Иоанн на этот раз не мог более сдержать своего гнева и всенародно начал бранить Филиппа, называя его лжецом, мятежником и злодеем; клялся открыть его преступления и немедля приступил к делу с совета своего коварного духовника, благовещенского протоиерея Евстафия, тайного ненавистника Филиппа. Назначен был беззаконный суд, в котором судьями были святители, дрожавшие перед гневом Иоанновым, а обличителями был игумен соловецкий Паисий, надеявшийся получить епископство. Он не стыдился клеветать на Филиппа. Улики и доносы представили Иоанну, и он позвал Филиппа к суду. Царь, святители, бояре сидели в молчании, Паисий стоял и дерзко произносил свои обвинения на святого мужа. Тогда митрополит вместо бесполезного оправдания сказал царю: «Государь, великий князь! Ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти – нет! Я уже стар; не знал в пустынной жизни ни мятежных страстей, ни козней мирских и желаю только предать дух мой Вышнему, моему и твоему Господу с тем же спокойствием совести. Лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония твоего времени. Твори, что тебе угодно. Се жезл пастырский, и белый клобук и мантия, коими ты хотел возвеличить меня. А вы святители, архимандриты, игумены и все служители олтарей! Пасите верно стадо Христово, но готовьтесь дать отчет и страшитесь Царя Небесного более, нежели земного».

Он хотел удалиться, ибо знал наперед решение суда, но Иоанн велел ему выжидать решение, принудил его взять назад святительскую утварь и служить обедню в день Архангела Михаила, 8 ноября. Но вдруг, когда святитель в полном облачении стоял пред престолом в храме Успения, явился Басманов с опричниками и велел читать бумагу, в которой Филипп

собором святителей лишался архипастырского сана. После объявления приговора опричники ворвались в алтарь, одели митрополита в черную разодранную ризу, выгнали из церкви метлами и на дровнях отвезли в Богоявленскую обитель. Народ бежал за митрополитом, проливая слезы; Филипп с лицом светлым и любовно благословлял народ, и говорил только: «Молитеся!» На другой день он был призван выслушать приговор суда, в угодность царю признавшего святого мужа виновным в *волшебстве* и во многих тяжких преступлениях и осудившего его на заточение. Тут он в последний раз молил Иоанна сжалиться над Россией; государь не отвечал ни слова и движением руки передал его воинам.

Дней восемь сидел доблестный старец в Богоявленском монастыре – в темнице, потом был переведен в обитель св. Николая Старого на берегу Москвы-реки. Он терпел голод и нужду, но не падал духом. Между тем Иоанн казнил Колычевых и, прислав Филиппу голову его племянника, Ивана Борисовича, велел сказать: «Се твой любезной сродник! Не помогли, ему твои чары!» Филипп встал, взял голову, благословил и возвратил принесшему. Опасаясь любви московских граждан к сверженному митрополиту и слыша, что с утра до вечера толпы окружают его келлию и даже рассказывают про чудеса его, царь перевел страдальца в Тверской Отроч монастырь, где он оставался до мученической своей кончины. Малюта Скуратов, наперсник Иоанна, задушил святого мужа в его заточении: это было в 1569 году. По прошествии 15 лет после сего, по просьбе соловецкой братии, святые мощи Филиппа из Отроча монастыря взяты в Соловецкий, а оттуда, в 1652 году, перенесены торжественно в царствующий град Москву и, благоговейно встреченные благочестивым царем Алексеем Михайловичем, синклитом и народом, были положены в раке – в том самом Успенском соборе, из которого свирепый Иоанн с своими опричниками бесчинно выгнал святого мужа.

РАЗДЕЛ V

ПИСЬМА Д. А. ВАЛУЕВА

И. В. Киреевскому

Тысячу, тысячу раз благодарю вас, Иван Васильевич, за ваше письмо. Если бы вы знали, как обрадовался я ему, когда уже отчаивался получить что-нибудь от вас, и сколько же обязан я этому письму: оно дало мне новые силы, возобновило всего меня; даже заниматься я стал много больше после него; да, вы, может быть, и сами не зная того, сделали мне им много добра. Извините пожалуйста, что так долго не отвечал вам; вы получите мое письмо ровно через месяц после того, как ваше написано; но я получил его не более двух недель; кажись, оно лежало недели полторы на почте для прочтения, – посылку же я получил вовремя, но без письма. Так вы разгадали меня: но, скажите пожалуйста, как не иметь в наш век, и особливо у нас, этого унылого, часто мучительного, чувства? Когда взглянешь вокруг себя, когда видишь все свои надежды обманутыми, все, во что так ребячески верил, попранным, нигде не находишь ни отголоска, ни сочувствия, когда те даже, которые могли бы, не хотят понимать вас, но это бывает минутно; понимаю, как отсюда можно перейти в это равнодушие ко всему и наконец в эгоизм, и я постараюсь, чтоб этих минут было как можно меньше. Но главное, в чем я недоволен собою, – у меня нет воли, или

по крайней мере очень мало, а без нее всегда останешься в ничтожестве. Напишите, что мне делать: я хочу иметь ее и свято исполню, что мне скажете, а то видеть всю свою слабость, все свое ничтожество! Я уже пробовал несколько раз, но никогда не выходил вполне победителем, а мне хотелось бы когда-нибудь применить и к себе последний стих:

Кто высшему призванью не изменил,
В борьбе с судьбой не пал...

Но я слишком много замечтался, не правда ли – все я слишком много о себе думаю? Но как-то я не могу себе позволить этой мысли: она убила бы меня, что я ничем не буду, ничего не сделаю. Скажите пожалуйста: зависит все это от человека? А вот пройдет год-два, и я сам буду, может быть, смеяться над тем, что пишу к вам теперь, и вы будете тоже смеяться. А если мне нет призванья свыше, без воли ничего не сделаю, – но не рожден же я только для того, чтобы единицей прибавить число душ в России? Горькая мысль, если это правда! Трудно приучить себя все относить к чувству долга; для этого, по моему, тоже должно иметь волю, а ее у меня нет; а иногда мне кажется, живучи между людей, и совсем нельзя исполнить этих мелочей, а может быть, я не то понимаю под этими пустыми вещами, о которых вы говорите. Все, что вы мне писали, как точно сбывается; теперь я совершенно покоен насчет религии, и, к счастью, силлогизм и внутреннее чувство не противоречат друг другу, и я твердо стал на месте. Как вы думаете? Мне кажется, что для нашего века нужен новый Лютер, и что он будет; сколько людей, которые нуждаются в этом. И всегда найдется человек, который удовлетворит общей потребности.

Что касается Шевырева, я и прежде уважал его как поэта и как человека, но теперь я стал лучше узнавать его; с некоторого времени мы как-то стали короче, я следую его советам в отношении к учению, а других он мне не дает. Вы мне пишете, чтоб я отдался ему с полной доверенностью (извините, если я после этого двух слов никак не мог разобрать: «...»*), а так

* Затем Валуев скалькировал из письма Киреевского два слова которые действительно не поддаются разбору. – *Прим. составителя.*

я очень легко разбираю вашу руку): во-первых, на это трудно решиться, и во-вторых, он не поймет меня; лучше оставить сделать времени; что Бог даст, то и будет, да и притом больше от него нельзя требовать (извините меня за то, что я писал про него в прошедшем письме и из него ничего не заключайте), и я покуда больше не желаю. Мои занятия с тех пор, как получил ваше письмо, пошли гораздо лучше, а то, признаюсь, я мало делал и первые два месяца почти потерял в отношении к классическому учению; но теперь у меня все так и еще лучше пойдет; оно трудно сперва привыкнуть заниматься, когда нет к тому, так сказать, почти никакой физической причины. Математикой я мало занимался и еще хорошенько не вникнул в нее; недавно я недели с три был без учителя и наконец принужден был взять другого; греческий у меня довольно хорошо идет, немецкий я наконец почти совсем одолел, – я теперь кончаю «Карлоса»; какой новый прекрасный мир, который до сих пор мне совсем был закрыт, и когда подумаешь, что передо мной лежит еще целый Шиллер, целый Гёте непрочитанным. Университет поправляется, и особенно словесное отделение: новые два профессора – греческого и латинского, Печерин и Крюков, отличные, а философию будет читать Надеждин, которого выпишут из чужих краев. Степан Петрович, если его Уваров безо всяких экзаменов не утвердит в ординарные профессора, решительно выйдет из университета, а он читает прекрасно, часто с вдохновением (еще Петрарку); он вам кланяется, то же и Хомяков, Павлов, etc. О Бенедиктове нечего мне и говорить; вы, я думаю, уже давно прочли его стихи в «Наблюдателе», а, «Наблюдатель» опять уснул: 12 номер еще до сих пор не выходит; сверх того, цензура не пропустила Одоевского и Ястребцова, еще строже становится. Поклонитесь от меня, пожалуйста, Алексею Андреевичу, Василию Алексеевичу и детям. Я слышал тоже, Петр Васильевич воротился; если правда, то поздравьте со счастливым возвращением; скоро ли он приедет сюда? Недавно я послал Языкову ваш адрес; собирается к вам писать; с тех пор он еще прислал стихов в «Наблюдатель»; из них можно заключить, что он пишет какую-то огромную поэму. Думаю, я

уж надоел вам своим болтанием. Благодарю вас за все участие, которое во мне принимаете.

Навсегда вам преданный Д. Валуев.

21 ноября 1835 г.

В. И. Григоровичу

Крайне сожалею, что вас не застал, – первый р. в N ездил к вам и не нашел квартиру. Посылаю вам от Панова экз. его статьи для Срезневского – и от себя ненапечатанные стихи Хом. для отвезения в Турцию. С неоплаченными д. сч. делайте, что хотите, и раздавайте после сентября.

Крайне сожалею, что не виделся с вами более, но Бог еще приведет – свидеться мы должны. Если когда что-нибудь вам понадобится из дальнего чужого края, относитесь прямо ко мне и будьте уверены, что все – что я в силах, будет сделано. Добрый вам путь и всякое преуспевание в начатом подвиге.

Навсегда весь вам дружески преданный Д. Валуев.

Москва 24 июня

<1844 г.>

Письма М. П. Погодину

Посылаю вам начало предисловия, которое вы хотели просмотреть. Дайте одобрение, если можно к понедельнику. Я велю прислать за ним. К святой мне надо непременно все окончить – на будущей неделе опять явлюсь к вам. Если можно, сделайте одолжение – пришлите статью «О местничестве» из «Вест. Евр.» – мне она необходима, чтобы окончить предисловие и представить его вам на рассмотрение. Дамы собираются

съехать к вам на житие на будущей неделе и пришлют вам сказать, и очень вам благодарны за вашу готовность их принять. О Сонином письме мне даст рукопись еще Ертелев и даст еще Сонино письмо Снегирев и другой экземпляр [от них].

Весь вам истинно преданный Д. Валуев.

11. М. Типогр. Семена

<1844 г.>

* * *

П. М. Языков уехал отсюда в большом беспокойстве о судьбе своей статьи, ему 2-й корректуры не прислали и т.д. – снова пишет из Петербурга – посылаю вам записку Ник. М. Сделайте одолжение, устройте их и распорядитесь в чем надо.

Посылаю вам почти оконченную корректуру 1-го предисловия «Синб. сб.» – ожидаю ваших замечаний.

С остальным явлюсь на днях и явился бы еще прежде, но С. П. Шев. мне сказывал, что вы заперлися и никого к себе не пускаете в свою «Рос. историю». Во благо тогда истории не пустите ли меня на зачет к себе?

Вашего великодушия устроить дать ему нужные книги и собрать вм. 100–150, из коих 100 дать на дорогу, а на 50 оставить ему записку и получить от моего поверенного, если придет в М. – когда нас не будет.

Кажется, я распорядился как следует.

Христос Воскресе!

Хотя и прощаюсь – но с вами, русским человеком, неужели не похристосоваться.

Ваш Д. В.

<1844 г.>

* * *

Сделайте одолжение, пришлите мне с моим посыльным ваши 2 статьи *о старейшинстве князей.* Мне сказывали, что

они у вас есть особой брошюрой, очень бы обязали, – и скоро возвращу. Я теперь пристально работаю над местничеством и всеми его следами, – и пора бы уже приняться за писанье, да останавливаюсь за вашими статьями, которые необходимо прежде прочесть. Очень вам благодарен за ваше предварение о бумагах Петрова времени, уезжая, я написал <Беляеву> и просил его, чтобы он отобрал у вас, что можно.

Душевно радуюсь, слыша, что вы оправляетесь, – я сам окреп в деревне и работаю по мере сил.

Хозяин и хозяйка вам очень кланяются.

Простите покуда, весь вам истинно преданный Д. Валуев.

<1844 г.>

* * *

Препровождаю вам при сем первую половину моего труда над местничеством, который составляет продолжение предисловия к «Синб. Сборн.». Так как вы и прежде никогда не отказывали мне в вашем совете и внимании, то надеюсь что и теперь не откажете мне в нем – и тем более, что в этом деле вы единственный *судья* (сколько мне, по крайней мере, известно на всем пространстве Русского царства, перед которым можно положить свои документы и свидетельства.

Я к вам сам не отвез – потому что принужден быть очень бережлив на свои выезды, – по приказаниям Иноземц. – и др., и потому прошу вас назначить мне, когда бы я мог на досуге принять от вас ваш совет и замечание. Как вам лучше – от 1 до 3, от 4 до 6, аки от 4 до 9? И если бы можно просить вас назначить мне поскорее, потому что *дядюшки* мои меня крайне торопят и бранят, зачем взялся за это дело. Я […] спешу с окончанием сборника. При сем же присылаю вам 2 корректуры, которые предшествуют прилагаемой разрядн. Кн. 2-я не [выпущена] еще и совершенно безобразна, но посылаю, ибо в ней окончание источников 1-ой: исчленение всех источников *разрядов* и *местничеств*. Не пополните вы еще чем-нибудь? А особливо

не укажете ли на *статьи в журналах, сборниках*. О чинах и пр. Очень бы обязали. Я со своей стороны собрал и сделал что мог. И вот передаю на суд.

Поправились ли вы? Я, слава Богу, поправился, но все тронут грудью. Благодарю вас очень за вашу *статью*, которая мне очень поможет в моем дальнейшем труде над историей и развитием местничества. Если ваш попадется под руку, я бы просил вас отложить мне *ваши разрядные*, в которых, надеюсь, вы мне не откажете? Получили ли экз. Б. В.? Вы мне хотели дать в нее чью-то биографию?

До свидания, весь вам истинно преданный Д. Валуев.

<1844 г.>

* * *

Если вы успели уже просмотреть мною посланное вам, то сделайте одолжение, скажите, когда мне к вам приехать. Я должен спешить этим делом. Как ваше здоровье и вашей супруги?

Весь ваш Д. В.

Если вам не трудно было бы прислать, очень бы обязали присылкою одной или 2-х (полнейших) разряд. копий. Все это теперь у меня за неимением других списков разр. остановило все дело.

Посыльному можете смело их поверить.

<1844 г.>

* * *

Имею честь вам препроводить при сем от имени всех 5 издателей 1-ый том «Синбирского сборника». Предупреждаю вас, что я еще не получил цензурного билета на него и потому посылаю только *вам*. Я поспешил этим, чтобы попросить вас обратить ваше внимание на мой труд, как он ни тяжел и ни скучен. На днях надеюсь сам быть у вас и хотел бы очень

услыхать ваш приговор, каков бы он ни был, – приговор, которому я гораздо более могу доверить, чем своему собственному и чьему-либо другому –

весь вам преданный Д. Валуев.

П.С. Вы мне хотели давно одолжить вашу разрядную; премного бы одолжили, если бы передали ее посланному.

<1845 г.>

Письма Д. Н. и Е. А. Свербеевым

Е. А. Свербеевой

Я уже знал от Хом. и Яз., что вам лучше, но получить уверение от вас самих и ваших было тем отраднее – берегите себя, ибо вы себе не принадлежите. Милость Божия вознаградит вас в ваших надеждах за ваши потери; переживать их, я знаю, вам труднее, чем многим, – но уметь чувствовать глубоко и даже горе, если не даны радости, тоже благодать неба и которая дается не всем. Ваши письма были для меня великою радостью, а ваше первое письмо больше, чем радость; не раз я его перечитывал себе и тогда живо почувствовал, скольким Господь еще благословил меня в жизни, – но достоин ли я такого участия в моем существовании и такой дружбы, и не слишком ли большую кладете на меня ответственность? – вы меня все-таки переоцениваете. Письмо это было мне тем дороже, что, признаюсь вам, не получал ответа на свое моск. послание, – мне было с вами все это время как-то неловко, как всегда бывает, когда что-нибудь остается недосказанным. От этого и писалось к вам меньше, чем следовало. А не раз хотелось вам многое высказать, в Праге я было начал писать вам новый ответ на ваше последнее письмо в М., которое меня нигде, нигде не оставляло, и теперь было собрался много писать

о себе, но оба раза остановила мысль, что грешно и противу совести занимать вас собою и своими мелкими нравственными болезнями среди вашего святого горя. Скажу только, что этому письму я обязан светлым благотворным чувством, которое меня долго не оставит, – убеждением в полную прямоту и настоящую истину вашей дружбы, – что в вас всегда найду защиту против самого себя, всего, что во мне еще молодо, себя обманывает и увлекается, – и еще что теперь ясно вижу себя как вы меня давно видели, – но много уже нет, что было, так и этой нынешней веры в себя, в которой вы меня поделом упрекали, так же как и в недостатке самолюбия <…> и все это весьма сродни с тем **поразительным презрением к народ. и индив., которому научают отвлеченные теории,** о чем поминает мне Дм. Ник. Все оное я теперь ясно увидал, потому что сам в себе много разочаровался. Как вспомню Москву, мне кажется, что я был в ином мире, в каком-то странном очарованном кругу, – но когда раз вышел из него и стал глаз на глаз с собой, среди Божьего мира на все 4 стороны, как вдруг стало распадаться одно за другим все, на чем, казалось, стоял так крепко, и мучительная тяжелая внутренняя работа заменила прежнее московское благополучие и, может быть, преступный душевный комфорт. От этого первые месяцы моего странствия мне были невыносимо несносны, тоска по М. доходила до настоящего mal du pays* и не давала минуты покоя. Только Италия помирила меня с Божьим миром – а с Венец. я уже прощался только что не со слезами на глазах. Теперь же вижу, – что досель лишь – как ребенок ходит на помочах – у всего окружающего, и вдруг очутиться без них, может быть, и было **самое тяжелое**, хотя и не понимая этого. Что же касается до нынешнего патриотизма и православия, сам еще не знаю, как и в какой мере уложился во мне Запад с Востоком, – разумеется, что все основные убеждения остались те же, но взгляд и понятие во многом изменились; пойму ясно, когда спокойно оглянусь на себя с родины. Не хотел писать о себе, а намарал 3 страницы. Простите? Еще дни 3 здесь, дни 3 в Берлине, столь-

* Тоска по дому (*фр.*). – *Прим. ред.*

ко же в шумном Питере, и там дорогая, родная Москва, которая, как вы не браните ее, и как сам я во многом не объевропился, может быть, стала мне еще дороже.

Благодарю вас за вашу добрую заботливость обо мне; письмо к Miss Gorter – досадно очень, что не получил в Лонд. – теперь привезу назад с собой. Англ. книг для детей купил, привезу часть с собой – выбирал по назначению M-lle Lendz – поблагодарите ее очень за письмо и да простите, что не отвечаю сам; у Miss Frey был, но ее не видал, она была, бедная, очень больна и теперь еще в том же положении, как читал в газетах. Сочинения <…> куплю – они все стоят 5 талер. здесь. Весело слышать, что ваш Николенька вас так радует; Ник. Мих. мне пишет. И таким, думаю, был отроком Гектор? – и он ваших надежд не обманет. Какое доброе дело, что вы взяли Иноземцева, с ним можно быть покойну за вас, – поклонитесь ему от меня. Здесь я со своими, со Стаховичем и [Ел.] – с последним доедем вместе и до Москвы. В чужие края, если Бог даст, через два-три года непременно ворочусь. Все, что видел наскоро и кое-как, лишь пробудило во мне любопытство узнать [то же] порядочно, – а до тех пор буду работать, сколько есть во мне сил – и в Париже, Берлине и здесь продолжал работать в библиотеках над печатным в Лондоне. Простите покуда, до скорого, счастливого свидания; – в Питере побываю у кн. Одоевского и если можно у кн. Вяземского – теперь, когда видел Евр. – невольно отдашь справедливость и Пар. – нечего сказать, красавец-город –

весь ваш Д. Валуев.

Мой низкий поклон Cou. и Варв. Дм., если меня еще не забыли.

Благодарю вас, Николенька, за известие о брате. Я и без вашего напоминовенья вспомнил стихи Хом., и в первые дни, глядя на мостиый чудный Лондон, говорил себе: «Нет, рано еще тебе пророчить гибель» – но после пришло и раздумье. Спасибо, что не забыли меня.

<1843 г.>

А. В. Свербеевой

Дрезден
28 дек.

Наконец, после долгих выжиданий получил ваши письма, но где же? В Берлине и через три месяца – видно, того хотела моя недобрая звезда. Они бы избавили меня от многих глупо-тяжелых часов и придали бодрости моей избалованной натуре, – но прошлого не воротишь. Зато теперь я лучше понял истину ваших слов – чем бы мог понять прежде, еще **обаянный Москвою,** и от всей души поблагодарил судьбу за вашу дружбу, – прямую и непотворствующую; сберегите мне ее и будьте **строги;** авось и я не изменю ей, как вам не изменил ваш старый товарищ Немец. Его доброты или дружбы к вам я имею еще новое доказательство: в том, что получил ваши письма. К моему несчастию я воротился из Брейтона и уже не застал его в Лондоне, он ездил по делам в Польшу, и потому уехал из Англии даже не видавшись с ним, и вдруг получаю от него письмо, где извещает о **письмах**, спрашивает, куда отослать и пр. – таково внимание (и среди посольских хлопот по угощению М. П.) я не ожидал право, и оно меня живо тронуло: ваша правда, у него можно научиться исполнять **долг** к ближнему, чему не всегда научается и моск. **любовь к своим ближним.** Жаль очень, что не получил вашего письма в Лонд., я бы ему передал, что пишете об нем, ему, верно, было бы весело слышать. Глупо сделал, что не послушался вашего доброго совета не ездить в Париж, он меня утомил ужасно, а видеть почти ничего не видал. О другом вашем добром совете, – остаться до лета и не спешить с возвращением, 2 месяца тому назад я бы не мог подумать без ужаса, а теперь почти готов был бы ему последовать, если бы только было можно. С удовольствием и пользой остался бы до весны в Берлине слушать Шеллинга и другие знаменитости, вчитываться и вглядываться в Герма-

нию, но действительно нельзя. Дело не в **успехе** литер. предприятий, – а было бы с моей стороны (вследствии оных) **ко многому** <…> не возвратиться в срок, тут дела и денежные и пр., передать же их решительно нельзя – да и никто на себя не возьмет. Правда, что я **теперь** возвращаюсь, когда только теперь мог бы начать пользоваться и насладиться как следует путешествием: но Бог даст до другого разу, – теперь только начал свыкаться с другою жизнью и выходить из тепличной атмосферы, которою жил в Москве.

Очень весело слышать, что вы пишете о Ник. М. – авось он освоится между вами и станет бодрее. Здешний Д'Аммон, германская знаменитость и который лечил его, пока он был в Дрездене, расспрашивал меня об нем с большим участием и все твердил, что его болезнь столько же, если еще не больше нравственная, чем физическая – **англ. сплин, un laisser-aller***, и современное отсутствие уверенности в своих силах, что ему необходимы **жена** или **друг**, которые бы держали его постоянно […] и не давали опускаться – прав ли он, и во сколько, – Бог весть, – но как бы то ни было, вы могли бы быть ему очень полезны с этой стороны; а **чувствительная** дружба, о которой вы пишете, бесспорно может только вредить, и я понимаю вашу досаду – авось и ваша досада на Ал. М. и **твердое намерение** принесет свои добрые плоды и вы настоите насчет детей – в январе мы свидимся. Nat. Ал. не будет, а **непременно** успеете – только надо воспользоваться этим временем; если решитесь на что-нибудь и будете искать гувернера, то напишите в Питер, может быть, мне удастся найти, их там больше, чем в М. Приношу вам свою глубочайшую благодарность за Разряд. книгу; а что наделал много **вздору**, теперь сам ясно вижу, и придется искуплять его в будущем.

В Берлине я еще застал две недели лекций и впервые понял все великое значение герм. науки и университета, только к великой досаде Шеллинг все длится и науки какого <…> весь семестр не читал. Следовало бы с концом лекций ехать на родину, но мы решились с [Ел.] прежде съездить в Дрезд.

* *Здесь:* расслабленность (*фр.*). – *Прим. ред.*

проститься с Герм. – слушали на Рождество капеллу в церкви Кор. дрезд. театра и галерее! Всего этого у нас долго не услышишь и не увидишь. Здесь я через Ермолову познакомился тоже со многими лицами, был на их вечерах и пр. – весело видеть образованную простоту их жизни, и вместе такого доброго, услужливого народа нигде не встречал. Скажите, пожалуйста, Ник. Мих., что в Берл. посольстве 2 раза спрашивал об его посылке; искали и ничего не нашли. Проездом через Берл. еще понаведуюсь. Здесь встретил снова Вигеля, в Париже он не ужился и возвращается на житье в Москву; говорит, что стал бы отвечать Кюстину, но что ему нужны томы, чтобы вылить всю свою желчь, а то боится только расшевелить ее. Простите покуда, до скорого свидания, как ни говорить, ибо что рад был бы остаться хоть еще на чужбине, – а не поверите, как отрадно подумать, что скоро буду с вами, на месте и за своими книгами –

весь ваш Д. Валуев.
<1843 г.>

<Д. Н. Свербееву>

Посылаю вам несколько страниц из своего местничества, из коих прочтете отчеркнутое чернилами. Может быть, вам [важно] будет видеть, что понятие русской истории, хотя и относящееся к другому веку и другому, более частному предмету, чем ваше, привело меня в **общем** к тем же выводам, что и вас. Разумеется, что я воспользовался только удобным случаем, чтобы набросать несколько **общих** мыслей, но не думал разрабатывать их прилежней. Вот вам мои возражения и вместе моя присказка на вашу статью, которая меня искренне порадовала и за которую приношу вам искреннюю благодарность, как написавшему ее.

Москва, 4 апр.
<1844–1845>

РАЗДЕЛ VI

СОВРЕМЕННИКИ О Д. А. ВАЛУЕВЕ

Григорович В. И.
Письмо к редактору

Милостивый государь!

Считаю долгом сообщить Вам краткое слово*, произнесенное в память славных симбирских уроженцев, преемников Н. М. Карамзина.

Оно было сказано после речи доцента Полевого о литературной деятельности Карамзина и лекции профессора Смирнова о первых главах «Истории государства Российского». В слове этом пропущены многие имена. Это произошло от того, что по краткости времени я желал преимущественно обратить внимание на имена, незабвенные славянам, – Д. Валуева и В. Панова.

Сообщаю Вам его потому, что, может быть, до Вас дойдет статья «Одесского вестника», где имена эти не так напечатаны.

---

* Слово это было произнесено известным нашим славянистом, бывшим нашим профессором славянских литератур и наречий в Казанском (а ныне в Одесском) университете В. И. Григоровичем на Карамзинском празднике в Одессе.

Если Вы найдете важным поместить это краткое, малозначащее слово в «Симбирских губернских ведомостях», то прошу сообщить мне несколько экземпляров.

Я, по крайней мере, рад тому, что высказал в Одессе, откуда есть пошла русская взаимность к славянам. За недостатки прошу извинения, если они оскорбляют память достойных славных симбирских уроженцев.

С истинным почтением и т.д.

10 декабря 1866 г.

В. Григорович

Карамзин принадлежит всей России, и всякий из наших соотечественников, в котором бьется русское слово, кто предан просвещению, воспоминая благодеяния Карамзина, всегда произнесет ему внутреннее свое спасибо, принесет ему искреннюю, свободную дань хвалы, чести, признательности и любви.

Карамзин принадлежит всей России; но преимущественно принадлежит он краю, в котором родился. Там он получил начальное воспитание и обогатился впечатлениями детства и юношества, столь важными в жизни человеческой, там нашел он себе первого друга и советника в литературных занятиях, там нашел путеводителя в исторических трудах; там, наконец, его сограждане предупредили своих соотечественников в благом намерении воздвигнуть общественный ему памятник».

Так заключил академик Погодин свою речь, произнесенную в Симбирске при открытии памятника Карамзину.

Да будет же мне позволено напомнить хотя в кратких словах и о других славных уроженцах края, которому свыше предопределено было счастие быть родиной Н. М. Карамзина. Я именно желаю иметь честь произнести пред Вами имена сподвижников и преемников приснопоминаемого двигателя русской мысли, труды которого если благотворно действовали в целом отечестве нашем вглубь и вширь, то и на родине его могущественно пробуждали нравственную деятельность.

С уважением произношу имя И. И. Дмитриева, этого старшего сверстника Карамзина и спешу напомнить, что Симбирску принадлежат И. А. Тургенев и И. А. Языков, которые, вызванные гением бессмертного соотечественника, глубоко постигли русскую жизнь и, доказав в своих творениях, что она цела и крепка, оправдали для своих и чужих ту спасительную истину, что только тому, что верует в целость и крепость русского народа, дается –

Язык наш чудный,
Метальный, звонкий, самогудный
Разгульный, меткий наш язык.

Но не одне только струи поэзии вытекли из земли, воспитавшей Карамзина.

Пример его как историографа не остался без последователей.

Внушаясь его пытливым поощрением, двое уроженцев Симбирска, Д. А. Языков и А. Н. Тургенев, посвятили труды всей жизни своей исследованиям и поискам, выясняющим вопросы, дополняющим указания, которые так обильно предлагались в бессмертном творении историографа.

Языков познакомил нас с малоизвестными византийскими писателями и с критикой Шлецера, Тургенев, после двадцатилетних поисков своих в архивах Европы, подарил нас богатейшим собранием западных документов.

Так сообщалась любовь Карамзина к отечественной истории его ближайших по времени и месту соотечественникам.

Эта любовь передавалась и младшему поколению. Мы не раз читали известия о предприятиях в Симбирске, предприятиях, внушенных благой целью охранить дорогое прошедшее.

Одно из них заслужило справедливую известность в исторической литературе. Я говорю о «Симбирском сборнике».

Виновниками этого прекрасного предприятия были два юных уроженца Симбирского края, память которых, если бы и затерялась среди живущих поколений, если бы и миновала ее литературная летопись, то незабвенна будет в науке, озаренной их добрым приветом, в науке славянской.

Как бы оправдывая благословение первого русского бытописателя, там, на земле, питаемой Волгою, явились предтечи, вестники этой науки, знамением которой был союз родного с родовым. Так на призыв с далеких земель к славянской взаимности искреннее, чем где-либо, и словом и делом пытались отвечать Д. А. Валуев и В. А. Панов, достойные поэтому стать у нас среди первых начинателей науки славянской.

Среди усилий о том, чтобы родине своей доставить почетное имя в русском образованном мире, чего не предпринимали, к чему не поощряли других своим примером они – эти русские диоскуры? Отвечая русской взаимностью дальним соплеменникам, они первые усиливались передать вам научное знакомство с ними. Преждевременная смерть пресекла их честные подвиги, но и над могилой этих рано утраченных юношей правдивая летопись науки русско-славянской будет всегда ставить свое зачало: «откуда она есть пошла».

Д. Валуев и В. Панов – это эпигоны карамзинской эпохи. С глубокой верой в великую судьбу своего отечества, отвергая с беспримерным бескорыстием гордость мелкого знания, трудились они только для того, чтобы вопреки звучным, но бессмысленным возгласам доказать словом и делом, что конечная цель народной русской жизни есть общение с просвещенными народами посредством взаимности со славянскими народами. Чтобы убедиться в том, что такие мысли воодушевляли Д. Валуева и В. Панова, этих уроженцев Симбирска, пусть вспомнят, что было сказано в изданном по их замышлению «Славянском сборнике».

Благо, следственно, краю, где великие люди не остаются одинокими, благо ему, ибо сам гений их движет будущие юные поколения!

Карамзину последуют Языковы, Тургеневы, Валуевы, Поповы. Память его там не предана заточению, забвению, по воле прихотливых отрицателей, но, пребывая достоянием нравственной жизни, зиждет себе бессмертие, воодушевляя юные поколения всегда новой ревностью к честным трудам.

Принесем же дань благоговейного уважения к подвигу историографа нашим сочувствием к последующим за ним трудам, предпринятым на его родине к оживлению русского слова, к утверждению русского единомыслия, к славе Государя и Отечества.

Да всегда славится симбирская земля всероссийскими творениями Н. М. Карамзина и честными, полезными трудами, возникшими по его внушениям, Языковых, Тургеневых, Валуевых, Пановых.

Одесса, 1 декабря
1866 г.

А. С. Хомяков

Д. А. Валуев*

Основателем «Библиотеки для воспитания» и главным участником в издании ее был Дмитрий Александрович Валуев. 1845 года 23 ноября умер он на 26 году от рождения, не успев еще издать последних двух книжек предпринятого им годового издания. Имя Валуева получило уже известность в литературе и в науке, лицо его получило уже почетное место в общественном уважении; деятельность его внушала уже много ожиданий и надежд, но Богу угодно было иное.

Д. А. Валуев был уроженец Симбирской губернии; родители его были Александр Дмитриевич Валуев и Александра Михайловна, урожденная Языкова, – из семьи, заслужившей славу в нашей поэзии и известность в науке. Рано, по третьему году лишился он матери, которой кроткий нрав, тихая веселость, любящее сердце и редкая красота были украшением семейства; рано осиротел он и, кажется, это сиротство оста-

* Напечатано с именем автора в «Библиотеке для воспитания», 1846. – *Прим. издателя Полного собрания сочинений А. С. Хомякова (М., 1900).*

вило в нем навсегда задумчивость, не переходившую никогда в грусть или в скуку, но дававшую какую-то особенную прелесть даже самым веселым его минутам. На 12 году перевезен он был в Москву и поручен попечениям семьи*, известной по великим литературным заслугам, по любви к просвещению и художествам, по дружбе со многими и лучшими литераторами, и особенно по теплому радушию, с которым она принимает всякое новоявляющееся дарование. Приязнь и попечение такой семьи были для него счастьем, и этим счастьем он умел воспользоваться. В последний год своей жизни вспоминал он и говорил с пламенной благодарностью о первом пробуждении мысли своей и о первом благородном направлении, данном ей словом и дружбой этой почтенной семьи, особенно одного из ее членов, который, пройдя весь путь современного мышления, нашел, наконец, успокоение и цель, достойную себя, в разумной и теплой любви к началам нашей Древней Руси, ее простого быта и ее чистой и высокой веры. По 13 году поступил В. в пансион, в котором он оставался около трех лет. Успехи его были не блистательны; ему трудно было покориться правильности общественного воспитания, и мысль его, перебегая от предмета к предмету, от одного стремления к другому, не могла еще ни отказаться от своего произвола, ни угадать пути, на котором она была призвана трудиться и действовать; за всем тем кротость нрава и добродушная откровенность привлекли к нему дружбу лучших товарищей, а жадная любовь к науке, выражавшаяся даже в беспорядке его занятий, обратила на себя внимание лучших его учителей. Он был любим и впоследствии вспоминал не без удовольствия и благодарности года своего пансионского учения, но признавался, что чем более думает он об них, тем более убеждается в превосходстве домашнего или полудомашнего воспитания перед воспитанием общественным. Это мнение человека, в котором отрочество не оставило никакого горького воспоминания и, следовательно, никакого невольного пристрастия, – человека, соединявшего в высокой степени благородство души с ясным

* Елагиных-Киреевских. – *Прим. издателя в издании 1900 года.*

умом, любимого товарищами и любившего их, заслуживает, как кажется, некоторого внимания.

Из пансиона поступил он в университет под надзором и руководством профессора Шевырева, которого имя одно уже ручалось за верность направления, данного воспитанию Валуева. Курс университетский прошел он с успехом, но без особенного блеска. В Валуеве не было ни сочувствия с формализмом науки (вероятно, неизбежном во всяком учебном заведении), ни того жадного самолюбия, которое ищет похвал и отличия в науках, с которыми мысль нисколько не сочувствует и которое в учении видит только будущий экзамен. Наука была для него не средством к успехам, а целью самой жизни; но наука не мертвая, а живая, развивающая дух человеческий, не сковывающая его внутренней свободы. Кроме предметов, требуемых университетскими постановлениями, он в то же время выучился почти самоучкой английскому языку, знакомился с произведениями литературы немецкой, отыскивал начала и, так сказать, самый дух искусства в творениях Гомера и во всех произведениях древней Эллады, приучался к строгой исторической критике чтением Нибура, Моверса, Миллера и других ученых современной Германии; изучал не философию, но строгую философскую методу в бессмертных творениях Бэкона и его ближайшего последователя Канта; более же всего старался проникнуть в тайну древней жизни России посредством изучения летописей и грамот. Рано постиг он ложь систематизма и ничтожность мертвой формальности в науке и жизни. Так, еще в продолжение университетского курса своего он писал рассуждение о статистике и доказывал ее бесплодность в том виде, как она вообще изучается и преподается, т.е. в отдельности от исторического движения, и еще более в отдельности от изучения духовных сил, которыми одними зиждется вещественная сила народов. Это рассуждение, без сомнения, еще свидетельствующее о незрелости мысли, содержало уже многие новые истины и много залогов для будущего развития; оно не было кончено отчасти потому, что Валуев, быстро обогащаясь новыми познаниями, не мог ни-

когда быть довольным своим собственным трудом, – отчасти потому, что по характеру своему он не мог довольствоваться выводами чисто отрицательными. За всем тем, хотя он и отвергал излишнюю самонадеянность науки и восставал против ее формализма, он понимал необходимость узнать вполне все ее положительные данные и следил с напряженным вниманием за преподаванием университетским. Такая многосторонность и разнообразность занятий требовала от него беспрерывного труда, и день его был разочтен не по часам, а почти по минутам; короткий отдых посвящал он или прогулке и телесным упражнениям, необходимым для его здоровья, или беседе с лучшими товарищами по университету, или с людьми, которые подобно ему понимали все достоинство, всю важность жизни умственной и духовной. Но за всякое нарушение, хотя бы случайное, в порядке своих занятий наказывал он себя сокращением уже и так короткого отдыха, и когда товарищи смеялись над его строгостью к самому себе, он сам вместе с ними, смеясь добродушно, говаривал: «Я чувствую, что во мне воля слаба, так же как, по несчастию, и во всех нас; дам себе повадку, да потом сам с собою и не справлюсь». Последние годы университетского курса провел он в одном доме с той семьей, которой был поручен при первом приезде в Москву, и сделался как бы членом ее. Тут, окруженный людьми с самыми блестящими дарованиями, отдавая им вполне справедливость и в то же время видя, как часто самые блестящие способности и прекрасные намерения остаются бесплодными, он стал мало-помалу яснее понимать свое призвание – сделаться нравственным двигателем этих разрозненных сил. К этому времени относится много его сочинений, оконченных и не оконченных им, и мысль о многих предприятиях, которые он впоследствии исполнил или только начал.

С удовольствием, но без нетерпения ожидал он последнего университетского экзамена как минуты, с которой наступала возможность более свободного труда и более полезной деятельности. Ясное и определенное сознание цели, которую он назначил себе в жизни, удаляло от него все пу-

стые и бесплодные мечтания, в которых так часто тратятся силы и время ранней молодости; он жил всей пылкостью, всем жаром молодого сердца и всем спокойствием и твердостью совершеннолетнего разума, между тем как формы его жизни и привычки сохраняли еще отпечаток беспечного и веселого детства. Это соединение детских форм с юношеским сердцем и возмужалостью ума (отличительная черта многих замечательных людей) давало Валуеву какую-то необыкновенную прелесть и свидетельствовало о чистоте его духовной природы. Из университета вышел он кандидатом, но далеко не первым. Иначе и быть не могло при множестве его занятий, выходивших из круга университетского учения; впрочем, лучшие из наставников его отдавали ему полную справедливость, и в особенности профессор Крюков, который говаривал: «Валуев из кандидатов чуть-чуть не последний, но в жизни он станет едва ли не на первое место».

Новые труды сделались его отдохновением после трудов университетских, но эти труды были уже вполне свободными и зависели только от его внутренних требований: он готовился действовать. С особенным старанием и любовью стал он изучать исторические вопросы, не довольствуясь одним разбором фактов и сличением документов, не довольствуясь даже изучением мелких и случайных причин исторических происшествий, но стараясь проникнуть в самый смысл истории и в жизненные начала, которые ею управляют. Еще большее внимание, еще большие труды посвящал он тому высшему знанию, которое заключает в себе все остальные, – вере, и со всяким днем расширялся круг его мысли, со всяким днем выше и выше становилось его духовное существо. Редко посещал он блестящие и шумные общества света; ему в них было как-то неловко и пусто, но почти всякий день посвящал он несколько часов небольшим кружкам ученых, или литераторов, или умных товарищей, и охотно следил за их беседами и горячими спорами о художестве, науке или жизни. Он чувствовал, что книги выражают только самую слабую часть мысли и что беседа часто важнее книги для хода современного просвещения.

За спорами следил он со вниманием и с редким беспристрастием; сам же редко принимал в них деятельное участие, предпочитая вообще путь положительный, т.е. развитие истины, пути отрицательному, т.е. опровержению ложных мнений. В спорах ему были равно противны и страстные вспышки, и упорство недобросовестного самолюбия, и даже та тонкость диалектического искусства, которая иногда удачно отстаивает неправое дело, но зато дает какой-то вид неправоты самой истине. Это чувство выражается в словах, сказанных им человеку, которого любил он всей душой: «К… спорит так, что всегда хотелось бы с ним согласиться, даже когда и согласиться нельзя; а вы спорите так, что хотелось бы с вами не согласиться, когда и спорить нельзя». Сам он дорожил истиной более всего, отстаивал мнение свое с жаром, покуда не сознавал в нем ошибки, но зато признавал и ошибки свои так добродушно, так охотно и так скоро, что это признание часто заставляло всех его собеседников улыбнуться, но всегда оставлял он в них чувство глубокого и невольного уважения. Много ли тех людей, которые стоят так высоко над своей личностью? Он умел быть веселым, и когда был весел – был весел вполне.

Наконец наступило для него время литературной деятельности. Он продолжал еще ревностнее учиться, но чувствовал, что уже мог надеяться на свою мысль и на запас своего знания. Он мог многих пригласить к сотрудничеству, потому что многие его узнали, и всякий, кто его знал, уже любил. Почти в одно время предпринял он два издания: издание «Библиотеки для воспитания» и «Синбирского сборника», заключающего в себе любопытные памятники древней русской истории, прежней грамотности, прежнего судопроизводства и быта, собранные им в Симбирской губернии. На эти издания не жалел он ни времени, ни труда, ни издержек; но и сотрудников явилось много по его приглашению. Никто не отказывался от участия. Старшие радовались, встречая такую высокую любовь к просвещению и согревались жаром его молодого сердца; сверстники не могли ни в чем отказать товарищу, который никогда ни с кем не соперничал и радовался всякому чужому

успеху, как собственному приобретению; даже дети просились участвовать в его трудах, занимаясь сличениями, перепиской, а иногда и переводами: они хотели чем-нибудь доказать свою любовь человеку, который так детски всегда радовался их детским радостям и так охотно посвящал свой короткий досуг их детским забавам*. Сам он трудился неусыпно, переводя, сличая, поверяя письменные памятники, беспрестанно собирая новые, изучая не только их видимый смысл, но и невидимую связь с жизнью древней России, отыскивая новые начала исторические, готовя прекрасные статьи, которые он издал впоследствии, о местничестве и об истории Абиссинской Церкви, занимаясь глубокими исследованиями о первоначальной Церкви в областях кельтских народов и собирая беспрестанные материалы, мысли и намеки для будущих предприятий. В то же время продолжал он усовершенствоваться в познании языков, следил внимательно за ходом современной науки, не отказывался посещать общества, понимающие достоинство умственной жизни, и искал дружеской беседы с народом. Он знал, что в книгах и в обществе можно искать науки, но только от народа можно получить начало живого просвещения.

Среди такой прекрасной деятельности и таких высоких занятий постигла его тяжелая болезнь. Всю зиму с 42 на 43 год не мог он выходить из комнаты, страдая беспрестанной лихорадкой, изнурявшей его силы; но труды его не прекращались и едва ли не увеличивались с каждым днем. К весне ему стало легче, и он решился по настоятельному требованию медиков ехать в чужие края. Там пробыл он с небольшим семь месяцев, из которых большую часть провел в Англии. На Западе умел он глубоко и сильно сочувствовать с жизнью Запада. Он умел удивляться его великим успехам в общественности, в

* Валуев радовался этому рвению. Дело свое он считал делом общим, себя – слугою общего добра, а в общей готовности ему содействовать видел залог будущего успеха; но зато и сотрудники его никогда не забудут, какою любовью, какими попечениями он окружал их, и как глубоко мог быть благодарным, и как охотно освобождал сотрудника от данного обещания, когда узнавал, что обещавший намерен заняться более полезным трудом. – *Прим. авт.*

науке и чудным произведениям в художестве. Все письма, писанные Валуевым в то время, свидетельствуют о его высокой христианской любви ко всем народам и о том добродушном смирении, которое так свойственно русскому человеку; но он также умел и беспристрастно оценить недостатки наших западных братий и надеяться еще лучшей будущности для них. Путешествие, к несчастью слишком непродолжительное, поправило его здоровье. Оно было не совсем бесполезно даже и для его деятельности. В Англии свел он знакомство и вел переписку с некоторыми учеными, много читал и работал в Народной библиотеке (едва ли не богатейшее собрание книг в целом мире), в Германии и землях славянских положил начало русской книжной торговле, вступил в дружеские сношения с людьми, заслужившими знаменитость в науке, каковы Ганка, Колар, Шафарик и др.; но этого для него было не довольно. Он спешил в Россию, он тосковал по друзьям, которые ему были так дороги, по трудам, которые были так чисты и полезны по русскому слову и русскому народу, без которого жизнь казалась ему изгнанием. В начале 44 года возвратился он, едва ли не слишком рано для себя.

Он возвратился такой же, как и поехал: тот же светлый разум, вечно жаждущий просвещения, та же теплота молодого сердца, та же способность к детской веселости и те же полудетские привычки; но он окреп в тоске 7-месячного уединения на чужой земле. Он возвратился с большей уверенностью в истине пути избранного и в возможности начатых им предприятий. Знакомые, давно уже высоко ценившие его, еще более узнали цену ему во время отсутствия, прервавшего его деятельность: они вполне поняли всю важность его личности и его высокие нравственные права. Обширная разнообразная ученость, свободный и сильный ум, искренняя и горячая любовь к правде, совершенное отсутствие эгоизма, полная преданность общему добру, теплота милосердия, всегда готовая облегчать и утешать всякое несчастие и сострадать всякому заблуждению; девственная чистота жизни и помыслов, которая не боялась никаких искушений, и твердость души, которая не отступи-

ла бы и не пала бы ни перед какою борьбой, таковы были качества, которые всякий в нем видел или угадывал. Твердая и неуклонная воля сопровождалась в нем тихой, кроткой и почти женской нежностью христианской любви. Не только сверстники, но даже старшие и бывшие его наставники дали ему уже почетное место в своем кругу. Все увлекались его живой деятельностью, слушались его совета и иногда даже его строгих упреков, потому что в упреках его слышалось не осуждение, но скорбь о чужом недостатке и всегдашняя готовность признаться в своих собственных. Личные страсти казались ему вовсе незнакомыми, и его присутствие укрощало их вспышки в других. В суждении о пороках он был строг, и неумолимо строг; в суждении о людях – всегда снисходителен и готов к оправданию их; снисходителен к низшим, в которых так мало еще развито разумное сознание и на которых так сильно действуют злые примеры высших; снисходителен к высшим, которым так мало досуга для мысли и так много искушений. В направлении его выражалось стремление к просвещению истинному, к развитию не науки только, но и жизненному началу души человеческой, в спорах любил он не опровергать заблуждение, а открывать глубину истины. В исследованиях науки искал всегда начал органических, отвергая сухой и мертвящий формализм, в наставлениях не нападал на пороки, но старался развивать добрые качества души, с полной уверенностью, что они должны заглохнуть под преобладанием добра. Воспитанник строгой науки, он не остался заключенным в ее пределах, но жил полной, деятельной и прекрасной жизнью. Изредка он появлялся в так называемых светских кругах, и даже там был замечен. Его прекрасные черты, высокий открытый лоб, лицо, на котором ни одна дурная страсть не оставила следов, светлые и задумчивые глаза, добродушная веселость, откровенная простота и даже какая-то благородная неловкость привлекали невольное внимание и сочувствие. Но за всем тем он редко посещал эти светские круги и хотел отстать от них совершенно. За прежние труды свои принялся он с большей ревностью, чем когда-либо. Деятельно продолжал он издание «Библиотеки для

воспитания» и издал первый том «Синбирского сборника», в котором поместил разыскание о местничестве, едва ли не самое лучшее и строгое исследование частного, но весьма важного факта, какое когда-либо было сделано в нашей исторической науке. В то же время приступил он к изданию другого сборника, которым он еще более дорожил, «Сборника исторических и статистических сведений о России и народах единоплеменных и единоверных с нею». Материалов приготовлено было на несколько томов мелкой печати, но он успел напечатать только один том. В нем помещено несколько статей, им писанных, из которых особенно замечательны статьи о славянских городах и об Абиссинской Церкви. Строгая критика может заметить недостатки в его изложении и слоге, но в то же время она должна заметить отличительную черту, дающую высокое значение его исследованиям, – именно способность понимать жизнь и сочувствовать ей. Так, в статье о местничестве, изучив строго его формализм, он понял и живое начало местничества, и назвал формализм признаком омертвения и падения; так, в статье о городах славянских и в примечаниях к статье он указал на органическую болезнь западно-славянской области; так, в статье об Абиссинской Церкви он показал, что ее внешняя форма еретическая была делом исторической случайности, а что ее жизненное содержание было вполне христианским, т.е. православным. Его труды были приняты с похвалою, и эта похвала радовала его приятелей, которым грустно бы было видеть недоброжелательство и несправедливость к этому чистому труженику добра. Он сам радовался ей добродушно и говорил: «Журнал похвалили, авось найдутся читатели». И теперь, после смерти его, весело вспомнить, что он прошел жизнь не только никого не оскорбивши, но никем не оскорбленный. Друзья его осуждали видимое разнообразие его занятий. Они говаривали: «Издание для детей, разыскание о местничестве, об Абиссинии, о кельтах, – где же единство, где последовательность?» Это единство, эта последовательность теперь явны. Вся духовная жизнь Валуева была посвящена России, нашей родине, славянам и чистому христианству – Православию,

полной и высшей истине на земле, лучшему и единственному залогу развития для будущего человечества. Много было задумано им и других предприятий, для которых он начал собирать материалы, предприятий, известных только тем, которые с ним жили душа в душу. Таковы были: издание Русской истории для народного чтения, рассказанной подлинными словами летописцев; краткое изложение всего хода церковного служения, также для народа, и др.

Но год с небольшим прошел после его возвращения из чужих краев, и его здоровье расстроилось безвозвратно: силы истощались, открылась чахотка; медики послали его снова за границу, но уж слишком поздно. Он доехал до колыбели нашей старой Руси – до Новгорода, и там, после нескольких дней страдания, кончил жизнь, как следует христианину, без ропота и даже без сожаления о неоконченных делах, зная, что все доброе должно совершиться. Друзья пожелали, чтобы тело его было перевезено в Москву, в тот город, где жил он и развился духовно.

Валуев умер на 26 году. Деятельность его не продолжалась даже и трех лет, а между тем то, что сделано им в такой короткий срок, едва ли бы могло быть сделано другим, даже самим трудолюбивым, в течение более чем десятилетия. Как объяснить этот необыкновенный успех, особенно при общей недеятельности нашей русской современной мысли? Наука поступила к нам из чужой стороны и не сроднилась с нашей жизнью: между ними происходит тяжелая борьба, которая отзывается в каждом из нас. В Валуеве не было ни этой борьбы, ни даже следов ее. Казалось, он принадлежал к другому, будущему поколению: он усвоил себе науку, но сам жил полной жизнью веры. Он жил не в душу живу, которая есть эгоизм, но в дух животворящ, который есть любовь. Оттого-то воля его была так неуклонна, деятельность так неутомима, и действие его так сильно и в тоже время так кротко. Имя его не забудется. Наука будет его помнить. Друзья, скорбя об его потери, благодарят Бога за то, что имели такого друга.

Дай Бог всем быть так искренно любимыми в жизни, так горько оплаканными после смерти.

Письма А. С. Хомякова

Ю. Ф. Самарину (отрывок)

1845, дек. 17

Вот уж полтора месяца, как я собираюсь к вам писать в ответ на ваше письмо, но горькие заботы меня заставляли откладывать со дня на день. Вы знаете, как оне кончились. Из нашего круга отделился человек, которого никто мне никогда не заменит, человек, который мне был и братом, и сыном. Этот удар был для меня невыразимо тяжел; но, отвлекая себя от личного чувства, я могу сказать, что это потеря невознаградимая для нас всех. Его молодость, деятельность, чистота, миротворящая, хотя ни в чем не уступающая кротость нрава и, наконец, его совершенная свобода и независимость от лиц и обстоятельств, – все делало его драгоценнейшим из всех сотрудников в общем деле добра и истины. Богу угодно было, чтобы такая прекрасная жизнь рано кончилась; но, к счастью, Валуев многое начал, и начатое им, я надеюсь, не пропадет, а продолжится. Тысячу раз благодарю я вас за ваши хлопоты о дозволении перевоза тела его в Москву. Нам отрадно будет его иметь около себя, ибо все мы теперь или позже, а принадлежим Москве, как месту нашей умственной деятельности; да и ему прилично лежать в Москве: он ей принадлежал, ибо есть такие направления и такой характер мысли и жизни, которые теперь нигде кроме Москвы невозможны. Место ему назначаем мы в Даниловском монастыре возле Венелина. Кажется, так всего лучше. Какое-то духовное сродство и, без сомнения, единство целей существовало между ними, несмотря на великие разницы в жизни и чистоте. Вы, конечно, сочувствуете моему горю, но никто не может вполне оценить, что я в Валуеве потерял и как много я ему обязан был во всех самых важных частях моей умственной деятельности. Во многом он

был моею совестью, не позволяя мне ни слабеть, ни предаваться излишнему преобладанию сухого и логического анализа, к которому я по своей природе склонен. Если что-нибудь во мне ценят друзья, то я хотел бы, чтобы они знали, что в продолжение целых семи лет дружба Валуева постоянно работала над исправлением дурного и укреплением хорошего во мне.

Г. Вильямсу (отрывок)

Милостивый государь, я очень долго не отвечал на ваше любезное и дружеское письмо, но я уверен, что вы извините мое молчание, когда узнаете, что после отъезда вашего из Москвы меня посетило чуть ли не самое ужасное горе, какое я мог когда-либо испытать: я лишился своего доброго друга и племянника Валуева.

Ум его развился, конечно, под моим руководством, но он ничего не утратил из той независимости и своеобразности мысли, которые одни придают умственным способностям силу и значение. Развитие его было так быстро, в нем было столько природной зрелости, такая твердость характера, что между нами скоро установилось то равенство, при котором исчезает всякое различие между учителем и учеником. Он был для меня в одно и то же время и братом и сыном. Даже в последние годы он своей неусыпной деятельностью, своим глубоким сознанием христианских обязанностей сильнее на меня действовал, чем я когда-либо на него. А что сказать об ангельской чистоте его души, о чуткой нежности его сердца? Глубокие, многосторонние познания, независимый ум, зрелая и горячая любовь к истине, совершенное отсутствие эгоизма, всецелая преданность нравственным интересам своего отечества и еще более – всего человечества, горячая любовь к ближним, всегда готовая пособить чужому горю, смягчить всякий упрек, девственная чистота жизни и мыслей, недоступная никаким искушениям, мужественная твердость, которой не устрашила и не сокрушила бы никакая борьба – таковы были качества моего покойного

друга. Я знал его привязанность ко мне, и вы можете судить, какое было для меня счастье иметь такого друга, какое горе лишиться его. Все его любили и ценили, и следующие строки из письма, недавно мною полученного от одного из даровитейших наших юношей, дадут вам понятие о значении и силе его влияния на близких ему людей.

«У нас была своя революция: мы подпали под чуждое и пагубное влияние (со времени Петра), но пора этого влияния приходит к концу. Наши умственные оковы спадают; минута нашего умственного освобождения приближается, но битва еще не окончена; каждый из нас чувствует в себе самом или внутреннюю борьбу, или, по крайней мере, след ее. Один Валуев как будто принадлежал будущему поколению. В нем борьба уже прекратилась и, по-видимому, не оставила следов. Он весь был любовь и вера. Вот причина, почему деятельность его была так смела и неутомима, почему он мог действовать так сильно и вместе так кротко». Я бы не стал останавливаться долее на этом предмете, но я должен прибавить несколько слов в объяснение одного богословского вопроса. Из высказанного мною мнения о Валуеве вы можете судить о том, насколько я ставлю себя ниже его в нравственном отношении, насколько считаю его достойнее молиться обо мне, чем мне о нем, и, однако, я молюсь за упокой его отошедшей души. Наступит ли наконец время, когда мысль о любви в продолжение жизни и о любви после смерти изгонит антихристианские понятия римского утилитаризма в молитве?..

1846 г.

Шевырев С. П.
Воспоминание о Д. А. Валуеве

Кто-то справедливо заметил, что в кругу людей, призванных действовать на поприще мысли, каждое поколение отдает свою жертву смерти. Так и последнее, едва только выступив-

шее на поле умственной жизни уже приносит судьбе и свою дань в лице Дмитрия Александровича Валуева.

Это имя почти незнакомо читающей публике. Оно недавно показалось только на одной значительной книге – «Синбирском сборнике», и в ней особенно на ученом рассуждении о местничестве, написанном по случаю разбора одной разрядной книги. А между тем молодой человек, которому оно принадлежало, в немногие годы успел сделать многое и в полном цвете надежд и сил юности, обещавших уже зрелое развитие, окончил путь свой в нашем мире.

Пускай же ранняя смерть его откроет то, что таила его робкая скромность при жизни. И в помянутой книге издатель поставил имя свое пятым, тогда как на самом деле был главным ее виновником. По смерти его выходит еще пятый том «Сборника исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных». Все оригинальные статьи, переводы ученых сочинений Рейца и Губе о славянах и извлечения из Штенцеля, Тшоппе и Клёдена, составляющие этот сборник, исполнены по приглашению издателя. Предисловие и любопытные статьи о христианстве в древней Ирландии и в Абиссинии написаны им самим. Кроме того, готово еще 4 тома к изданию, которые состоят из переводов сочинения Мацеевского, Палацкого, Ринке и других, равно из сокращений, относящихся или к истории веры нашей, или к истории и географии племен нам родственных. В числе переводов особенно замечательна история Флорентинского собора Сильвестра Сарапула, книга весьма редкая. В числе оригинальных статей – исследование самого Валуева о современном движении в Церкви британской; последний труд, его занимавший, «Библиотека для воспитания» – одно из лучших повременных изданий для детского чтения – была его же предприятием. Он помещал в ней свои прекрасные переводы из Диккенса – и многих ученых побуждал для него трудиться.

Вот права покойного Д. А. Валуева на память общественную. Пускай получит он их теперь, когда так скромно отказывался от них при жизни.

Покойный еще в молодом возрасте принадлежал уже к числу деятелей, которые так редки у нас в учено-общественной жизни. Бездействие большинства как будто причиной того, что деятельность сосредоточивается в немногих избранных. Образом своих занятий и мыслей он представлял лучшую сторону нового поколения, ту сторону, на которую есть надежда, что оно не разрушит, а создаст, что оно не отвергнет, а оснует. С самого раннего возраста его привлекала не Поэзия, не отвлеченная философия, – нет, еще в свежей юности он вышел на тяжкий, медленный путь Истории и ей посвятил себя. Алчно поглощал он в себя все явления исторической науки. Жажда к ней была в нем ненасытная – и он, можно сказать, пал преждевременной жертвой этой жажды. Потому-то ранее, чем в других, созрело в нем убеждение, которое позднее созреет во всех истинных дарованиях поколения, ему ровного и за ним идущего, – убеждение, что только соединяя изучение всемирного около своего родного и племенного средоточия, можно нам надеяться на свою жизнь в науке и на самобытность в самой жизни. Прекрасно выразил он это следующими словами в предисловии к любимому труду своему, словами, которые как-то глубже отзываются в мысли, когда подумаешь, что рука, их написавшая, сжата навсегда во гробе: «Уже время подумать и о том, чтобы нам самим и из себя вырабатывать внутренние начала своей нравственной и умственной жизни, приняв на себя и всю ответственность в ней, умея дать в ней отчет себе и другим, – и связать ее со своим народным прошедшим и будущим, а не довольствоваться, – в пустоте своей внутренней жизни, – одними убеждениями, взятыми напрокат вместе с последней модой из Парижа или системой из Германии, – посылками без вывода или выводами без данных, из силлогизма, прожитого или переживаемого другим миром».

Сколько надежд, сколько будущего заключалось в этом зрелом сознании! Еще сильнее чувствуем мы свою утрату, читая это. Но думая и говоря таким образом, Валуев вполне сочувствовал всем прекрасным явлениям Запада; с жадностью

изучал его историю, признавал необходимость вникать в его науку и резко противился всякой вредной исключительности, которая узко понимала народное. Так и должно быть в каждом, кто истинной мыслью русского стремится к тому, чтобы сознать бытие своего отечества. В умении признавать свою народность заключается и умение уважать ее в других.

Полное сочувствие в Православной Церкви и убеждение в том, что в ее основах – источник истинной человеческой жизни и нашей народной силы, призванной тем духовным началом действовать и на другие народы, – вот была коренная мысль, лежавшая глубоко в душе того молодого человека, которого потерю суждено оплакать и старшим. В его исторических занятиях эта мысль влекла его и в первоначальные времена Ирландии, к древним племенам кельтским, принявшим учение Христово из одного источника с нами, и в Африку, к коптам и к неграм Абиссинии, где он наукой открывал родство преданий, родство обрядов с нашими, и в современную Англию, в движения ее духовного мира, в те явления, где обнаруживается братское нам сочувствие.

Так основная мысль покойного управляла его первыми историческими трудами. Но главное, она действовала и в его жизни, она хранила чистоту его ума и сердца, она сберегла целомудрие его юности до гроба, она питала в нем эту любовь, которую развивал он в общественную силу, любовь, которая привязывала к нему каким-то тайным сочувствием всех, кто знал его близко, любовь, которая давала ему власть и над его старшими, побуждала их к труду и сзывала к единодушному действию людей, противоположных друг другу мнениями.

Тихая и ясная красота его лица и голубых глаз отвечала тишине и красоте его души. Он был сложен крепко. Нет, не телесное сложение было причиной той жестокой болезни, которая его сразила. Нет, то была, как мы сказали, алчность к науке, жажда к познанию, к беспрерывной деятельности, обратившаяся в страсть. С самых ранних лет он ее обнаружил. Он готов был глотать все, что ему ни попадалось в науке. Он

не соразмерял сил своих с этой жаждой; он присоединил к тому и общественную деятельность, чтобы заставлять других работать, и бескорыстно тратил на нее от утра до глубокого вечера и силы души своей, и все состояние, какое имел; нервы его были раздражены беспрерывно напряженным вниманием… И сильная чахотка сожгла все эти свежие, прекрасные, благородные силы.

Дмитрий Александрович Валуев родился в 1820 году, 14 сентября; скончался в 1845, 25 ноября, 25 лет. Судьбе угодно было, чтобы он кончил жизнь свою в Новгороде, на пути за границу, где думал возвратить здоровье. Тело его привезено в Москву и сегодня будет предано могиле в Данилове монастыре, возле Ю. И. Венелина. Земля соединит вместе две участи, которые обе скрылись преждевременно, не довершив на ней полного, прекрасного своего назначения.

КОММЕНТАРИИ

РАЗДЕЛ I
МАНИФЕСТ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Предисловие к «Сборнику исторических и статистических сведений о России…»

Впервые опубликовано: Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. Т. 1. Издал Д. В. – М.: Типография А. Семена, 1845. С. 1–21. Перед титульным листом на обложке дан другой год выхода сборника – 1846. В оглавлении фамилия автора «Предисловия» не указывается.

Написанное Валуевым «Предисловие» – одно из самых выдающихся произведений в истории славянофильства. В 1890 году на страницах журнала «Живая старина» (Вып. II, стр. 228–229) академик В. И. Ламанский напишет: «Это предисловие есть как бы программа не только всей последующей деятельности нашей так называемой славянофильской школы, но и почти всего истинно крупного и замечательного, явившегося в русской литературе и науке за последние десятилетия по историческому изучению России, остального славянства, Восточной Церкви, Византии и даже романо-германского Запада. На всех почти видных трудах по этой части заметны следы прямого или

косвенного влияния плодотворных мыслей, высказанных в этом предисловии. Не все эти мысли впервые тут были высказаны, но они здесь впервые так стройно собраны и так прекрасно выражены, что в них полно и цельно представлены результаты всего предыдущего хода русской мысли и верно намечены пути дальнейшего ее развития».

Печатается по тексту первой публикации.

Стр. 26. …И даже Кузен, первая современная философская знаменитость… – Кузен Виктор (1792–1867), французский философ, идеалист.

Стр. 26. …А Дюгальд Стюарт ни *аза* не понял в Канте. – Стюарт Дэгальт (1753–1828), шотландский философ, представитель школы «здравого смысла».

Стр. 28. …Каковы Нибур, Гримы, Шлоссер, Лео, Риттер и др… – Нибур Бартольд Георг (1776–1831), немецкий историк античности. Гримм, братья: Якоб (1785–1863) и Вильгельм (1786–1859), немецкие филологи, основоположники германистики как науки о языке и литературе и мифологической школы в фольклористике. Шлоссер Фридрих Кристоф (1776–1861), немецкий историк, автор 19-томной «Всемирной истории». Лео – Лео Генрих (1799–1878), известный немецкий историк. Риттер Карл (1779–1859), немецкий географ, развивший сравнительный метод в географии и др.

Стр. 32. …И Наварин спас Грецию. – Валуев имеет в виду Наваринское сражение 8 (20).10.1827 года, в ходе которого русско-англо-французский флот разгромил в Наваринской бухте (Южная Греция) турецко-египетский флот.

Стр. 36. …Даже перед Щербатовым, не говоря уже о Болтине или Татищеве. – Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790), князь, русский историк, публицист. Болтин Иван Никитич (1735–1792), русский историк, государственный деятель, первый издатель «Пространной редакции “Русской правды”». Татищев Василий Никитич (1686–1750), русский историк, государственный деятель, автор знаменитой «Истории Российской с самых древнейших времен».

РАЗДЕЛ II
СЛОЖНЫЙ ВОПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Исследование о местничестве

Впервые опубликовано: Синбирский сборник. Историческая часть. Т. I. М.: Типография А. Семена, 1845. – С. 1–166. Под названием: «Введение». Представляет собой вводную статью к опубликованной в сборнике «Разрядной книге 1559–1605 гг.».

Название настоящему произведению дано нами по отдельному изданию: Исследование о местничестве. Издал Д. В. М.: Типография А. Семена, 1845.

Печатается по тексту первой публикации.

Соловьев С. М. О местничестве

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), известный историк.

Впервые опубликовано: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. – М.: Типография А. Семена, 1847. С. 265–316.

Печатается по тексту первой публикации.

РАЗДЕЛ III
ГЕРМАНИЗМ И СЛАВЯНСТВО

Города немецкие и славянские (приложение к предыдущей статье)

Впервые опубликовано: Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и еди-

ноплеменных. Т. I. … С. 51–56. Дана в качестве приложения к статье К. Д. Кавелина «Юридический быт Силезии и Лужиц и введение немецких колонистов», опубликованной в этом же сборнике (стр. 9–50). Подпись: «–В.–».

Печатается по тексту первой публикации.

Стр. 269. В книге Штенцеля обнят целый большой отдел этой колонизации. – Штенцель Густав–Адольф–Гарольд (1792–1854), немецкий историк, профессор.

РАЗДЕЛ IV. ВОСТОК И ЗАПАД В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Христианство в Абиссинии. Статья 1

Христианство в Абиссинии. Статья 2

Впервые опубликовано: Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. Т. I. … С. 287–310. Подпись: «Д. В.».

Печатается по тексту первой публикации.

Стр. 293. …Так, например, многоученый Рёппель… – Рёппель Рихард (1808–1893), немецкий историк, профессор, общественный деятель.

Св. Филипп, митрополит Московский

Впервые опубликовано: Св. Филипп, митрополит Московский (составлено Д. А. Валуевым). М.: Типография Готье и Монигетти, 1848.

Печатается по тексту первой публикации.

РАЗДЕЛ V. ПИСЬМА Д. А. ВАЛУЕВА

И. В. Киреевскому. 21 ноября 1835 г.

Впервые опубликовано: Татевский сборник С. А. Рачинского. С приложением портрета А. С. Хомякова. Спб.: Типография М. Стасюлевича, 1899. С. 101–104.

Печатается по тексту первой публикации.

Стр. 317. Что касается Шевырева… – Шевырев Степан Петрович (1806–1864), поэт, критик, историк литературы. С 1834 года читал лекции в Московском университете.

Стр. 318. Университет поправляется, и особенно словесное отделение: новые два профессора – греческого и латинского, Печерин и Крюков, отличные, а философию будет читать Надеждин, которого выпишут из чужих краев. – Имеются в виду благотворные для Московского университета преобразования, начавшиеся с назначением в июле 1835 года новым попечителем этого учебного заведения графа Сергея Григорьевича Строганова.

Печерин Владимир Сергеевич (1807–1885), русский философ, поэт, эллинист. В 1836 году занял кафедру греческой словесности в Московском университете, позже принял католичество и эмигрировал.

Крюков Дмитрий Львович (1809–1845), русский филолог, доктор философии. С 1835 года был профессором римской словесности и древностей.

Надеждин Николай Иванович (1804–1856), ученый, литературный критик, редактор, журналист. В Московском университете преподавал теорию изящных искусств, археологию и логику.

Стр. 318. Степан Петрович… – Шевырев.

Стр. 318. …Павлов, etc. – Павлов Михаил Григорьевич (1792–1840), философ и ученый, профессор Московского университета.

Стр. 318. О Бенедиктове нечего мне и говорить… его стихи в «Наблюдателе»… – Бенедиктов Владимир Григорьевич

(1807–1873), русский поэт. Журнал «Московский наблюдатель» (1835–1839).

Стр. 318. …Цензура не пропустила Одоевского и Ястребцова… – Одоевский Владимир Федорович (1803–1869), князь, русский писатель и музыкальный критик.

Ястребцов Иван Иванович (1776–?), педагог и публицист.

Стр. 318. Поклонитесь от меня, пожалуйста, Алексею Андреевичу, Василию Алексеевичу… – Имеются в виду Елагин Алексей Андреевич (ум. 1847), отчим И. В. и П. В. Киреевских, и Елагин Василий Алексеевич (1818–1879), историк и публицист, брат по матери Киреевских.

В. И. Григоровичу. 24 июня (1844 г.)

Печатается по подлиннику: Отдел рукописей РГБ, фонд В.И. Григоровича, картон № 4, ед. хр. № 29, л. 1.

На папке с документами, хранящейся в отделе рукописей РГБ, письмо датировано 1840 (?) годом. Мы же считаем, что письмо было написано 24 июня 1844 года. Именно тогда В. И. Григорович отправился в длительную научную командировку в европейскую часть Турции.

Григорович Виктор Иванович (1815–1876), выдающийся ученый-славист.

Письма М. П. Погодину

Письмо 1 (1844 г.)

Печатается по подлиннику: Отдел рукописей РГБ, ф. № 231, картон № 6, ед. хр. № 27, л. 6–8. На письме сверху карандашная пометка неустановленного авторства: «11 Мар. 1844».

Стр. 319. …Пришлите статью «О местничестве» из «Вест. Евр.»… – Здесь имеется в виду статья Ф. Карецкого «О местничестве» (Вестник Европы, 1815, ч. 81, № 11, стр. 184–198.

«Вестник Европы» – еженедельный журнал, основанный Н. М. Карамзиным, издавался в Москве с 1803 по 1830.

Письмо 2 (1844 г.)

Печатается по подлиннику: ОР. РГБ, ф. № 231, картон № 6, ед. хр. № 27, л. 8–9.

Стр. 320. П. М. Языков уехал… – Языков Петр Михайлович (1798–1851), брат поэта Н. М. Языкова, ученый-этнограф и геолог. Здесь в письме идет речь о беспокойстве Петра Михайловича за судьбу своей статьи «Ответ на антикритику, помещенную в № 8 “Москвитянина” на 1843 год». Эта статья была впоследствии опубликована в «Москвитянине» (см. 1844, ч. II, № 4, стр. 337–348).

«Москвитянин» – научно-литературный журнал, издавался в Москве М. П. Погодиным в 1841–1856 годах.

Стр. 320. …Посылаю вам записку Ник. М.… – Языков Николай Михайлович (1803–1846), русский поэт, славянофил.

Стр. 320. …С. П. Шев. мне сказывал, что вы заперлись и никого к себе не пускаете… – В 1844 году М. П. Погодин подал в отставку из-за затяжного конфликта с руководством Московского университета.

Стр. 320. …Если придет в М…. – журнал «Москвитянин».

Письмо 3 (1844 г.)

Печатается по подлиннику: ОР РГБ, ф. № 231, картон № 6, ед. хр. № 27, л. 12.

Стр. 320. Ваши 2 статьи о старейшинстве князей… – вероятно, речь здесь идет о статьях «Нечто о толковании одного места в Несторе» (Вестник Европы, 1824, № 4, стр. 260–263) и «Варяги – Русь 862 года не суть варяги 859-го» (Вестник Европы, 1824, № 7, стр. 191–195).

Стр. 321. …Я написал <Беляеву>… – Вероятнее всего здесь упоминается Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873), русский историк, видный член московского кружка славянофилов, в 1840-х годах – сотрудник журнала «Москвитянин».

Стр. 321. Душевно радуюсь, слыша что вы оправляетесь… – В 1844 году у М. П. Погодина случился тяжелый перелом ноги.

Письмо 4 (1844 г.)

Печатается по подлиннику: ОР РГБ, ф. № 231, картон № 6, ед. хр. № 27, л. 16–17.

Стр. 321. …По приказаниям Иноземц. – и др…. – Валуева постоянно лечил врач Федор Иванович Иноземцев (1802–1869), довольно авторитетный в московских медицинских кругах специалист.

Стр. 322. Получили ли экз. Б. В.? – «Библиотека для воспитания» (1843–1846), журнал, редактировавшийся Валуевым.

Письмо 5 (1844 г.)

Печатается по подлиннику: ОР РГБ, ф. № 231, картон № 6, ед. хр. № 27, л. 25–26.

Стр. 322. Как ваше здоровье и вашей супруги? – 1844 год был очень сложным в жизни М. П. Погодина (конфликты на работе, перелом ноги). В 1844 году тяжело заболела и умерла его жена.

Письмо 6 (1845 г.)

Печатается по подлиннику: ОР РГБ, ф. № 231, картон № 6, ед. хр. № 27, л. 23–24.

Это письмо, вероятно, было написано кем-то под диктовку Валуева. В верхней части листа предположительно рукой Валуева более жирными чернилами помечено: «июнь».

Письма Д. Н. и Е. А. Свербеевым

Е. А. Свербеевой 20 (14) декабря (1843 г.)

Печатается по подлиннику: РГАЛИ, ф. № 472, № описи 1, ед. хр. № 624, л. 18–19.

Свербеева Екатерина Александровна (урожд. Щербатова, 1808–1892), вместе со своим мужем Д. Н. Свербеевым были хозяевами известного в Москве литературного салона.

Стр. 324. …О чем поминает мне Дм. Ник…– Свербеев Дмитрий Николаевич (1799–1874), дипломат, литератор, хозяин известного московского литературного салона, дядя Валуева.

Стр. 325. …У Miss Frey… – Фрей Елизавета (1789–1845), английская филантропка.

Стр. 325. …Ваш Николенька вас так радует; Ник. Мих. мне пишет. – речь идет о сыне Д. Н. и Е. А. Свербеевых – Николае Дмитриевиче Свербееве (1829–1860), впоследствии чиновнике Главного управления Восточной Сибири при Н. Н. Муравьеве-Амурском. Второе упоминаемое лицо – поэт Языков Николай Михайлович.

Стр. 325. Здесь я со своими, со Стаховичем и [Ел.]… – Стахович Михаил Александрович (ум. 1858), писатель, переводчик, этнограф, был близок к редакции журнала «Москвитянин». [Ел.] – предположительно Елагин Василий Алексеевич, сын А. П. Елагиной, в 1844 г.году живший за границей с Валуевым и близкий ему.

Стр. 325. Мой низкий поклон Cou. и Варв. Дм…. – кузенам и Варваре Дмитриевне Свербеевой, дочери Д. Н. Свербеева.

Е. А. Свербеевой. 28 декабря (1843)

Печатается по подлиннику: РГАЛИ, ф. № 472, № описи 1, ед. хр. № 624, л. 20–21.

Как и в предыдущем, в этом письме не указан год написания. Однако, учитывая факты биографии Валуева, письмо следует датировать 1843 годом.

Стр. 326. …И среди посольских хлопот по угощению М. П.… – предположительно М. П. Погодин.

Стр. 327. …Что вы пишете о Ник. Мих… – Н. М. Языков

Здешний Д'Аммон, германская знаменитость… – Аммон Фридрих Август фон (1799–1861), профессор Дрезденской медико-хирургической академии и директор ее поликлиники.

Стр. 327. …Но мы решились с [Ел]… – В. А. Елагин.

Стр. 328. Скажите, пожалуйста, Ник. Мих… – Н. М. Языков.

Стр. 328. Здесь встретил снова Вигеля… говорит, что стал бы отвечать Кюстину… – Вигель Филипп Филиппович (1786–

1856), чиновник дипломатического ведомства, литератор, публицист, автор известных «Воспоминаний». Обладал желчным и раздражительным характером. Де Кюстин Астольф (1790–1857), маркиз, французский литератор, побывавший в России. Его рассказы о нравах высшего русского общества и вышедшая в 1843 году в Петербурге книга «Россия в 1839 году» возбудили большое неудовольствие в русских кругах.

(Д.Н. Свербееву). 4 апреля (1844 г.)

Печатается по подлиннику: РГАЛИ, ф. № 472, № описи 1, ед. хр. № 624, л. 1.

Судя по стилю этого письма и манере обращения, наиболее вероятным адресатом следует считать Дмитрия Николаевича Свербеева.

РАЗДЕЛ VI.
СОВРЕМЕННИКИ О Д. А. ВАЛУЕВЕ

Григорович В. И. Письмо к редактору

Впервые опубликовано: Симбирские губернские ведомости. 1867, № 9, 24 января. – С. 3–4. Подпись: «В. Григорович».

Печатается по тексту первой публикации.

Хомяков А. С. Д. А. Валуев

Впервые опубликовано: Библиотека для воспитания. 1846, отд. 1, ч. VI. С. 242–269.

Печатается по тексту: Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. III. М.: Университетская типография, 1900. С. 394–404.

Письма А.С. Хомякова

Ю. Ф. Самарину. 17 декабря 1845 г.

Отрывок из письма. Печатается по тексту: Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М.: Университетская типография, 1900. С. 259–260.

Г. Вильямсу. 1846

Отрывок из письма. Печатается по тексту: Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. – Прага.: Типография Дра. Ф. Скрейшовского, 1867. С. 376.

Вильямс Монир (1819–?), английский востоковед, профессор, путешественник. Валуев был знаком с ним.

Шевырев С. П. Воспоминание о Д. А. Валуеве

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1845, № 156, 29 декабря. С. 1005.

Печатается по тексту первой публикации.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

РАЗДЕЛ I. МАНИФЕСТ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Предисловие к «Сборнику исторических и статистических сведений о России…» 18

РАЗДЕЛ II. СЛОЖНЫЙ ВОПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Исследование о местничестве 42
Царствование Феодора Иоанновича 96
Царствование Бориса Феодоровича Годунова 208
Соловьев С. М. О местничестве 231

РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНИЗМ И СЛАВЯНСТВО

Города немецкие и славянские 269

РАЗДЕЛ IV. ЗАПАД И ВОСТОК В ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Христианство в Абиссинии 278
Статья 1 278
Статья 2 285
Св. Филипп, митрополит Московский 310

РАЗДЕЛ V. ПИСЬМА Д. А. ВАЛУЕВА

И. В. Киреевскому 316
В. И. Григоровичу 319
Письма М. П. Погодину 319
Письма Д. Н. и Е. А. Свербеевым 323
Е. А. Свербеевой 323
А. В. Свербеевой 326
<Д. Н. Свербееву> 328

РАЗДЕЛ VI. СОВРЕМЕННИКИ О Д. А. ВАЛУЕВЕ

Григорович В. И. Письмо к редактору 329
Хомяков А. С. Д. А. Валуев 333
Письма А. С. Хомякова 344
Ю. Ф. Самарину (отрывок) 344
Г. Вильямсу (отрывок) 345
Шевырев С. П. Воспоминание о Д. А. Валуеве 346

КОММЕНТАРИИ 351

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 30 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор О. А. Рогачева
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 28.04.2010 г. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 15,3 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: Философия и литература, 720 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)